

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

1 (31)

Январь—Февраль—Март

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА—МАГНИТОГОРСК—НОВОСИБИРСК
2011

Здесь и далее ширина набора должна быть 135 мм, то есть линейки сверху в колонтитуле должны быть 135 мм

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *А. П. Деревянко*, член-корр. РАН *С. П. Карпов*,
член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, член-корр. РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
академик РАН *В. И. Молодин*, д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаиров*, д.п.н. *О. В. Гневэк*,
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков*, д.п.н. *З. М. Уметбаев*, д.филол.н. *С. Г. Шулержкова*,
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь)

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board:

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, O. V. Gnevek, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov,
I. V. Oktyabrskaya, S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov, Z. M. Umetbayev.

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

© Российская академия наук, 2011
© Магнитогорский государственный университет, 2011
© Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2011

ИСТОРИЯ

История Древнего мира. Археология

Древняя Греция и Рим

© 2011

В. А. Каретникова

NOMINES NOVI: ПРОБЛЕМА ДОСТУПА К КОНСУЛАТУ В I В. ДО Н. Э.*

Статья посвящена анализу влияния знатности кандидата на его успех на консульских выборах в Римской Республике I в. до н. э. Термин «знатность» используется в значении, которое вкладывал в него Маттиас Гельцер. Хотя народ благосклонно относился к знатности кандидатов, всё же только этого фактора было недостаточно для того, чтобы выиграть консульские выборы. Не только потомки консуляров могли становиться консулами. Они часто проигрывали выборы, и невозможно рассматривать такие случаи как исключения. Знатное происхождение могло сыграть важную роль в успехе кандидата на консульских выборах только в том случае, если он имел и другие преимущества перед своими соперниками. Поэтому влияние этого фактора на выборах не следует преувеличивать.

Ключевые слова: Рим, консулат, консульские выборы.

Вопрос об участии в римской политике в I в. до н. э. так называемых «новых людей» является дискуссионным. На протяжении большей части XX в. учёными разрабатывалась концепция, согласно *которой* Рим являлся аристократической республикой, т. е. власть в ней находилась в руках влиятельных людей из знатных семей¹. Согласно одному из основных положений этой концепции, доступ в круг правящей элиты был строго наследственным и жёстко ограниченным². Однако, на наш взгляд, следует поставить вопрос о том, справедливо ли это утверждение.

Обратимся к результатам консульских выборов I в. до н. э. Являлась ли знатность кандидата решающим фактором достижения успеха? Становились ли кон-

---

Каретникова Вера Александровна — аспирантка Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. E-mail: karetnikova_va@mail.ru

*Статья подготовлена в рамках научного исследования «Соискание магистратских должностей в Римской Республике III–I вв. до н. э.», выполняемого по Госконтракту П147 от 02.04.2010 г. ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»; в рамках Госконтракта 16.740.11.0104 на выполнение научно-исследовательских работ по теме «Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование»; при поддержке РФФИ, грант 10-06-00140-а «Системный анализ античной государственности на основе информационных подходов и создания проблемно-ориентированных баз данных».

¹ North 1990, 277–287.

² Ibid., 278.

сулами граждане, которые не могли сослаться на знатность происхождения, и если да, то насколько часто это происходило? Мы попытаемся ответить на эти вопросы на основании анализа данных консульских списков.

Одна из самых больших трудностей заключается в том, чтобы дать определение самому понятию «знатность» (*nobilitas*). В научной литературе существуют две основные его трактовки. Первая из них восходит к работам Теодора Моммзена — он считал нобилиями, т. е. знатными людьми, всех патрициев, а также потомков тех граждан, которые когда-либо занимали курульные магистратуры³. Другая была впервые выражена Маттиасом Гельцером — этот исследователь, основываясь на изучении терминологии источников (главным образом, трудов Цицерона корпуса), полагал, что в I в. до н. э. нобилиями именовались только потомки консулов⁴. Длительное время в литературе господствовало гельцеровское понимание нобилитета. Однако в 1982 г. Питер Брант опубликовал работу, в которой усомнился в правильности такой трактовки. Он предложил вернуться к определению, предложенному Моммзеном⁵. В 1984 г. Фергюс Миллар отметил, что сами античные авторы не использовали термин *nobilitas* по отношению к определённой замкнутой группе людей и в трудах античных авторов он встречается не настолько часто, чтобы считать его характерным для сохранившейся литературы поздне-республиканского периода⁶. В ответ на это появились работы в поддержку концепции Гельцера. Среди отечественных исследователей его позицию разделила Наталья Николаевна Трухина⁷. В 1986 г. Дэвид Шеклтон Бэйли в своей статье отверг наиболее существенные, по его мнению, аргументы Бранта⁸. А в 1990 г. вышла в свет работа Леонарда Буркхарда, в которой он подверг подробно рассмотрел обе позиции и пришёл к выводу, что трактовка Гельцера не нуждается в пересмотре⁹.

Необходимо отметить, что нельзя просто отказаться от гельцеровского определения *nobilitas*, поскольку им были проанализированы все имеющиеся источники, в которых употребляется этот термин, и нет оснований сомневаться в том, что это сделано достаточно тщательно. Обосновать справедливость моммзеновской трактовки значительно сложнее — главным образом потому, что она гораздо шире. Кроме того, она включает в себя понятие «патриции», которому применительно к I в. до н. э. дать чёткое определение едва ли не сложнее, чем самому термину *nobilitas*. Поэтому в настоящей статье мы принимаем за отправную точку понятие «знатность» в гельцеровском понимании, отчасти с целью проверить внутреннюю непротиворечивость его концепции в целом. При этом, конечно, нужно отдавать себе отчёт в том, что с помощью данной дефиниции невозможно полностью охватить сущность определяемого понятия. Однако если приходится выбирать между трудностями, к которым приводит использование какого-либо определения, и отказом от любых определений вообще, то нужно выбрать трудности¹⁰.

Гораздо более продолжительные дискуссии, чем трактовка понятия *nobilitas*,

³ Brunt 1982, 1.

⁴ Burckhardt 1990, 77.

⁵ Brunt 1982, 1.

⁶ Millar 1984, 11.

⁷ Трухина 1986, 34–36.

⁸ Shackleton Bailey 1986, 256–257.

⁹ Burckhardt 1990, 98.

¹⁰ North 1990, 283.

вызвало другое положение концепции Гельцера — что именно потомки консуляров из поколения в поколение входили в состав правящей элиты¹¹. В настоящий момент существуют работы, в которых представлен развёрнутые обзоры позиций по этому вопросу различных исследователей¹², поэтому мы не будем останавливаться на них подробно. Отметим лишь, что значительный, с нашей точки зрения, вклад в разрешение этого спорного вопроса внесла работа профессоров Кейта Хопкинса и Грэхема Бартона, которая была опубликована в 1986 г. В ней убедительно доказано, что узкий круг членов политической элиты был не в состоянии обеспечивать даже простое биологическое своё воспроизводство, не говоря уже о политической преемственности. Основываясь на демографических и статистических данных, они показали, что определённый процент консульских семей мог вообще не иметь наследников мужского пола, не говоря уже о детях-консулах. Тем более что претендовать на консулат можно было примерно с 40 лет, а смертность была высокой. Те же консулы, которые имели сыновей, доживших до 40 лет, не всегда были в состоянии финансировать политическую карьеру хотя бы одного из них. Всё это способствовало появлению вакантных мест для тех людей, которые не являлись потомками консулов¹³.

Если выводы этих исследователей справедливы, то можно предположить, что знатность тех соискателей из числа потомков нобилей, которые всё же выдвигали свои кандидатуры, должна была тем более способствовать получению ими должностей. Так ли это было на самом деле? Гарантировало ли происхождение от консуляра победу кандидата на консульских выборах? Для ответа на него обратимся к списку консулов I в. до н. э.¹⁴ и посмотрим, фигурируют ли в нём родовые имена, носители которых не отправляли эту магистратуру в III и II вв. до н. э. Таковые действительно есть. Перечислим их в хронологическом порядке.

В 99 г. до н. э. консулом был избран Марк Антоний, в 98 г. — Тит Дидий, в 94 г. — Гай Целий Кальд, в 93 г. — Марк Геренний, в 83 г. — Гай Норбан, в 81 г. — Марк Туллий Декула, в 76 г. — Гай Скрибоний Курион, в 73 г. — Марк Теренций Варрон Лукулл, в 72 г. — Луций Геллий Попликола, в 71 г. — Гней Ауфидий Орест, в 66 г. — Луций Волкаций Тулл, в 63 г. — Марк Туллий Цицерон, в 61 г. — Марк Пупий Пизон Фруги (этот консул происходил из знатного рода Кальпурниев), в 60 г. — Луций Афраний, в 58 г. — Авл Габиний, в 47 г. — Квинт Фуфий Кален и Публий Ватиний, в 45 г. — Гай Каниний. Все эти люди, ставшие в I в. до н. э. консулами, не имели предков, когда-либо занимавших данную должность. При этом Тит Дидий и Гай Целий названы Цицероном «новыми людьми» (Сис. Миг. 17). Среди всех вышеперечисленных только первый, Марк Антоний, имел потомков, которым на протяжении периода Республики удалось стать консулами. Нетрудно подсчитать, что из 114 консулов I в. до н. э. (начиная с 100 г. и заканчивая 44 г. до н. э.), не считая суффектов, 18 были людьми, родовое имя которых появляется в консульских списках впервые. Это примерно шестая часть всех консулов. Однако и те, кто носил известные родовые имена, не обязательно являлись потомками тех, кто уже отправлял эту магистратуру.

¹¹ Ibid., 78.

¹² Дементьева 2004, 221–228; Смышляев, Одегова 2006, 64–78.

¹³ Hopkins, Burton 1983, 62–78.

¹⁴ <http://ancientrome.ru/gosudar/capitol.htm>.

Известными консульскими родами были Лицинии Крассы и Лицинии Лукуллы. Но самой высокой должностью, которой достигали предки Луция Лициния Мурены, была претура, хотя Цицерон и подчёркивает, что эта магистратура находилась в их руках в течение предшествующих трёх поколений (*Cic. Mur.* 15). Не было предков-консуляров у Марка Кальпурния Бибула¹⁵. Хотя сам род Кальпурниев был очень известным, гораздо более знамениты были Кальпурнии Пизоны. К подобным людям относился также Публий Рутилий Луп, консул 90 г. до н.э.¹⁶

Нельзя забывать и о том, что достаточно сложно проследить, действительно ли носители одинаковых номенов состояли между собой в родстве. По всей вероятности, путаница в этом отношении произошла ещё в древности. Цицерон замечает, что родственниками могут считаться все, кто носит одно и то же родовое имя, никогда не лишался своего правового состояния, у кого никто из предков никогда не был рабом, и считает это определение исчерпывающим (*Cic. Top.* 29). Варрон же предполагает, что все члены рода Эмилиев происходили от общего предка (*Varro. LL.* VIII. 4). Но в другом сочинении тот же Цицерон, говоря о похвальных надгробных речах, утверждает, что из-за них история полна ошибок, поскольку в них нашло отражение то, чего на самом деле не было, в том числе мнимое родство¹⁷. Показателен также ещё один пример из его сочинений. В одном из своих писем Аттику он стыдит Сципиона Метелла, который не знает, что его прадед не был цензором (*Cic. Att.* VI. 1. 17–18). Если случайно или осознанно могла исказиться память о сравнительно недавних временах, это было тем более возможно по отношению к людям, жившим в V–III вв. до н.э.

Стоит отметить присутствие в консульских списках I в. до н.э. имени Луция Корнелия Суллы, поскольку последним его предком-консулом был Публий Корнелий Руфин, который занимал эту должность в 290 г. и 277 г. до н.э. Он, как пишет Плутарх, покрыл себя позором, будучи изгнан из сената (*Plut. Sull.* 1). Сулла был его потомком в шестом колене. Более того, даже последнего в его роду претора отделяло от него почти 100 лет. Не случайно Плутарх называет его знатность сильно потускневшей (*Plut. Sull.* 1). Цицерон в своём диалоге «О законах» именует Суллу первым из патрициев-Корнелиев (*Cic. De Leg.* II. 57). Схожей была судьба семьи Сервия Сульпиция Руфа, консула 51 г. до н.э. Защищая Мурену, которого тот обвинил в незнатности происхождения, Цицерон отмечает, что знатность самого Сульпиция известна только знатокам старины, а доказательства её пришлось бы отыскивать в пыли летописей (*Cic. Mur.* 16). Сейчас трудно что-либо сказать о непосредственных предках-консулярах этого человека. Гельцер полагал, что он мог происходить от консулярного трибуна начала IV в. до н.э. (хотя в целом не считал такое происхождение основанием для причисления человека к нобилитету), а Питер Брант возводит его род к одному из консулов первой половины V в. до н.э.¹⁸ Однако уверенности в этом быть не может. На выборах Сульпицию не помогло

¹⁵ Drumann 1964, 48.

¹⁶ Brunt 1982, 8.

¹⁷ *Cic. Brut.* 62: «например, говорится о переходе предка из патрициев в плебеи, когда люди низкого происхождения производят себя от знатного рода, носящего то же имя, — вот как если бы я сказал, будто происхожу от патриция Манья Туллия, который был консулом вместе с Сервием Сульпицием на десятый год после изгнания царей» (перевод И. П. Стрельниковой).

¹⁸ Brunt 1982, 1.

даже то, что он был крупнейшим знатоком гражданского права, так что Цицерон, по всей вероятности, имел в виду именно его, когда говорил, что теперь законами занимается только один человек благодаря своему необычайному авторитету и знаниям (Cic. De Leg. I. 17). Сульпиций Руф стал консулом только 12 лет спустя, в 51 г. до н. э.

Сведений о кандидатах, проигравших выборы, значительно меньше, чем о победителях. Томас Роберт Броутон собрал их в работе «Кандидаты, потерпевшие поражение на римских выборах»¹⁹. Основываясь на этих данных, которые являются итогом многолетней скрупулёзной работы исследователя с античными источниками, можно сделать несколько любопытных наблюдений.

Консульские выборы в 94 г. до н. э. проиграл Гай Валерий Флакк, представитель чрезвычайно знатного рода. Ему удалось стать консулом только в следующем, 93 г. до н. э.²⁰ Победителями были провозглашены очень знатный Луций Домиций Агенобарб и в своём роду избранный консулом впервые Гай Целий Кальд. Мы не можем определённо сказать, какие личные качества помогли последнему одержать победу. Цицерон сообщает нам только то, что он был достаточно красноречив для того, чтобы помогать в судах друзьям и поддерживать собственное достоинство, но это посредственное красноречие всё же доставило ему почёт (Cic. Brut. 165; De orat. I. 117). Он также называет этого человека в числе «новых людей», которые достигали должностей ценой тяжёлых трудов, напрягая силы в борьбе с недругами (Cic. Ver. V. 180–181). Его брат Квинт отмечает, что знатные соперники не уступали Кальду ни в талантах, ни в щедрости, ни в подготовке выборов, и тем не менее один из них проиграл (Comm. Pet. 11).

Поражение на выборах, проходивших в 94 г. до н. э., потерпел Луций Марций Филипп, который в 91 г. стал консулом, а позднее цензором²¹. Над ним одержал победу Марк Геренний, избранный на эту должность в своём роду впервые. В диалоге «Брут» Цицерон отмечает, что он был хорошим оратором, старательным и с неплохим латинским языком и выиграл консульские выборы несмотря на то, что Марций Филипп был знатным человеком с широкими связями (Cic. Brut. 166). Защищая Мурену, он приводит этот случай в доказательство невозможности заранее предсказать исход выборов (Cic. Mur. 36).

В 66 г. до н. э. Публий Автроний Пет одержал победу на консульских выборах над представителями очень знатных родов Луцием Аврелием Коттой и Луцием Манлием Торкватом²². Только последующее осуждение победителей (Cic. Sull. 1) привело к новым выборам и к тому, что консулами стали Котта и Торкват. В 64 г. до н. э. Марк Туллий Цицерон обошёл на выборах очень знатных Публия Сульпиция Гальбу и Луция Кассия Лонгина²³. Ни тому, ни другому впоследствии не удалось достичь этой магистратуры. В 58 г. консульскую должность занял Авл Габиний, оставив позади одного из самых знатных людей того времени, Луция

¹⁹ Broughton 1991.

²⁰ Ibid., 19–20.

²¹ Ibid., 15.

²² Ibid., 7–8, 14.

²³ Asc. In toga candida, 1: “Sex competitores in consulatus petitione Cicero habuit, duos patricos, P. Sulpicium Galbam, L. Sergium Catilinam; quattuor plebeios ex quibus duos nobiles, C. Antonium, M. Antoni oratoris filium, L. Cassium Longinum, duos qui tantum non primi ex familiis suis magistratum adepti erant, Q. Cornificium et C. Licinium Sacerdotem”.

Корнелия Лентула²⁴. Наконец, в 51 г. до н. э. Сервий Сульпиций Руф, тот самый, чья знатность была известна только знатокам старины, стал консулом, получив на выборах больше голосов, чем Марк Порций Катон Младший, в роду которого было четверо консулов²⁵.

Подобных примеров достаточно много, поэтому в совокупности их нельзя назвать случайными, хотя отдельные прецеденты могли быть таковыми. При этом нужно помнить о том, что консулов I в. до н. э., предки которых никогда не занимали эту должность, было по меньшей мере двадцать три. Это означает, что как минимум ещё восемнадцать кандидатов (а, возможно, их было и тридцать шесть, и пятьдесят четыре) потерпели от них поражение. Несомненно, некоторая часть этого количества соискателей консулата происходила из консульских семей.

Таким образом, потомки консуляров могли терпеть поражения на консульских выборах, а представители других родов — становиться консулами, и такие случаи нельзя считать исключениями. Отсюда следует два возможных вывода: либо Маттиас Гельцер неверно дал определение нобилитета, либо занимать консульскую должность могли не только его представители. Второй вывод представляется нам наиболее вероятным. В любом случае очевидно, что два положения концепции Гельцера не согласуются между собой, если принять во внимание данные консульских списков.

Не следует отрицать, что в Римской республике I в. до н. э. существовал круг влиятельных семей, представители которых издавна отправляли высшие магистратуры, в том числе консулат. Во-первых, потомки высших должностных лиц с детства воспитывались в сознании того, что им необходимо будет добиваться тех же должностей, в том числе и для поддержания славы рода, а следовательно, всю жизнь прилагали соответствующие усилия (Cic. Att. IV. 8a. 2; Fam. I. 7. 9; XV. 12. 1; Sest. 136; Brut. 281; De amic. 11; De off. I. 116; II. 44; III. 6.). Во-вторых, граждане, которые не знали лично ни одного из кандидатов, конечно, более склонны были голосовать за обладателя хотя бы знакомого им родового имени. В-третьих, нужно помнить, что самые влиятельные семьи зачастую (хотя и не всегда) были весьма состоятельными, а это также имело большое значение при прохождении *cursus honorum*. По всей вероятности, у двух кандидатов в консулы, пользовавшихся равным уважением граждан, больше шансов победить на выборах было у того, чей предок занимал высшую должность. Именно таким образом можно трактовать данные трудов Цицерона, откуда исследователями было выведено само противопоставление понятий *nobilitas* и *novitas*. Доказательством этого могут служить результаты консульских выборов самого Цицерона, который одержал победу сразу над несколькими знатными людьми за счёт своей популярности. Впоследствии это не мешало ему выражать досаду по тому поводу, что «новому» человеку при прочих равных условиях всё же сложнее достичь вершин почёта, чем знатному (Cic. Verr. V. 180; De Leg. Agr. II. 3).

Дэвид Шэклтон-Бэйли справедливо отметил, что *nobilitas* – категория не правовая, а политическая²⁶, а следовательно, и сам род, и его слава могли угаснуть или забыться за давностью лет. Хотя на происхождение от выдающегося предка

²⁴ Broughton 1991, 10.

²⁵ Ibid., 15.

²⁶ Shackleton Bailey 1986, 260.

можно было при случае сослаться (как в примере с Сульпицием Руфом; как вёл себя в этом отношении Луций Корнелий Сулла, нам неизвестно), но в год предвыборной борьбы их собственное влияние и популярность среди избирателей значили гораздо больше. Отметим также, что, поскольку, по выражению Ю. Б. Циркина, «история любит победителей и не очень хорошо относится к побеждённым»²⁷, то и в источниках больше говорится о выигравших выборы, чем о тех, кто их проиграл. Более того, античные авторы были склонны подробнее освещать успехи в электоральных комициях представителей выдающихся родов. И историки концентрируют своё внимание на их победах, которые в ретроспективе кажутся более предсказуемыми, чем они были на самом деле²⁸. Но это не означает, что эти люди обладали большим личным авторитетом, чем те, кто впервые в своём роду вышел на политическую арену. Напомним, что даже представители чрезвычайно известных и могущественных ветвей отдельных родов проигрывали выборы относительно незнатным людям.

Таким образом, знатность играла существенную роль в успехе кандидата на выборах только в том случае, если соискатель обладал, помимо неё, ещё и другими преимуществами перед своими соперниками. Поэтому значение на выборах данного фактора не следует, на наш взгляд, преувеличивать.

ЛИТЕРАТУРА

Дементьева В. В. 2004: Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика. Ярославль.

Смышляев А. Л., Одегова Е. А. 2006: Проблема «римской демократии» в современной зарубежной историографии // Академический клуб. Исторические науки. Античная история и классическая археология / В. В. Дементьева (отв. ред.). М., 64–78.

Трухина Н. Н. 1986: Политика и политики «золотого века» Римской республики. М.

Циркин Ю. Б. 2006: Гражданские войны в Риме: побеждённые. СПб.

Broughton T. R. S. 1991: Candidates Defeated in Roman Elections // Transactions of American Philological Association. 81.4, 1–64.

Brunt P. 1982: Nobilitas and Novitas // JRS. 72, 1–17.

Burckhardt L. 1990: The Political Elite of the Roman Republic: Comments on Recent Discussion of the Concepts Nobilitas and Homo Novus // Historia. 39, 77–99.

Drumann W. 1964: Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen. Hildesheim.

Hopkins K., Burton G. 1983: Political Succession in the Late Republic (249–50 BC) // Death and Renewal / K. Hopkins (eds.). Cambridge, 62–78.

Millar F. 1984: The Political Character of the Classical Roman Republic, 200–151 BC // JRS. 74, 1–19.

North J. 1990: Politics and Aristocracy in the Roman Republic // Classical Philology. 85, 277–287.

Shackleton Bailey D. 1986: Nobilis and Novi Reconsidered // American Journal of Philology. 107, 255–260.

²⁷ Циркин 2006, 4.

²⁸ Hopkins, Burton 1983, 33.

HOMINES NOVI: ACCESS TO CONSULSHIP IN THE 1st CENTURY BC*V. A. Karetnikova*

This article examines the dependence of a candidate's success at consular elections of his nobility status in the Roman Republic of the 1st century BC. The author uses Matthias Gelzer's understanding of the term "nobilitas". Though people favored nobility status of candidates, yet this factor taken alone was insufficient to win consular elections. Consular descendants were not the only ones to become consuls. They often lost elections, and such cases cannot be considered exceptional. Noble origin could play an essential role in a candidate's success at consular elections only if he had other advantages over his contenders. Therefore the effect of this factor on the outcome of elections should not be overestimated.

Key words: Rome, consulship, consular elections.

© 2011

А. Е. Телин

CURA LUDORUM РИМСКИХ ЭДИЛОВ*

Статья посвящена рассмотрению деятельности эдилов по организации общественных игр в Риме периода Республики. Автор рассматривает полномочия эдилов в деле организации празднеств во всем диапазоне, начиная от доставки животных для игр, заканчивая возведением площадок для театральных представлений. В статье уделено внимание вопросам финансирования игр, а также программам праздников. Автор статьи обращается к вопросу о разграничении сфер деятельности курульных и плебейских эдилов в деле организации игр. По мнению автора статьи, игры в честь Флоры и Цереры проводились обеими парами магистратов на равных правах, в то время как проведение Римских и Мегалесийских игр осуществлялось исключительно курульными эдилами, а Плебейских — только плебейскими.

Ключевые слова: Римская республика, магистраты, эдилы, игры в Риме, ludi.

Игры (ludi) в Риме предполагали всеобщее участие жителей в коллективных празднествах: граждане украшали свои дома и улицы, совершали жертво-

---

Телин Антон Евгеньевич — аспирант кафедры всеобщей истории ЯрГУ им. П.Г. Демидова.
E-mail: ae_telin@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках научного исследования «Низшие магистраты в системе римского публичного права: эдилитет и комиссии по административным и уголовным делам» по Государственному контракту № П172 от 20.04.2010 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы; в рамках Госконтракта № 16.740.11.0104 на выполнение научно-исследовательских работ по теме «Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование»; при поддержке РФФИ, грант 10-06-00140-а «Системный анализ античной государственности на основе информационных подходов и создания проблемно-ориентированных баз данных».

приношения. В каком-то смысле игры являлись частью римского общественного устройства, они были основаны, прежде всего, на корпоративности и религиозности городского населения и, кроме того, являлись актами поклонения тому или ному божеству.

Устройство регулярных общественных игр — *cura ludorum* — было одним из направлений деятельности магистратуры эдилов (*Cic. Verr. XIV. 36; Off. III. 7*) и выполнялось ими на протяжении Республики вплоть до Августа, когда проведение всех игр было передано преторам (*Dio. LIV. 2, 3.*)¹. Стоит сразу отметить, что, как и в части других функций, здесь наблюдалось разделение сфер деятельности плебейских и курульных эдилов.

В мировой историографии сегодня существует довольно широкий пласт исследований, большинство из которых посвящены культуре проведения публичных игр в Риме. Культам божеств римского пантеона, в частности, плебейскому культу Цереры, посвящены работы П. Бойанса², А. Ле Боннека³, М. Бойда⁴; почитанию Флоры, Аполлона, Марса — труды Ж. Целс-Сент-Илер⁵, А. Кастаньоля⁶, Р. Огилви⁷. Эти исследования касаются плебейских и патрицианских культов, а, соответственно, помогают разрешить вопрос о разграничении полномочий курульных и не курульных магистратов в вопросе организации игр в честь этих божеств. Отдельного упоминания заслуживают монографии и статьи, посвященные римским играм в целом: среди них классическая монография В. Фаулера «Римские празднества в период Республики»⁸, работы Д. Кайла⁹, А. Футрелла¹⁰, Д. Пойнтонна¹¹. Информацию о спортивных состязаниях в период проведения игр можно найти в монографии Н. Кроутера¹². Уточнить датировки игр позволяют исследования А. Михельса¹³ и А. Нока¹⁴, посвященные римскому религиозному календарю. Другие работы относятся к более частным вопросам изучения римской религии и организации игр¹⁵. Несмотря на большое количество имеющихся исследований, ни одно из них не касается непосредственно деятельности эдилов в организации общественных игр в Риме.

В конце III — начале II столетия до н. э. происходит многократное увеличение количества праздничных дат в римском религиозном календаре. Организуются новые религиозные праздники, старые приобретают регулярный характер: *ludi plebei* (в честь Юпитера), *ludi Apollinares* (в честь Аполлона), *ludi Megalenses*

¹ Mommsen 1874, 237; Kubitschek 1901, 456–457; Taylor 1910, 114–115; Lintott 1999, 129–133.

² Boyancé 1972, 53–63.

³ Le Bonniec 1962, 233–239.

⁴ Boyd 1960, 147–151.

⁵ Cels-Saint-Hilaire 1977, 253–286.

⁶ Chastagnol 1956, 216–222.

⁷ Ogilvie 1973, 73–75.

⁸ Fowler 1899, 373.

⁹ Kyle 1998, 288.

¹⁰ Futrell 2006, 260.

¹¹ Poynton 1938, 76–85.

¹² Crowther 2007, 184.

¹³ Michels 1978, 227.

¹⁴ Nock 1939, 83–96; 1952, 187–252.

¹⁵ Mantle 2002, 85–106; Scheid 1985, 193–206; Flaig 1994, 13–25; Littlewood 1981, 381–395; Green 1933, 301–304; Jory 1986, 537–539; Trapido 1949, 18–26; Szemler 1971, 103–131; Taylor 1937, 284–304.

(в честь Великой Матери) и *ludi Florales* (в честь Флоры). Значение *ludi* для римского общества особенно усиливается в последней четверти II столетия. В играх римлянам удалось с одной стороны соединить отправление религиозных культов, с другой, — выразить солидарность и продемонстрировать единство общества в условиях увеличения числа граждан, а также сплотить гражданский коллектив перед лицом критической военной опасности извне¹⁶. Интенсивная внешняя политика сопровождалась притоком огромных средств, прежде всего, в руки римской элиты, которая контролировала распределение военной добычи. Очевидно, честолюбивые лидеры Рима, считали трату приобретенных богатств на проведение игр более приличествующей их положению, нежели на личные расходы. Кроме того, организация игр на собственные средства позволяла получить и политические дивиденды в виде положительного отклика народа. Это был период укрепления связей с другими народами, особенно с Грецией, известной своими достижениями в области культуры. Новые идеи проникали в римскую культуру, что, конечно, сопровождалось и многочисленными влияниями на традиции проведения игр. В периоды военных экспансий увеличивалось количество дней, отведенных на проведение *ludi*, и создавались новые праздники. По некоторым подсчетам, ко времени смерти Цезаря в римском календаре 59 дней было отведено играм¹⁷.

Важнейшими из игр Республики были *ludi Romani* / *Maximi* (Римские/ Великие игры), вверенные курульным магистратам, и *ludi plebei* (Плебейские игры) — плебейским. Организацию позднее учрежденных *Megalensia* (в честь Великой Матери. *Cic. Verg.* 5. 36; *Nar. Resp.* 27; *Liv.* XXXIV. 54. 3; *Dionys. AR.* 6. 95. 4) принято считать сферой занятий курульных эдилов, *Floralia* и *Cerealia* (игры в честь Флоры и Цереры) — плебейских. Эта точка зрения на распределение обязанностей между двумя парами эдилов прочно укрепилась в мировой историографии¹⁸. Однако, на наш взгляд, этот вопрос нуждается в детальном рассмотрении, и мы обратимся к нему ниже в данной статье.

Первоначально, когда игры носили вотивный характер, основным финансовым источником для их проведения была военная добыча. Военачальники, направляя средства на организацию игр, таким образом проявляли свое благочестие, щедрость и заботу о согражданах, для которых проводились зрелища¹⁹. Чаще всего источником финансирования общественных игр называют деньги, полученные магистратами в виде штрафов. Конечно, игры не были единственной статьей расходования этих средств: они могли быть потрачены эдилами и на другие общественные нужды, например, на строительство и ремонт дорог (*Liv.* X. 23; XXXVII. 6; *Ovid. Fast.* V. 278). Существовали и другие источники финансирования зрелищ. На организацию Аполлоновых игр, вверенных не эдилам, а преторам, шли, например, средства, полученные из «посильных взносов», которые делал народ во время их проведения²⁰. К сожалению, до нас дошли немногие сведения о финансировании игр, а также о конкретных статьях расходов эдилов, за исключением

¹⁶ Purcell 2006, 683–685.

¹⁷ *Ibid.*, 683. По подсчетам Дж. Пойнтон, игры занимали 76 дней в году: Poynton 1938, 76–85.

¹⁸ Bleicken 1982, 85; Lintott 1999, 131. Другими значительными играми Республики были *ludi Appolinares*, вверенные преторам. В данной статье они рассмотрены не будут.

¹⁹ Futrell 2006, 2.

²⁰ Власова 2006, 44–50.

очевидных: сооружение декораций для театральных постановок, навесов для зрителей, покупку благовоний и щедрых подарков от организаторов успешным наездникам.

Средств, выделенных государством, зачастую не хватало, поэтому, в большинстве случаев финансовое обеспечение игр и праздников в период Республики ложилось на плечи их организаторов. Общеизвестно, что устройство игр на посту эдилов позволяло людям, начинавшим свою политическую карьеру, снискать популярность городских масс. Цицерон упрекал эдилов в огромных тратах «на пирушки, на раздачу мяса, на бои гладиаторов, на игры и на травлю диких зверей» (Cic. Off. 2. 57. Пер. В. О. Горенштейна), но не отрицал, что подобные траты были политически выгодны. В речи против Верреса Цицерон утверждает, что ряд организованных эдилом игр производит впечатление на людей и создает магистрату репутацию опытного администратора и щедрого благотворителя, собственных ресурсов которого хватит для восполнения любых недостатков в финансировании игр государством (Cic. Verr. 2.5.36). Сципион Африканский, будучи курульным эдилом в 213 г. до н.э., например, впервые получил широкую известность, организовав *ludi Romani*. Значение огромных трат было очевидно честолюбивым политикам, нередко влезавшим в долги ради проведения пышных представлений; так, Цезарь, по данным Плутарха, при вступлении в свою первую должность имел долгов на тысячу триста талантов (Plut. Caes. 5. 9).

Йохен Бляйкен называл эдилитет, на наш взгляд совершенно справедливо, «вожделенным учреждением», поскольку должностные лица могли устройством великолепных праздников снискать популярность у народа и вследствие этого получить доступ к более высоким должностям *cursus honorum*²¹. М. Финли отмечал, что законодательно ни на преторах, ни на эдилах не лежало финансовое бремя, но общественное мнение и личные амбиции магистратов добиться высшей магистратуры — консулата — были куда более сильными, чем любое законодательное принуждение²². Издержки на проведение игр из собственных средств легко окупались в том случае, если магистрат впоследствии получал должность, дававшую ему возможность для личного обогащения, например, наместника провинции. Источники дают нам информацию о том, что народ на выборах магистратов чаще всего предпочитал именно этих людей²³.

Чтобы быть замеченным среди других кандидатов, эдилу требовалось изобретать новые способы удивить публику. Сделать это с течением времени стано-

²¹ Bleicken 1982, 85; Herzog 1965, 822. Loewenstein 1973, 62–63; Mousorakis 2003, 92–93; Mayer 2006, 295.

²² Finley 1983, 39.

²³ Cic. Off. II. 58: «... надо избегать подозрения в скупости. Мамерку, богатейшему человеку, отказ от эдилитета принес неудачу при соискании консулата. Поэтому если народ требует игр, а честнейшие мужи, не высказывая такого желания, во всяком случае одобряют это, то устроить игры нужно, но в меру своих средств, как поступил я, как и в случае, если щедростью к народу когда-либо хотят достичь чего-то более важного и более полезного, как это было сделано недавно, когда угощения на улицах, устроенные Орестом, принесли ему большой почет» (Пер. В. О. Горенштейна). Plut. Sull. 5: «Он записался кандидатом в городские преторы, но при выборах потерпел неудачу. Виновицей тому, по его мнению, была чернь: зная дружбу его с Бокхом и ожидая — в случае, если он, прежде чем стать претором займет должность эдила, — великолепной травли африканских зверей, она избрала преторами других соискателей, чтобы заставить его пройти через эдилскую должность» (пер. В. М. Смирин).

вилось все труднее: римские вкусы становились все изощреннее. Упоминания о непомерных тратах эдилов особенно часто встречаются при описаниях событий после окончания Второй Пунической войны. Возрастали они по мере появления новых возможностей для личного обогащения после побед Рима в Греции, Африке и Испании. Юлий Цезарь, эдил 65 г. до н. э., устроил игры, которые превзошли все, прежде проводившиеся, и стали легендарными из-за их богатства: все убранство игр и вооружение трехсот двадцати пар гладиаторов было из серебра (Suet. Jul. 10; Dio Cass. 37. 8; Plut. Caes. 5. 9), «тогда это было впервые, а сейчас с этим посоперничает даже иной муниципий» (Plin. N. N. 33. 53). Действительно, траты отдельных курульных эдилов нередко превосходили щедрость многих победоносных полководцев, и зачастую не ограничивались лишь расходами на публичные зрелища (Cic. Off. II. 17; Plut. Caesar. 5; Plin. N. N. XXXIII. 3; XXXVI. 15).

Программа игр, найденная в Помпеях, свидетельствует о том, что эдилы использовали дополнительные способы для того, чтобы сделать проводимые ими игры запоминающимися: травля диких животных и специально возведенные на время проведения состязаний навесы над трибунами значительно усиливали впечатление и комфорт граждан. Sparsio, или раздача подарков, была другим способом привлечения внимания к персоне организатора игр²⁴.

Для периода Империи мы располагаем информацией о трех важнейших играх — *ludi Apollinares, Romani* и *plebei*: указание количества дней, отведенных на цирковые и театральные представления, а также стоимость их проведения. Эти суммы являлись ассигнованиями из средств казны, которые претор, занимавшийся организацией указанных игр в императорское время, увеличивал из собственных средств²⁵, подобно тому, как это делали эдилы в период Республики. Государство стремилось распределять средства казны равномерно на все игры пропорционально их длительности. Так на игры, которые предполагали многодневные цирковые представления, выделялось средств больше, чем на *ludi Apollinares*, в которых был только один день гонок.

Кроме финансов, на организацию игр эдил должен был потратить массу времени и усилий. Это красноречиво демонстрирует ряд писем Марка Целия Руфа Цицерону, отражающий трудность доставки большого количества диких животных для его эдильских игр. Он задался этим вопросом задолго до вступления в должность, обратившись к друзьям за границей с просьбой собрать пантер и других животных и отправить их в Рим (Cic. Fam. II. 11; VIII. 2; VIII. 8; VIII. 9).

Процесс организации игр включал в себя также и подбор площадок для их проведения. В источниках указаны как минимум три возможных постоянных театра со времени основания Рима до II в. до н. э. Мы можем быть достаточно уверенными в том, что местом проведения театральных представлений во время *ludi funebres* был форум, во время Мегалесий — Палатин. Неизвестно, где располагалась сцена во время проведения *ludi Romani* и *ludi plebei*. В более поздние времена, вероятнее всего, они проходили в *Circus Flaminius*²⁶. Возможно, для театральных представлений во время игр, организованных эдилами, сцены возводились на Форуме и в Цирке. Известно, что в 174 г. до н. э. цензорами был за-

²⁴ Poynton 1938, 76–85.

²⁵ Green 1930, 249–250.

²⁶ Saunders 1913, 94–95.

ключен контракт на строительство сцены, которую впоследствии использовали эдилы и преторы. В целом нам известно очень немного о scaena 174 г. до н. э., но факт, что она была доступна для игр, организованных этими магистратами, говорит о том, что она предназначалась для ludi Romani, plebeii, Megalenses, Apollinares (Liv. XLI. 27. 6). Для этих праздников, как отмечают исследователи, близость к храмам того или иного божества не была абсолютным требованием²⁷. Неизвестно, была ли возведенная постройка каменной и постоянной. Было ли это сооружение только сценой или были также построены места для публики? Констанс Кэмпбелл высказала предположение, что в связи с отдельным упоминанием о реконструкции Circus Maximus Ливий скорее всего имеет в виду временное сооружение, чем постоянное здание с местами для зрителей²⁸. Однако же тот факт, что Ливий упомянул временную постройку, наводит на мысль, что обстоятельства строительства могли быть не обычными для Рима.

Дополнением к религиозным праздникам были пиры, проводившиеся в рамках игр для отдельных политических или социальных групп. Пир в честь Юпитера были важной частью Ludi Romani и ludi plebeii, угощения устраивались и во время других широко известных праздников — ludi Megalenses и ludi Cereales. На играх в честь Кибелы пиры были доступны только членам патрицианских фамилий, в честь Цереры — исключительно плебсу. Таким образом плебеи имели возможность насладиться своим собственным праздником, точно так же как это делали патриции ранее в том же месяце²⁹.

Состязания гладиаторов, которые впервые были проведены в Риме в 264 г. до н. э., — изначально элемент погребальных процессий; со временем они стали частью регулярных игр, проводимых эдилами. В период Республики обычным местом проведения поединков был Форум. Магистратами возводились временные площадки, места на которых резервировались зрителями. В 70 г. до н. э. под форумом были сконструированы подземные переходы, которые использовались гладиаторами для появления. Цезарь планировал строительство большого театра на Капитолии, который бы освободил Форум от проведения игр, и только в период правления Августа представления были перенесены с Форума. В 67 и 63 гг. до н. э. были изданы законы с целью воспрепятствовать предвыборному подкупу избирателей. Такими незаконными способами привлечения избирателей считались гладиаторские игры, пиры, раздача денег в течение двух лет до занятия должности. Но кандидаты этот закон обычно нарушали. Особенно часто закон преступали эдилы, для которых устройство игр было политически эффективным и даже необходимым³⁰. Так, в 65 г. до н. э. Юлий Цезарь, будучи эдилом, устроил гладиаторский бой, взяв бойцов из Капуи. Количество гладиаторов (320 пар) было настолько устрашающим, что был издан специальный закон, запрещавший держать в Риме больше определенного числа гладиаторов (Suet. Jul. X. 1–2).

Крупнейшими и старейшими государственными играми Республики были посвященные Юпитеру ludi Romani, долгое время остававшиеся единственными. Проводившиеся эдилами игры проходили с 5 по 19 сентября (Cic. Ver. I. 10.31).

²⁷ Ibid., 1913, 87–97.

²⁸ Campbell 2003, 67–79.

²⁹ Donahue 2003, 429–30.

³⁰ Le Glay 2005, 146.

При Цезаре, возможно, к играм был добавлен еще один день — 4 сентября³¹. На происхождение и характер игр существует несколько точек зрения. Согласно античной традиции, их учреждение произошло под этрусским влиянием и принадлежало царю Тарквинию Приску (Liv. I. 35. 9; Cic. Rep. 2. 20. 36). В историографии нового времени существует мнение, что их учредили консулы, которые еще долгое время сохраняли председательство в них, даже после того как игры были переданы в руки эдилов³². Сторонники другой точки зрения предполагают, что *ludi Romani* были учреждены на заре Республики, но предпочитают либо не называть точных датировок, либо называть датой их создания 509 г. до н. э.³³ Еще Т. Моммзен и Л. Ланге призывали к критическому обращению с источниками по истории раннего эдилитета³⁴. Действительно, сведения о нем, приведенные в имеющихся у нас источниках, крайне ограничены.

До того как Римские игры стали ежегодными, они имели вотивный характер, т. е. проводились по обету, в знак благодарности божествам, как правило, за победу. Возможно также, что они даже не были широко известны среди масс как *ludi Magni* или *Maximi*. Право давать игры по обету сохранили за собой высшие магистраты Республики и после того, как *ludi* начали носить регулярный характер.

По мнению Т. Моммзена, игры в честь Юпитера начали проводиться ежегодно с 367 г. до н. э., т. е. после создания должности курульных эдилов (Liv. VI. 42, 12–14)³⁵. Т. М. Тейлор, принимая датировку, предложенную Т. Моммзеном, указывал, что основной причиной назначения двух новых эдилов была задача освобождения консула от массы маленьких, но ни в коем случае не маловажных дел, в том числе и организации публичных игр, имевших огромное значение для всего римского общества³⁶. Вслед за Т. Моммзеном и Т. Тейлором М. Эрнст также придерживается точки зрения о создании *ludi Maximi* в 367 г. до н. э.³⁷

У Ливия, нашего основного источника по данному вопросу, мы находим следующую информацию: организация Великих четырехдневных игр была передана курульным эдилам, потому что плебейские отказались взять на себя эту задачу³⁸. В связи с этим возникает вопрос, могли ли плебейские эдилы заниматься организацией Великих игр до передачи их курульным? Каким образом можно объяснить

³¹ Fowler 1899, 215.

³² Kubitschek 1901, 456–457.

³³ Rüpke 2006, 225; Crowther 2007, 124–125; Michels 1978, 218.

³⁴ Lange 1876, 856–881.

³⁵ Mommsen 1874, 520.

³⁶ Taylor 1910, 114–115.

³⁷ Ernst 1990, 42.

³⁸ Ливий при описании этого события использует глагол *recuso* — «отказываться, отвергать, возражать». Liv. VI. 42. 12–14: *cum dignam eam rem senatus censeret esse meritoque id, si quando unquam alias, deum immortalium [causa libenter facturos] fore ut ludi maximi fierent et dies unus ad triduum adiceretur, recusantibus id munus aedilibus plebis, conclamatum a patriciis est iuuenibus se id honoris deum immortalium causa libenter facturos [ut aediles fierent], quibus cum ab uniuersis gratiae actae essent, factum senatus consultum, ut, duumuiros aediles ex patribus dictator populum rogaret, patres auctores omnibus eius anni comitiis fierent.* В переводе Н. Н. Казанского: «Сенат признал это дело достойным и принял решение о подобающем (как никогда более) воздаянии бессмертным богам: чтобы были устроены Великие игры и к трем их дням был добавлен еще один. А когда плебейские эдилы отказались взять на себя это дело, патрицианские юноши в один голос заявили, что они охотно возьмутся за это в честь бессмертных богов. Все их благодарили, и сенат постановил, чтобы диктатор предложил народу избрать двух патрицианских эдилов, а сенаторы утвердили бы все выборы этого года».

отказ плебейских эдилов от организации игр в честь Юпитера, ведь это было престижно как для всего плебса, так и собственно для эдилов?

Дионисий Галикарнасский указывал, что эдилы возглавляли игры уже в 494 г. до н. э., т. е. в год учреждения магистратуры (Dionys. 6. 95. 3–4)³⁹. Данные об играх, созданных как однодневный праздник Тарквинием Приском, продленных по поводу изгнания царей и окончания первой сецессии плебеев, согласуются с остальными данными о Римских играх. Михаэль Эрнст утверждает, что Дионисий приводит в данном отрывке ошибочные сведения и описывает события не 494 г. до н. э., а 367 г.: пышные игры тогда продлевались на один день⁴⁰. Дионисий утверждает, что плебейским эдилам 494 г. до н. э. были предоставлены *sella curulis*, пурпурная тога и «инсигнии, принадлежавшие царям». Это полностью соответствует событиям 367 г. до н. э., описанным Ливием, когда эдилы, теперь государственные магистраты, действительно получали курульные регалии. М. Эрнст также считает, что эту путаницу можно отнести к незнанию Дионисием римских учреждений. Данное утверждение, по нашему мнению, является вполне убедительным. Исследователь Пиганьоль, придерживавшийся другой точки зрения, допускал, что плебейские эдилы могли управлять играми уже в эпоху ранней Республики. Согласно заключению Пиганьоля, в 367 г. до н. э., при издании законов Лициния-Секстия, в знак примирения сословий по взаимному согласию старый праздник плебеев мог быть преобразован в общеримские игры. Эту свою теорию, в конечном счете, он основывает на идее, что на заре Республики патриции и плебеи имели две разделенные религии, обусловленные разным этническим происхождением обеих групп населения⁴¹. Однако Ливий ничего не упоминает об изменении статуса игр, да и тезис о разделении религии требует более глубокого исследования и не относится к теме данной работы. Схожая точка зрения была высказана Ф. Бернштейном. По его мнению, организация игр перешла в компетенцию курульных эдилов в итоге сословной борьбы патрициев и плебеев, но не из рук плебеев к патрициям, а от сената к магистратам⁴².

У Ливия мы находим упоминания об организации Великих игр различными магистратами: три упоминания об устройстве игр диктатором, четыре — консулом, три — преторами. Все вышеперечисленные эпизоды касаются исключительно игр, даваемых по обету самими магистратами. Основная масса упоминаний — двадцать одно — касается деятельности курульных эдилов, а также игр, проводившихся регулярно. Несмотря на то, что у нас нет прямых данных источников о взаимодействии эдилов с другими магистратами в деле организации игр, мы не можем исключить этого. Вероятно, участие эдилов в организации и других

³⁹ Dionys. 6. 95. 3–4: «Сенат также проголосовал за жертвоприношения богам в благодарность за примирение с народом и добавил еще один день к латинским играм, как они называются, которые прежде праздновались только два дня. Первый день был установлен как священный Тарквинием... Второй был добавлен народом... вследствие изгнания царей... И третий день был добавлен теперь в связи с возвращением удалившихся. Надзор и наблюдение за жертвоприношениями и играми... были поручены помощникам трибунов, которые, как я сказал, исполняли магистратуру, теперь называемую эдилитетом. Сенат почтил их пурпурным одеянием, креслом из слоновой кости и другими знаками отличия, которые имели цари» (пер. А. В. Шеголева).

⁴⁰ Ernst 1990, 41.

⁴¹ Piganiol 1923, 88.

⁴² Bernstein 2007, 224–225.

празднеств стало причиной появления в Риме практики передачи эдилам надзора за любыми вновь учрежденными играми.

Плебейские игры (*ludi plebei*) организовывались плебейскими магистратами и являлись своеобразной альтернативой Римским играм, устройство которых было отдано курульным эдилам. Очевидно, они были утверждены, как и остальные игры, в III в. до н. э., и проведены в мае 217/216 г. до н. э. (*Liv.* XXIII. 30. 17; XXV. 2. 10; XXVII. 6. 19; 36, 9; XXIII. 10. 7). Проводились *ludi* в простроенном в 220 г. до н. э. с этой целью Фламиниевом цирке (*Val. Max.* 1. 7. 4; *Liv. Ep.* 20. 141)⁴³. Возможно, плебейские игры первоначально продолжались один день (13 ноября), и, подобно Великим играм, их продолжительность с течением времени увеличивалась. К концу Республики они длились с 4 по 17 ноября⁴⁴. Может ли указание на место постоянного проведения игр свидетельствовать о том, что игры начали носить регулярный характер, и могли ли они проводиться до 220 г. до н. э.? Фактически Цицерон называет эти игры самыми древнейшими из всех. Это довольно спорное утверждение, которому все же находят объяснение некоторые исследователи. Первоначально плебейские игры, возможно, не признавались, а впоследствии были приняты религиозными властями⁴⁵. Так, у Валерия Максима мы находим информацию об учреждении плебейских игр в начале пятого столетия (*Val. Max.* 1. 7. 4). Эти сведения идут вразрез с античной традицией. Ливий описывает те же события и указывает на проводившиеся именно Римские игры (*Liv.* II. 36. 1–8). Высказывание Валерия Максима вызывает сомнение еще и потому, что плебейские игры 491 г. не могли проводиться в построенном лишь в 220 г. до н. э. цирке.

По нашему мнению, тот факт, что Ливий, упоминавший обо всех играх Республики, не приводит сведений о плебейских играх в первых десяти книгах, дает нам основание говорить о том, что плебейские игры в период ранней Республики не проводились. К *ludi Romani* как к общеримским играм плебейские эдилы не имели отношения как должностные лица, призванные служить только части граждан. Вероятно, их первоначальная организация вменялась высшим магистратам, консулам или консулярным трибунам, а позже и курульным эдилам⁴⁶. Нам представляется, что *ludi plebei* (*Liv.* XXIII. 30) изначально были в ведении плебейских эдилов.

Мегалесийские игры (*ludi Megalesia*), большие игры в честь Кибелы, проводились эдилами ориентировочно с 4 по 12 апреля⁴⁷. По Ливию, впервые они были организованы в 194 г. до н. э. курульными эдилами и были связаны с освящением храма богини (*Liv.* XXXIV. 54. 3; *Cic. har. resp.* 27. *Dio.* XXXVII. 8). В одной из следующих книг, в рассказе о справленном консулом Сципионом Назикой десятидневных играх, приуроченных им к посвящению храма Великой Матери, Ливий,

⁴³ Mommsen 1874, 520; Fowler 1899, 217, 252; Saunders 1913, 87–97.

⁴⁴ Fowler 1899, 217, 252; Adkins 1998, 286.

⁴⁵ North 2006, 621.

⁴⁶ Mommsen 1874, 518–519.

⁴⁷ Abbott 1910, 205; Kubitschek 1901, 456–457; Mommsen 1874, 517; Rüpke 2006, 225. По некоторым данным — до 10 апреля (Adkins 1998, 283; *Liv.* 36. 36. 3). Джордж Хэдзитс утверждал, что оснований для предположения, что игры проводились именно с 4 по 12 апреля, нет, поскольку оно не подкрепляется ни эпиграфическими данными, ни нарративными источниками. Hadzits 1930, 165–174.

ссылаясь на Валерия Антиата, вновь говорит о них как об устроенных впервые (Liv. XXXVI. 36). Следует добавить, что римляне перед внесением каких-либо игр в календарь праздников, как правило, проводили их до этого, как это было в случае *ludi maximi*, *ludi plebei* и *ludi Apollinares*⁴⁸. Аналогию с этими играми можно провести и для Мегалесий. Дион Кассий (Dio. XLIII. 48) упоминает случай проведения Мегалесий плебейскими эдилами, но это происходило в соответствии с постановлением сената и, таким образом, отдельное исключение подтверждает общее правило. Эдилы продолжали заниматься организацией *ludi Megalenses* до 22 г. до н.э., когда они были переданы в ведение преторов (Dio Cass. 54. 2. 3). *Ludi Megalenses*, очевидно, имели значение как патрицианский праздник, организованный аристократией и для аристократии. Цезарь устраивал эти игры с особой торжественностью с тем, чтобы подчеркнуть свое исключительно знатное положение⁴⁹.

Другие игры, в честь Цереры (*ludi Cereales*) и Флоры (*ludi Florales*), по нашему мнению, могли быть организованы как плебейскими, так и курульными эдилами. Несмотря на то, что ряд исследователей относит Цереалии исключительно к сфере деятельности плебейских магистратов, объясняя это только тем, что Церера считалась в Риме покровительницей плебса⁵⁰, мы находим свидетельства источников, доказывающие обратное⁵¹. Некоторые исследователи усматривают в распределении игр между парами эдилов продолжение сословной борьбы. Например, придание регулярного характера *ludi plebei* или *ludi Cereales*, которые ассоциировались, прежде всего, с плебеями, могло стать ответом плебса на организацию *ludi Megalenses* курульными эдилами с 204 г. до н.э.⁵² Фаулер усматривал связь между институтами Флоралий и Цереалий⁵³. Он отмечал плебейский характер этих праздников, указывая на близость храмов и культов богинь Цереры и Флоры (Ovid. Fasti. 5. 287; Fest. 238, в последнем отрывке говорится не о плебейских, а курульных магистратах). Ф. Бернштейн отмечал, что ни *ludi plebei*, ни *ludi Cereales* не были учреждены во времена ранней Республики. Плебейские эдилы со времени освящения храма Цереры были его хранителями, но не имели функций *cura ludorum publicorum* ни до, ни после издания законов Лициния-Секстия, по крайней мере, до 218–201 гг. до н.э.⁵⁴

Мы предполагаем, что обе коллегии плебейских и курульных эдилов имели равные права на проведение отдельных государственных игр. Если в случае с Мегалесиями Дион Кассий указывает на специальные решения сената, то в отношении Цереалий мы такими фактами не располагаем (Dio. XLVII. 40, 6). Мы считаем, что аналогично следует решить этот вопрос и с играми в честь Флоры (Cic. Verr. V. 14; Ovid. Fast. V. 278).

⁴⁸ Taylor 1934, 101–120.

⁴⁹ Littlewood 1981, 384.

⁵⁰ Ernst 1990, 41–43; Mommsen 1874, 517; Abbott 1910, 205–206.

⁵¹ Liv. XXX. 39. 8: здесь, в одном из первых упоминаний праздника в честь Цереры, например, идет речь об организации игр в ее честь высшими магистратами, чьи должности не указывали на сословную принадлежность: диктатором и начальником конницы. Ovid. Fest. 238.

⁵² Purcell 2006, 683–685.

⁵³ Fowler 1899, 92.

⁵⁴ Bernstein 2007, 224–225.

Организация Цереалий, по мнению исследователей, не могла произойти ранее Второй Пунической войны — они были учреждены ориентировочно в 202 г. до н. э. и проходили с 12 по 19 апреля⁵⁵. Но 19 апреля, день проведения игр, как отмечает Фаулер, основываясь на данных эпиграфики, при последних этрусских царях нередко обозначен фестивалем в честь Цереры. Возникает вопрос, следует ли полагать, что культ Цереры имеет итальянские корни или был заимствованным культом Деметры из Греции. Автор доказывает его итальянское происхождение⁵⁶.

Культ Флоры существовал в Риме задолго до строительства храма в ее честь и учреждения игр. Игры в честь Флоры, согласно преданию, впервые были проведены в 240 или 238 г. до н. э. плебейскими эдилами по случаю освящения храма богини (Plin. N.H. 18. 286; Vell. I. 14). До этого времени игры не были регулярными и ежегодными (Ovid. Fasti. 5. 295). Храм Флоре был посвящен в том же году, 28 апреля. Другие исследователи датой создания регулярных игр в честь Флоры называют 173 г. до н. э.⁵⁷ Вероятно все же, что с 173 г. до н. э. игры становятся широко известными и почитаемыми. Игры в честь богини проходили с 28 апреля по 3 мая⁵⁸. С периода Ранней Империи организация этих игр перешла в руки преторов (Suet. Galba. 6. 1).

Итак, анализ источников позволяет нам говорить о широких полномочиях эдилов в деле устройства религиозных празднеств и общественных игр. Забота об организации игр, начиная от доставки животных для игр, покупки доспехов для гладиаторов, заканчивая возведением временных сцен для театральных представлений, лежала на плечах эдилов. Как и в части других функций эдилов, мы наблюдаем разделение сфер деятельности плебейских и курульных магистратов при организации ключевых римских религиозных праздников, однако считаем, что не стоит придавать этому факту большого значения, поскольку отмечаем пересечение сфер их деятельности в организации менее значимых игр — в честь Цереры и Флоры. Если игры в честь Флоры и Цереры проводились обеими парами магистратов, то проведение Римских и Мегалесийских игр осуществлялось исключительно курульными эдилами, Плебейских — только плебейскими. Да и для самих магистратов, очевидно, значение имели скорее реакция публики на факт их проведения и количество потраченных на организацию средств. Финансовая сторона была обеспечена деньгами, полученными членами коллегии эдилов из казны, в виде штрафов, а так же личными средствами. Для решения этих задач магистраты прибегали к помощи своего вспомогательного персонала или заключали контракты на выполнение работ с другими должностными лицами. Вероятно, существовал механизм взаимодействия эдилов с высшими магистратами: консулами, преторами, диктаторами, — однако данных источников, касающихся подобного взаимодействия, у нас нет. Но исключать возможность обращения высших магистратов к эдилам по вопросам организации *ludi* нельзя. По нашему мнению, эта помощь эдилов высшим магистратам при устройстве игр стала причиной практики передачи им надзора за любыми вновь учрежденными играми.

⁵⁵ Kyle 1998, 42; Fowler 1899, 73–75; Adkins 1998, 283.

⁵⁶ Fowler 1899, 72–74.

⁵⁷ Kyle 1998, 42; Rüpke 2006, 225.

⁵⁸ Adkins 1998, 283–284.

ЛИТЕРАТУРА

- Власова О. А.* 2006: Деятельность претора в Риме: внесудебные аспекты // Политика. Идеология. Культура: проблемы всемирной истории / В. В. Дементьева, М. Е. Ерин (ред.). Ярославль, 44–50.
- Abbott F. F.* 1910: A history and description of roman political institutions. Boston; New York; Chicago; L.
- Adkins L., Adkins R. A.* 1998: Handbook to life in ancient Rome. Oxford.
- Bernstein F.* 1998: Ludi publici. Stuttgart.
- Bernstein F.* 2007: Complex Rituals: Games and Processions in Republican Rome / J. Rüpke (ed.). Oxford, 247–259.
- Bleicken J.* 1982: Die Verfassung der Römischen Republik Grundlagen und Entwicklung. Paderborn.
- Boyancé P.* 1972: Le culte de Cérès à Rome // Etudes sur la religion romaine. Rome: École Française de Rome. 11, 53–63.
- Boyd M. J.* 1960: The Cult of Ceres at Rome // The Classical Review, New Series. 10, 2, 147–151.
- Campbell C.* 2003: The Uncompleted Theatres of Rome // Theatre Journal. 55, 67–79.
- Cels-Saint-Hilaire J.* 1977: Le fonctionnement des Floralia sous la République // Dialogues d'histoire ancienne. 3, 253–286.
- Chastagnol A.* 1956: Le culte d'Apollon à Rome // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 2, 216–222.
- Crowther N. B.* 2007: Sport in Ancient times. L.
- Donahue J. F.* 2003: Toward a Typology of Roman Public Feasting // American Journal of Philology. 124, 3, 423–441.
- Ernst M.* 1990: Die Entstehung des Ädilenamtes. Paderborn.
- Finley M. I.* 1983: Politics in the ancient world. Cambridge.
- Flaig E.* 1994: Repenser le politique dans la République romaine // Actes de la recherche en sciences sociales. 105, 13–25.
- Flower H. I.* 2006: Spectacle and Political Culture in the Roman Republic // The Cambridge Companion to the Roman Republic / H. I. Flower (ed.). Cambridge, 322–343.
- Fowler W. W.* 1899: The Roman festivals of the period of the Republic. L.
- Futrell A.* 2006: The Roman Games. Oxford.
- Green W. M.* 1930: Appropriations for the Games at Rome in 51 A.D. // The American Journal of Philology. 51, 3, 249–250.
- Green W. M.* 1933: The Status of Actors at Rome // Classical Philology. 28, 4, 301–304.
- Hadzsits G. D.* 1930: The Dates of the Megalesia // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 61, 165–174.
- Herzog E.* 1965: Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung. Bd. 1. Leipzig.
- Jory E. J.* 1986: Gladiators in the Theatre // The Classical Quarterly, New Series. 36, 2, 537–539.
- Kubitschek W.* 1901: Aedilis // Pauli / Wissowa Real-Encyclopedie der classischen Alterthumswissenschaft. Bd. 1. Stuttgart, 456–457.
- Kyle D. G.* 1998: Spectacles of death in Ancient Rome. L.; New York.
- Lange L.* 1876: Römische Alterthümer. 3. Aufl. Berlin.
- Le Bonniec H.* 1962: Le culte de Cérès à Rome des origines à la fin de la République // Revue de l'histoire des religions. 161, 2, 233–239.
- Le Glay M., Voisin J.-L., Le Bohec Y.* 2005: A history of Rome. Oxford.
- Lintott A.* 1999: The Constitution of the Roman Republic. Oxford.

- Littlewood R.J.* 1981: Poetic Artistry and Dynastic Politics: Ovid at the Ludi Megalenses (Fasti 4. 179–372) // *The Classical Quarterly, New Series.* 31, 2, 381–395.
- Loewenstein K.* 1973: The governance of Rome. Hague.
- Mantle I.C.* 2002: The Roles of Children in Roman Religion // *Greece & Rome.* 49, 1, 85–106.
- Mayer R.* 2006: Roman Tragedy // *The Edinburgh Companion to Ancient Greece and Rome* / Ed. Bispham, Th. Harrison, B. A. Sparkes (eds.). Edinburgh, 295–299.
- Michels A.K.* 1978: The Calendar of the Roman Republic. Westport.
- Mommsen Th.* 1874: Römisches Staatsrecht. Bd. II. Tübingen.
- Mousorakis G.* 2003: The historical and institutional context of Roman law. Burlington.
- Nock A.D.* 1939: A Feature of Roman Religion // *The Harvard Theological Review.* 32, 1, 83–96.
- Nock A.D.* 1952: The Roman Army and the Roman Religious Year // *The Harvard Theological Review.* 45, 4, 187–252.
- North J.A.* 2006: Religion in republican Rome // *CAN VII, 2* / F.W. Walbank, A. E. Astin, M. W. Frederiksen, R. M. Ogilvie (eds.). Cambridge, 573–625.
- Ogilvie R.M.* 1973: Review: The Cult of Mars // *The Classical Review, New Series.* 23, 1, 73–75.
- Patterson J.R.* 1992: The City of Rome: From Republic to Empire // *The Journal of Roman Studies.* 82, 186–215.
- Piganiol A.* 1923: Recherches sur les Jeux romains. Straßburg.
- Poynton J.B.* 1938: The Public Games of the Romans // *Greece & Rome.* 7, 20, 76–85.
- Purcell N.* 2006: The city of Rome and the plebs urbana in the late Republic // *CAN, IX* / J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson (eds.). Cambridge, 644–689.
- Rüpke J.* 2006: Communicating with the Gods // *A companion to the Roman Republic* / N. Rosenstein, R. Morstein-Marx (eds.). Oxford, 215–236.
- Saunders C.* 1913: The Site of Dramatic Performances at Rome in the Times of Plautus and Terence // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association.* 44, 87–97.
- Scheid J.* 1985: Sacrifice et banquet à Rome // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité T.* 97. 1. 193–206.
- Sciarrino E.* 2006: The Introduction of Epic in Rome: Cultural Thefts and Social Contests // *Arethusa.* 39, 3, 449–469.
- Szemler G.J.* 1971: Religio, Priesthoods and Magistracies in the Roman Republic // *Numen.* 18, 2, 103–131.
- Taylor L.R.* 1934: New Light on the History of the Secular Games // *The American Journal of Philology.* 55, 2, 101–120.
- Taylor L.R.* 1937: The Opportunities for Dramatic Performances in the Time of Plautus and Terence // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association.* 68, 284–304.
- Taylor T.M.* 1910: A Constitutional and Political History Of Rome: From The Earliest Times To The Reign Of Domitian. L.
- Trapido J.* 1949: The Language of the Theatre: I. The Greeks and Romans // *Educational Theatre Journal.* 1, 1, 18–26.

CURA LUDORUM OF ROMAN AEDILS

A. Ye. Telin

The article deals with aedils organizing public games in Rome of the Roman republic times. The author considers a wide range of aedils' duties to arrange festivities ranging from delivering animals to the games to erecting theater platforms. The article focuses on a financial aspect of the games as well as festivity programs. The author of the article turns to differentiating the duties of curial and plebian ediles in organizing games. He considers that both magistrates equally participated in organizing games in honor of Flora and Ceres, while it was only curial aedils who organized Roman and Megalesian games. Plebian games were Plebian aedils concern.

Key words: Roman Republic, magistrates, ediles, games in Rome.

© 2011

Е. С. Данилов

«БЫК ЮЛИАНА» КАК СИМВОЛ SECURITAS PUBLICA*

Мы, стремясь за неимением образца наглядно показать незримое...,
воздействуем на ум с помощью символов.
Dio Chrys. Or. XII. 59. Пер. Н.В. Брагинской.

В статье содержится анализ монетных знаков императора Юлиана Отступника. Показана многозначность символа *taugus* (бык). Также утверждается, что изображение быка на монетах Юлиана, вероятно, было связано с традиционным культом Юпитера, покровителя Римского государства. Сам же бык выступает как зооморфная персонификация общественной безопасности (*securitas publica*).

Ключевые слова: Римская империя, Юлиан II Отступник, пропаганда, *taugus*, *securitas publica*.

Греческий глагол *συμβάλλω* и существительное *σύμβολον* указывают на совпадение, соединение, слияние, встречу двух начал в чем-то одном¹. Развитие символов отражает как развитие менталитета человека, так и специфику отдельных цивилизаций. Особую роль приобретают символы в культурах древних обществ,

Данилов Евгений Сергеевич — кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, младший научный сотрудник Научно-образовательного центра антиковедения ЯрГУ. E-mail: soгах@76.ru

* Исследование проводится при поддержке РФФИ, грант 10-06-00140-а, и в рамках Госконтракта № 16.740.11.0104 на выполнение научно-исследовательских работ.

¹ Вейсман 1899, 1175. О термине «символ» в древнегреческой литературе см.: Тахо-Годи, Лосев 1999, 329–361.

в которых они расширяют свое значение, становятся ядром самоидентификации человека, общества, государства². Одним из таких символов являлось изображение быка (ταύρος, taurus, bos).

Общеизвестно, что бык — символ божественности, царственности, стихийных сил природы, изменявший свое значение в различные эпохи и в различных культурах³. В этом отношении «бык Юлиана», последний зверь на имперской монете античного Рима, представляет собой многозначный символ. Попробуем раскрыть основные значения этого знака на чеканке времен императора Юлиана Отступника (361–363 гг.).

В период своего правления Юлиан чеканил среди прочих монеты с изображением быка. Зарегистрировано несколько разновидностей этой чеканки, но изображения быка, приносимого в жертву перед алтарем, о котором упоминали Сократ Схоластик (III.17.5) и Созомен Саламинский (V.19.2), не найдено. Зато найдено несколько бронзовых майорин⁴, на аверсе которых — драпированный бюст, повернутый вправо, а на реверсе — изображение быка и двух звезд, а также надпись SECVRITAS REIPVB (RIC. VIII. 106).

Что мог означать сам бык?

Не исключено, что это мог быть солярный символ (Macrob. Sat. I.21.20). Зосим сделал пропагандистский акцент на том (III.9.6), что о скорой смерти Констанция Юлиану во сне объявило Солнце (ὁ Ἥλιος). В своих сочинениях Юлиан выказал себя истинным слугой и последователем (ὀπαδός) божества, которое он превозносит в гимне «К Царю Солнцу». В этом произведении содержится множество идей из религиозно-философского учения Ямвлиха⁵. Небесные светила — это зримые боги (133с); а Солнце, величайшее из божеств, выступает как связующее звено между видимым и умопостигаемым мирами (133а), как отец всех людей (131с)⁶. Поэтому главной заботой Юлиана было прославление Солнца⁷. Даже находясь на смертном одре, Юлиан, как передает Филосторгий, черпал руками кровь из раны и, подбрасывая ее к солнцу, громко восклицал: «Насыться!» (VII.15).

В солнечный пантеон включались боги множества религий, и каждый из них был ипостасью Царя Солнца⁸. У Юлиана часто встречаются такие фразы: «един алтарь Гелиоса и Зевса» (135d) или «Един Зевс, Един Аид, Един Гелиос суть Серапис» (136а). В одной из молитв Гелиосу концовка звучит следующим образом: «Един Зевс Серапис!»⁹.

Юлиан поклонялся солнечному богу под именами Митры¹⁰ и Гелиоса¹¹. В Элевсинах Юлиан прошел обряд посвящения в культ Деметры, ипостаси Ми-

² Саранчева 2007, 8. Подробнее см.: Зубко 2010.

³ Тресиддер 1999, 31.

⁴ Майорин — позднеримская бронзовая монета, впервые чеканенная при императоре Магненции (350–353 гг.).

⁵ Корелин 2005, 118–119. Юлиан был представителем пергамской школы неоплатонизма, основанной Эдесием, учеником Ямвлиха (Eunap. V. Soph. 461, 465).

⁶ Kloft 2006, 80, 92.

⁷ Бирюков 2007, 58.

⁸ Пак 2010, 367.

⁹ Петров 2003, 47.

¹⁰ «Солнце персидское — Митра» (Drac. Med. 538. Пер. В.Н. Ярхо).

¹¹ Mitchell 2007, 265.

тры (Eunap. V. Soph. 475–476). Вероятно, он спустился в яму, и на голову ему пролили кровь жертвенного быка. Американский исследователь Роберт Браунинг подчеркивает связь тавроболий Юлиана именно с культом Митры, а не Великой матери или Аттиса¹². Хотя адептами Митры были некоторые римские императоры (Нерон — Dio Cass. LXIII.5; Коммод — SHA. Comm. IX.5), митраизм не выступал в роли государственного культа¹³, а потому его символ — бык (Porphyr. De anto pumphaum. 24) не нашел соответствующего представления в римской нумизматической традиции.

Наряду с Митрой и Сераписом в империи получили распространение и другие солярные культы, в частности, сирийский Элагабал¹⁴. В эпиграфических и нарративных источниках Элагабал, как и Митра, именуется «Солнце Непобедимое». Несмотря на солярный характер, а также сходство теонимов, Митра никогда не отождествлялся с Элагабалом¹⁵. Культ Непобедимого Солнца Элагабала стал насаждаться в качестве имперской идеологии Антонином Бассианом (Herodian. V.5.6–7; RIC. IV.28)¹⁶. На базе именно этого культа император Аврелиан создает общеимперский культ Sol Invictus (SHA. Aurel. XXV.4–6; Zos. I.61.2; RIC. V. 200, 384). Аврелиановский Sol Invictus сделался неким подобием обычного императорского культа, более направленного на демонстрацию политической лояльности, чем отвечающего реальным духовным потребностям. Поэтому Sol Invictus Аврелиана, по мнению П. В. Иванова, не смог стать единой имперской религией¹⁷.

Изображение быка, таким образом, относилось скорее к официальному культу Юпитера, чем к солярным божествам¹⁸, что, однако, не исключает наличия других скрытых мотивов в рассматриваемом знаке¹⁹.

Среди таких мотивов можно назвать поклонение Апису. Аммиан Марцелин сообщает, что в период правления Юлиана в Египте после продолжительных и тщательных розысков удалось найти быка Аписа, что, по представлениям египтян, считалось добрым предзнаменованием и предсказывало «хороший урожай и блага всякого рода» (XXII. 14. 6). Некоторые западноевропейские исследователи не сомневаются в том, что «бык Юлиана» — это именно египетский Апис, хотя никак это не подтверждают²⁰.

¹² Browning 1976, 113.

¹³ Иванов 1996, 15.

¹⁴ Savage 1940, 52.

¹⁵ Буркхард 2003, 174.

¹⁶ Белоусов 2009, 84.

¹⁷ Иванов 1999, 81.

¹⁸ Впрочем, Юпитер находился в тесной связи с Солнцем. Так, Галльский Юпитер, имевший в качестве атрибута колесо, был богом неба, величественным проявлением которого являлось солнце (Широкова 2008, 357–358). Макробий утверждал, что «Юпитер и солнце суть одно и то же» (Sat. I.23.1. Пер. В.Т. Звиревича).

¹⁹ Боги римлян — качества и атрибуты. В представлении о богах нет ясности и отчетливости. Римскому сознанию присущ символизм. Римлянин связывал божественный характер с принципом невидимого, с тем, что он чувствовал в себе священным. См.: Фарб 1998, 25. «Попытка объединить философский монотеизм с народным политеизмом — причем отдельные божества превращаются им в подчиненные духовные сущности, или в иные имена единого бога, или в персонификации его атрибутов — характерная черта религиозной системы Юлиана» (Фурман 1970, 225).

²⁰ Akerman 1840, 412; Kater-Sibbes, Vermaseren 1977, 31–32; Hagl 1997, 167; Rosati, Cahn 2000, fig. 13a; Biro-Sey 2001, 171.

Юлиан, получивший эллинское воспитание (Aur. Vict. Epit. XLIII. 5; Eutrop. X. 16. 3; Socr. H.E. III. 1; Zos. III.2.1)²¹, возможно, был знаком с трудами философа Диона Хризостома, у которого бык выступает как символ хорошего правителя (Dio Chrys. Or. II. 66–68)²². Мудрый и добродетельный царь, наделенный верховной властью от самого Зевса (Dio Chrys. Or. I. 12, 45), стремится к общему благу (Dio Chrys. Or. I. 23).

Нельзя также исключать вариант зодиакальной символики. Юлиан, как известно, родился в мае, когда солнце находится в знаке Тельца.

Христианские апологеты не упустили возможность по-своему взглянуть на монетные знаки императора-отступника. Их свидетельства, бесспорно, пристрастны, особенно при рассмотрении религиозных вопросов и церковных дел²³. Созомен был возмущен языческими обрядами Юлиана (V.2) и отмечал благосклонность Юлиана к иудеям (V.22)²⁴. Как свидетельствуют Феодорит Кирский (Ecc. Hist. III.20), Руфин Аквилейский (H. E. 37), Феофан Византиец (л. м. 5854, Р. X. 354) и Филосторгий (VII.9), император даже приказал восстановить храм в Иерусалиме. Сократ Схоластик писал, что принцепс, «беспрепятственно на жертвенниках идольских принося в жертву быков, приказал и на монете своей чеканить жертвенник и быка» (III. 17). Наконец, Ефрем Сирий сопоставлял быка Юлиана с библейским золотым тельцом (II. 17. 1–6).

Возвращаясь к быку как персонификации Зевса-Юпитера²⁵, рассмотрим его изображение как указание на пропагандируемое при Юлиане установление общественной безопасности. У императора были причины заявлять о подобном. На его счету были неоднократные победы над германскими племенами, вторгавшимися в Галлию в 356–361 гг. (Aur. Vict. Caes. XLI.16, Epit. XLII.13–14; Eutrop. X. 14; Oros. VII. 29. 15; Socr. H.E. II. 47, III. 1; Sulp. Sev. Vita Martini. IV. 1; Zos. III.3–9)²⁶. По меткому выражению Эвнапия Сардийца, «Юлиан обыкновенно начинал не просто войну, а победы» (fr. 12). Как раз в рейнских легионах долгое время был весьма популярен Юпитер Долихен, который изображался стоящим на быке²⁷. В панегирике Клавдия Мамертина основное внимание уделено заботе Юлиана о провинциалах, защите их от неправых чиновников, восстановлению городов (Pan. Lat. XI. 10, 12.1).

Либаний в своем жизнеописании называет Юлиана врагом нечестивцев и упоминает о его правлении как «поре безопасности» (ἀσφαλεία), объединяя в этом понятии возрождение почитания старых богов, расцвет красноречия и возвращение к римлянам отваги в их борьбе с варварами (Aut. 119–120). У Либания

²¹ См.: Bidez 1956, 29–36; Athanassiadi-Fowden 1981.

²² Бык фигурирует в ряду знамений, указывающих на получение императорской власти (SHA. Ant. Pius. III.5; Clod. V.3) и на ее потерю (Tac. Hist. I. 86, III.56; Suet. Galb. 18).

²³ Успенский 2005, 112; Васчева 2009, 30–32. Объективную картину религиозной политики Юлиана представить затруднительно. Достаточно сказать, что Клавдий Мамертин, автор благодарственной речи 362 г. в честь императора, умалчивает об этой проблеме (См.: Blockley 1972, 447).

²⁴ Об отношении Юлиана к иудаизму см.: Аллар 1898, 217–219; Vogt 1939; Грушевой 2008, 353–365.

²⁵ На многих римских монетах встречаются самые разнообразные изображения Юпитера: на троне, часто со статуэткой Виктории в руке, стоящего в военных доспехах и так далее. Его главные атрибуты — орел, скипетр и жезл.

²⁶ См., например: White 1998.

²⁷ См.: Speidel 1978. О совместном почитании Юпитера Долихена и Митры: Turcan 2005, 208.

мы находим неоднократные упоминания о духовной связи Юлиана и Зевса. Здесь и жертвоприношения (Aut. 121), и меры по поддержанию культа Зевса (Orat. XVIII F. 125), и молитвы (Orat. XVIII F. 214), и лицезрение бога и получение от него советов (Orat. XVIII F. 172). Император в своих письмах упоминает эпитеты царя Зевса и принесенную жертву — белого быка (Julian. Ep. 13, 14, 33, 45, 49).

Таким образом, в умах граждан должно было сложиться представление об идеальном царствовании, проходящем под лозунгами внутренней и внешней безопасности.

Юлиан, веривший в переселение душ, считал даже, что он воплощение Александра Великого (Socr. H.E. III. 21). Во время персидского похода император пожелал пройти через Арбелу, чтобы вместе с победой Александра, воспевался и его подвиг (Liban. Orat. XVIII F. 260)²⁸. Как и Александр, Юлиан на просьбы друзей указать наследника власти, предоставил выбор войску (Liban. Orat. XVIII F. 273), фактически завещав все «сильнейшему». Македонский царь, в свою очередь, объявлял себя сыном Зевса (Liban. Orat. XVIII F. 297; Socr. H.E. III. 23).

Почитание Юпитера было официальным государственным культом²⁹. Юлиан же был верховным понтификом³⁰. В речи, посвященной другу Саллюстию, Юлиан произносит слова утешения, похожие на 22 псалом Давида³¹ и обращенные к Зевсу: «Он примет тебя милосердно и поведет в безопасности по земле, а если тебе должно будет путешествовать морем, усмирит волны!» (Julian. Or. VIII. 252c). Цель данного действия — получить защиту верховного бога. Зевса-Юпитера почитали как спасителя и защитника, дарителя безопасности (Cic. De fin. III.66)³². Поэтому вполне логично, что под изображением быка, символа Зевса (Ovid. Meth. II. 850, Fast. V.603–605; Ampel. Lib. memor. II.2; Claud. C. min. IV.5), на монете Юлиана мы читаем надпись *SECVRITAS REIPVB*, т. е. «безопасность государства».

Юлиан, отвергнувший христианство, отходит, таким образом, от использования присущей этой религии символов безопасности, среди которых полумесяц, популярный при Константине Великом³³, а также раннехристианские якорь (Евр.6:18–20) и лодка (Clem. Paed. III. 12)³⁴. Не случайно Григорий Богослов в «Первом обличительном слове на царя Юлиана» обвиняет последнего в том, что он, покусившись на уже укоренившуюся веру, подвергнул опасности целое государство (Greg. Naz. Or. IV). Полемическое высказывание каппадокийского епископа служит отголоском новозаветного послания Павла: «Ибо когда будут говорить “мир и безопасность” (Εἰρήνη καὶ ἀσφάλεια), тогда внезапно постигнет их пагуба» (1 Фес. 5:3). В этой фразе некоторые исследователи видят вызов властям

²⁸ См.: Baynes 1953, 346–347; Lane Fox 1997, 239–252.

²⁹ Шайд 2006, 153. Анонимный автор географического трактата «Полное описание вселенной и народов», датируемого серединой IV в., писал: «Римляне до сих пор почитают некоторых богов, в особенности Юпитера и Солнца» (Jovem et Solem) (Expositio 55. Пер. С.В. Поляковой).

³⁰ Errington 2006, 171; Hunt 2008, 68.

³¹ Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего (Пс. 22:1–3. Русский синодальный перевод).

³² Юпитер имел множество эпитетов: *CONSERVATOR* — хранитель, *CVSTOS* — покровитель, *TERMINVS* — защитник границ и др.

³³ Успенский 2006, 236.

³⁴ Уваров 2001, 144, 146, 149, 154, 195, 203.

и выпад против политики римских императоров, утверждавших, что они установили *paх et securitas*³⁵.

Здесь стоит вспомнить и упомянутые нами две восьмиконечные звезды, которые как бы дополняют новым смыслом соседние символы. Во-первых, само по себе понятие звезды тесно связано с понятием «священных» животных (корова, бык)³⁶. Во-вторых, глаза Зевса и Митры иногда сравнивают со звездами³⁷. В-третьих, появившийся рядом с быком на одном из экземпляров монеты орел (RIC. VIII. 318) может обозначать как древнюю эмблему сирийских солнцепоклонников³⁸, так и священную птицу все того же Юпитера.

Уникальность данного изображения заключается еще и в том, что на всех римских монетах предшествующего периода с легендами *SECVRITAS REI PVBLICAE* Безопасность персонифицировалась в образе женской фигуры³⁹, но никак не животного. Возможно, поэтому не стоит удивляться реакции антиохийцев, которые, по свидетельству самого Юлиана, высмеивали символы на его монетах (Julian. Mis. 355d).

Бык Юлиана — это своеобразный манифест реставрации культа традиционных богов, среди которых капитолийская триада занимала главенствующее положение. Трагическая судьба Юлиана, в свою очередь, выступает как символ невозможности языческого возрождения⁴⁰.

Бык на монетах Юлиана, таким образом, напрямую не выступает в качестве символа общественной безопасности, он скорее фигурирует как собирательный образ тех демиургов, которые потенциально, в силу своей популярности или положения в рамках государственного культа, готовы даровать эту безопасность римским гражданам.

Рис. 1. Бронзовая монета Юлиана Отступника. Антиохия (RIC. VIII. 216)

³⁵ Boers 2006, 181.

³⁶ Маковский 1996, 159.

³⁷ Тресиддер 1999, 107. У Клавдиана Митра назван вращающим звезды (Claud. Stil. I. 63).

³⁸ Вовк 2006, 254.

³⁹ Jones 2004, 282–283.

⁴⁰ Дониини 1989, 263; Свенцицкая 1989, 177–178; Доддс 2003, 212.

Рис. 2. Монета Юлиана Отступника. Константинополь (RIC. VIII. 318)

ЛИТЕРАТУРА

- Аллар П.* 1898: Христианство и Римская империя от Нерона до Феодосия. СПб.
- Белоусов А. В.* 2009: Культ Солнца у Аполлония Тианского // Труды кафедры древних языков. Вып. II (К 75-летию исторического факультета МГУ и 60-летию кафедры) / А. В. Подосинов (ред.). М., 82–88.
- Бирюков Д.* 2007: Вера-язык: Юлиан и свт. Григорий Назианзин // Император Юлиан. Сочинения. СПб., 55–88.
- Буркхард Я.* 2003: Век Константина Великого. М.
- Ващева И. Ю.* 2009: Образы императоров в «Истории» Филосторгия // ПИФК. 3, 24–46.
- Вейсман А. Д.* 1899: Греческо-русский словарь. СПб.
- Вовк О. В.* 2006: Энциклопедия знаков и символов. М.
- Грушевой А. Г.* 2008: Иудеи и иудаизм в истории Римской республики и Римской империи. СПб.
- Доддс Э. Р.* 2003: Язычник и христианин в смутное время: Некоторые аспекты религиозных практик от Марка Аврелия до Константина. СПб.
- Донини А.* 1989: У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана). М.
- Зубко Г. В.* 2010: Древний символ. Истоки. Смысловая структура. Эволюция. М.
- Иванов П. В.* 1996: Восточные культы в духовной жизни Италии времен Империи: автореф. дис.... канд. ист. наук. М.
- Иванов П. В.* 1999: Sol Invictus (Элагабал). Рим в поисках общеимперской идеологии // IV Державинские чтения. Философия. Социология. Политология. История, теория и социология культуры. Право. Экономика. История: Материалы науч. конф. преподавателей и аспирантов. Тамбов, 81.
- Корелин М. С.* 2005: Падение античного мирозерцания. Культурный кризис в Римской империи. СПб.
- Маковский М. М.* 1996: Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.
- Пак Е. А.* 2010: Религиозная политика Юлиана Отступника // Мнемон. 9, 363–386.
- Петров А. В.* 2003: Феномен теургии: Взаимодействие языческой философии и религиозной практики в эллинистическо-римский период. СПб.
- Саранчева Н. В.* 2007: Символ как социокультурный феномен: автореф. дисс....канд. философ. наук. Волгоград.

- Свенцицкая И. С.* 1989: Раннее христианство: страницы истории. М.
- Тахо-Годи А. А., Лосев А. Ф.* 1999: Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб.
- Тресиддер Дж.* 1999: Словарь символов. М.
- Уваров А. С.* 2001: Христианская символика. Ч. 1: Символика древнехристианского периода. М.; СПб.
- Успенский Б. А.* 2006: Крест и круг: Из истории христианской символики. М.
- Успенский Ф. И.* 2005: История Византийской империи: в 5 т. Т. 1. М.
- Фарб Г. И.* 1998: Ценностно-нормативные ориентации ментальности и эволюция систем верований (эпоха перехода от античности к средневековью). автореф. дисс. ...канд. культурологии. М.
- Фурман Д. Е.* 1970: Император Юлиан и его письма // ВДИ. 1, 213–236.
- Шайд Дж.* 2006: Религия римлян. М.
- Широкова Н. С.* 2008: Галльский Юпитер Цезаря — кельтский Таранис Лукана // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова. СПб., 354–360.
- Akerman J.* 1840: A numismatic manual. London.
- Athanassiadi-Fowden P.* 1981: Julian and Hellenism, an Intellectual Biography. Oxford.
- Baynes N. H.* 1953: Julian the Apostate and Alexander the Great // Byzantine Studies and Other Essays. London, 346–347.
- Bidez J.* 1956: Kaiser Julian. Der Untergang der heidnischen Welt. Hamburg.
- Biro-Sey K.* 2001: Eine heidnische Münze des Julianus Apostata im Myntkabinett Oslo // Late Antiquity: Art in Context / J. Fleischer, J. Lund, M. Nielsen (eds.). Copenhagen, 169–178.
- Blockley R. C.* 1972: The Panegyric of Claudius Mamertinus on the Emperor Julian // AJPh. 3, 437–450.
- Boers H.* 2006: Christ in the Letters of Paul: in place of a Christology. Berlin; New York.
- Browning R.* 1976: The Emperor Julian. Berkeley and Los Angeles.
- Errington R. M.* 2006: Roman imperial policy from Julian to Theodosius. Chapel Hill.
- Hagl W.* 1997: Arcadius Apis imperator: Synesios von Kyrene und sein Beitrag zum Herrscherideal der Spätantike. Stuttgart.
- Hunt D.* 2008: Julian // CAH. Vol. XIII. Cambridge.
- Jones J. M.* 2004: A dictionary of ancient roman coins. London.
- Kater-Sibbes G. J. F., Vermaseren M. J.* 1977: Apis: Inscriptions, coins and addenda. Leiden.
- Kloft H.* 2006: Mystrienkulte der Antike. Götter, Menschen, Rituale. München.
- Lane Fox R. J.* 1997: The Itinerary of Alexander: Constantius to Julian // CQ. 47, 239–252.
- Mitchell S.* 2007: A history of the later Roman Empire, AD 284–641: the transformation of the ancient world. Oxford.
- Rosati F. P., Cahn H. A.* 2000: La moneta greca e romana. Roma.
- Savage S. M.* 1940: The Cults of Ancient Trastevere // MAAR. 17, 26–56.
- Speidel M.* 1978: The religion of Iuppiter Dolichenus in the Roman army. Leiden.
- Turcan R.* 2005: The cult of the Roman Empire. Oxford.
- Vogt J.* 1939: Kaiser Julian und das Judentum. Studien zum Weltanschauungskampf der Spätantike. Leipzig.
- White A.* 1998: Ammianus Marcellinus as a Guide to the Strategies of Julian's Gallic Campaign 356–361. Ottawa.

THE “TAURUS OF JULIAN” AS A SYMBOL OF SECURITAS PUBLICA

Ye. S. Danilov

The article analyzes Julian the Apostate’s coin symbols showing the polysemy of the Bull. It also states that the type of the bull in Julian coinage was connected with the worship of Jupiter, protector of the Roman state. The bull itself is a zoomorphic personification of securitas publica.

Key words: Roman empire, Julian II the Apostate, propaganda, securitas publica.

© 2011

Ю. В. Домина

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ КЛАССИЧЕСКОГО АНТИЧНОГО ТЕАТРА:
ДИАЛЕКТИКА РИТУАЛЬНОГО ОЧИЩЕНИЯ И ГРАЖДАНСКОГО
ВОСПИТАНИЯ

Цель статьи — выявить содержание, условия и механизм реализации социальной функции театра в Афинах V в. до н.э. Для этого автор раскрывает природу мимесиса и катарсиса в контексте генетической связи древнегреческой трагедии с дионисийским культом и афинской полисной демократией.

Ключевые слова: античный театр, мимесис, катарсис.

Будучи важнейшим институтом полисной демократии, театр, особенно в классическую эпоху (в V в. до н.э.), содействовал формированию у граждан свободы воли как умения делать правильный выбор, разрешать противоречия социальной и частной жизни. Несмотря на интенсивное изучение «механизмов» воздействия древнегреческого театра на граждан в античной и в современной литературе, существует немало противоречий в их осмыслении. Одно из них — противопоставление мимесиса и катарсиса как средств достижения социогигиенического эффекта театра. Именно оно и станет предметом нашего анализа.

Хотя история научного исследования как мимесиса, так и катарсиса насчитывает уже не одно тысячелетие и копий на обоих полях представителями различных гуманитарных дисциплин сломано немало, противопоставлять эти понятия или сравнивать их значение и возможности в целом не принято. Заложённая Аристотелем традиция мыслить катарсис как *τέλος* (цель) театрального действия при всех разночтениях самого термина «катарсис» существует и по сей день (по крайней мере, когда речь идёт об античном театре); мимесис в этом же контексте выступает как *modus vivendi* искусства (применительно к трагедии — *mimesis praxeos*, подражание действию) и является необходимым условием достижения эффекта

Домина Юлия Владимировна — аспирант кафедры социальной философии Южного федерального университета. E-mail: julia_domina@mail.ru

катарсиса, обеспечивая, с одной стороны, правдоподобность зрелища, а с другой стороны, его известное дистанцирование от зрителя. Тем не менее, британский антиковед Нейл Кроулли положил эти явно гетерогенные явления на разные чаши весов и обосновал дидактический характер древнегреческой трагедии, развенчав «авторитет» катарсиса.

Мы ставим своей целью преодолеть это противоречие, тем более что анализ концепций катарсиса и мимесиса позволит нам сформулировать собственное представление о социальной функции классического античного театра. С одной стороны, необходимо выявить специфику театра как общественно-нравственного феномена, способствующего интеграции афинского демократического полиса под знаком *nomos* — общих правовых и этических норм. С другой стороны, для возвращения катарсиса к прежней позиции мы прибегнем к концепции «культуры вины», породившей, по мнению Э. Доддса, катартический ритуал, который, в свою очередь, дал начало театру, сохранив в нём возможность освобождения личности от индивидуальных деструктивных эмоций.

Прежде всего рассмотрим теоретические основания и практические доказательства концепции Н. Кроулли, изложенные в его статье «Уроки трагедии». Аристотелевская, эстетическая, концепция мимесиса включает в себя и адекватное отображение действительности (изображение вещей такими, «как они были или есть»), и деятельность творческого воображения (изображение их такими, «как о них говорят и думают»), и идеализацию действительности (изображение их такими, «какими они должны быть»). В зависимости от творческой задачи художник может сознательно или идеализировать, возвысить своих героев (как поступает трагический поэт), или представить их в смешном и неприглядном виде (что присуще авторам комедий), или изобразить их в обычном виде.

Цель мимесиса в искусстве, по Аристотелю, приобретение знания и возбуждение чувства удовольствия от воспроизведения, созерцания и познания предмета; трагедия же, подражая действию мифов и, следовательно, обращаясь к общезначимым темам, становится естественным инструментом нравственного воспитания человека, так как эмоции, пробуждаемые трагедией, способствуют пониманию моральных принципов, будь то заповеди Хирона или кодекс Домостроя. Платон, критикующий мимесис как источник истинного знания, в своём идеальном государстве запретил бы театр с его рационально-эмоциональным воздействием на граждан, то есть он ставит под вопрос благотворность такого воздействия, а не его возможность.

Следом за классиками Н. Кроулли, рассуждая о месте театра среди социальных институтов Атики V в. до н.э., выводит политическую функцию трагедии именно из её дидактического потенциала: изображая Другого (богов и героев, чужеземцев, женщин, рабов) в Другое время и в Другом месте (действие практически всегда происходит в отдалённом прошлом и за пределами Афин), трагедия исследует актуальные политические и социальные проблемы (правосудия, последствий войны, взаимоотношений между полами и поколениями), воспитывает активных граждан, способных принимать решения, разрешать моральные конфликты и защищать свою позицию¹. Таким образом, театр, продукт полисной

¹ Croally 2005.

демократии, становится действенным идеологическим оружием, воспроизводя дискурс полиса в принципиально иных условиях — преобразуя гибкую и пластичную реальность мифа, и заставляет афинское общество исследовать самоё себя в кривом зеркале мимесиса.

Немногим ранее идею объективации мифа в древнегреческой трагедии для критической оценки *status quo*, рефлексии над обнаруженными противоречиями и дискуссии о путях их разрешения развивает в своей статье «Демократический хор» Деймон Янг, который использует введённые М. М. Бахтиным понятия полифонии и «карнавальности», чтобы объяснить, почему античный театр, родившийся из Дионисийского культа, даёт право слова хору, представленному, как правило, вышеперечисленными категориями Других, т. е. оказывается демократичнее агоры.

Далее, опираясь на труды Л. С. Выготского, Янг показывает, как в контексте полифонии драматического нарратива за счёт «инаковости» хора происходит органичное развитие личности в со- и противопоставлении себя и Другого, сознающей свою роль и место в иерархии общества, способной признавать правильность иной точки зрения и учиться у прочих, поддерживая, таким образом, «тесную взаимосвязь с обществом, историей, культурой, политикой и искусством»². Будучи в целом согласными с теорией расширительного толкования воспитания Янга, осуществляемого античным театром, мы не находим в ней обоснования такой восприимчивости зрителей Дионисий. Для ответа на этот немаловажный вопрос необходимо глубже исследовать природу мимесиса.

Заметив, что мимесис имеет более активный, дискурсивный характер, чем это предполагает аристотелевская поэтика, обратимся к более поздним интерпретациям термина. Г. Колер, предпринявший исследование значений мимесиса в античности и их эволюции, пришёл к следующему выводу: «Древний смысл греческого слова *mimesis* появился в религиозной, точнее, — культовой сфере, еще точнее, — в культовом танце в том его виде, который принадлежал к дионисийским оргиям и исполнялся *mimos*'ом или несколькими *mimoi*. Издревле *mimēsthai* означало как “представлять посредством танца”, так и “выражать танцем”»³.

Эти выводы подтверждаются и исследованиями кембриджских ритуалистов. Джейн Гаррисон в работе «Античное искусство и ритуал» заявляет: «Мы переводим *mīmēsis* как “имитация, подражание”, что совсем неверно. Слово *mimesis* означает действия, деятельность человека, называемого *mime*»⁴. Важно, что актёр (*actor*), занявший место мима, когда пантомиму и примитивную драму сменил театр, в английском языке происходит от глагола *act*, который означает не «имитировать, подражать», а «действовать, поступать», а именно этот деятельностный аспект подчёркивается в древнегреческом *dromenon* («ритуал, то, что воспроизведено») и *drama*. Искусство и ритуал близки также в силу своего эмоционального начала: в обоих случаях явление действительности копируется не в качестве самоцели, а для воспроизведения эмоций, которыми это явление сопровождалось, и только когда затихают эмоции, копия становится простой имитацией.

² Young 2003, 230.

³ Цит. по Вейдле 2002.

⁴ Harrison 1913, 47.

Фрэнсис Корнфорд приходит к тому же заключению в «Психологии и драме», где он отмечает ещё одно важное свойство мимесиса — сопричастность, слияние выражающего с выражаемым, за счёт чего и происходит катарсис, очищение от воспроизводимых эмоций⁵. Согласно В. Вейдле, миметическое превращение достигается в некоем действе. Мимесис — это процесс, а не состояние. Хотя он и проявляется через произведение, изначально он является свойством не собственно произведения, а процесса создания, деятельности, действия, которое его творит⁶. А на сцене древнегреческого театра посредством мимесиса актуализируется «своё-иное» афинского полиса, причём драматург, актёры, хор и зрители выступают как со-творцы, соучастники трагического конфликта, и именно их взаимодействие превращает театр в своего рода форму *paideia*, вместе с тем делая возможным катартический эффект.

Чтобы выяснить, в чём заключается этот эффект, попытаемся систематизировать существующие на сегодняшний день определения этого более чем однозначного термина. В «Поэтике» Аристотеля представлена классическая концепция трагического катарсиса, давшая начало многочисленным интерпретациям — в рационально-эмоциональном (как осознание собственных подавляемых деструктивных эмоций с последующим освобождением от них), эстетическом (осуществление такого осознания через организованное по специфическим законам подражания художественное произведение), «медицинском» (как метафора избавления организма от «нечистых» эмоций) и других аспектах: «Трагедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему [определённый] объём, [производимое] речью, услащенной по-разному в различных ее частях, [производимое] в действии, а не в повествовании и совершающее посредством страдания и страха очищение (*katharsis*) подобных страстей» (Arist. Poet.1449b21). Следовательно, назначение катарсиса во всех этих контекстах видится в почти механическом «снятии» внутреннего противоречия в результате психологического воздействия произведения искусства. Несколько не вписывается в эту «терапевтическую» группу лишь религиозно-этическая концепция катарсиса, предполагающая также «наставление на путь истинный» через сопереживание, сострадание чьей-то более трагичной судьбе, что перекликается с некоторыми нашими выводами.

К нашему толкованию катарсиса и его функции в древнегреческом театре эпохи афинской демократии мы обратимся чуть позже, а прежде необходимо разобратся в содержании того специфического гражданского воспитания, которое можно было получить на сцене Дионисийского театра. Доступные нам тексты трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида свидетельствуют о том, что все моральные дилеммы, встающие перед протагонистами «Медеи», «Орестеи», «Троянок», «Царя Эдипа», подаются в контексте рефлексии о нравственной ответственности за преступление независимо от того, сознаётся ли она и несёт ли виновный наказание. Значит, за счёт того, что мораль, по выражению А.Ф. Лосева, «в трагедии дана в ужасающем виде, преступления, смерти, поругания и всяческие моральные бесчинства здесь на каждом шагу»⁷, театральное действо способствует осоз-

⁵ Cornford 1987.

⁶ Вейдле 2002.

⁷ Лосев 1980.

нению этических норм, выработке представлений о справедливости и, особенно к концу эпохи, формированию свободы воли.

В то же время классическая древнегреческая трагедия, по мнению Э. Доддса, относится к периоду расцвета «культуры вины», следовательно, наследует от гомеровского эпоса архаическое мировоззрение, исходящее из того, что человек остаётся беспомощным перед высшими непостижимыми и зачастую иррациональными силами (богами, даймонами, Судьбой): его поступки и даже настроение зависят от неподвластных ему случайных внешних факторов, что, впрочем, не исключает необходимости нести наказание за преступления, причём долг искупления «автоматической» вины может распространяться и на потомков согрешившего. Отсюда имманентные архаическому мировоззрению «общераспространенный страх осквернения (миасма) и коррелирующее с ним универсальное желание ритуального очищения (катарсис)»⁸. Э. Доддс упоминает о подобных практиках, направленных на очищение от наследственного чувства вины и разрешение подавленных желаний, освобождение от «нечистых» эмоций в социально приемлемой форме (магическо-религиозный катарсис жертвоприношений, «козлов отпущения», корибантских ритуалов)⁹, причём облегчение достигается посредством экстатического «выхода из себя» в ниспосланном богами ритуальном неистовстве.

Но театр как институт социальной гигиены не требует непосредственного участия для очищения от нежелательных эмоций, которое теперь опосредовано социокультурной практикой. Поэтому «катарсис действия», характерный для ритуалов дионисийского культа, трансформируется в «катарсис соучастия в действии» классического античного театра, продолжая при этом реализовывать функцию «снятия» дисгармонизирующих аффектов. Механизм «катарсического» воздействия на зрителя разворачивается следующим образом: трагедия воспроизводит страдания, к которым зритель ощущает себя сопричастным в силу всеобщего характера темы, так что роль «божественного неистовства» теперь играет *mimesis graheos*. В то же время такой способ самовыражения предполагает дистанцию между собой и объектом сопереживания, таким образом делая возможным диалог с Другим, а именно на этой основе происходит становление древнегреческой трагедии как института гражданского воспитания. Интернализация этого диалога представляет собой одну из составляющих процесса формирования сознания. Следовательно, социальная функция античного театра заключается в создании условий для разрешения актуальных проблем как афинского демократического общества в целом, так и личности соучастника драматического действия в частности.

ЛИТЕРАТУРА

Вейдле В. 2002: Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ec-dejavu.net/m-2/Mimesis.html>

Доддс Э. Р. 2000: Греки и иррациональное. СПб.

Лосев А. Ф. 1980: История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/losef/iae4/txt14.htm>

Croally N. 2005: *Tragedy's Teaching // A Companion to Greek Tragedy / Justina Gregory* (ed.). Blackwell Publishing, 55–70.

⁸ Доддс 2000, 60.

⁹ Там же, 100–117.

Cornford F.M. 1987: *Psychology and the Drama // Selected Papers of F. M. C. / Alan C. Bowen (ed.)*. London; New York, 2–20.

Harrison J.A. 1913: *Ancient Art and Ritual*. London.

Young D.A. 2003: *The Democratic Chorus: Culture, Dialogue and Polyphonic Paideia // Democracy & Nature*. Vol. 9. 2, 221–235.

SOCIAL FUNCTION OF ANCIENT THEATRE: DIALECTICS OF RITUAL CATHARSIS AND SOCIAL UPBRINGING

Yu. V. Domina

The article deals with the meaning, framework and implementation of the social function of Athenian theatre in the 5th century BC. In order to present and prove her view on the subject the author reveals the nature of catharsis and mimesis within the context of genetic affinity of ancient Greek theatre with Dionysian cult on the one part and Athenian polis democracy on the other part.

Key words: ancient theatre, mimesis, catharsis.

Северное Причерноморье

© 2011

В. Л. Строкин

АФИНСКИЙ СЛЕД В МОНЕТНОМ ДЕЛЕ ФЕОДОСИИ

Автор предполагает, что в последней трети V в. до н. э. Феодосия входила в состав Первого Морского союза, а также получила новое название — Феодеос, а около 395 г. до н. э. вновь называлась Феодосия. Под влиянием Афин в 410–405 г. до н. э. Феодосия чеканила серебряные монеты с головой Афины и головой быка, а затем, вплоть до 393/2 гг. до н. э., выпускала только медные монеты двух видов: с головой быка и звездой, а также с мужской(?) головой и бодающим быком / передней частью быка / звездой. Вероятно, в год смерти пантикапейского тирана Сатира I (393/2 г. до н. э.) была отчеканена драхма с головой Ареса и головой быка. Этим выпуском завершается древнейший этап в монетном деле Феодосии, поскольку, скорее всего, около 390 г. до н. э. город был захвачен сыном Сатира, Левконом.

Ключевые слова: Феодосия, чеканка, серебряные монеты.

Давно замечено, что сравнительно кратковременная феодосийская чеканка демонстрирует довольно частую смену монетных сюжетов. Не касаясь пока дебютного, стоящего несколько особняком выпуска Фе-1 (64)¹, хотелось бы обратить внимание на последующие эмиссионные эпизоды. Если факт активной абсорбции монетной символики Гераклеи Понтийской (Геракл, бодающий бык) вполне очевиден и находит естественное объяснение в союзнических отношениях Феодосии с этим южнопонтийским полисом (Polyaen. II. 2. 8; V. 23; VI. 9. 3–4), то близкая по времени нумизматическая «экспансия» Афин, кажется, еще не получила должной оценки. Между тем отчетливо прослеживаемые метаморфозы в сюжетной политике феодосийских монетариев становятся поистине интригующими, стоит лишь принять во внимание, что в годы Пелопоннесской войны «гераклеоты, дружившие с персидским царем, отказались от взносов» в Афинский союз (Justin. XVI. 3)², т. е. позволяли себе публичные антиафинские демарши, а в начале IV в. до н. э.³ вступили в затяжную войну с Боспором⁴, причем развернувшиеся в Вос-

Строкин Владимир Леонидович — художник-оформитель. E-mail: strokinroll@mail.ru

¹ Обозначение монетных серий Феодосии дано согласно общепринятой транслитерации и в соответствии с предложенной здесь относительной хронологией их чеканки. Буквами латинского алфавита отмечены варианты, имеющиеся в той или иной серии. Номера монет указаны по каталогу: Анохин 1986.

² Завойкин 2000, 252.

³ Далее все даты указаны до новой эры.

⁴ См.: Шелов-Коведяев 1985, 115 сл.; Сапрыкин 1986, 70 сл.

точном Крыму боевые действия происходили на фоне сложившихся еще в конце V в. афино-боспорских союзнических отношений⁵. В поисках ответов на закономерно возникающий здесь ряд вопросов попытаемся оценить военно-политическую обстановку, сложившуюся в Феодосии и вокруг нее в последней трети V в.

Современные исследователи единодушны в том, что в это время боспорский регион вошел в сферу жизненно важных интересов Афин, и вполне обоснованно связывают новую стратегию действий союзного центра с именем Перикла — около середины 430-х гг. он предпринял военно-морскую экспедицию в Черное море (Plut. Per. XX), скорее всего, достигшую северных его берегов⁶. И хотя афинское присутствие в регионе надежно засвидетельствовано лишь в отношении Нимфея (Aeschin. III. 171, 172; Harpocr. Lex. s.v. Νίμφαιον), однако еще Д. Б. Шелов счел возможным утверждать, что «Феодосия в это время прочно входила в орбиту влияния Афин»⁷. И действительно, афиняне вряд ли могли обойти вниманием одну из крупнейших в регионе феодосийскую гавань (Demosth. Adv. Lept. XXXIII; Strabo. VII. 4. 4), а также не заметить окружавшие город плодородные земли (Strabo. VII. 4. 4), кстати, на тот момент уже освоенные⁸. Весьма симптоматичным в этом плане выглядит даже не столько то, что пик ввоза в Феодосию аттической керамики приходится на конец V в.⁹, сколько другой факт: город рискнул предоставить политическое убежище ярым противникам Спартокидов, за связь с которыми Сатир угрожал смертной казнью (Isocr. XVII. 3; Ps.-Agr. PPE. 77), в которых исследователи склонны видеть либо самих Археанактидов, либо сторонников этой свергнутой пантикапейской династии¹⁰. Как бы то ни было, но брошенный тем самым новым владыкам Пантикапея дерзкий вызов дает недвусмысленное указание на существование у Феодосии влиятельного покровителя, которым в обозреваемое время могли быть лишь пришельцы из Аттики. Важно подчеркнуть, что совокупность перечисленных факторов, к которым следует добавить стратегически важное географическое положение города (на ближних западных подступах к главной судоходной артерии боспорского региона — Керченскому проливу), фактически обрекала его на превращение в один из крупнейших опорных пунктов афинян в Северном Понте. В свете только что сказанного, кажется, имеет немалые шансы на успех попытка отыскать некие следы влияния Афин на политику властей Феодосии в финансово-эмиссионной сфере¹¹.

⁵ Завойкин 2000, 262, 263; 2004, 63.

⁶ Карышковский 1959, 71–75; Завойкин 1992, 265; 2004, 62; Суриков 1999, 102–104.

⁷ Шелов 1950, 169.

⁸ Гаврилов 1998, 110; 1999, 83.

⁹ Штерн 1906, 3–5, 11, 33.

¹⁰ См.: Шелов-Коведяев 1985, 83.

¹¹ И. В. Шоноу считает, что Афины оставили здесь метрологический след (Шоноу 2002, 328). Хотя вынесению на сей счет однозначного заключения препятствует как незначительное число имеющихся в наличии экземпляров, так и существенная весовая терпимость античных монет вообще и занимающих нас в частности, однако более логичным видится использование феодосийцами персидского стандарта (Терещенко 2004, 20), скорее всего, принятого у ближайших соседей (Анохин 1977, 34 сл.; 1986, 20–23; Коваленко 1999, 113). Косвенно это подтверждается находками монет боспорских центров в ближайшей округе Феодосии, а также феодосийских на Боспоре и в Херсонесе (Золотарев 1984, 92; Мельников 2000, 211; Шоноу 2002, 327), при редчайших случаях обнаружения иноземных монет в Восточном Крыму (Мельников 2001, 415). Кстати, последнее обстоятельство

Переходя к монетам с головой Афины и букранием (74), необходимо сразу отметить, что предложенная Д. Б. Шеловым датировка — «последнее десятилетие V в. или самые первые годы IV в.»¹² — недавно нашла блестящее подтверждение в лице аналогичной по типу монеты, реверсный сюжет которой заключен в *quadratum incusum* (рис. 1, 4)¹³. Таким образом, серебро этой группы демонстрирует три основных разновидности. Только что упомянутый первый вариант (Фе–2А) вскоре сменяется новыми, отражающими переход к чеканке монет с применением круглого в сечении пуансона (рис. 1, 5¹⁴, 6¹⁵). Для дальнейшего прояснения эмиссионной ситуации в Феодосии следует обратить особое внимание на имеющийся здесь хронологический ориентир — 405 г.

Известно, что приходящееся на эту дату катастрофическое поражение афинского флота в битве при Эгоспотамах положило конец гегемонии Афин в Причерноморье¹⁶, тем самым нарушив сложившийся в боспорском регионе баланс сил, и, как показало дальнейшее развитие событий, с одной стороны, вновь развязало руки агрессивному пантикапейскому режиму, а с другой — расчистило путь на Боспор для Гераклеи Понтийской. С учетом произошедших буквально накануне (ок. 410–406 гг.) резких позитивных перемен в двусторонних афино-боспорских отношениях¹⁷, а также традиционно антиафинской (а значит, теперь и антибоспорской) внешней политики Гераклеи, становится ясно, что сложившиеся по итогам Пелопоннесской войны политические реалии фактически сводят к нулю вероятность продолжения выпуска Феодосией своих «проафинских» монет в этот, так сказать, постафинский период¹⁸. Дополнительную уверенность в справедливости такого заключения, кажется, способно вселять и другое обстоятельство, которое, впрочем, нуждается в небольшом отступлении.

Согласно традиционным представлениям, около рубежа V и IV вв. на Боспоре завершается период монометаллизма и, наряду с серебряными монетами, начинают выпускаться медные¹⁹. Причем это, на наш взгляд, ошибочное убеждение не только основательно укоренилось в современной нумизматической среде, но и было распространено на Феодосию²⁰. Между тем прямое указание на дискретный характер выпуска ее древнейших серебряных и медных монет, помеченных легендой ΘΕΟΔΕΟΣ / ΘΕΟΔΕΩ, дает наличие среди первых гемиоболов²¹ и те-

ясно дает понять, что поступавшая в регион извне серебряная монета перерабатывалась местными эмиссионными центрами в собственную.

¹² Шелов 1956, 41.

¹³ Шонов 2002, 332, рис. 1, 3. На рис. 1, 4 показан диобол того же типа (вес 1,40 г, диам. 13–13,5 мм), найденный в 2009 г. на п. Виноградный 7 (Абрамов, Паромов 1993, 60).

¹⁴ Эта гемидрахма (вес 2,50 г, диам. 12–13 мм) недавно найдена в районе Феодосии.

¹⁵ Шонов 2002, 332, рис. 1, 5. Монета хранится в Феодосийском музее денег.

¹⁶ Кондратюк 1983, 342.

¹⁷ Берзин 1958, 129; Блаватская 1959, 71, 72; Завойкин 2000, 262, 263.

¹⁸ Примечательно, что о бытовании культа Афины в Феодосии, как, впрочем, и в других центрах боспорского региона, ровным счетом ничего неизвестно (Шелов 1956, 41).

¹⁹ Зограф 1951, 172, 245, табл. XL, 1–4; Шелов 1956, 97, 98.

²⁰ Анохин 1986, 15, 139; 1999, 45; Мельников 2000, 209, 215; Шонов 2002, 328, 329; Терешенко 2004, 19, 20; Коваленко, Молчанов 2005, 54.

²¹ А. Л. Бертье-Делагард определяет известные ему однотипные монеты (65) весом 0,50 и 0,25 г, как $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ обола соответственно (Бертье-Делагард 1913, 72, № 51, 52). Впрочем, судить о номинале первой довольно сложно, так как монета утрачена и к тому же нет ее изображений. Столь же неясна ситуация и с другой монетой. В. А. Анохин описывает ее так: «Л.с. Мужская голова вправо. О.с.

тартемориев²², что, по мнению Д. Б. Шелова, «предполагает отсутствие медной монеты в то время, когда эта серия находилась в обращении, и находит полную аналогию в чеканке Пантикапея и других боспорских городов конца V в. до н. э.»²³. Это совершенно верное замечание позволяет сформулировать следующее категорическое заключение: вышеназванная верхняя граница чеканки монет с Афиной и букранием (ок. 405 г.) одновременно обозначает *terminus post quem* для дебютной феодосийской меди с головой быка и звездой²⁴. Думается, что такая весьма специфическая, а вернее экстраординарная эмиссионная ситуация обязана своим появлением не столько разразившемуся накануне острому экономическому кризису (хотя и это, в принципе, не исключено), сколько небезызвестной «медной» реформе Афин 406/5 г.²⁵ Причем имеются довольно веские основания полагать, что проведенная в Аттике в 493/2 г. «реверсивная» денежная реформа²⁶ имела столь же далеко идущие последствия и привела к устранению медной монеты не только из эмиссионной практики Боспора²⁷, но оставила аналогичный след и в монетном деле Феодосии²⁸. Здесь необходимо сделать еще одно отступление и сосредоточить внимание на другом нумизматическом памятнике.

Вдавленный квадрат с головой быка в фас» (Анохин 1986, 138, 139, № 65). Однако другие нумизматы видят здесь голову Афины и отмечают, что оборотный тип бит круглым в сечении пуансоном (Фролова 2000, 302, 309, тип II; Мельников 2000, 216, № 7; Коваленко, Молчанов 2005, 52, 53). И все же истина, похоже, находится где-то посередине: судя по наличию букrania в квадратной рамке, на аверсе, скорее всего, изображена Афина, а сама монета принадлежит к стартовой эмиссии серебра с «Афиной и букранием» (Фе-2А).

²² С. А. Коваленко и А. А. Молчанов относят к монетам этого достоинства мелкое эпиграфное серебро, входящее в серии Фе-1 и Фе-2 (Коваленко, Молчанов 2005, 51, 53). Думается, однако, что в последней серии (с «Афиной и букранием») это место скорее принадлежит крошечным анэпиграфным монеткам с «букранием и муравьем» (66). Хотя Н. А. Фролова видит здесь голову льва и поэтому относит их к Пантикапею (Фролова 1996, 65), такую атрибуцию способен опровергнуть уже сам факт возникающего здесь поистине невероятного совмещения на одной монете наиболее популярных лицевых типов раннего серебра этого центра разного достоинства. Причем сюда же можно отнести и отсутствие сведений о находках монет данного вида на обеих сторонах Керченского пролива. В пользу же феодосийской их принадлежности может свидетельствовать как то, что мельчайший номинал древнейшей городской меди также анэпиграфен (Коваленко, Молчанов 2005, 61), так и публикуемый здесь экземпляр, недавно найденный в окрестностях Феодосии (вес 0,17 г, диам. 5,5–6 мм, рис. 1: 16), — на лицевой миниатюре (кстати, ничто не мешает считать ее оборотной) отчетливо видны рога. Так или иначе, куда важнее подчеркнуть возникающую здесь линию связи между чеканками Феодосии и ряда боспорских центров, где изображение муравья издавна утвердилось на тетартемории (Анохин 1986, 7).

²³ Шелов 1956, 41.

²⁴ К первому выпуску феодосийской меди (Фе-3А) с «головой быка и звездой» принадлежит монета, найденная на поселении Тамань 3 (Абрамов, Паромов 1993, 55, 56). Л.с.: голова быка в $\frac{3}{4}$ вправо; о.с.: 6-лучевая звезда, между лучами — буквы ΘΕΟΔΕΩ, расположенные центростремительно и по ходу часовой стрелки; вес 0,83 г, диам. 8–9 мм, рис. 1, 7; аналоги: Коваленко, Молчанов 2005, 60. Это третья по счету монета данного вида, происходящая с Таманского п-ова (Мельников 2000, 211). На рис. 1, 14, 15 показаны феодосийские монеты III в. типа «Афина — лук в горите, палица, ΘΕΥ».

²⁵ См.: Head 1911, 373; Стрелков 1999, 36.

²⁶ Head 1911, 373; Зограф 1951, 103; Стрелков 1999, 36.

²⁷ Строкин 2009б, 378, примеч. 38.

²⁸ А также Херсонеса Таврического. К такому выводу приводит наличие в ранней городской чеканке мелкой меди с «головой льва и звездой» и подобной ей феодосийской с тождественным реверсным сюжетом и головой быка (Мельников 2000, 215; Шонон 2002, 329; Коваленко, Молчанов 2005, 60, 61). Как выясняется, сходство между монетами этих групп «не ограничивалось только ис-

Речь идет о драхме из собрания ГИМ с головой Ареса — букранием, ΘΕΟΔΟ, впервые опубликованной В. Ф. Гайдукевичем²⁹ и переизданной затем В. А. Ано-

пользованием аналогичного мотива оборотной стороны, но распространялось на метрологические характеристики, а также на способы организации чеканки и контроля над ней» (Коваленко, Молчанов 2005, 53). Хотя С. А. Коваленко и А. А. Молчанов вполне резонно синхронизируют обе эмиссии, но предложенная ими датировка старейшего блока феодосийской меди (с «головой быка — звездой» и с «бодающим быком») 385–375 гг. (Коваленко, Молчанов 2005, 60) не согласуется с другим мнением тех же авторов, высказанным в той же статье: обе серии выпускались «не позднее времени захвата Феодосии Левконом I... это событие имело место в первые годы (его — В.С.) правления» (Коваленко, Молчанов 2005, 57), — как известно, Левкон принял власть в 393/2 г. (Diod. XIV. 93. 1). Кроме того, медные монеты с «головой быка — звездой» и серебряные с «Афиной — букранием» включаются ими в одну серию, причем последние датируются концом V — началом IV вв. (Коваленко, Молчанов 2005, 53, 54), а первые, как уже говорилось, 385–375 гг. Между тем эти нестыковки легко устраняются, стоит лишь допустить выпуск монет с «головой быка и звездой» в период ок. 405–395 гг. Отсюда, в частности, следует, что примерно в это же время выпускалась и упомянутая херсонесская медь. Попутно укажем на другое весьма сомнительное высказывание авторов: «...в Феодосии объемы и продолжительность данной эмиссии (с «головой быка и звездой» — В.С.) значительно уступали херсонесским» с аналогичным реверсным сюжетом (Коваленко, Молчанов 2005, 57). Здесь, похоже, не берется в расчет совершенно ничтожная степень изученности феодосийского городища (очевидно, являвшееся основным ареалом обращения монет этого полиса), не идущая ни в какое сравнение с херсонесским, которое занимает в этом плане лидирующие позиции, причем в масштабах всего Северного Причерноморья. На существование в Херсонесе сугубо медного эмиссионного периода указывает также отсутствие как аналогичных, так и близких по типам серебряных монет, что особенно заметно на фоне биметаллической группы с «головой Девы — рыбой и палицей» (см.: Анохин 1977, 134, № 4–7; Коваленко 1999, 116, табл. I, 2, 9). Кстати, она традиционно считалась дебютной херсонесской эмиссией, однако ввиду только что сказанного напрашивается «рокировка»: ее нужно поставить вслед за монетами с «головой льва и звездой» и притом разделить на два смежных выпуска (где первой идет медь, затем — серебро), а явную лауну в нише среднего номинала меди, видимо, следует заполнить монетами с «букранием», имеющими соответствующие метрологические характеристики, а также идентичный реверсный сюжет: рыба и палица (см.: Анохин 1977, 135, № 9–12; Коваленко 1999, 116, табл. I, 14, 15). Причем ближайшую аналогию дает серия херсонесской меди с «лавровым венком» — входящие в нее монеты также демонстрируют смену лицевого сюжета на среднем номинале: голова Девы, кратер, голова Девы (см.: Коваленко 1999, 126, 127). Любопытно, что по аналогичному сценарию развивалось и монетное дело Феодосии, где на смену медной мелочи двух номиналов — халк и гемихалк (по определению С. А. Коваленко и А. А. Молчанова — 2005, 58, 59) — около 395 г. приходит серия с «бодающим быком», также состоящая из трех номиналов. Итак, судя по всему, в конце 90-х гг. IV в. в чеканке обоих городов завершается первый период меди: в Феодосии появляется драхма типа 73 (см. ниже), а в Херсонесе — серебро с «головой Девы — рыбой и палицей» (см.: Анохин 1977, 134, № 1–3; Коваленко 1999, 110, 111, 114–116, табл. I, 1, 13). Это подтверждает и тот факт, что серебряные монеты нового типа («голова Девы в фас — бодающий бык, палица и рыба»), выпускавшиеся около 380–375 гг. (Коваленко 1999, 123–126), не имеют медных аналогов. Вместе с тем, нельзя не считаться с наличием ранней херсонесской меди иных типов, которая, по мнению В. А. Анохина, чеканилась в первой половине IV в. (Анохин 1977, 20, 21), а с учетом вышеизложенного, во второй четверти этого столетия (Коваленко 1999, 126–128). Наблюдаемая здесь обратная ситуация, характеризующаяся отсутствием синхронных выпусков серебра, позволяет склоняться к выводу, что в сравнительно краткий период существования в Херсонесе серебряной чеканки (ок. 390–375 гг.) медная монета не выпускалась, но при этом старая медь из оборота не изымалась и продолжала обращаться совместно с серебром. Об этом свидетельствуют находки монет с «головой льва и звездой» на археологических объектах, датируемых последней третью IV — началом III в. (см.: Коваленко 1999, 123). Что касается уникального серебряного гемиоболла с «головой Девы, рыбой и палицей», то, в соответствии с убедительно прозвучавшими доводами С. А. Коваленко в пользу того, что перед нами — древнейшая монета Херсонеса (Коваленко 1999, 113, 114), ее надлежит поставить перед медью с «головой льва — звездой» и ориентировочно датировать 406/5 г.

²⁹ Гайдукевич 1949, 485, табл. I, 24.

хиным (рис. 1, 10). Хотя ряд исследователей отрицают ее подлинность³⁰, но, по сообщению О. Н. Мельникова³¹, в районе Феодосии недавно обнаружен такой же экземпляр. Причем точку в этом вопросе ставит новонайденный тетробол с идентичным реверсным сюжетом — букраний, — идущим в сочетании с головой Аполлона и легендой ΘΕΥΔΟ³². Хотя перед нами монеты разного достоинства и над ними, похоже, работали разные мастера (ср. рис. 1, 10 и 1, 11), однако всем своим обликом они ясно указывают на близкое хронологическое соседство и уж, во всяком случае, на принадлежность к первой половине IV в.³³ Уместно при этом

³⁰ Д. Б. Шелов и Н. А. Фролова убеждены в том, что это фальсификат. Если первый исследователь ограничился этим лаконичным замечанием (Шелов 1956, 40, примеч. 4), то Н. А. Фролова основывает свое мнение на стилистическом анализе двух мелких деталей (бороды Ареса и бычьих глаз), а главное — на отрицании самого факта существования легенды ΘΕΟΔΟ (Фролова 1999, 310). Между тем такая форма надписи давно известна (Зограф 1951, 162; Шелов 1956, 41, 220, табл. IX, 109) и многократно подтверждена нумизматическими (Золотарев 1984, 89; Анохин 1986, 139, № 83; 1999, 45, рис. 8, 4; Мельников 2000, 216, № 10, 12; Шонов 2002, 332, рис. 1, 6; Коваленко, Молчанов 2005, 58, рис. 2, 1–4; Суханов 2009, 28, 29, рис. 1, 2), а также литературными и эпиграфическими источниками (в отличие от признаваемых Н. А. Фроловой форм ΘΕΟΔΕΟ(Σ) / ΘΕΟΔΕΩ, известных только на монетах). Что касается близких по духу наблюдений И. В. Шонова: рассматриваемая драхма «имеет несоответствия с иконографией аверса и расположения легенды на реверсе в сравнении с другими вышеуказанными монетами феодосийской чеканки (Ф 2) этого периода» (Шонов 2002, 328, 229), то налицо заведомая асинхронность обеих эмиссий, удостоверяемая сменой легенды: ΘΕΟΔΕΩ (Афина) — ΘΕΟΔΟ (Арес). Иначе говоря, апелляция к стилистике здесь совершенно неуместна, поскольку над штемпелями монет обоих видов могли работать разные мастера. Как ни парадоксально, но того же мнения придерживается и сам исследователь, ибо относит монеты с легендой ΘΕΟΔΕΩΣ / ΘΕΟΔΕΩ к периоду афинского влияния на Феодосию, завершившемуся в 405/4 г., а монеты с легендой ΘΕΟΔΟΣ — к гераклеяскому, однако считает, что последние выпускались накануне падения города, произошедшего в 392/1 г. (Шонов 2002, 327–330).

³¹ Благодарю О. Н. Мельникова за эту информацию и предоставленные материалы.

³² Гаврилов А. В., Шонов 2007, 351, рис. 2, 5.

³³ А. В. Гаврилов и И. В. Шонов относят опубликованный ими тетробол с «Аполлоном и букранием» к 260–250-м гг. (Гаврилов, Шонов 2007, 352, 353). Однако с такой датировкой нельзя согласиться по целому ряду причин. Во-первых, представляется крайне маловероятной сама возможность репродукции данного реверсного сюжета (букраний) почти через полтора столетия после его исчезновения из нумизматики Феодосии. Во-вторых, перед нами разная форма сокращения надписи на серебре (ΘΕΥΔΟ) и, особо подчеркну, на сравнительно более крупной меди III в. с «Афиной — луком в горите, палицей, ΘΕΥ». В-третьих, налицо существенные фактурные различия: только что упомянутая медь бита в технике, характерной для периода денежного кризиса (остро скошенный гурт и следы литников), но ничего этого нет на тетроболе, равно как и на прочем феодосийском серебре с легендой ΘΕΥΔΟ: диоболах с «Деметрой и колосом», а также драхме с «Гераклом и палицей» (Гаврилов, Шонов 2007, 355, рис. 2, 2–4, 6). Напротив, фактура данного серебра весьма характерна для монетного дела первой половины IV в. — как известно, главным отличительным признаком чеканки этого времени является глубокий оттиск верхнего штемпеля (Зограф 1951, 174), хорошо заметный на только что упомянутой драхме из с. Узун Сырт (рис. 1, 12) и на диоболе (рис. 1, 13), опубликованном О. Н. Мельниковым (Мельников 2000, 217, № 15). В-четвертых, на этой драхме (90) в точности воспроизведены типы сторон гераклеяской гемидрахмы, выпускавшейся до переворота Клеарха 364 г. (см.: Сапрыкин 1986, 76, рис. 3, 5, 6). В-пятых, в названный А. В. Гавриловым и И. В. Шоновым период (260–250-е гг.) серебро на Боспоре не выпускалось, так как еще в начале III в. регион вошел в полосу продолжительного финансового кризиса (Зограф 1951, 177; Шелов 1956, 146 сл.), что признают и соавторы, отмечая, что в его основе лежали коренные изменения в денежном обращении: «произошел переход от серебра к золоту как основной мере стоимости... Это привело к отказу от чеканки серебряной монеты как невыгодной в новых условиях» (Гаврилов, Шонов 2007, 348). Все, однако же, становится на свои места, стоит только допустить выпуск серебра с ΘΕΥΔΟ в первой половине IV в. Что касается отсутствия монет Пантикапея этого времени на усадьбе Южное (Гаврилов, Шонов 2007, 346), то как раз на указанный период приходится затяжная

заметить, что обе формы названия города (Θεοδοσία / Θεοδοσία) в это время были в ходу³⁴. Вместе с тем, следует отметить и ряд других имеющихся обстоятельств. Налицо как сравнительно краткое бытование в Феодосии медной монеты собственного чекана, так и отсутствие типологической связи между драхмой с Аресом и букранием и серией медных монет с мужской(?) головой — бодающим быком (рис. 1, 9)³⁵ / протомой быка / 6-лучевой звездой — их объединяет лишь легенда ΘΕΟΔΟ(Σ)³⁶, и, судя по ее характеру, последняя эмиссия (Фе-5) завершает древнейший блок меди этого центра. Кроме того, перед нами единственный выпуск серебряных монет с такой формой надписи (ΘΕΟΔΟ), притом что в чеканке Феодосии IV в. отсутствует медь, которую можно было бы соотнести с ее же серебром, несущим модифицированную и, очевидно, более позднюю форму надписи — ΘΕΥΔΟ. Наконец, здесь есть еще одно существенное обстоятельство.

Именно на время проведения в Афинах вышеупомянутой «реверсивной» денежной реформы 393/2 г. приходится, без преувеличения, выдающееся событие в жизни феодосийцев: под стенами их города скончался пантикапейский тиран Сатир I (Diod. XIV. 93. 1; Dem. XX. 23; *Harpor. Lex. s.v. Θεοδοσία*). Поскольку нет ни малейших сомнений в том, что эта новость вызвала у жителей осажденной Феодосии поистине всенародное ликование, то логично предположить, что эти, пожалуй, невиданные доселе торжества могли получить некое отображение в полисной монетной чеканке. Если взглянуть на нумизматику Феодосии под таким углом зрения, то несложно заметить, что на эту роль способен претендовать, в сущности, лишь один памятник: только что рассмотренная драхма с Аресом и букранием. Действительно, перед нами самый крупный номинал феодосийского серебра, начисто лишенный разменной мелочи³⁷, а главное — щедро наделенный

феодосийско-пантикапейская война, шедшая с переменным успехом и завершившаяся в пользу последнего около 364 г. (Гайдукевич 1949, 59; Завойкин 2000, 264–266). Поэтому надо полагать, что усадьба возникла примерно в конце первой — начале второй четверти IV в. (когда, скорее всего, и выпускалось серебро с ΘΕΥΔΟ), но вскоре была разгромлена и вновь возстал из руин лишь после окончательного завоевания Феодосии Левконом I, о чем свидетельствуют найденные здесь монеты Пантикапея последней трети IV в. (Гаврилов, Шонов 2007, 348).

³⁴ Яйленко 2004, 433.

³⁵ Этот экземпляр с легендой ΘΕΟΔΟ найден в 2009 г. на поселении Таманский 4 (Абрамов, Паромов 1993, 58); вес 2,48 г, диам. 13–14 мм; частная коллекция.

³⁶ См.: Коваленко, Молчанов 2005, 61, 62.

³⁷ Надо думать, что в это время ее функции исполняли медные монеты прежних выпусков. В этой связи следует заострить внимание на исключительно высокой, с нашей точки зрения, вероятности того, что власти Феодосии последовали примеру Афин «до конца» и приравняли медь к серебру. Попутно заметим, что примерно в это же время сиракузский тиран Дионисий ввел в обращение монету из олова и принудил граждан принимать ее по курсу серебряной, а несколько позже (ок. 360 г.) то же самое проделали Клазомены в отношении железной монеты (*Ps.-Arist. Оес.* 20 с; II. 16a). Поскольку отсутствие синхронного феодосийского серебра мелких номиналов лишь укрепляет такое предположение, то «дихалки» с «бодающим быком» в действительности могут оказаться гемидрахмами, «халки» с «протомой быка» — диоболами, а «гемихалки» со «звездой» — оболами, и соответственно, медь с «головой быка и звездой» двух номиналов — диоболами и оболами. Разумеется, подобная медная мелочь не только не могла долго обращаться по столь неимоверно завышенному курсу, но, в сущности, изначально была обречена на девальвацию, вплоть до уровня взятых в кавычки номиналов. Остается лишь заметить, что аналогичные метаморфозы вполне могла претерпеть и древнейшая медь Херсонеса.

«милитаристско-триумфальной» символикой³⁸: изображение бога войны идет в сочетании с полисной эмблемой³⁹, которая вновь предстает в богатом праздничном убранстве. Следует еще раз подчеркнуть — это единственный выпуск серебряных монет с легендой ΘΕΟΔΟ, причем такую же форму надписи несет серия меди с бодающим быком (Фе–5), ориентировочно выпускавшаяся во второй половине 390-х гг. (вероятно, ок. 395–393/2 гг.). Все это позволяет усматривать в драхме с Аресом и букранием мемориальный выпуск (Фе–6), который, помимо всего прочего, фиксирует момент возвращения городской чеканки в свое прежнее, так сказать, серебряное русло. Иначе говоря, мы обретаем жесткий хронологический репер (393/2 г.), который, между прочим, устанавливается благодаря наличию еще одного «медного» следа, оставленного Афинами в монетном деле Феодосии.

Возвращаясь к ближайшему типологическому предшественнику только что рассмотренной драхмы — к серебру с головой Афины и букранием — и еще раз обращая внимание на верхнюю границу существования данной эмиссии (ок. 405 г.), попытаемся теперь уточнить хронологию выпуска древнейших феодосийских монет с головами бородатого мужчины⁴⁰ и быка. Но прежде нельзя не упомянуть о наметившейся в последнее время тенденции к совершенно неоправданному, с нашей точки зрения, удревнению стартового рубежа этой чеканки — исследователи склонны относить его к третьей четверти V в.⁴¹ или же к ее середине⁴². Между тем, по мнению Д. Б. Шелова, фактурные особенности данных монет не позволяют выносить их за пределы последней четверти V в.⁴³ И все же ближе к истине, видимо, оказался А. Н. Зограф: «...самая ранняя монета Феодосии исполнена в той же технике (что и монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ — В.С.) и, очевидно, принадлежит также концу V в.»⁴⁴. Это категорическое заключение авторитетного специалиста в совокупности с названным Д. Б. Шеловым нижним рубежом чеканки следующей по времени группы монет с головой Афины и букранием (ок. 410 г.), а также близким по величине объемом введенного в оборот серебра обоих видов⁴⁵ позволяет уверенно относить дебютную серию феодосийских монет (Фе–1) примерно ко второй половине предпоследнего десятилетия V в. Следует здесь

³⁸ Близкое мнение высказал В. А. Анохин: «...мы, вероятно, имеем дело с сюжетом, отражающим начало военного противостояния Феодосии и Боспора» (Анохин 1999, 45).

³⁹ По мнению исследователей, голова быка / букраний являлась полисно-сакральной эмблемой Феодосии и отражает существование в городе культа Диониса (Гаврилов, Шонон 2007, 353, 354). В самом деле, этот сюжет красной нитью проходит едва ли не через всю раннюю феодосийскую чеканку.

⁴⁰ Хотя С. А. Коваленко и А. А. Молчанов убеждены в отсутствии бороды у этого персонажа (Коваленко, Молчанов 2005, 50), однако экземпляр, изданный И. В. Шоновым, свидетельствует об обратном (Шонон 2002, 332, рис. 1: 1). Правда, названные соавторы считают его поддельным (Коваленко, Молчанов 2005, 51, примеч. 17), но можно указать на другой экземпляр прекрасной сохранности (рис. 1: 1), найденный при археологических исследованиях Мирмекии (Виноградов 1984, 265, 266, рис. 1; Петрова 2000, 53, рис. 15).

⁴¹ Коваленко, Молчанов 2005, 52.

⁴² Мельников 2000, 208; Шонон 2002, 328.

⁴³ Шелов 1956, 40, 41.

⁴⁴ Зограф 1951, 169.

⁴⁵ Диобол Фе–1 (64) долгое время считался уникальным, но после находок в Мирмекии (см. выше), в районе Феодосии (Шонон 2002, 327, 332) и в Грузии (Кахидзе А., Тобамаишвили 2005, 373) общее число монет этого номинала достигло пяти экземпляров; гемиоболов пока известно только два (Мельников 2000, 214, 215, № 2, 2/1).

же заметить, что эта датировка нуждается как в дополнительном подтверждении, так и в корректировке.

В этом смысле несомненный интерес представляет нумизматика ближайшего восточного соседа Феодосии, а точнее нимфейские диоболы с легендой ΣΑΜΜΑ. Прежде всего бросается в глаза «сломанная» надпись, которая, что характерно, не имеет прямых аналогий в синхронной чеканке прочих боспорских центров, зато находит отклик в Феодосии — в аналогичном дизайнерском ключе исполнена легенда ее древнейшего гемиобола (ср. рис. 1, 2⁴⁶ и 1, 3⁴⁷). Кроме того, некие симптомы близкого родства обеих чеканок, кажется, можно уловить и в представленных здесь сюжетах: тут и там мы видим человеческие головы и головы животных, причем все они обращены вправо. Поскольку вероятность присутствия здесь случайного совпадения крайне невелика, следовательно, с определенной долей уверенности можно говорить о взаимовлиянии названных восточно-крымских центров в эмиссионной сфере⁴⁸. Если также учесть, что в основе появления собственной монеты в Феодосии и Нимфее⁴⁹, надо думать, лежали сходные побудительные мотивы, а серебро последнего с легендой ΣΑΜΜΑ, по всем признакам, выпускалось в период резкого ослабления фискального давления афинян на своих союзников (413–410 гг.⁵⁰)⁵¹, то все это позволяет отдать безусловный приоритет аналогичной датировке дебютного феодосийского серебра (Фе-1)⁵². Теперь суммируем вышеизложенные соображения и попытаемся представить их в виде нижеследующей исторической реконструкции.

Будучи одной из древнейших милетских колоний в Северном Причерноморье (Агг. РРЕ. 30; Рs.-Агг. РРЕ. 77), Феодосия в течение VI–V вв. существовала как самостоятельный полис. Причем велика вероятность того, что город был вовлечен в орбиту прямого политического влияния Афин во время Понтийской экспедиции Перикла и разделил затем все тяготы, выпавшие на долю союзников в связи с началом Пелопоннесской войны — этим, вероятно, и объясняется сравнительно позднее появление в Феодосии собственной монеты. Пожалуй, единственное в своем роде эмиссионное окно могло открыться здесь лишь после произошедшей в 413 г. отмены поистине грабительских налогов в Архэ (взамен чего была введена пятипроцентная пошлина на ввозимые и вывозимые морем товары — *Thus. VII. 28. 4*), просуществовавшее до 410 г. Похоже, именно в этот краткий период

⁴⁶ Мельников 2000, 214, 215, № 2.

⁴⁷ Мельников 2001, 434, рис. 1, 7.

⁴⁸ С. А. Коваленко и А. А. Молчанов обращают внимание на типологическую близость дебютного серебра Феодосии (Фе-1) к электровым гектам Митилены (Коваленко, Молчанов 2005, 51, 52). Не отрицая сам этот факт, следует, однако, заметить, что на феодосийских монетах изображена голова не тельца, как считают авторы, а быка — на упомянутых экземплярах хорошей сохранности отчетливо видны рога (рис. 1: 1).

⁴⁹ Представляется наиболее вероятным появление древнейших монет Нимфея (с легендой ΝΥΝ) около середины 430-х гг. (Мельников 1989, 37, 38; 1992, 61; 2001, 415; Столба 1989а, 49; Терещенко 2004, 16, Строкин 2009а, 151–153), что при отсутствии синхронных феодосийских заставляет думать, что в это время Феодосия несколько уступала Нимфею в развитии аграрной хоры и еще не сумела преодолеть рубеж, отделяющий выращивание хлеба для собственных нужд от товарного его производства.

⁵⁰ См.: Кондратюк 1983, 341.

⁵¹ Строкин 2009б, 365, 366.

⁵² К тому же, легенда дана в полностью развернутой форме, что опять же может указывать на конец V в.

выпускались два номинала дебютного феодосийского серебра (Фе-1), а уже один тот факт, что с возвращением прежней системы налогообложения городская чеканка не прервалась, наводит на мысль, что в 410 г. Феодосии были предоставлены некие финансовые преференции. Последнее тем более вероятно, если принять во внимание развернувшуюся на заключительном этапе Пелопоннесской войны ожесточенную борьбу за господство над черноморскими проливами⁵³, а также тот факт, что конец предпоследнего десятилетия V в. отмечен катастрофическим поражением союзного флота в Сицилии, означавшим полную утрату афинянами этого важного для них зернового рынка и давшим старт развалу Афинской архэ (Thuc. VIII. 1–44.)⁵⁴. Если, наконец, учесть высокую вероятность того, что последнее из упомянутых событий спровоцировало Пантикапей на масштабную военную экспансию, охватившую обе стороны Керченского пролива⁵⁵, то становится ясно, что в эти тяжелые для афинян годы Феодосия оставалась фактически единственным доступным для них восточно-крымским городом, который был в состоянии снабжать Аттику столь необходимым ей хлебом. В данных условиях напрашивается следующий и, пожалуй, единственно возможный вывод: в эту пору Феодосия находилась у афинян на особом счету.

Не менее очевидно также то, что начавшиеся на Боспоре боевые действия серьезно осложнили положение интересующего нас города. Причем обстановка здесь, надо думать, еще более накалилась после утраты афинянами контроля над Боспором Фракийским в мае 411 г. (Thuc. VIII. 86)⁵⁶. Поскольку одним из частных следствий этого события, по всей видимости, явилась сдача Нимфея Спартокидам⁵⁷, то отсюда вытекает, что уже накануне следующего 410 г. Феодосия оказалась фактически один на один с агрессивным пантикапейским режимом (к тому же, надо думать, преисполненным желанием свести счеты с городом, посмеявшимся предоставить убежище его ярым политическим противникам). Впрочем, нумизматические данные позволяют утверждать, что Сатиру не удалось в полной мере воспользоваться столь благоприятно сложившейся для него внешнеполитической обстановкой и тот максимум, который он сумел из нее извлечь, — это овладеть городами Таманского полуострова и Нимфеем. Думается, что крест на агрессивных планах (в возможно, и действиях) Пантикапея в отношении Феодосии поставил Алкивиад, который в марте 410 г. разгромил спартанский флот в битве при Кизике (Xen. Hell. I. 1, 11–18; Plut. Alk. XXVIII) и тем самым вернул афинянам доступ к их понтийским союзникам. Так или иначе, но здесь важнее подчеркнуть следующее: деблокада афинянами черноморских проливов самым решительным образом укрепила обороноспособность города, а также позиции проафинской (и, разумеется, анτισпартокидовской) партии власти, что, применительно к занимающему нас аспекту, позволяет с высокой долей уверенности связывать инициацию выпуска монет с Афиной и букранием с этим важным событием. Нельзя при этом оставить без внимания и другое нумизматическое обстоятельство.

⁵³ Берзин 1958, 129, примеч. 33.

⁵⁴ Кондрагюк 1983, 340, 341.

⁵⁵ Строкин 2009б, 370–374.

⁵⁶ Карышковский 1959, 81.

⁵⁷ Блаватская 1959, 71, 85, 86, примеч. 2; Строкин 2009б, 372, 373.

Рис. 1. Монеты конца V–III вв. до н.э. (серебро; медь: 7–9, 14, 15); увеличены вдвое, 14–15 — в 1,5 раза, 16 — в 4 раза. Феодосия: 1, 2 — ок. 413–410 гг.; Нимфей: 3 — ок. 413–410 гг.; Феодосия: 4–6, 16 — ок. 410–405 гг.; 7, 8 — ок. 405–395 гг.; 9 — ок. 395–293/2 гг.; 10–13 — 393/2–360-е гг.; 14, 15 — ок. 260–240 гг.

Вышеозначенный верхний рубеж чеканки серебра данной группы (ок. 405 г.) позволяет констатировать близкое по времени исчезновение *quadratum incusum* из эмиссионной практики Феодосии (410–405 гг.) и Пантикапея (410 г.⁵⁸). Более того, кажется, есть все основания для синхронизации этих событий. Как уже говорилось, наиболее подходящим общеисторическим контекстом для появления дебютного варианта «проафинских» монет (Фе-2А) видится одержанная в 410 г. Алкивиадом победа при Кизике. С учетом эпизодического характера данной эмиссии, а также постоянно исходившей в это время из Пантикапея смертельной опасности, представляется возможным связывать появление в Феодосии «триумфального» варианта (74) с торжествами по случаю, скажем, прибытия в город первых афинских судов или, быть может, даже снятия с него вражеской осады. Вообще говоря, не суть важно, так или несколько иначе все обстояло на самом деле — важнее заострить внимание на том, что любого рода знаменательные события в жизни феодосийцев этого времени (а причастность к ним гемидрахмы 74, на наш взгляд, совершенно очевидна) имели, с одной стороны, проафинскую, а другой — антибоспорскую направленность, да и вряд ли могли отстоять по времени сколько-нибудь далеко от победы афинян при Кизике — такую возможность минимизирует наступившее в скором времени резкое потепление в двусторонних афино-боспорских отношениях. Все это создает довольно высокую вероятность того, что *quadratum incusum* исчез с феодосийских монет в 410 г., а второй «стандартный» вариант серебра с Афиной и букранием в круге (Фе-2С) чеканился вслед за «триумфальной» гемидрахмой 74 (Фе-2В), вплоть до появления меди, т. е. около 410–405 гг.

Что касается дальнейшего развития эмиссионной ситуации в Феодосии, то, судя по предпринятому здесь выпуску, так сказать, политически нейтральных медных монет с головой быка и звездой (Фе-3), можно всерьез говорить, пожалуй, лишь о некоем экономическом влиянии афинян на город, причем последовавшая в 404 г. капитуляция Афин делает присутствие здесь пришельцев из Аттики весьма призрачным. Это подтверждается и нумизматическими данными: появившаяся, вероятно, около 395 г. новая серия феодосийской меди (Фе-5) несет уже «фирменную» гераклеюскую символику. Таким образом, можно констатировать, что именно в первый период меди (ок. 405–393/2 гг.) происходит коренная политическая переориентация Феодосии: после ухода из города афинян на оказавшееся вакантным место союзника приходит Гераклея Понтийская. В этой связи заслуживает особого внимания следующий нумизматический факт.

Благодаря недавней публикации В. И. Сухановым новых вариантов ранней феодосийской меди⁵⁹ выяснилось, что легенда ΘΕΟΔΟΣ присутствует не только на монетах «прогераклеюской» серии (Фе-5), но и на предшествующих ей — с головой быка и звездой (Фе-4) (рис. 1, 8)⁶⁰. Обозначив этот существенный момент, уместно здесь же отметить и другой: демонстрируемая феодосийской чеканкой смена легенды (ΘΕΟΔΕΟΣ — ΘΕΟΔΟΣ) вызвала к жизни самые разнообразные

⁵⁸ Зограф 1951, 244, табл. XXXIX, 33, 34; Строкин 2007, 333, 334, 337.

⁵⁹ Суханов 2009, 28, 29.

⁶⁰ По мнению В. И. Суханова, на одной из этих монет изображена голова быка влево (Суханов 2009, 28, рис. 1), однако на деле она дана в трехчетвертном ракурсе — на рис. 1, 8 отчетливо видны оба рога (правый показан на фоне головы) и уха животного.

суждения — от переименования города Левконом I⁶¹ и вплоть до отрицания этого нумизматического факта⁶², — причем полной ясности в данном вопросе нет и по сей день. Поскольку же Феодосия неизменно фигурирует в дошедших до нас литературных и эпиграфических источниках именно под таким общеизвестным названием, значит, все упирается в проблему атрибуции древнейшей легенды — ΘΕΟΔΕΟΣ / ΘΕΟΔΕΩ.

Вообще говоря, сколько-нибудь заметное прояснение этого вопроса во многом зависит от того, в чью пользу будет решен другой вопрос — о возможности появления в Феодосии филиала пантикапейского монетного двора. Между тем позиция сторонников этой гипотезы⁶³ наталкивается на серьезное препятствие, которое А. Н. Васильев обозначил так: «... в политике Спартокидов отчетливо прослеживается тенденция: после подчинения того или иного города лишать его самостоятельной чеканки»⁶⁴. Наглядным тому подтверждением является, с одной стороны, продолжительный перерыв в работе монетного двора Феодосии, а с другой — главная сюжетная линия городских монет первой половины IV в., изобилующая антиспартокидовской и военно-патриотической символикой (бодающий бык, Арес, букраний, Геракл, палица). Последнее обстоятельство исключает всякую возможность приобщения любого из феодосийских выпусков (во всяком случае, раннего времени) к неким финансово-эмиссионным мероприятиям Пантикапея, что в совокупности с вышеизложенными соображениями позволяет сформулировать следующее итоговое заключение.

Демонстрируемая феодосийскими монетами смена легенды (ΘΕΟΔΕΟΣ — ΘΕΟΔΟΣ) произошла в начале IV в. (вероятно, около 395 г.), т. е. приходится на период вхождения Феодосии в союзные отношения с Гераклеей Понтийской. Этот принципиально важный для нас вывод позволяет решительно встать на сторону А. А. Завойкина и признать несостоятельной вышеупомянутую гипотезу Б. В. Кене о переименовании Феодосии Левконом⁶⁵ и, в свою очередь, подразумевает следующий: инициатива по присвоению или же возвращению городу названия «Феодосия» исходила из недр его гражданского коллектива. Основываясь на данном тезисе, попытаемся рассмотреть весь спектр теоретически возможных причин, которые могли стоять за этой неординарной акцией.

1. Произошло изменение названия города. Как уже говорилось, здесь возможно одно из двух: либо Феодосии было возвращено это исконное имя, либо древнейшим названием города было ΘΕΟΔΕΟΣ — Богобоязненный, которое затем было упразднено в пользу нового: ΘΕΟΔΟΣΙΑ — Божедарственный⁶⁶. Впро-

⁶¹ См.: Завойкин 2002, 102, 103.

⁶² Предложенная недавно В. П. Яйленко новая трактовка надписи ΘΕΟΔΕΩ вызвала у С. Р. Тохтасьева решительные возражения (которые приводятся здесь с его любезного разрешения): «По мнению В. П. Яйленко (Яйленко 2009, 523), εο в ΘΕΟΔΕΩ, “вместо обычного ο” (т. е. как в легенде ΘΕΟΔΟ), “не что иное, как гипернионизм, ошибочное построение характерной для ионийского диалекта неслитной формы”; а омега в ΘΕΟΔΕΩ вместо омикрона — это уже “сугубый гипернионизм”. Для примера исследователь приводит формы из рукописей Геродота: Κροίσεω вместо Κροίσου и αи.

⁶³ Штерн 1906, 15; Бертъе-Делагард 1912, 52; Minns 1913, 557; Петрова 2000, 99, 100, 104; Молев 1997, 76; Анохин 1999, 50; Мельников 2000, 213.

⁶⁴ Васильев 1992, 127.

⁶⁵ Завойкин 2002, 102, 103.

⁶⁶ «Theodosia — это “(город) данный божеством”, если, конечно, не простое производное от имени его основателя Theodosios или Theodotos, что, на мой взгляд, вероятнее (учитывая те самые

чем, последнее маловероятно, поскольку такого рода действия гражданской общины подразумевают наличие неких чрезвычайных, из ряда вон выходящих обстоятельств, которые, однако же, не просматриваются. Что до гераклеотов, то подозревать их в причастности к переименованию города также нет ни малейших оснований — в противном случае рисуется поистине ирреальная картина: получается, что Спартокиды смирились с названием, которое ассоциировалось с образом их злейшего врага. Поэтому несравненно более реалистичным выглядит первый вариант, подразумевающий переименование Феодосии афинянами. Такие случаи известны — достаточно назвать Амис и Астак, ставшие при них соответственно Пиреем (Strabo. XIII. 3. 14) и Ольвией⁶⁷.

2. В конце V — начале IV вв. Феодосией правил некий тиран Феодей, ставивший свое имя на городских монетах⁶⁸. Судя по всему, данный вариант следует исключить. Во-первых, при афинянах в городе мог существовать, пожалуй, лишь демократический режим правления. Во-вторых, такого рода эмиссионная практика для столь раннего времени твердо не установлена⁶⁹. В-третьих, смена легенды никоим образом не отразилась на сюжетах феодосийских монет — обе надписи (ΘΕΟΔΕΟΣ, ΘΕΟΔΟΣ) несет однотипная медь с «головой быка и звездой», — что, кстати сказать, может служить еще одним веским доводом в пользу того, что первая из них также является этниконом.

3. Монеты с ΘΕΟΔΕΟΣ выпускал одноименный туземный правитель, которому удалось захватить город или же установить над ним военный протекторат. Такой поворот событий крайне маловероятен, поскольку в это время Феодосия, скорее всего, находилась под опекой афинян, а кроме того, здесь остается в силе последнее положение пункта 2.

Итог всех этих рассуждений может быть, пожалуй, лишь таков. Сохраненная древнейшими нумизматическими памятниками Феодосии надпись ΘΕΟΔΕΟΣ, скорее всего, отображает новое название, присвоенное городу афинянами в период его членства в Архэ; после же их ухода решением гражданской общины полису было возвращено его прежнее, надо полагать, исконное имя — Феодосия. И если это действительно так, можно констатировать наличие еще одного доселе неизвестного и, безусловно, наиболее яркого следа, оставленного афинянами в монетной чеканке этого самого западного восточнокрымского города.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов А. П., Паромов Я. М. 1993: Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. 2, 25–98.

Анохин В. А. 1977: Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в. н. э.). Киев.

Анохин В. А. 1986: Монетное дело Боспора. Киев.

Анохин В. А. 1999: История Боспора Киммерийского. Киев.

монетные легенды)». Выражаю глубокую признательность С. Р. Тохтасеву за это, а также другие ценные замечания и пояснения.

⁶⁷ См.: Карышковский 1959, 80, примеч. 127.

⁶⁸ Как это предполагает В. Ф. Столба, правда, отдавая при этом предпочтение другой своей версии: на монетах, возможно, запечатлено имя героя-ктиста (Столба 1989б, 147, 148). Последнего мнения придерживаются также Э. Б. Петрова (Петрова 2000, 51), А. Е. Терещенко (Терещенко 2004, 21) и С. Р. Тохтасев (Тохтасев 2004, 154, примеч. 39).

⁶⁹ См.: Суриков 2004, 320.

- Берзин Э. О.* 1958: Синдика и Афины в последней четверти V в. до н.э. // ВДИ. 1.
- Бертъе-Делагард А. Л.* 1912: Монетные новости древних городов Тавриды // ЗООИД. Т. XXX, 39–54.
- Бертъе-Делагард А. Л.* 1913: Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // НС. II, 19–134.
- Блаватская Т. В.* 1959: Очерки политической истории Боспора V–IV вв. до н. э. М.
- Васильев А. Н.* 1992: К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 111–128.
- Виноградов Ю. А.* 1984: Исследование Мирмекия // АО 1983 г. М., 265–268.
- Гаврилов О. В.* 1998: Нові дані про сільську округу античної Феодосії // Археологія. 1, 109–117.
- Гаврилов О. В.* 1999: Античне поселення Новопокровка у Південно-Східному Криму // Археологія. 1, 81–91.
- Гаврилов А. В., Шоноу І. В.* 2007: Поздня чеканка Феодосии и пантеон Феодосийского полиса (по нумизматическим материалам одной усадьбы) // БФ, 346–357.
- Гайдучевич В. Ф.* 1949: Боспорское царство. М.; Л.
- Завойкин А. А.* 1992: Периодизация торговых связей и вопросы истории Фанагории: вторая половина VI–V вв. до н. э. // ОАИБ, 260–269.
- Завойкин А. А.* 2000: Афины — Боспор — Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань, 249–268.
- Завойкин А. А.* 2002: К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов // ДБ.5, 95–106.
- Завойкин А. А.* 2004: Краткий очерк истории Боспора VI — первой четверти III вв. до н. э. // ПИФК. XIV, 58–93.
- Зограф А. Н.* 1951: Античные монеты. МИА. 16.
- Золотарев М. И.* 1984: Два типа редких монет Феодосии IV в. до н. э. // ВДИ. 1, 89–92.
- Карышковский П. О.* 1959: Ольвия и Афинский союз // МАПП. III, 57–100.
- Кахидзе А., Товамаишвили Г.* 2005: Монеты Боспорского царства из греческого некрополя Пичвнари // БФ, 371–375.
- Коваленко С. А.* 1999: О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ. XVI, 108–124.
- Коваленко С. А., Молчанов А. А.* 2005: О монетной чеканке Феодосии в V–IV вв. до н. э. // ВДИ. 1, 49–62.
- Кондратюк М. В.* 1983: Архэ и афинская демократия // Античная Греция. Т. 1. М., 327–365.
- Мельников О. Н.* 1989: Монетная чеканка храма Аполлона в Пантикапее // Древнее Причерноморье (чтения памяти П. О. Карышковского). Тез. докл. Одесса, 37–38.
- Мельников О. Н.* 1992: Нимфей и монеты с надписью АММА // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Мелитополь, 61.
- Мельников О. Н.* 2000: Монеты античной Феодосии // МАИЭТ. VII, 208–218.
- Мельников О. Н.* 2001: Нимфей, скифский вождь Саммак и измена Гилона // МАИЭТ. VIII. Симферополь, 410–426.
- Молев Е. А.* 1997: Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н. э. Н. Новгород.
- Петрова Э. Б.* 2000: Античная Феодосия. Симферополь.
- Сапрыкин С. Ю.* 1986: Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.
- Столба В. Ф.* 1989а: Монеты Нимфея в системе боспорской чеканки второй половины V в. до н. э. Скифия и Боспор // Археологические материалы к конференции памяти проф. М. И. Ростовцева. Л.; Новочеркасск, 49.

- Столба В. Ф.* 1989б: О боспорских монетах с надписью ΘΕΟΔΕΟ — ΘΕΟΔΕΩ // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов Конференции. Запорожье, 147–148.
- Стрелков А. В.* 1999: Афинский монетный декрет // НЭ. XVI, 25–47.
- Строкин В. Л.* 2007: АПОΛ[лония Боспорская] или [храм] АПОΛ[лона]? // ДБ. 11, 330–379.
- Строкин В. Л.* 2009а: Монеты с легендой ΝΥΝ: хронология чеканки // ПИФК. 1, 151–168.
- Строкин В. Л.* 2009б: Нимфей — Самма(?) — Нимфей // ДБ. 13, 359–392.
- Суриков И. Е.* 1999: Историко-географические проблемы Понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 2, 98–113.
- Суриков И. Е.* 2004: Древнегреческие монеты с легендой ΣΑΜΜΑ: к оценке хода дискуссии // ПИФК. XIV, 316–323.
- Суханов В. И.* 2009: Медные монеты Феодосии // 15 ВНК, 28–29.
- Терещенко А. Е.* 2004: Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI–V вв. до н. э. автореф. дисс. ... к.и.н. СПб.
- Тохтасьев С. Р.* 2004: Боспор и Синдика в эпоху Левкона I // ВДИ. 3, 144–185.
- Фролова Н. А.* 1999: Чеканка Феодосии конца V–IV вв. до н. э. // ПИФК. VIII, 302–313.
- Фролова Н. А.* 2000: Монеты Нимфея (некоторые проблемы исследования чеканки Нимфея) // ДБ. 3, 340–354.
- Шелов Д. Б.* 1950: Феодосия, Гераклея и Спартокиды // ВДИ. 3, 168–178.
- Шелов Д. Б.* 1956: Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.
- Шелов-Коведяев Ф. В.* 1985: История Боспора VI–IV вв. до н. э. // ДГ СССР. 1984. М., 5–186.
- Шонов И. В.* 2002: О монетной чеканке Феодосии последней четверти V — начала IV вв. до Р.Х. // БИ. 2, 327–331.
- Штерн Э. Р.* 1906: Феодосия и ее керамика. Одесса.
- Яйленко В. П.* 2004: Вотив Левкона I из Лабриса // ДБ. 7. 2004, 425–445.
- Яйленко В. П.* 2009: Малоазийские «гастарбайтеры» на Боспоре V–III вв. до н. э. // ДБ. 13, 477–552.
- Guarducci M.* 1969: Epigrafia greca. T. II. Roma.
- Minns E.* 1913: Scythians and Greeks. Cambridge.
- Thumb A.* 1959: Handbuch der griechischen Dialekte. II. Bd. 2. Aufl. von A. Scherer. Heidelberg.

ATHENIAN TRACE IN THEODOSIAN COINAGE

V.L. Strokin

The author assumes that the last third of the 5th century BC saw Theodosia as a member of the First Athenian Sea Union with a new name of Theodeos that became Theodosia again about 395 BC. In 410–405 BC Theodosia minted silver coins with types of the head of Athena and the head of a bull due to Athenian influence. Copper coins were minted up to 393–392 BC. These were of two types: with a bull's head and a star, and with a male head and a butting bull/forepart of a bull/a star. A drachm with head of Ares/head of a bull was likely to be minted in 393–392 BC, when Panticapeum tyrant Satyros I died. This coin brought to the close the most ancient period in Theodosia coinage, as Theodosia was most likely seized by Leukon I, Satyros' son, about 390 BC.

Key words: Theodosia, coinage, silver coins.

Древний Восток

© 2011

Р. В. Тихонов

МЕСТНЫЕ ТИПЫ КЕРАМИКИ БАКТРИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

В керамическом производстве Бактрии эллинистического периода происходят значительные изменения, вызванные влиянием эллинистической традиции. Однако, несмотря на это, прослеживаются и местные традиции. В качестве таковых следует рассматривать усовершенствование цветовой гаммы ангобного покрытия и бытование на протяжении всего указанного времени следующих типов сосудов: кубки, котлы, горшки, сковороды, хумы, хумчи, цилиндроконические сосуды и, видимо, фляги.

Ключевые слова: Бактрия, эллинизм, керамика, местные типы.

В гончарном производстве Бактрии эллинистической эпохи происходят значительные изменения. В первую очередь они были вызваны греческим влиянием. Появляются обжигательный горн с опорным столбом в топочной камере, фиалы, рыбные блюда, кратеры, амфоры, аски, арибаллы, а гончары используют некоторые греческие способы отделки посуды — частичное ангобирование, штамповый орнамент¹.

Однако, несмотря на достаточно сильное иноземное влияние, в керамике Бактрии эллинистического периода сохраняются местные традиции. Они сказываются в бытовании на протяжении всего вышеуказанного времени некоторых типов посуды. Для их характеристики были приняты следующие обозначения: Н — общая высота, Д 1 — диаметр дна, Д 2 — диаметр тулова, Д 3 — диаметр устья.

Кубки

Размеры: Н = 10,5–18 см, Д 2 = 14–22, Д 3 = 12–18.

Кубки являются наиболее характерным типом столовой посуды, где не наблюдается влияние эллинистической традиции (рис. 1, 1–3). Кроме того кубки, известные в греческом мире, значительно отличаются от бактрийских. По форме тулова они напоминают канфары, снабжены одной или двумя ручками².

Как правило, данный тип посуды имел плоское дно или поддон. Однако

Тихонов Роман Владимирович — аспирант кафедры всеобщей истории ЕГУ имени И. А. Бунина.
E-mail: 478042316789@mail.ru

¹ Блаватский 1947, 56–57; Сычева 1978, 251; Болелов 2001, 20–21; Цепова 2001, 102.

² Зайцева 1972, 90–95; 1985, 110–111.

встречаются кубки, имевшие ножку (рис. 1, 4–5). Яркий тому пример — кубки, обнаруженные при исследовании Шахринаусского городища³.

Ряд исследователей считает, что цилиндроконические кубки происходят от подобных им сосудов середины I тыс. до н. э.⁴ Ш. Р. Пидаев, изучавший генезис данной формы керамики, пришёл к следующему выводу: «Если допустить, что цилиндро-конические кубки генетически связаны с цилиндро-коническими сосудами I тыс. до н. э., то между ними отсутствует связующее звено, которое на археологических материалах Средней Азии ещё не прослеживается. Поэтому пока следует говорить не о генетических связях между ними, а о подражании более древним формам»⁵. Однако этот тезис в свете новых археологических исследований не подтвердился, так как цилиндроконические формы продолжали существовать на протяжении всего эллинистического периода⁶. Как нам представляется, цилиндроконические кубки являются ярким примером сохранения бактрийской керамической традиции, где подобная форма сосуда продолжала свое развитие в более позднее время.

Цилидроконические кубки продолжали бытовать и в кушанский период, но форма их несколько видоизменяется. Стенки сосудов становятся более толстыми и округлыми, перегиб плавнее, а желобки на месте перехода от цилиндрической к конической части изменяются. Появляются также кубки на небольших ножках, качество ангобного покрытия становится несколько хуже⁷. Цилидроконические кубки на усеченно-коническом поддоне с округлыми очертаниями резервуара также, видимо, следует рассматривать как дальнейшее развитие греко-бактрийских цилиндроконических кубков на дисковидном поддоне⁸.

Кроме того, в великокушанский период появляется ранее неизвестная форма столовой посуды — цилиндроконические кубки на плоском дисковидном поддоне. Характерная черта данного типа — наличие четко выраженного округлого перехода от цилиндрической к конической части резервуара. По мнению С. Б. Болелова, подобные сосуды по некоторым параметрическим и морфологическим признакам схожи с канфарами позднеэллинистического и римского времени⁹.

Котлы

Размеры: Д 1=18–32 см, Д 3=18–32 см.

Котлы, как правило, имели плоское или овальное дно, были снабжены ручками различной конфигурации (рис. 1, 6–9). В редких случаях на котлах отмечено ангобное покрытие, а также декор в виде отпечатков ткани на внутренней поверхности. В большинстве своем они изготавливались вручную. На Душанбинском городище найдены котлы, которые лепились из двух частей, а затем соединялись между собой¹⁰. Подобная техника характерна для гончарного производства других бактрийских памятников, например, на котлах из Болдайтепа место соединения двух частей сосуда четко выделяется, так как заглажено менее тщательно.

³ Зеймаль 1985, 174–175.

⁴ Шишкина 1975, 70.

⁵ Пидаев 1989, 44–45.

⁶ Двуреченская 2006, 116.

⁷ Пидаев 1989, 46.

⁸ Болелов 2006, 48.

⁹ Там же, 54; 48, рис. 6, 1.

¹⁰ Абдуллаев 2005, 155.

В целом котлы изготовлены достаточно небрежно, что привело к различной толщине стенок одного и того же сосуда. Для них также отмечен как полный, так и неполный обжиг¹¹. Все котлы в разной степени закопчены, что свидетельствует об их использовании для приготовления пищи.

Следует обратить внимание на котел из Кампыртепа, в верхней части которого расположены конусообразные налепы¹². Подобные налепы известны и на группе кухонной посуды кушанского времени. Не исключено, что прав С. Б. Болелов, считающий, что «они явно не функциональны. Возможно, эти выступы или налепы имели символическое значение»¹³.

Горшки

Размеры: Д 1=8–36 см, Д 3=6–32 см, Н=14–20 см.

Горшки в отличие от котлов не имеют ручек, отличаются они и формой тулова (рис. 1, 10–16). Также они более богато орнаментированы. Среди декора преобладает круговой волнистый орнамент и орнамент в виде концентрических линий.

Обращает на себя внимание группа гончарных горшков, обнаруженных на Душанбинском городище (рис. 1, 10–12). Их особенностью является наличие 4–5 сквозных отверстий под венчиком для подвешивания. По мнению А. А. Абдуллаева, подобные сосуды «использовались в молочном хозяйстве или для хранения жидких продуктов»¹⁴.

Среди керамического комплекса переходного периода, выделенного Ш. Р. Пидаевым на Джигатепе, большую часть составляют так называемые кубкообразные горшки (рис. 1, 13–14). Они имеют плоское дно, округлую форму и слегка загибающийся внутрь венчик. Среди их особенностей также следует отметить красное и черное ангобирование стенок до середины сосуда¹⁵.

Достаточно архаичными выглядят горшки из Тамошотепа, что в какой-то степени можно объяснить провинциальностью гончарного производства данного поселения. По форме тулова они напоминают цилиндроконические сосуды доэллинистического времени. Среди отличительных их черт можно назвать подрезку придонной части¹⁶.

Среди горшков, найденных на Ай-Ханум, особое место принадлежит маленьким горшкам, диаметр которых не превышает 10 см (рис. 1, 15–16). По мнению Ж.-К. Гардена, они находят параллели в индо-иранском мире и могли использоваться для косметики¹⁷. Это утверждение является не бесспорным, если принять во внимание полисный статус Ай-Ханум. Кроме того, в городе было обнаружено значительное количество греческой посуды, иногда несколько видоизменённой под воздействием местной традиции, а иногда и вовсе повторяющей греческие типы.

Сковороды

Размеры: Д 1=25–28 см, Д 3=26–42 см, Н=2,5–3,5 см.

¹¹ Зеймаль 1971, 92.

¹² Мкртычев, Болелов 2006, 47.

¹³ Болелов 2002, 42.

¹⁴ Абдуллаев 2005, 156.

¹⁵ Пидаев 1984, 112.

¹⁶ Абдуллаев, Бубнова, Пьянкова 1975, 260.

¹⁷ Gardin 1973, 165.

В количественном отношении их обнаружено значительно меньше по сравнению с другими типами кухонной посуды. Кроме того, их фрагментарность не позволяет нам не только проследить генезис подобной формы сосуда, но и выявить локальные отличия. Среди обнаруженных экземпляров преобладают сковороды с плоским дном, венчиком с остро выступающим ребром, покрытых ангобом (рис. 3, 6–8).

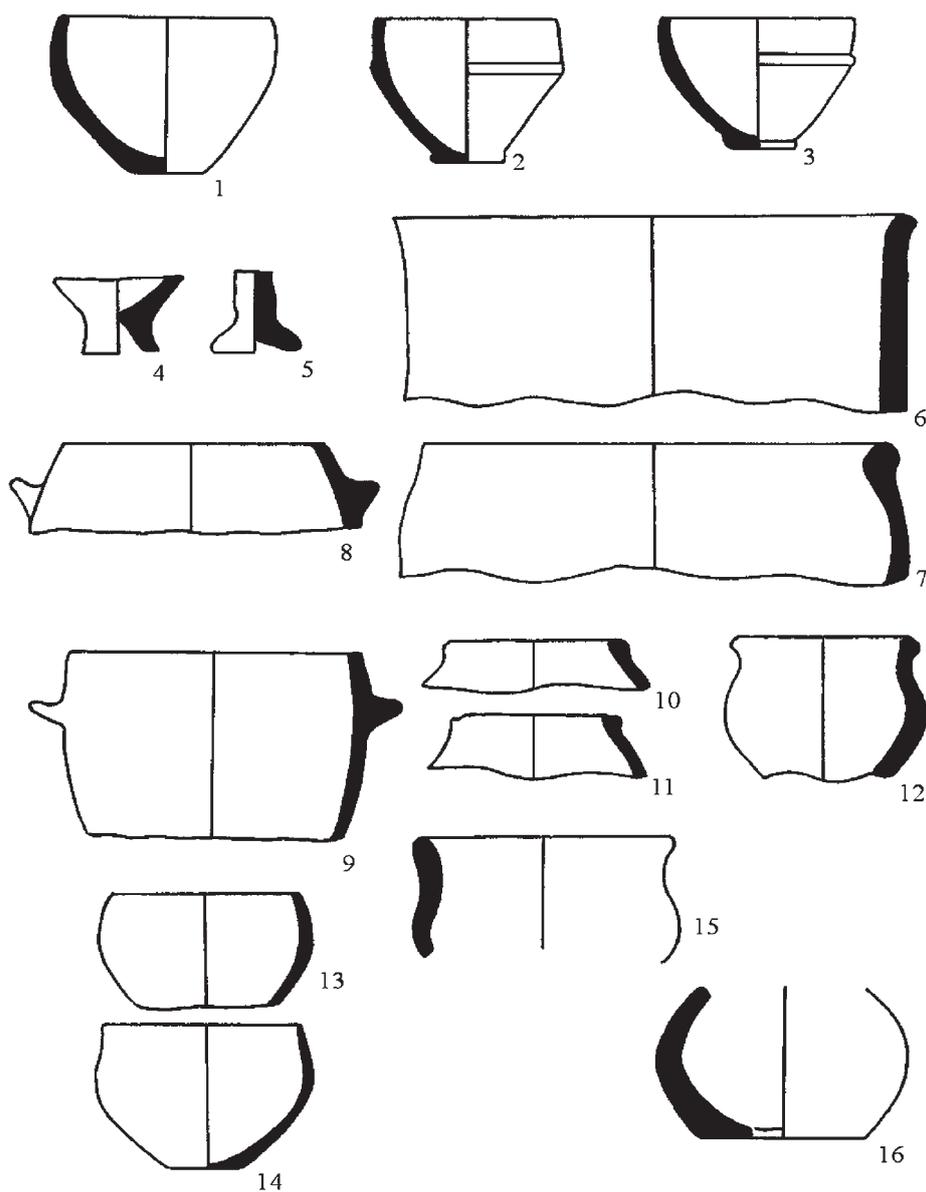

Рис. 1. Местные типы керамики (1–5 — кубки; 6–9 — котлы; 10–16 — горшки).

Хумы и хумчи

Размеры: Д 1=34 см, Д 3=18–60 см, Н=38 см.

Для хранения жидкостей и продуктов в Бактрии использовали хумы и хумчи (рис. 2), которые вкапывали в пол или ставили на его поверхность. Иногда в домах для них отводили специальные помещения — хумханы.

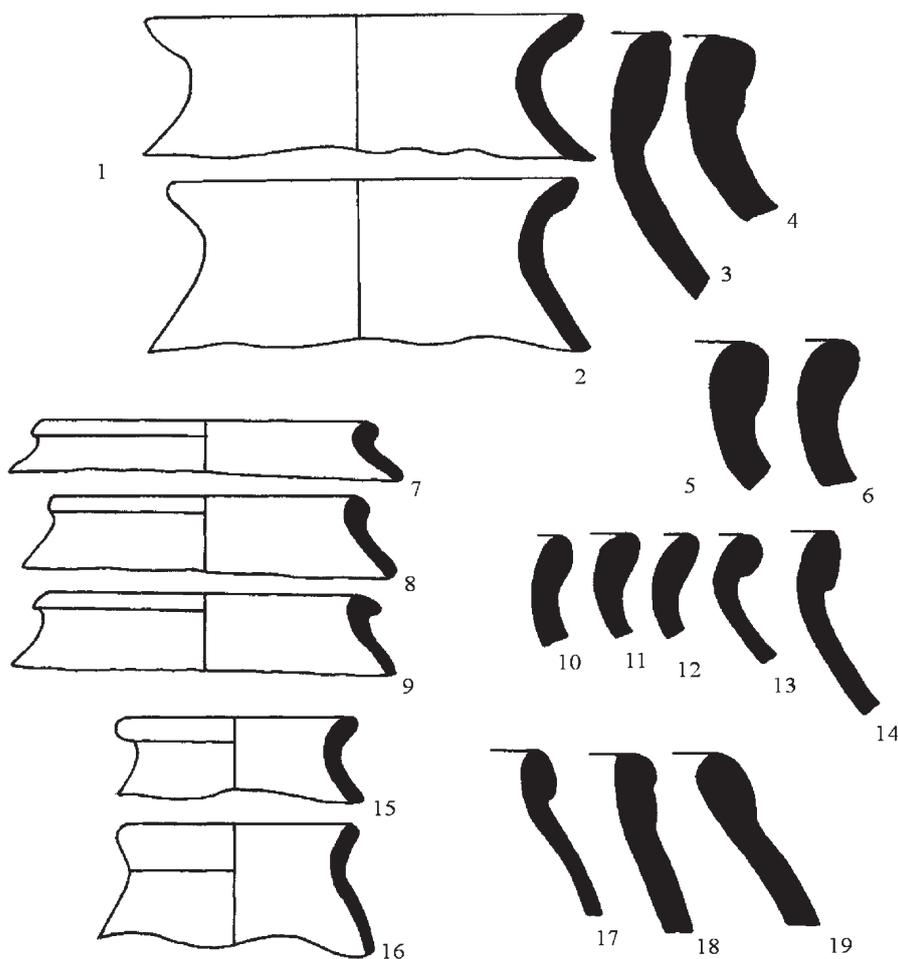

Рис. 2. Местные типы керамики (1–19 — хумы и хумчи).

Хумы и хумчи продолжают традицию цилиндрических сосудов предыдущей эпохи¹⁸. Иногда это приводит к полному заимствованию форм, но в большинстве случаев происходит видоизменение сосуда. Это относится как к форме тулова, так и его деталям. Кроме того, усложняется декоративное оформление сосудов, которое представлено не только пальцевыми вмятинами и вдавлениями, но и штампованным орнаментом.

¹⁸ Аскарлов, Альбаум 1979, 40; Сагдуллаев 1980, 232; Сагдуллаев, Хакимов 1976, 27.

Цилиндрикоконические сосуды

Размеры: Д 3=24–58 см.

Характерной особенностью эллинистических комплексов керамики является наличие сосудов баночной формы (рис. 3, 1–2), которые повсеместно встречаются при раскопках ряда памятников¹⁹. Цилиндрикоконические сосуды известны ещё в бронзовом веке и продолжали бытовать на протяжении всего эллинистического периода. Возможно, данный тип посуды следует рассматривать как сохранение керамических бактрийских традиций. Так, например, Т.И. Зеймаль считает, что «подобная форма продолжала сохраняться в кухонно-хозяйственном ассортименте посуды вплоть до I в. до н.э. (во всяком случае, в правобережье Амударьи), а затухающие её признаки улавливаются в формах котлов и позднее»²⁰.

Кроме того, следует отметить, что на Кампыртепа обнаружен лепной цилиндрикоконический горшок (рис. 3, 2). Материалом для его изготовления послужила глина с примесью шамота, после лепки он был обожжён на костре. Верхняя часть горшка покрыта копотью, а на стенках и дне сохранились следы золы. Внутри сосуда обнаружены три воронки и две ложечки. По мнению Л.М. Сверчкова и А.А. Восковского, «весь этот набор, состоящий из шести предметов, связан с действием (не будем говорить — ритуалом), корни которого уходят в глубокую древность»²¹.

Фляги

Размеры: Н=40–45 см.

В Бактрии известны фляги двух типов — овальные и округлые, снабженные одной или двумя ручками (рис. 3, 3–5, 9). Они использовались в качестве сосудов для перевозки или переноски воды (рис. 4, 15–17; рис. 52, 5–7).

Во время исследований крепости Курганзол обнаружена фляга, использовавшаяся как переносной очаг (рис. 3, 4). С этой целью горловина была запечатана алебастром, дно аккуратно выломано, а сверху устроено отверстие-дымоход. В результате этого внутренняя поверхность фляги покрылась копотью²². Возможно, и фляги также следует рассматривать в качестве местного типа посуды, поскольку они известны на территории Ирана еще с древнейших времен²³.

В заключение следует отметить, что, несмотря на достаточно сильную эллинизацию культуры Бактрии, в гончарном производстве продолжались местные традиции предшествующего времени. Они проявились не только в усовершенствовании декоративного оформления сосудов (яркий тому пример — разнообразие цветовой гаммы ангобного покрытия), но и в разнообразии форм. Да и трудно не согласиться с Ш.Р. Пидаевым, считающим, что Бактрия, имеющая глубокие традиции, уходящие вглубь веков, не могла полностью их подавить и переориентироваться на эллинистическую культуру²⁴.

¹⁹ Дьяконов 1953, 280; Зеймаль 1971, 84–93; Абдуллаев 1976, 44–45; Двуреченская 2006, 115–116.

²⁰ Зеймаль 1988, 280.

²¹ Сверчков, Восковский 2006, 24.

²² Сверчков 2007, 52.

²³ Gardin 1973, 164.

²⁴ Пидаев 1991, 221.

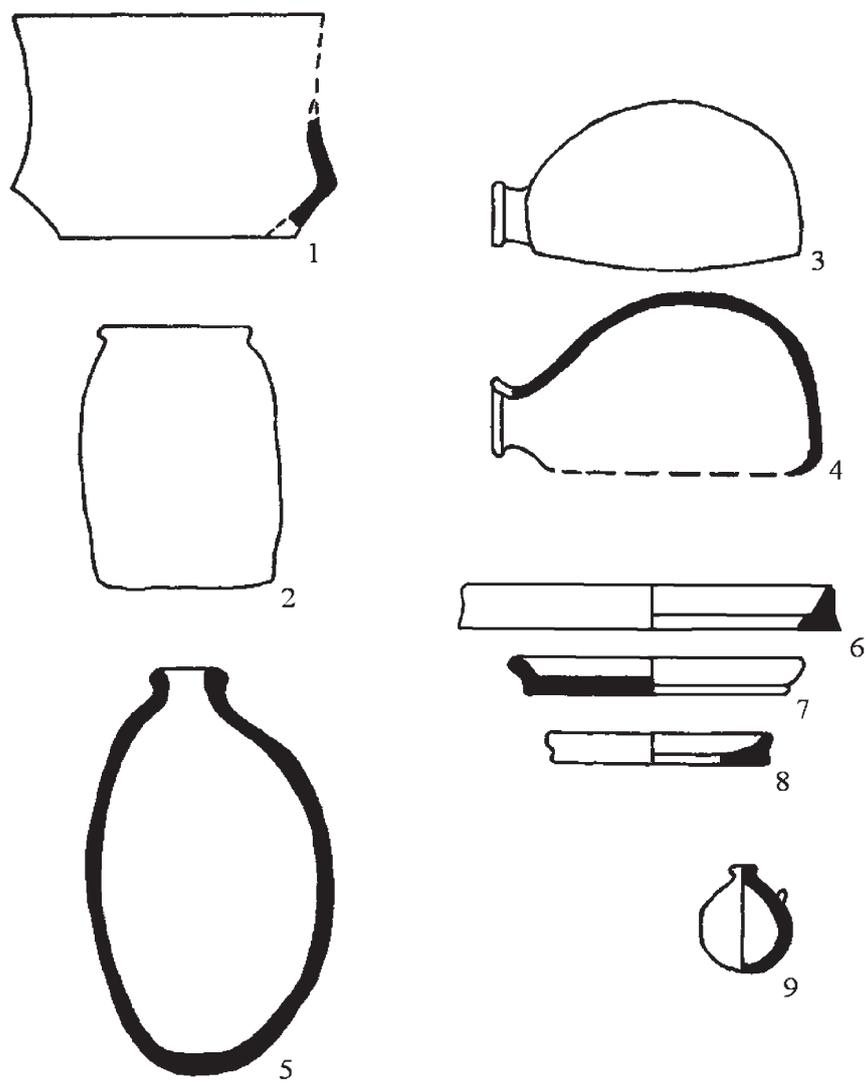

Рис. 3. Местные типы керамики (1-2 — цилиндрические сосуды; 3-4, 5, 9 — фляги; 6-8 — сковороды).

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев А. А.* 1976: Отчёт о раскопках Тамошо-тепе в 1972 г. // АРТ. 12, 38–47.
- Абдуллаев А. А.* 2005: Душанбинское городище в античный период // АРТ. 30, 152–172.
- Абдуллаев А. А., Бубнова М. А., Пьянкова Л. Т.* 1975: Отчёт о работах Яванского отряда в 1971 г. // АРТ. 11, 249–262.
- Аскарлов А. А., Альбаум Л. И.* 1979: Поселение Кучуктепа. Ташкент.
- Блаватский В. Д.* 1947: О технике росписи арибаллических лекифов // КСИИМК. 15, 51–57.
- Болелов С. Б.* 2002: Гончарная мастерская III–II вв. до н. э. на Кампыртепа (К вопросу о керамическом производстве и организации ремесла в Северной Бактрии эпохи эллинизма) // МТЭ. Вып. 2 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 15–30.
- Болелов С. Б.* 2006: Жилой квартал кушанского времени на Кампыртепа (раскопки 2000–2002 гг.) // МТЭ. Вып. 6 / Э. В. Ртвеладзе, В. С. Соловьев (ред.). Елец, 15–80.
- Зайцева К. И.* 1972: Кубки V–IV вв. до н. э. из Ольвии // ТГЭ. 13, 90–97.
- Зайцева К. И.* 1984: Ольвийские кубки и канфары VI–IV вв. до н. э. // ТГЭ. 24, 110–124.
- Зеймаль Е. В.* 1985: Археологические раскопки в Шахринау // АРТ. 19, 173–185.
- Зеймаль Т. И.* 1971: Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе // МКТ. 2, 81–101.
- Зеймаль Т. И.* 1988: Археологические работы в Гиссаре в 1981 г. // АРТ. 21, 277–288.
- Дуреченская Н. Д.* 2006: Итоги археологических работ 2004 — 2005 гг. в жилом квартале — блоке 5 в северо-западной части Кампыртепа // МТЭ. Вып. 6 / Э. В. Ртвеладзе, В. С. Соловьев (ред.). Елец, 110–136.
- Дьяконов М. М.* 1953: Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950–1951 гг.) // МИА. 37, 253–293.
- Мкртычев Т. К., Болелов С. Б.* 2006: Стратиграфия юго-восточной части цитадели Кампыртепа // МТЭ. Вып. 5 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 43–66.
- Пидаев Ш. Р.* 1984: Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.) [Текст] / Ш. Р. Пидаев // Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 3. М., 112–124.
- Пидаев Ш. Р.* 1989: Эволюция двух форм керамики Древней Бактрии // Краеведение Сурхандарьи. Ташкент, 43–51.
- Пидаев Ш. Р.* 1991: Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза // СА. 1, 210–224.
- Ранов В. А., Соловьев В. С.* 1993: Душанбе — город древний. Душанбе.
- Сагдуллаев А.* 1980: Раскопки древнебактрийской усадьбы Кызылча 6 (по итогам работ 1974–1976 гг.) // СА. 2, 228–240.
- Сагдуллаев Т.* 1976: Археологическое изучение городища Кызыл-тепе (По итогам работ 1973–1974 гг.) // Бактрийские древности / В. М. Массон (ред.). Л., 24–29.
- Сычёва Н. С.* 1978: Античные элементы в керамике Северной Бактрии — Тохаристана кушанского времени и проблема связей Кушанского царства с греко-римским миром // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока / Г. А. Кошеленко (ред.). М., 250–257.
- Сверчков Л. М.* 2007: Эллинистическая крепость Курганзол. Раскопки 2004 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3 / Э. В. Ртвеладзе, Л. М. Сверчков (ред.). Ташкент, 31–64.
- Сверчков Л. М., Восковский А. А.* 2006: Стратиграфия, периодизация и хронология нижних слоёв Кампыртепа // МТЭ. Вып. 5 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 21–46.
- Цепова О.* 2001: Керамика со штамповым орнаментом из Кампыртепа // МТЭ. Вып. 2 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 101–112.

-
- Шушкина Г. В.* 1975: Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 2, 60–78.
Gardin J. C. 1973: Les ceramiques. Fouilles d' Ai Khanoum // MDAFA. T. XXI. Paris, 121–188.

LOCAL TYPES OF THE BACTRIAN CERAMICS OF THE HELLENIC PERIOD

R. V. Tikhonov

Ceramic production in Bactria of the Hellenic period suffered a great change under the impact of Hellenic traditions. Yet, it still shows evidence of local traditions. To these one can refer improved color gamut of engobe coating and vessels that existed at the time. These comprised goblets, cauldrons, pots, pans, khumas, khumchas, cylindrical and conical vessels, and probably flasks.

Key words: Bactria, Hellenism, ceramics, local kinds.

Мезоамерика

© 2011

И. Ю. Демичева

ТИПОЛОГИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕРРАКОТОВЫХ СТАТУЭТОК МАЙЯ I ТЫС. Н.Э.

Длительное время в майянистике типологизации и классификации терракотового материала майя I тыс. н.э. не уделялось должного внимания. Поэтому в данной статье были определены основные рабочие понятия структурирования статуэток: категория, вид, группа, и тип. На основе анализа условной выборки в 563 экземпляра выделены 12 базовых принципов группировки терракотовой пластики. Данная группировка и типологизация многопланово характеризует предметы мелкой пластики. Также она является открытой, что по мере накопления терракотового материала позволит ее расширить, не нарушая при этом ее основ.

Ключевые слова: майя, терракотовые статуэтки, группы, типы, функциональное назначение.

В ходе систематических археологических исследований памятников цивилизации майя Классического периода (I тыс. н.э.) было выявлено значительное количество терракотового материала и предметов мелкой пластики.

Терракотовые статуэтки обнаруживаются в культурном слое, при закладке шурфов, а также встречаются как часть подъемного материала; фиксируются при раскопках террас, сооружений, погребений, насыпей, мусорных ям. Для данного исследования использована информация о 30 различных городах и регионах.

Большая часть проанализированных терракот представлена изображениями статуэток, опубликованных в различных изданиях, всего 563 экземпляра различной степени сохранности. Подавляющее большинство представлено фрагментами — 238 экз., целых выявлено 175 экз., незначительно поврежденных 99 экз., сильно поврежденных 41 экз. Выделено также 6 не полностью изображенных экземпляров, что затрудняет определение степени их сохранности. В общую выборку также включены копии статуэток, хранящихся в доступной коллекции музейного центра РГГУ. Основная масса терракотового материала хранится в фондах музеев Мексики, Гватемалы, США и Канады и в частных коллекциях, которые большей частью недоступны.

Демичева Ирина Юрьевна — соискатель ИА РАН. E-mail: iudem@mail.ru

Теоретические вопросы типологизации и классификация в археологии не имеют четких и равнозначных определений. Во многом деление предметов на типы и виды определяется индивидуальным подходом исследователя. Поэтому классификация терракотовых статуэток майя требует введения четких значений и критериев деления материала на *категории, виды, группы и типы*.

При их выделении учитывались разработки, проведенные в археологической типологии О. Монтелиусом и В. А. Городцовым¹. Также использованы общепринятое деление на три базовых видов типа: функционального, конструктивного и стилистического. На этой основе существенно расширены базовые типы терракотового материала, предложенные Р. Пинья², и несколько под другим углом рассмотрены выделенные М. Батлер региональные стили³.

Для удобства классификации и типологизации необходимо ввести четкие определения основных рабочих понятий. Под *категорией* подразумеваются объединенные вместе любые изделия из глины: керамический материал, мелкая скульптура, посуда, музыкальные инструменты и т. д.

Вид представляет собой непосредственно изделия предметов мелкой пластики: терракотовые статуэтки, как правило, верхние части курильниц, керамическая посуда с фрагментами объемных изображений и т. п.

Группа представляет собой деление статуэток или объединение их на основе какого-либо одного базового принципа. При этом группа может состоять как из одного, так и из нескольких типов.

В основе выделения *типов* в рамках какой-либо группы лежит сумма определяющих признаков. Вообще для конкретного вида изделий терракотовой пластики это показатели морфологии, иконографии, размерных характеристик, особенностей технологии производства, территории и времени распространения, стилистических особенностей⁴. На основании всего вышеизложенного можно выделить 12 базовых принципов группировки терракотовой пластики майя I тыс. н.э.: 1 — вид изображения; 2 — характер изображения; 3 — плотность наполнения структуры; 4 — цвет изделия; 5 — размер; 6 — состав формовочной массы; 7 — структура глины; 8 — фактура и текстура поверхности; 9 — количество изображенных субъектов; 10 — конструкция формы изделия; 11 — метод изготовления статуэток; 12 — функциональное назначение.

1. По виду изображения терракоты делятся на три базовые группы: *антропоморфные, зооморфные и «смешанные»*. Деление статуэток на первые две группы начинается практически с первичного изучения найденного при раскопках материала. Систематизируются и закрепляются данные термины в мезоамериканской историографии к 60-м годам XX века⁵. Понятие «смешанной» группы взято нами условно, оно объединяет в себе разные малочисленные группы статуэток, которые не входят в две представленные выше. Количественное соотношение терракот внутри групп данной выборки неравноценно. Наиболее представительна антропоморфная группа (435 экз.), зооморфная составляет 27 экз., «смешанная» — 50 экз.

¹ Клейн 1991, 49.

² Piña 1968, 66.

³ Butler 1935, 636–672.

⁴ Двуреченская 2009, 9.

⁵ Rands 1965.

Антропоморфная группа включает в себя изделия, выполненные в виде людей с сохранением их основных анатомических особенностей, и статуэтки с неярко выраженными человеческими признаками, которые можно идентифицировать как изображения людей. В рамках данной группы можно выделить четыре основных признака типологизации статуэток: гендерный, возрастной, признак социальной принадлежности, признак сакральности.

Гендерный признак дает возможность определить два типа статуэток: мужские и женские. В данной выборке представлено 74 экз. изображений мужчин и 28 — женщин (рис. 1. 1–2). В данном случае для анализа брались статуэтки и их фрагменты с явными признаками пола, в остальных случаях определить пол субъекта можно было лишь условно.

Проблемы гендерных отношений внутри майяского общества стали широко рассматриваться с 80-х годов XX века. Это вызвано тем, что терракотовый материал в данной области дает немало интересной информации. В своих работах, основываясь на анализе статуэток, Р. Джойс отмечает, что в зависимости от того, кто изготавливал статуэтки мужчина или женщина, они в предметах мелкой пластики отражали свое восприятие самих себя и противоположного пола и их роли в обществе⁶.

Возрастной признак позволяет выделить четыре типа изображений терракот: детские, юношеские, среднего возраста, пожилые (рис. 1. 1–4). Наиболее распространены изображения людей среднего возраста (347 экз.), терракот в виде пожилых людей выявлено 26 экз., детских и юношеских — по 8 экз. Очевидно, что большее внимание коропласты уделяли отражению наиболее работоспособной и значимой возрастной категории, которая позволяла представить разные аспекты социальной занятости майя. Пожилые люди, и старики в частности, чаще воплощали антропоморфные образы божеств.

Проблема детства и юношества в терракоте представлена слабо, т. к., вероятно, только после прохождения обряда инициации человек считался полноправным членом общества⁷. Кроме того, для детей в возрасте до 14 лет была характерна высокая смертность. Большею частью гибли дети 2–3-летнего возраста, что во многом связывают с недостаточно качественным питанием и различного рода болезнями⁸. В терракоте дети изображены скорее как приложение к женщине, причем акцент здесь скорее сделан на основном виде женской деятельности — продолжении рода и воспитании детей.

Приблизительный возраст представленных в терракоте детей колеблется от 4 до 5 лет, т. е. показан именно тот возраст, когда их воспитанием занималась женщина. Изображения детей проработаны схематично, детали не всегда четко прописаны. В некоторых случаях нарушены пропорции тела. Дети изображены или в набедренной повязке, или обнаженными. Если не прорисованы признаки пола, по внешнему виду сложно судить о том, кто представлен — мальчик или девочка (рис. 1. 1). Это свидетельствует том, что до определенного возраста значение детей в обществе было не существенным и как таковое психологическое понятие детства, возможно, отсутствовало.

⁶ Joyce 1992, 63–70.

⁷ Ланда 2000, 302–303.

⁸ Hernandez-Espinoza 2009, 249–250.

На основе социальной принадлежности можно выделить четыре основных типа терракот, каждый из которых делится на отдельные подтипы.

Проблема социального устройства майяского общества на протяжении длительного времени являлась одной из ведущих в майянистике. В начале XX века С. Морли выделял в обществе майя Классического периода четыре большие группы, включающие в себя аристократию, жречество, общинников и работников⁹. Р. Пинья выделяет три категории населения. Первая состоит из знати, жреческой верхушки, богатых торговцев; вторая включает в себя профессиональных ремесленников, художников, танцоров, игроков в мяч; третья представлена крестьянами, охотниками, слугами и т. п.¹⁰ Схожую структуру описывал У. Р. Ко¹¹.

В. И. Гуляев, основываясь на анализе археологического и исторического материала, полагает, что общество майя имело довольно сложную структуру и состояло не только из массы земледельцев и правителей, но и включало в себя разные прослойки городского населения, чиновников, жрецов, профессиональных воинов, общинников различного уровня достатка и социального положения¹². В настоящее время данная характеристика общества подтверждается все большим количеством археологического и исторического материала.

Д. Д. Беляев, рассматривая организацию власти и управления в царствах Петена Позднеклассического времени, характеризует ее как «централизованную систему, основанную на иерархии владетельных лиц: администраторы низшего ранга, управлявшие группами общин, областные правители, верховный правитель»¹³. Такая сложная и развитая общественная структура отражена и в предметах мелкой пластики.

Первый тип статуэток по социальной принадлежности включает в себя четыре подтипа: правители, светская знать, жреческая верхушка, часть воинов. В нашей выборке наиболее распространены изображения представителей светской знати (27,0%). Статуэток, выполненных в виде правителей, зафиксировано 3,3% от общей численности терракот антропоморфной группы (рис. 1. 2).

Второй тип состоит из семи подтипов: музыканты, игроки в мяч, ткачихи, часть воинов, танцовщики, писцы, часть жрецов (рис. 1. 3). Определить численное преобладание того или иного подтипа достаточно сложно. Практически все они представлены незначительным количеством терракот (от 0,9 до 3,7% от общего числа антропоморфных статуэток).

Третий тип представлен статуэтками, изображающими рядовых общинников (22,7%), охотников (0,9%). Четвертый включает в себя изображения рабов (0,4%), и военнопленных (1,8%). При этом определить их изначальный социальный статус до обращения в рабство и (или) захват в плен не всегда представляется возможным.

Среди статуэток в нашей выборке наиболее распространены изображения представителей светской знати (27,0%), воинов (24,6%) и простых общинников (22,7%). Вероятно, в предметах мелкой пластики короoplastы воплощали наи-

⁹ Morley 1947, 163.

¹⁰ Piña 1968, 110, 118.

¹¹ Coe 1965, 503.

¹² Гуляев 1979, 254.

¹³ Беляев 2001, 191–192.

более значимые для общества майя социальные образы. Представленные типы терракот дают широкие возможности интерпретации взглядов майя на самих себя и свое место в современном им обществе.

По признаку *сакральности* можно выделить два типа статуэток. Первый тип представлен воплощенными в людях богами, второй — простыми смертными. По численности наиболее представлен второй тип (401 экз.). Изображения богов антропоморфной группы представлены только 34 экземплярами. Отметим, что точная идентификация изображения как божественного затруднена сложностью мифологических и сакральных представлений майя. Тем не менее, в нашей выборке можно условно выделить несколько вариантов изображений божеств: 1 — изображение бога в виде старика; 2 — изображение бога с крючковатым волнообразным носом; 3 — изображения бога с «оскалом»; 4 — изображения человека с черепом вместо головы; 5 — изображения ткачих (рис. 1. 3–4).

Изображения стариков в статуэтках, как в одиночных, так и в парных, представлены с одним и тем же набором характерных черт. Это морщинистое лицо с глубокими складками в области рта и скул. Рот приоткрыт в улыбке-оскале, нос крючковатый, с горбинкой, глаза прищурены, при этом искусно проработана область вокруг глаз. Головной убор старика имеет не меньше двух ярусов, нижний из которых представлен переплетенным жгутом. Нижняя часть туловища в ряде случаев значительно меньше верхней, ноги крайне худые и непропорциональные.

Необходимо отметить, что определение и персонификация бога — старика в каждом конкретном случае представляет значительную проблему ввиду крайней сложности и запутанности мифологии майя. Так, Ю. В. Кнорозов отмечает, что в Дрезденской рукописи встречаются персонажи с «глазом бога», имеющие «лицо со старческой морщиной и впалым беззубым ртом, небольшой “римский” нос»¹⁴. Данное описание справедливо и для наших терракот, изображающих Старого бога.

Кроме того, в мифологии майя встречается сюжет о вступлении в брак юной девушки со стариком-прапредком. Как отмечает Я. Н. Нерсесов, подобный сюжет мог нести дополнительную семантическую нагрузку, т.к. имя девушки в переводе означает «цветок», а получение цветка символизировало вступление в брак¹⁵. Кроме того, женский персонаж мог обладать и божественным началом, выступая в данном контексте в роли покровительницы плодородия и деторождения (рис 1. 4).

Встречаются также терракоты в виде человека с открытым оскаленным ртом, запавшими губами, крючковатым носом и гиперболизировано выделенными глазами. В руках он держит дубинку и щит. Данное описание также соответствует изображениям бога дождя и земледелия¹⁶ или бога солнца¹⁷. Изображения человека с черепом вместо головы скорее всего представляет бога смерти Ум-цек'а¹⁸.

Женские образы представлены терракотами ткачих и женщин с веретеном. Достаточно часто вместе с женщиной изображена птичка, похожая на попугая, сидящая на плече у ткачихи, у ее ног или на самом станке (рис. 1. 3). Ю. В. Кно-

¹⁴ Кнорозов 1963, 242.

¹⁵ Нерсесов 2004, 105.

¹⁶ Кнорозов 1963, 242.

¹⁷ Кнорозов 1964, 4.

¹⁸ Кнорозов 1975, 273.

розов, анализирую рукописи майя, выделяет группу животных, «фигурирующих в качестве атрибутов персонажей»¹⁹. Так, изображения птиц часто встречаются в расположении женского головного убора или самостоятельно и атрибутируют божественное происхождение женского персонажа. Ю. В. Кнорозов богиню прядения определяет как Иш Сакал Вох — «ткущую узоры»²⁰. Эрик Томпсон называет ее Иш Асаль Вох, Виктор фон Хаген утверждает, что прядению покровительствовала Иш Чебель Яш, приходящаяся дочерью Иш Чель, богини деторождения²¹. Нередко встречаются упоминания, что именно Иш Чель «заведовала» ткачеством. По нашему мнению, из-за сложности иерархии божеств майя разные образы могли сливаться в один. Женщина в обществе майя занималась воспитанием детей, приготовлением пищи, ткачеством. Вероятнее всего, Иш Чель стала объединять в себе несколько функций, помогая женщине во всех ее повседневных заботах.

Таким образом, в терракотовых статуэтках отражены образы наиболее значимых для майя божеств: дождя, солнца, плодородия, ткачества и деторождения. К сожалению, в силу малочисленности представленных экземпляров сложно судить о преобладании тех или иных образов божеств, воплощенных в предметах мелкой пластики.

Зооморфная группа фигуративной пластики включает в себя статуэтки, выполненные в виде различных видов животных, рептилий, земноводных, птиц и рыб. Основным критерием группировки предметов данной группы является принадлежность к тому или иному биологическому классу. Всего в нашей выборке представлено только 78 экземпляров относящихся к данной группе изделий. Их малочисленность несколько затрудняет выделение конкретных типов.

Подгруппа животных включает в себя изображения обезьян, ягуаров, собак, оленей, кроликов, кабанов. Наиболее распространены статуэтки, выполненные в виде обезьян (20,5%), собак (10,2%), ягуаров (6,4% от общей численности терракот зооморфной группы). Анализируя зооморфные терракоты Агуатеки по частоте их распространения, Д. Триадан ставит изображения обезьян на первое место²². Подгруппа рептилий в нашей выборке не представлена и выделена по ряду упоминаний в публикациях. Она включает три базовых типа терракот: изображающих змей, мелких ящериц, игуан²³.

Подгруппа земноводных состоит из двух типов: черепах и лягушек. Оба типа представлены небольшим количеством экземпляров (2,5% и 1,2%). Их изображения во многом выполнены схематично, детали не всегда четко прорисованы.

Наиболее подробно представлена подгруппа птиц, включающая в себя типы изображений совы, попугая, орла(?), птицы неопределенного вида с гребешком на голове (рис. 1,6). Чаще встречаются терракоты, выполненные в виде неопределенной птицы (23,0%). К сожалению, большая часть изображений сильно повреждена, поэтому трудно судить о ее первоначальном облике. Достаточно распространены статуэтки в виде сов (11,5%), они часто детально проработаны, с максимальным сохранением анатомических особенностей реальных прототипов.

¹⁹ Кнорозов 1963, 246.

²⁰ Там же, 251.

²¹ Хаген 2004, 181.

²² Triadan 2007, 278.

²³ Piña 1968, 66.

Изображения рыб представлены только двумя экземплярами, которые составляют единый парный комплекс. К сожалению, определить видовую принадлежность представленных рыб затруднительно. Статуэтки выполнены с высокой степенью реалистичности, проработаны мелкие детали. Основываясь только на изображении, сложно сказать, несли ли данные терракоты какой-либо символический смысл. Отметим, что Дж. Керр анализируя изображения рыб на расписной керамике (K3266 и K5225), интерпретирует изображения парных зубаток как отражение образов близнецов Пополь-Вух Хун-Ахпу и Шбаланке²⁴. Основным критерием становится прорисовка пятен подтреугольной формы на спинках рыб, подобные же пятна проявляются на лице Шбаланке. Также Дж. Керр ассоциирует зубатку со смертью, а изображенные рядом с ними солнца трактует как символ возрождения²⁵. Возможно, представленные терракоты могли отражать некое воплощение пары.

Животная символика майя очень многообразна и разнопланова. Поэтому, как отмечает И. Кэлвин, анализ терракотового материала, выполненного в виде животных, помогает раскрыть суть отношений майя к окружающему миру и миру сверхъестественного, основанных зачастую на взаимодействии животного и человека²⁶.

Животный мир широко представлен в мифологии и религии майя. Ю. В. Кнорозов на основании функций в изображении выделяет несколько категорий животных²⁷. Некоторые группы справедливы и для предметов мелкой пластики: животные в человеческих позах, животные, фигурирующие в качестве атрибутов персонажей, животные в реальных ситуациях²⁸.

Кролик часто изображается вместе женщиной. В мифологии он наделяется человеческими качествами: хитростью, ловкостью и умом²⁹, в «Пополь-Вух» он является одним из основных представителей групп животных³⁰. Ягуару вообще отведено отдельное место. Его почитали и боялись, убивали и использовали шкуру и зубы в качестве трофеев, пользовались ими, как правило, люди высокого статуса. Также изображения ягуара широко представлены на расписной керамике³¹. В мифах довольно распространен сюжет о человеке, который превращается в животное — оборотень-нагуаль³², часто этим животным был ягуар. В «Пополь-Вух» рассказывается, что ягуар был в числе животных, созданных богами для своего поклонения³³. Также Ю. В. Кнорозов отмечает, что существовал бог ягуар, который был связан с богом дождя и сторон света³⁴.

Олень мог изображаться и как божественное воплощение, и как объект охоты³⁵. В терракоте часто встречается статуэтки, головные уборы у которых выпол-

²⁴ Керр, <http://www.mayavase.com/fishy.html>

²⁵ Там же.

²⁶ Calvin 1997, 868–883.

²⁷ Кнорозов 1963, 245.

²⁸ Там же.

²⁹ Ершова 2002, 114–117.

³⁰ Кинжалова 2000, 79.

³¹ Керр 1990, 223.

³² Ершова 2002, 183.

³³ Кинжалова 2000, 30–31.

³⁴ Кнорозов 1964, 6.

³⁵ Кнорозов 1963, 245.

нены в виде головы оленя. Подобные головные уборы представлены на изображениях расписной керамики³⁶. Также олень часто сопровождает бога охоты или бога оленей или сам является его воплощением³⁷. Обезьяны в большей степени, чем другие животные, наделены человеческими чертами. В «Пополь-Вух» это одни из потомков несовершенных людей³⁸. В нашей выборке встречаются терракоты, где изображены воины в маске обезьяны.

Сову часто связывают с войной³⁹ и богом-совой⁴⁰. Лягушка могла воплощать бога дождя, тем более что наступление дождя лягушки часто предвещают кваканьем⁴¹.

Животный мир довольно разнообразен и многогранен, и каждый конкретный случай требует индивидуального рассмотрения.

Условная группа «смешанных» терракот включает в себя изображения антропо-зооморфной группы изделий, изображения человека, наполовину помещенного в цветок, рабочие части музыкальных инструментов, фрагменты статуэток в виде предметов, с которыми было представлено изображение. Данная группа представлена 50 экземплярами, большая часть которых принадлежит *антропо-зооморфным* изображениям (27 экз.). Они представлены статуэтками двух типов: изображениями, совмещающими в себе черты человека и животного, и парными статуэтками в виде человека с животным. Первый тип включает в себя наиболее распространенные изображения человека-обезьяны, человека-ягуара, человека-лисы или человека-собаки, человека-зайца. Второй тип представлен статуэтками, выполненными в виде женщины с зайцем.

Терракот в виде божества в цветке (вероятно, Старого Бога), выявлено 6 экз. (рис. 1,5), рабочие части музыкальных инструментов представлены свистками и фрагментами флейт. Фрагменты статуэток, которые изображают предметы, в основном представлены головными уборами и предметами вооружения (большой частью щитами). Группа монстров представлена изображениями, совмещающими в себе сильно гиперболизированные черты человека и животного.

К сожалению, ввиду малочисленности выборки с уверенностью можно выделить типы антропо-зооморфной группы, а также тип монстров и тип бога в цветке. Остальные экземпляры представлены во фрагментах или сильно повреждены, и отнесение их к тому или иному типу не представляется возможным.

2. Характер изображения позволяет разделить терракотовые статуэтки на две большие группы: группу фотографических изображений и группу гиперболизированных изображений. Большую часть составляют изображения первой группы (532 экз.). Они отличаются высокой степенью достоверности изображенного субъекта, отражают анатомические и морфологические особенности. Вторая группа представлена только 31 экземпляром. У данных терракот части изображения сильно преувеличены или деформированы, лица некоторых представляют собой неестественные «гримасы».

³⁶ Кегг 1990, 204.

³⁷ Кнорозов 1964, 5.

³⁸ Кинжалова 2000, 74.

³⁹ Grube 1994, 10–17.

⁴⁰ Кнорозов 1964, 4.

⁴¹ Кнорозов 1975, 232.

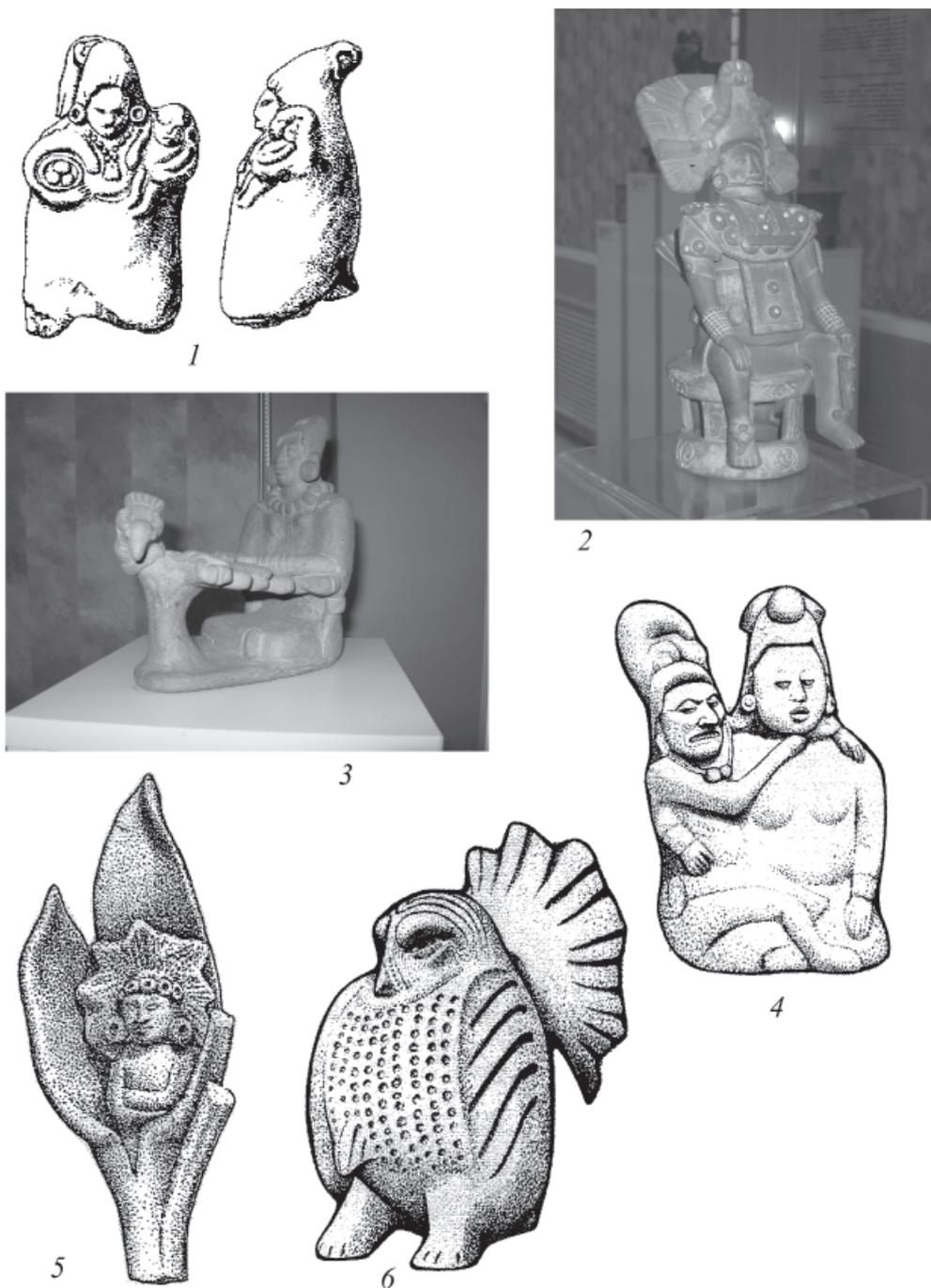

Рис. 1. Терракотовые статуэтки майя I тыс. н.э.

1 — Женщина с ребенком. Алтарь де Сакрифисос; 2 — Правитель на троне. Хайна; 3 — Ткачиха. Хайна; 4 — Пара. Старик с молодой женщиной. Хайна; 5 — Статуэтка-жезл. Бог в цветке. Хайна; 6 — Изображение птицы. Хайна.

3. По плотности наполнения структуры выделяются три группы терракот: сплошные, полые, частично полые. Первая группа наиболее характерна для Предклассики⁴², хотя продолжает существовать и позднее. Определить количественное преобладание данных групп в I тыс. н.э. пока затруднительно из-за высокой степени повреждения большей части статуэток нашей выборки. Кроме того, довольно сложно определить наполнение структуры терракот, опираясь только на изображение.

4. По цвету поверхности точно выделяются две группы: однотонные и многоцветные. Цвет формовочной массы определяет три основные группы: статуэтки, изготовленные из серо-черной, красно-оранжевой и желтовато-бежевой глины.

5. Размер статуэтки позволяет объединить их в две большие группы. Первую составляют терракоты, высота которых не достигает 20 см, вторую — высота которых превышает 20 см. В анализе высот в нашей выборке учитывались только целые экземпляры, размер которых точно известен и не вызывают сомнений. Таким образом, наиболее распространены статуэтки с высотой меньше 20 см (73 экз.), высокие терракоты представлены 27 экземплярами. К сожалению, на данном этапе исследования сложно сказать, на что опирались коропласты, изготавливая статуэтку того или иного размера. Возможно, это напрямую зависело от их функционального назначения.

6. По составу формовочной массы условно можно выделить две группы предметов мелкой пластики. Первая характеризует статуэтки, изготовленные с применением большого количества примесей и опреснителей, вторая — те терракоты, в составе формовочной массы которых примесей и опреснителей незначительное количество.

7. По структуре глины статуэтки также объединяются в две группы. К первой относятся терракоты, выполненные из мелкозернистой, однородной глины, ко второй — изготовленные из неоднородного материала.

8. На основе анализа фактуры и текстуры поверхности можно выделить три группы терракот. В первом случае поверхность изделия шероховатая, во втором заглаженная, в третьем лошенная.

9. По количеству изображенных субъектов статуэтки делятся на одиночные, парные и амфисбены. Одиночные изображения наиболее характерны для предметов мелкой пластики майя. В данной выборке они составляют подавляющее большинство (546 экз.).

Под парными статуэтками подразумеваются изображения, которые состоят из двух равноправных субъектов. Внутри данной группы можно выделить два типа изделий. Первый тип характеризует изображения, расположенные горизонтально или по бокам друг от друга (рис. 1,4), второй тип описывает терракоты, где изображения представлены вертикально, одно над другим. Всего двойных статуэток выявлено 11 экз. Комбинации внутри пар могли быть как антропоморфными, так и антропо-зооморфными. В нашей выборке выявлены статуэтки влюбленной пары, женщины и старика, женщины и мужчины, женщины на шее у мужчины и наоборот, женщины и зайца. В публикациях также отмечены пары женщины

⁴² Rands 1965, 563.

и ягуара⁴³. Р. Пинья определяет такие статуэтки четвертым типом, получившим широкое распространение в 300–650 гг. н.э.⁴⁴.

Амфисбенами в средневековых бестиариях называли двухголовых существ, у которых головы находятся с противоположных сторон⁴⁵. С зоологической точки зрения, амфисбены противоречат самой сути многоклеточных животных, т. к. все они гетерополярны и имеют главную морфологическую ось⁴⁶. Но также в зоологической таксономии называют семейство кольчатых ящериц-двуходок (*Amphisbaenidae*) и род собственно двуходок (*Amphisbaena*). Они могут ползти и головой и хвостом вперед⁴⁷.

В предметах мелкой пластики они в основном представлены изображениями животных, хотя встречаются и антропоморфные фигуры⁴⁸.

В нашем случае статуэтки амфисбены представлены терракотами с двумя головами, которые расположены не на противоположных сторонах туловища, а рядом друг с другом. Такие терракоты большей частью выполнены в виде птиц с одним туловищем и двумя головами. В представленной выборке выявлено подобных 11 экз., практически все они изготовлены в виде свистулек.

10. По конструкции формы изделия (способ крепления частей) можно выделить две группы статуэток: конфигуративные и расчлененные. Первая группа представлена двумя типами терракот. Для первого типа характерно изготовление терракот из цельного куска формовочной массы с сохранением изначального контура монолита. Данные характеристики не зависели от способа производства статуэтки. Статуэтки второго типа могли быть изготовлены из разных частей с последующей их плотной стыковкой и заглаживанием мест слепки. Внутри данного типа выделяется подтип терракот-жезлов (рис. 1. 5). Изделие выполнено в виде тонкого цилиндрического жезла основания, верхняя часть которого отражает сюжет. В виде жезлов в данной выборке представлены изображения бога в цветке и беременной женщины. В первом случае жезл является стволом цветка, во втором — удлинненными ногами женщины. В нашей выборке эти статуэтки малочисленны и представлены только 10 экземплярами.

Вторая группа терракот представлена экземплярами, которые выполнены из отдельных частей, подвижно скрепленными друг с другом с помощью жгутов. Данная группа состоит из одного типа статуэток — марионеток. Такой тип статуэток (пятый), по мнению Р. Пинья, на о-ве Хайна появляется к 650 году⁴⁹. Анатомически данные статуэтки выполнены достаточно схематично. Для них характерно высокое внимание к вариативности деталей декора, которые очень четко и точно прорисованы. В нашей выборке они представлены 9 экз.

Наиболее распространены терракоты второго типа первой группы (409 экз.), первый тип первой группы представлен 122 экземплярами.

⁴³ Piña 1968, 66.

⁴⁴ Ibid., 66.

⁴⁵ Балабина 1998, 174.

⁴⁶ Иванов-Казас 2004, 31.

⁴⁷ Брэм 1931, 531.

⁴⁸ Балабина 1998, 174.

⁴⁹ Piña 1968, 66.

11. Характер метода изготовления разделить статуэтки на изготовленные вручную, выполненные с помощью формы и терракоты, созданные на основе комбинации двух вышеупомянутых техник.

12. На основе функционального назначения статуэтки условно можно разделить на три большие группы. Первая группа выполняет религиозно-культурную функцию, вторая утилитарно-практическую. Статуэтки, относящиеся к третьей группе, могут совмещать в себе две представленные выше функции.

Вопрос функционального назначения статуэток являлся и является при анализе терракот одним из основополагающих. С момента выделения в ряду археологических находок новых категорий предметов ставится вопрос об их назначении. Поэтому даже незначительные упоминания о терракотах так или иначе содержат такую информацию.

Уже во второй половине XX века исследователи выделяют несколько направлений функционального назначения статуэток. К предметам религиозно-культурного назначения статуэтки относят Р. Пинья⁵⁰, Г. Уилли⁵¹, Р. Рэндс и Б. Рэндс⁵². Сам факт обнаружения статуэток в погребениях и использование их как предмет погребального инвентаря напрямую свидетельствует об их религиозно-культурной направленности. В.И. Гуляев отмечает, что таким образом статуэтки могли свидетельствовать о практике у майя культа предков⁵³.

К ритуальным предметам терракоты Месоамерики (включая майяские) относят Э. Брамфил⁵⁴, Дж. Хэндон⁵⁵, Дж. Маркус⁵⁶. Дж. Маркус также отмечает, что статуэтки могли применяться женщинами во время отправления обрядов⁵⁷. Также они могли использоваться дома как образы божеств покровителей. Об использовании статуэток в качестве предметов культа упоминает в своей работе М. Батлер⁵⁸. Такая традиция, по-видимому, продолжает существовать довольно длительное время. Об идолах из камня, глины и дерева, которым поклонялись майя, неоднократно упоминает Диего де Ланда⁵⁹. Также он отмечает, что таких идолов клали вместе с покойником как подношение⁶⁰. Таким образом, статуэтки использовались во время обряда погребения, являлись элементом погребального инвентаря и использовались в качестве домашних «идолов».

Утилитарно-практическую функцию выполняли статуэтки, изготовленные в виде музыкальных инструментов. Они широко представлены по всему региону майя. Практически повсеместно распространены свистульки, свистки, флейты. Достаточно редко встречаются сурдинки⁶¹, элементы трещоток, погремушки, керамические барабаны⁶². Свидетельством того, что такие музыкальные инстру-

⁵⁰ Piña 1968, 66.

⁵¹ Willey 1972.

⁵² Rands 1965.

⁵³ Гуляев 1984, 153.

⁵⁴ Brumfiel 1996, 143–166.

⁵⁵ Hendon 1991, 893–918.

⁵⁶ Marcus 1996, 285–291.

⁵⁷ Ibid., 287.

⁵⁸ Butler 1935, 640.

⁵⁹ Ланда 2000, 307.

⁶⁰ Там же, 307.

⁶¹ Triadan 2007, 274.

⁶² Healy 1988, 24–31.

менты использовались довольно активно, является их высокая степень повреждений и поломки⁶³.

Музыкальные инструменты майя довольно широко представлены не только археологическим материалом. Выделено некоторое количество расписной керамики с изображениями музыкантов⁶⁴. Детально они проработаны на фресках Бонампака⁶⁵. Нередко сами терракоты, выполненные в виде музыкантов, представляют разные категории музыкальных инструментов: ударных, духовых и шумовых. Отметим, что профессиональные музыканты представлены только изображениями мужчин.

В данной выборке наиболее распространены терракоты, выполненные в виде свистулек (128 экз.), также зафиксировано 87 экз., которые предположительно также можно отнести к данной группе терракот (затрудняет идентификацию сильное повреждение экземпляров или их фрагментирование). Статуэток в виде флейт выявлено 8 экз., они также сильно повреждены, погремушек — 6 экз.

Терракотовые статуэтки также могли использоваться как элементы украшений — подвески⁶⁶ или кулоны⁶⁷. В нашей выборке они представлены одним экземпляром, выполненным в виде головы человека с круглыми сквозными отверстиями в области височных долей. Отметим, что косвенно свидетельством ношения подобных кулонов служат изображения нагрудных украшений на самих терракотах. Встречаются статуэтки, изготовленные в виде мужчины знатного происхождения, на шею которого с помощью жгута крепится массивная подвеска-личина.

Предположение об использовании терракот в качестве детских игрушек выдвигалось еще Г. Уилли⁶⁸, Р. Рэндс и Б. Рэндс⁶⁹. На сегодняшний день этот вопрос рассматривается Л. Раскейнски⁷⁰ и Д. Триадан⁷¹. Она отмечает, что в Позднюю Классику статуэтки кладутся только в женские и детские погребения (кроме территории о-ва Хайна) и, как отмечалось выше, во время раскопок находятся вблизи мест проживания женщин и детей⁷². Это косвенно может указывать на то, что дети могли использовать их в качестве игрушек. В нашей выборке подобных терракот выявлено 5 экз. Большая часть относится к типу марионеток, имеющих подвижные части, манипуляция с которыми могла оказывать существенное влияние на развитие у детей младшего возраста мелкой моторики. Пока данное предположение нуждается в большем количестве подтверждающих фактов и является довольно перспективным направлением исследования функционального назначения статуэток.

Многие статуэтки могли совмещать в себе разные функции. Так, большая часть терракот, обнаруженных в погребениях являлась свистульками, т.е. одновременно использовалась как музыкальный инструмент в процессе погребальной

⁶³ Triadan 2007, 284.

⁶⁴ Kerr 1992, 437.

⁶⁵ Shale 2006, 158.

⁶⁶ Bryant 1988, 65.

⁶⁷ Triadan 2007, 274.

⁶⁸ Willey 1972, 8.

⁶⁹ Rands and Rands 1965.

⁷⁰ Ruscheinsky 2003.

⁷¹ Triadan 2007, 286.

⁷² Ibid., 285.

церемонии⁷³ и как элемент погребального инвентаря. Таким образом, она выполняла и утилитарно-практическую и религиозно-культурную функции. Подобных статуэток в нашей выборке около 200 экз., все они относятся к терракотам с о-ва Хайна, т.к. именно там большая часть статуэток выявлена в погребениях. Г. Рейчел-Долматофф вообще предполагает, что с момента изготовления до окончательной утилизации статуэтки могли менять свое назначение⁷⁴. Отметим также, что в процессе производства статуэтки изготовитель мог не достигнуть желаемого результата, такие бракованные терракоты впоследствии могли переделываться.

Таким образом, терракотовые статуэтки выполняли довольно разноплановые функции и являлись не только предметом почитания, но и активно использовались в повседневной жизни.

Предложенная выше группировка и типологизация терракотовых статуэток майя Классического периода многопланово характеризует предметы мелкой пластики. Также она является открытой, что по мере накопления терракотового материала позволит ее расширить, не нарушая при этом ее основ.

ЛИТЕРАТУРА

- Балабина В. И.* 1998: Фигурки животных в пластике Кукутени-Триполья. М.
- Беляев Д. Д.* 2001: Формирование и развитие государственной организации у майя Петена в классический период (I тыс. н.э.): дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Брэм А.* 1931: Жизнь животных. Рыбы. Земноводные. Пресмыкающиеся. Т. 1. М.; Л.
- Гуляев В. И.* 1979: Города — государства майя. М.
- Гуляев В. И.* 1984: Забытые города майя. М.
- Двуреченская Н. Д.* 2009: Терракотовая пластика Средней Азии IV в. до н.э. — IV в. н.э. (археологический аспект): дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Ершова Г. Г.* (ред.) 2002: Легенды, мифы и сказки индейцев майя. М.
- Иванов-Казас О. М.* 2004: Мифологическая зоология. СПб.
- Кинжалова Р. В.* (пер.) 2000: Пополь-Вух (Книга народа) // Священные письмена майя. СПб., 23–179.
- Клейн Л. С.* 1991: Археологическая типология. Л.
- Кнорозов Ю. В.* 1963: Письменность индейцев майя. М.;Л.
- Кнорозов Ю. В.* 1964: Пантеон древних майя. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.
- Кнорозов Ю. В.* 1975: Иероглифические рукописи майя. М.
- Ланда Д. де.* 2000: Сообщение о делах в Юкатане // Священные письмена майя / Р. В. Кнорозов (пер.). СПб., 245–350.
- Нерсесов Я. Н.* 2004: Мифы Центральной и Южной Америки. М.
- Хаген В. фон.* 2004: Ацтеки, майя, инки. М.
- Bryant D. D.* 1988: Excavations at House 1, Yerba Buena, Chiapas Central Highland. Mexico // Papers of the New World Archaeological Foundation. 54.
- Brumfiel E. M.* 1996: Figurines and Aztec State: testing the effectiveness of ideological domination // Gender and Archaeology / Rita P. (ed.). Philadelphia, 143–166.
- Butler M. A.* 1935: Study of Maya Mouldmade Figurines // American Anthropologist, New Series. Vol. 37. 4. Part 1, 636–672.
- Calvin I.* 1997: Were the Wayob live: A further examination of Classic Maya supernaturals // The Maya vase book. 5, 868–883.

⁷³ Piña 1968, 65; Гуляев 1984, 153.

⁷⁴ Reichel-Dolmatoff 1961, 229–241.

- Coe W.R.* 1965: A summary of excavation and research at Tikal, Guatemala, 1961–1965 // *Aan*, 27 (4).
- Grube N., Schele L.* 1994: Kuy the owl of omen and war // *Mexicon*. 16(1), 10–17.
- Healy P.F.* 1988: Music of the Maya // *Archaeology*. 41(1), 24–31.
- Hendon J.A.* 1991: Status and power in Classic Maya society: an archaeological case study // *American Anthropologist*. 93, 894–918.
- Hernandez-Espinoza O. P.* 2009: Children from an ancient village at Xochimilco, Mexico: A gender approach // Пятая международная конференция Иерархия и власть в истории цивилизаций (Москва, 23–26 июня 2009 г.), 249–250.
- Joyce R. A.* 1992: Images of Gender and Labor Organization in Classic Maya Society. In *Exploring Gender Through Archaeology // Selected Papers from the 1991 Boone Conference / Cheryl Claassen (ed.)*. Madison, Wisconsin, 63–70.
- Kerr B., Kerr J. (eds.)* 1990: *The Maya vase book*. Vol. 2. New York.
- Kerr B., Kerr J. (eds.)* 1992: *The Maya vase book*. Vol. 3. New York.
- Kerr B., Kerr J. (eds.)* 1997: *The Maya vase book*. Vol. 5. New York.
- Kerr J.* A fishy story. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mayavase.com/fishy.html>
- Marcus J.* 1996: The importance of context in interpreting figurines // *Cambridge Anthropological Journal*. 6, 285–291.
- Morley S. G.* 1947: *The Ancient Maya*. Stanford.
- Piña R. C.* 1968: *Jaina. La casa en el agua*. México.
- Rands R., Rands B. C.* 1965: *Pottery figurines of Maya Lowlands*. Archaeology of Southern Mesoamerica. University of Texas.
- Reichel-Dolmatoff G.* 1961: Anthropomorphic figurines from Colombia, their magic and art // *Essays in Pre-Columbian Art and Archaeology / K. Samuel Lothrop (ed.)*. Cambridge, 229–241.
- Ruscheinky L. M.* 2003: The social reproduction of gender identity through the production and reception of Lowland Maya figurines. Unpublished Ph.D. dissertation, Department of Art History, Visual Art and Theory. University of British Columbia.
- Shale L., Miller M. E.* 2006: *The blood of kings. Dynasty and Ritual in Maya Art*.
- Triadan D.* 2007: Warriors, nobles, commoners and beasts: figurines from elite buildings at Aguateca, Guatemala // *Latin American Antiquity*. 18 (3), 269–293.
- Willey G. R.* 1972: The artifacts of Altar de Sacrificios. Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. 64 (1). Cambridge.

TYPOLOGICAL CLASSIFICATION OF MAYA TERRACOTTA STATUETTES OF THE FIRST MILLENNIUM AD.

I. Yu. Demicheva

Typological classification of terracotta material of Maya of the first millennium AD has not been given due attention so far. That is why the article puts forward an attempt to determine principal working notions of statuette structuring, namely, category, kind, group, and type. Random sample study of 563 units made it possible to single out 12 basic principles of terracotta grouping that together with typological classification give a many-sided characterization of small plastic arts items. The grouping is open, which makes it possible to extend it as terracotta material accumulates, leaving basic principles intact.

Key words: Maya, terracotta statuettes, groups, types, function.

Племенной мир

© 2011

А. В. Безруков

РОЛЬ МОНЕТЫ В МЕЖПЛЕМЕННОЙ ТОРГОВЛЕ НАРОДОВ ВОЛГО-КАМЬЯ

Статья посвящена находкам греческих, римских и византийских монет на территории Волго-Камья в период II в. до н.э. — V–VII вв. н.э. Автор рассматривает возможные причины и пути распространения античных монет в среде варварских обществ, а также состав монетных находок и приходит к выводу о том, что значительный приток античных монет на протяжении сравнительно длительного хронологического периода не привел к возникновению собственной денежно-весовой системы и не имеется достаточных оснований говорить о распространении денежного обращения среди варварских племен Волго-Камья.

Ключевые слова: римские и византийские монеты, варвары, периферия.

На территории Урало-Поволжского региона и Прикамья, по сравнению с районами Краснодарского края, Ростовской области, Украины, Кавказа и Закавказья, обнаружено сравнительно мало достоверных находок римских и византийских монет. Вероятно, одной из причин этого можно назвать то обстоятельство, что кочевники степной и лесостепной полосы Восточной Европы, в отличие от земледельческих племен, не зарывали свои сокровища в землю. Кроме того, на всем протяжении эпохи владычества ираноязычных племен в степях Евразии в среде кочевых племен преобладал меновый характер торговли, что обусловило в целом слабое развитие денежных отношений.

Самыми ранними находками античных монет на территории Урала, Поволжья и Прикамья, предшествовавшими появлению собственно римских монет, являются монеты Ольвии и других городов Причерноморья.

На левом берегу р. Волги в двух пунктах в общей сложности на сегодняшний день известно 5 (пять) монет: три ольвийские монеты, одна херсонесская монета и одна пантикапейская¹.

Безруков Андрей Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Магнитогорского государственного университета. E-mail: buonogiorno@mail.ru

¹ Шелов 1970, 176.

Относительно хронологии найденных ольвийских монет Д. Б. Шелов утверждает, что их датировка не выходит за пределы III в. до н.э., следовательно, можно говорить о том, что «борисфены» попали туда в период между концом IV — началом III вв. до н.э.; проникновение ольвийских монет на территорию Нижнего Поволжья не связано с функционированием торгового пути Геродота, поскольку древняя трасса выходила севернее, к Самарской Луке, а ольвийские монеты были обнаружены и на территории Астраханской области. Кроме того, нигде в причерноморских степях на всем протяжении пути от Ольвии до Поволжья не обнаружены ольвийские монеты, да и сам торговый путь из Ольвии в Нижнее Поволжье заглох к III в. до н.э.² Обнаружение ольвийских монет на Нижнем Дону свидетельствует в пользу того, что наиболее вероятный путь, по которому монеты из Ольвии попадали в Поволжье, вел с территории Северо-Западного Причерноморья через Боспор Киммерийский и далее, низовьями рек Дона и Кубани, а не степными дорогами.

Изучение боспорских монет связано с определенными трудностями объективного характера. В большинстве случаев нам известен только факт находки монеты, но мы не знаем ни типов, ни датировки; когда же они известны, то это в большинстве своем монеты второй половины III и начала IV вв. н.э. Очевидно, что распространение позднебоспорских монет в Поволжье, как и распространение римских монет по восточноевропейской степи и лесостепи, шло не через античные города Северного Причерноморья, а иными путями. Говорить о каком-либо обращении этих разнотипных, в основном медных монет, конечно, невозможно³.

Проникновению ольвийских и пантикапейских медных монет, обнаруженных на Нижнем Дону и Нижней Волге, могли во многом способствовать боспорские “trading-posts”, основанные на Кубани⁴. Именно их активность в качестве посредников в греко-варварской торговле могла в конечном итоге обеспечить проникновение отдельных монет. В то же время состав монетных находок и условия их обнаружения не дают нам оснований для окончательных выводов по данному вопросу.

На территории Южного Приуралья античные монеты были обнаружены при раскопках курганного могильника близ с.Иштуганово (Мелеузовский р-н, Башкортостан), где было открыто погребение кочевника (курган 4, погребение 4), сопровождавшееся монетами.

Одна из них представляет собой тетрахалк, чеканенный во время правления Митридата VI Евпатора (120–63 гг. до н.э.) в городе Амастрия в Малой Азии и датируется 105–90 гг. до н.э. Вторая монета — обол, принадлежащий ко времени правления Митридата VI Евпатора или его сына Фарнака (63–47 гг. до н.э.), датируется 73–63 гг. до н.э.⁵

Таким образом, состав монетных находок в целом свидетельствует о случайности и нерегулярности их завоза в Поволжье и Приуралье. Практическая ценность находок недорогих греческих монет заключается прежде всего том, что они свидетельствуют о составе городов — основных участников и посредников в тор-

² Там же, 215

³ Там же, 216.

⁴ Mielczarek 1997, 132.

⁵ Зограф 1951, 77; Кропоткин, Обыденнов 1985, 243–245.

говле между античными центрами Северного Причерноморья и рассматриваемыми областями в различные хронологические периоды.

Пути, по которым монеты могли доставляться в Поволжье, со временем, в зависимости от политической обстановки как в степях, так и в античных городах Северного Причерноморья, изменялись и, естественно, не могли быть постоянными.

На первоначальном этапе установления торговых контактов значительную роль играл степной путь, начинавшийся в Северо-Западном Причерноморье (Ольвия), а в более позднее время, когда в торговле с варварами усиливаются позиции Пантикапея и Боспорского царства в целом, основные торговые коммуникации, связывавшие район Северного Причерноморья с территорией Поволжья и Приуралья, проходили через Прикубанье и Нижнее Подонье.

Наиболее ранние находки римских медных, бронзовых и серебряных монет датируются второй половиной — концом II в. до н.э. — I в. до н.э., периодом наиболее интенсивного обращения римского республиканского денария и его активного использования в международной торговле. Обращение римского республиканского денария на Востоке было ограничено пределами римской экспансии, преимущественно территорией Закавказья. Проникновение их на территорию Среднего и Нижнего Поволжья носило случайный, нерегулярный характер, и далее они уже встречаются только в более поздних кладах вместе с римскими императорскими денариями. Большинство кладов, содержащих римские республиканские денарии, вероятно, были зарыты только в конце II—начале III вв. н.э.⁶ Столь долгое их функционирование объясняется тем, что серебряные денарии выступали не столько в роли платежного средства, сколько служили знаком определенного социального статуса владельца данных монет.

Находки монет и кладов середины III в. н.э. на территории Восточной Европы редки и свидетельствуют, вероятно, о том, что варвары не приняли обесцененные антонианы и перешли в основной своей массе к меновой торговле. Общий уровень социально-экономического развития варварских племен Восточной Европы в указанный период вообще исключал возможность появления единого эквивалента в торговом обмене, и сравнительно редкие находки римских монет не могут свидетельствовать об особых предпочтениях среди варварской знати в отношении римской монеты.

Можно говорить только о том, что римские монеты, являясь, прежде всего, следствием контактов варваров с римским миром, выполняли в областях своего распространения различные функции в зависимости от социально-экономического развития населения того или иного региона.

Бронзовые монеты из Рождественского (Лаишевский р-н, Татарстан) и Ижевского (Удмуртия) могильников датируются первой половиной III в. н.э. Не исключено, что римские монеты и изделия проникали в Северное Причерноморье в указанный период не только и не столько посредством торговых контактов, но в большей своей массе в результате успешных грабительских походов причерноморских племен⁷. Впрочем, медные монеты не могли служить ценным трофеем

⁶ Кропоткин 1967, 17.

⁷ Буданова 1982, 173–175.

даже для кочевников. Судя по отверстиям, монеты с территории Татарстана и Удмуртии использовались в качестве подвесок.

Экономический и политический кризис Римской Империи III в., вторжение готов в союзе с целым рядом причерноморских племен, вне всякого сомнения, не способствовали развитию международных экономических связей. Закономерными последствиями общего социально-экономического и политического кризиса, разразившегося в Римской империи, явилась деградация римской серебряной монеты, быстрое выпадение антонианов из обращения и, соответственно, усиление процесса натурализации в области международных торговых контактов.

Единичны находки римских золотых монет в Поволжье и Приуралье. В Астраханской области на правом берегу Волги у села Замьяны (Енотаевский р-н) была найдена золотая монета Евдокии (408–414 гг.), супруги Феодосия II (408–450 гг.), а золотая монета Феодосия I (379–395 гг.) хорошей сохранности происходит из погребения, обнаруженного на территории Уфы⁸.

Золотые римские монеты в Поволжье и Южное Приуралье поступали путем сложного обмена в тот период, когда из района Подунавья и Поднепровья золотые римские монеты поступали в Крым и на Боспор⁹.

Они не являются ценным свидетельством по истории экономических отношений античных городов и варваров, так как золотые монеты не могли играть серьезную роль в международной торговле и денежном обращении на сопредельных, тем более, периферийных территориях. Золотые и другие и «чужеземные» монеты не обязательно служили платежным средством, но могли «выполнять наряду с другими сокровищами важную знаковую функцию»¹⁰.

После реформы Нерона 64 г., приведшей к ухудшению состава монеты уменьшенного веса, за пределы империи некоторое время вывозилась только до-реформенная монета, более полновесная и лучшая по составу. Исследования кладов, найденных за пределами Римской империи, показывают, что вывоз монет, чеканенных после реформы 64 г., начался только со времени правления Адриана (117–138 гг.)¹¹.

Результаты сопоставления между динамикой ввоза римских монет в восточном (индийском) и северном (европейском) направлениях, проведенного Е. Ю. Лебедевой, свидетельствуют о следующем факте: эпоха Нерона — заключительная фаза экспорта монеты на Восток, а для Европы — начало активного импорта римских монет. Во время Веспасиана основная масса монет поступает уже в Европу, а в Индию — единицы. На Индостан огромное количество монет поступает в период Нерона-Августа, а в Европу массовый импорт начинает поступать со времени Нерона и до правления Коммода. Следовательно, единая монетная модель римской внешней торговли испытывает в I–II вв. н.э. чрезвычайно существенную передислокацию в направлении монетного экспорта¹².

Таким образом, самые ранние находки медных ольвийских и пантикапейских монет, а также монет других античных центров, относящихся к IV–III вв. до н.э.,

⁸ Кропоткин 1961, 68.

⁹ Абрамзон, Масленников 1999, 79–81.

¹⁰ Гуревич 1984, 230–233.

¹¹ Зеймаль 1962, 146.

¹² Лебедева 1990, 121.

не могут служить доказательством раннего возникновения денежного обращения в среде варварских племен Поволжья. Сложнее обстоит дело с решением вопроса о зарождении товарно-денежного обращения в связи с массовым притоком серебряной римской монеты, начало которого относится к I в. н.э.

По мнению М. Г. Мошковой, основная масса привозимых импортных товаров, конечно, обменивалась непосредственно на продукцию кочевников-скотоводов, но наличие значительной имущественной дифференциации, фиксируемой на примере существования бедных и очень богатых погребений, заставляет предположить, что в руках этой знати скапливались значительные богатства, в том числе у них могли быть и деньги¹³.

Доказательством возникновения товарного обращения могут служить сходные тенденции в притоке монет в Поволжье, характерные в целом и для всей Восточной Европы, а также идентичные пропорции в распределении серебряных и медных монет, являющиеся доказательством их употребления в качестве денежных знаков. Наконец, сам факт обнаружения в Поволжье большого количества исключительно римских монет, а не боспорских, чего можно было бы ожидать, служит косвенным доказательством в пользу тезиса о существовании денежного обращения.

Таким образом, общие тенденции в области распространения римских монет характерны и для распространения римских монет на периферии, но с некоторым запаздыванием, что свидетельствует о вовлечении отдаленных варварских территорий в общие экономические процессы, присущие в целом и более развитым районам Восточной Европы.

Н. А. Фролова, основываясь на статистических данных, пришла к выводу о том, что боспорские цари получали от Рима регулярные субсидии отнюдь не на создание оборонительных рубежей, прикрывающих границы Римской империи, начиная со второй половины II в. н.э. Эти субсидии шли либо на оплату наемных войск из варварских племен, либо на подкуп верхушки племен, представлявших наибольшую опасность для Боспора. Данными фактами объясняется относительная немногочисленность находок римских денариев на территории Боспорского царства и, соответственно, массовое проникновение римской серебряной монеты в степи Европейской Сарматии¹⁴.

Таким образом, массовый приток серебряной римской монеты в большей степени был обусловлен причинами политического характера, нежели экономическими потребностями варварских обществ и, следовательно, у нас нет достаточных оснований говорить ни о каком-либо значительном распространении денежного обращения среди варварских племен Поволжья, Приуралья и Прикамья, ни об активном использовании серебряной римской монеты варварской верхушкой при межплеменном обмене и в международной торговле. Кроме того, массовый приток римского монетного серебра на протяжении сравнительно длительного хронологического периода не привел к возникновению собственной денежно-весовой системы.

¹³ Мошкова 1956, 188.

¹⁴ Фролова 1982, 158–163.

Денежное обращение в варварской среде находилось, таким образом, на первоначальной стадии своего развития, когда функции денег еще не получили всех необходимых предпосылок для подъема и расширения ареала своего воздействия на экономику и уклад соответствующих племен¹⁵.

Одним из важнейших событий, изменивших общую политическую карту древнего мира и в значительной степени повлиявшего на смену направлений основных торговых путей в международной торговле, явилось образование Восточной Римской империи.

Золотые византийские солиды VII в. представлены находками с территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья¹⁶. Что касается вопроса о путях проникновения золотых монет в Поволжье и Южное Приуралье, то нельзя отдать предпочтение в пользу какого-либо одного пути. Вполне вероятно, что монета из-под Орска проникла по степному пути из Средней Азии, по которому поступал хорезмийский и практически весь восточный, в том числе и византийский, художественный импорт. В пользу данной версии, вероятно, свидетельствует и тот факт, что в Средней Азии известны находки преимущественно золотых солидов и совсем нет серебряных византийских монет¹⁷. Вследствие недостаточного количества нумизматического материала на данный момент мы не имеем возможности более конкретно решить этот вопрос.

Таким образом, подавляющее большинство золотых византийских монет VI–VII вв. поступало в степи Восточной Европы не в результате торговли, а либо вследствие периодических военных набегов и грабежей, осуществлявшихся кочевыми племенами Восточной Европы против Византийской Империи, либо в качестве дани, регулярно выплачиваемой Византии вождям племенных союзов кочевников.

Изданный в Византии указ 374 г. н.э. запрещал платить «варварам» за товары золотом, которое утекало из Империи, усиливая ее финансовые затруднения: «Не следует отдавать золото варварам за рабов или за какие-либо другие товары, более того, не следует допускать, чтобы золото перевозилось к варварам торговцами»¹⁸. Косвенным подтверждением утечки золота могут служить находки византийских солидов, обнаруженных на территории Поволжья и Приуралья, вывозившихся, несмотря на запрет, на варварские территории в виде слитков и монет. Отдельные монеты в результате многоступенчатого межплеменного обмена достигали, таким образом, районов Поволжья и Приуралья.

Большая часть византийских серебряных монет VII в. найдена на территории Прикамья, ограниченной бассейном р. Сылвы. Клады серебряных византийских монет V–VI вв. нам неизвестны, серебряная монета в международной торговле вытесняется золотой, и только в VII в. клады, содержащие серебряные византийские монеты, обнаружены в Закавказье и Прикамье.

Картографирование находок византийских серебряных монет с территории Поволжья свидетельствует в пользу того, что для серебряных и медных монет византийского происхождения существовали единые пути, по которым они попада-

¹⁵ Нудельман 1982, 125.

¹⁶ Кропоткин 1962, 26.

¹⁷ Массон 1951, 54.

¹⁸ Пигулевская 1951, 67–68.

ли в Поволжье. Возможно, что большая их часть оказалась в этом районе посредством старого торгового пути из византийского Херсонеса, ведущего из Северного Причерноморья через территорию Нижнего Подонья и Прикубанья в Поволжье.

Наряду с чеканкой золотой монеты в 615 г. при императоре Ираклии начался выпуск серебряной монеты, т.н. двойных милиарисиев, или гексаграммов. Согласно Н. Л. Казамановой, в связи с выплатой регулярной дани аварам, которая достигала 80–100 тыс. солидов, выпуск новой утяжеленной монеты был призван в какой-то мере заменить золотой солид при крупных торговых операциях на внешнем рынке¹⁹.

Клады византийских серебряных монет трижды зарегистрированы в Прикамье.

В Пермской области у пос. Бартым (Березовский р-н) в 1950 г. в сасанидском серебряном сосуде были обнаружены двести шестьдесят византийских серебряных монет; при закладке шурфа рядом были также обнаружены еще двенадцать однотипных гексаграмм Ираклия, которые чеканились в Константинополе между 615–629 гг.²⁰

Бартымский монетный клад пришел в Прикамье не позднее середины VII в. Принимая во внимание его уникальный состав, хозяином его был даже не закавказский, а византийский купец. Вполне может быть, что все византийские монеты завезены в Прикамье вместе, одним караваном из византийского Херсона в 630-е годы вверх по Дону, Волге и Каме²¹. Часть его могла разойтись мелкими партиями, а большая часть осела в Бартымском кладе. На Усть-Сылвенском городище (на берегу р. Сылвы) среди комплекса предметов гляденовской и ананьинской культур, предположительно на месте раннесредневекового жертвенного места площадью около 1000 м, среди прочих серебряных монет были обнаружены семь гексаграмм Ираклия и Константина²². Вполне вероятно, что эти монеты имеют непосредственное отношение к монетному кладу из Бартыма.

Таким образом, большая часть византийских золотых и серебряных монет проникла на территорию Поволжья, Прикамья и Приуралья по торговому пути с территории Закавказья по Волге и Каме в сравнительно короткий отрезок времени (вторая половина V — середина VII вв.), но при этом проникновение византийских монет на территорию рассматриваемых областей, как это можно видеть, в целом было относительно незначительным и нерегулярным и не привело к созданию местной денежно-весовой системы и возникновению денежного обращения у народов Приуралья, Прикамья и Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г., Масленников А. А. 1999: Золотые монеты Феодосия II из Восточного Крыма // ВДИ. 2, 79–97.

Бадер О. Н., Смирнов А. П. 1954: «Серебро Закамское» первых веков нашей эры // ТГЭ. Вып. 13, 16–24.

¹⁹ Казаманова 1957, 71.

²⁰ Бадер, Смирнов 1954, 19.

²¹ Морозов 1996, 157.

²² Голдобин, Лепихин, Мельничук 1991, 40.

- Буданова В. П.* 1982: Передвижение готов в Северном Причерноморье и на Балканах в III в. н.э. (по данным письменных источников) // ВДИ. 2, 155–175.
- Гуревич А. Я.* 1984: Категории средневековой культуры. М.
- Голдобин А. В., Лепихин А. Н., Мельничук А. Ф.* 1991: Исследование святилищ железного века в Пермском Прикамье // АОУиП / Л. А. Наговицин (ред.). Ижевск, 38–51.
- Зеймаль Е. В.* 1962: Клад римских денариев из Таджикистана // НЭ. 3, 144–151.
- Зограф А. Н.* 1951: Античные монеты // МИА. 16. М.; Л.
- Кропоткин В. В.* 1961: Клады римских монет на территории СССР // САИ. Г4-4. М.
- Кропоткин В. В.* 1962: Клады византийских монет на территории СССР // САИ Е4-4. М.
- Кропоткин В. В., Обыденнов М. Ф.* 1985: Находка античных монет в погребении кочевника на Южном Урале // СА. 2, 241–254.
- Лебедева Е. Ю.* 1990: Экономические связи Римской империи с Индией: дисс....канд. истор. наук. М.
- Массон М. Е.* 1951: К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики // Тр. СУ. Т. XXIII. Кн. 4, 94–109.
- Морозов В. Ю.* 1996: Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Евразийские степи в I тыс. н.э. / Д. А. Сташенков (ред.). Самара, 148–159.
- Мошкова М. Г.* 1956: Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья: дисс.... канд. истор. наук. М.
- Нудельман А. А.* 1982: Римская монета в междуречье Днестра, Прута и Дуная // Нумизматика Античного Причерноморья / В. Янин (ред). Киев, 114–127.
- Пигулевская Н. В.* 1951: Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М.; Л.
- Фролова Н. А.* 1982: О римско-боспорских отношениях в I — середине III в. н.э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья / В. Янин (ред.). Киев, 55–63.
- Шелов Д. Б.* 1969: Ольвийские монеты в Поволжье. М.
- Шелов Д. Б.* 1970: Танаис и Нижний Дон в II–I вв. до н.э. М.
- Шелов Д. Б.* 1972: Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.
- Mielczarek M.* 1997: Remarks on the numismatic evidence for the northern Route: the Sarmatians and the trade route linking the northern Black Sea with Central Asia // Silk Road Art and archaeology. Special Volume, 131–145.

COINS IN INTERTRIBAL TRADE OF THE VOLGA-KAMA REGION

A. V. Bezrukov

The article deals with Greek, Roman, and Byzantine coins of the 2nd — 7th centuries BC found on the territory of the Volga-Kama region. The author considers possible reasons for and ways of spreading ancient coins in barbarian communities. He also considers coins composition and comes to the conclusion that a large influx of antique coins during a rather long period did not result in monetary and weight system of the local tribes. There are no grounds to speak about extended money circulation among barbarian tribes of the Volga-Kama region.

Key words: Roman, and Byzantine coins, barbarians, periphery.

Раннее Средневековье

© 2011

В. С. Соловьев, С. В. Павлова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ АРАБСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ ТОХАРИСТАНА

В письменных источниках в общих чертах изложен ход завоевания арабами Тохаристана в VII–VIII вв. Однако в них отсутствуют сведения о подчинении ими многих тохаристанских владений. Привлечение материалов, полученных в ходе археологических раскопок, позволяет дополнить и конкретизировать события этого времени и оценить масштабы бедствий, которые обрушились на жителей страны.

Ключевые слова: Средняя Азия, археология, история, культура.

Раннесредневековый Тохаристан являлся одним из государств Средней Азии, в его пределы входили северные районы Афганистана, южные районы Таджикистана и Узбекистана. В первой половине VII в. он состоял из 27 независимых владений, столица государства располагалась на месте древних Бактр — нынешнего селения Балх. Арабское завоевание Тохаристана началось в середине VII в. и длилось около ста лет. Отдельные эпизоды борьбы тохаристанцев за независимость достаточно детально освещены в письменных источниках, например, это касается антиарабского восстания Низек-тархана.¹ Вместе с тем в письменных источниках нет сообщений о завоевании арабами многих тохаристанских владений. По этой причине для реконструкции событий, связанных с завоеванием арабами Тохаристана, большое значение приобретают археологические материалы. Собранные вместе, они позволяют оценить масштабы бедствий, обрушившихся на его жителей во второй половине VII — середине VIII вв.

Одно из тохаристанских владений — Хутталь, судя по сообщениям письменных источников, особенно долго сопротивлялось арабским захватчикам. Б.Я. Ставиский, опираясь на сообщение буддийского паломника Хуэй Чао, считал, что владение было подчинено ими в 726 г.² Однако, судя по тому, что арабы вынуждены

Соловьев Виктор Степанович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. E-mail: tohar.arh@bk.ru

Павлова Сусанна Владимировна — аспирант кафедры всеобщей истории Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. E-mail: susanna2006@bk.ru

¹ Беляев 1987, 124–130.

² Fuchs 1939, 455.

были совершить под руководством Асада ибн Абдаллаха новый поход в Хутталь в 737 г., страна к этому времени не была подчинена ими окончательно. Э.Шаванн, основываясь на данных китайских источников, отметил, что в 750 г. упоминается правитель Хутталя Ханаш, который с частью дехкан ушел из страны во время похода на неё Абу-Давуда ибн Ибрахима. В конце концов он прибыл ко двору китайского императора, который в 752 г. пожаловал ему титул ябгу Тохаристана.³ Косвенно дату завоевания арабами страны в середине VIII в. подтверждают материалы раскопок буддийского монастыря Хишттепа в Ховалингском районе Таджикистана. Самые поздние монеты, найденные здесь, датируются серединой VIII в.⁴ Именно в это время монастырь был разгромлен арабами, при этом были разбиты скульптуры, украшавшие святилища. Уцелевшие помещения монастыря затем долго использовались местными жителями для жилья.

В это же время было завоевано арабами соседнее с Хутталем владение Вахш. При археологических исследованиях в Вахшской долине, на территории которой располагалось это владение, раскопки проводились на серии раннесредневековых памятников, жизнь на которых прервалась в середине VIII в. Городище Кафиркала, расположенное в центре долины, отождествляется со столицей владения, упоминаемой в записках буддийского паломника Сюань Цзана между 635–645 гг.,⁵ штурмовалось арабами дважды. Оба штурма отмечены пожарами в жилых домах города и дворцовых помещениях на цитадели, разрушениями оборонительных сооружений. После первого штурма и захвата арабами город был отстроен заново в первой четверти VIII в., после второго штурма он был оставлен жителями, и жизнь в нем больше не возродилась. Как показали раскопки, ещё до того, как город был заброшен, жизнь в нем приходит в упадок: мало уделялось внимания его благоустройству, не были восстановлены городской храм и общественное здание в центре города. Начало упадка города датируется фельсом, чеканенным от имени Абдаллаха ибн Хазима (80–90-е гг. VII в.). После арабского завоевания столица области Вахш была перенесена на новое место — в 12 км северо-западнее прежней.⁶

Вторым памятником владения Вахш, подвергнувшимся нападению арабов, был буддийский монастырь Аджинатепе. Следы сильного пожара зафиксированы в зале собраний монахов — здесь сгорели деревянные колонны и кровля. Глиняные скульптуры, украшавшие храмовые и монастырские помещения, были разбиты, пострадала и настенная живопись. После разгрома какое-то время монастырь пустовал, затем уцелевшие его помещения стали использоваться для производственных и хозяйственных нужд. Этот период датируется дирхемами 779–780 гг.⁷ Как показали раскопки, в середине VIII в. в Вахшской долине жизнь прекратилась на расположенном рядом с Аджинатепе городище Чоргультепа и в замке Нижний Уртабоз.⁸

В Кобадiane изучались два памятника, где были обнаружены раннесредневековые культурные слои, — городище Каламир и Безымьянное поселение. Ка-

³ Chavannes 1903, 216.

⁴ Довутов 2004, 369–373; Муллокандов 1990, 12–19.

⁵ Veal 1981, 295–296.

⁶ Литвинский, Соловьев 1985, 27–42; Соловьев 1997, 28; 1999, 172–180.

⁷ Литвинский, Зеймаль 1971; Litvinskij, Zeimal 2003, 17–18.

⁸ Зеймаль 1961, 143–152; 1962, 35–47; Зеймаль, Соловьев 1983, 138–157.

ламир отождествляется со столицей владения, во время раскопок выяснилось, что жизнь на её цитадели прервалась в середине VIII в. и возобновилась лишь в позднем средневековье.⁹ Раскопками на Безымянном поселении вскрыто два помещения и узкий переулочек между ними. Жизнь в них прекратилась в результате сильного пожара, случившегося, судя по монетам, в конце VII — первой половине VIII в. В пожаре сгорел весь запас пшеницы.¹⁰ К раннему средневековью относится и окончание жизни на многослойном городище Тахти Кубод, расположенном на месте переправы через Амударью.

Видимо, на границе владений Шумана и Кобадияна располагался небольшой город, известный сейчас как городище Калаи Кафирниган. Оно состоит из двух частей — цитадели и шахристана. На территории шахристана раскопано несколько жилых домов, буддийский храм и зороастрийское святилище, предшествующее по времени ему, а затем приспособленное для жилья. В середине VIII в. буддийский храм был разрушен, скульптуры, находящиеся в нем, разбиты, настенная живопись попорчена острым предметом. В бывшем зороастрийском святилище обнаружены следы сильного пожара, во время которого сгорели деревянные колонны, перекрытие, входная дверь в главном помещении и перекрытие в коридоре-вестибюле. В жилых домах найдены беспорядочно разбросанные керамические сосуды, другие бытовые предметы, годные для употребления. Жизнь в городе после этого не возродилась.¹¹

В долине Сурхандарьи, где в раннем средневековье располагались тохаристанские владения Термез, Гуфтан, Чаганиан, раскопана серия замков, большая часть которых погибла во время арабского завоевания. Скорее всего, это произошло в 676 г., во время похода в Термез наместника Хорасана Саида ибн Усмана. Замки представляли собой отдельно стоящие донжоны на платформах высотой 3–6 м. Одним из них был замок Балалыктепа. Л. И. Альбаум, изучавший его, отметил, что обитатели замка покинули его вскоре после окончания строительства в результате того, что их «постигло какое-то бедствие, возможно, связанное с войной». В одном из залов, украшенном великолепной настенной живописью, был разведен костер, в результате чего она покрылась слоем копоти, вернувшиеся в замок его обитатели пытались безуспешно её очистить. Во время ремонта зал был заложено сырцовым кирпичом, и на его месте образовалась платформа, на которой возвели легкую деревянную постройку. Окончательная гибель замка относится к последней четверти VII в., она, видимо, связана с арабским завоеванием региона.¹²

Следы сильного пожара зафиксированы в замке Джумалактепа, во время которого сгорели деревянные колонны и перекрытие парадного зала, дверные полотна, детали декоративного убранства, состоящего из резного дерева и настенной живописи. Были разграблены и разрушены хранилища, примыкавшие к парадному залу, и летние помещения второго этажа. Разрушения в замке были столь сильными, что при его восстановлении некоторые помещения пришлось забутовать, а на их месте возвести новые — при этом планировка замка значитель-

⁹ Денисов 1985, 147–163.

¹⁰ Соловьев 1987, 165–171.

¹¹ Литвинский 1979, 156–187; 1980, 120–146; 1982, 108–135; Litvinskij 1981, 35–66.

¹² Альбаум 1960, 140–153.

но изменилась. Не было восстановлено и декоративное убранство замка.¹³ Жизнь в нем продолжалась до XI в. В замке Кучуктепа при раскопках было выделено два строительных периода. Первый период закончился пожаром. Второй период характеризуется тем, что помещения замка на обоих этажах не убирались, в них обнаружены слои мусора.¹⁴

Чаганиан активно включился в борьбу с арабами сразу же после их вторжения в Хорасан. Известно об участии чаганианцев в антиарабском восстании 652 г., что послужило причиной первого похода завоевателей в Тохаристан. Захват Чаганиана арабами подтверждают результаты раскопок замка Кулялтепе и находка в нем острака с арабской надписью, который позволил судить о том, что замок мог прекратить свое существование в начале VIII в.¹⁵

В ходе военных действий, проходивших в долине Сурхандарьи во время арабского завоевания, пострадало и крупное городское поселение, известное как городище Хосияттепа. Культурный слой IV строительного периода, датируемый второй половиной VII — серединой VIII в., характеризует время запустения города, в раскопанных помещениях обнаружен мусор, перемешанный с золой. Видимо, горожане были вынуждены покинуть свое жилище во время захвата города арабами. Некоторое его возрождение началось в первой четверти IX в. К этому периоду относится аббасидский фельс, чеканенный от имени Мухаммада-ал-Амина (809–813 гг.), и черепок с арабской надписью.¹⁶

Поселение Шуробкурган располагалось у переправы через Амударью, возникло оно здесь в начале VII в. и быстро увеличивалось в размерах. В середине VIII в. площадь его достигла максимума — 20 га. В это же время многие жилые дома были заброшены, поселение значительно уменьшается в размерах. Создается впечатление, что оно было захвачено арабами, а жители его переселены в другое место. Некоторое возрождение поселения произошло в конце VIII — первой половине IX в., но обживаемая площадь в это время не превышала 5 га. Оба этих периода в истории памятника датируются арабскими фельсами.¹⁷

Как показали материалы раскопок раннесредневековых памятников Тохаристана, все они в разной степени пострадали во время арабского завоевания. Некоторые из них были заброшены, и их оплывшие руины постепенно превратились в холмы разной величины, жизнь в других памятниках продолжалась, но уже в меньших объемах и не была столь комфортной, как раньше. Новый подъем экономики Тохаристана начался в IX в., он сопровождался значительными изменениями в материальной и духовной культуре его населения, вызванными включением страны в состав Омейядского, а затем Аббасидского халифата, утверждением ислама. В X в. возникли и получили развитие новые мегаполисы, которые стали центрами ремесел, денежного обращения и торговли в регионах. Поэтому в IX в. опустели некоторые уцелевшие во время арабского завоевания городские и сельские поселения, а их жители переселились в эти мегаполисы или их окрugi.

¹³ Нильсен 1966, 140–153.

¹⁴ Аннаев 1988, 24–28, 45–46.

¹⁵ Ртвеладзе 1982, 34.

¹⁶ Аннаев 1988, 30, 47–48.

¹⁷ Болелов 1987, 31–33; 2004, 10–62; Соловьев 2004, 76–115; 2006, 128–136; Шейко 2007, 215–223.

ЛИТЕРАТУРА

- Альбаум Л. И.* 1960: Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент.
- Аннаев Т. Д.* 1988: Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент.
- Беляев В. И.* (пер.) 1987: История ат-Табари. Ташкент.
- Болелов С. Б.* 1987: Раннесредневековый жилой дом на юге Узбекистана // Архитектура и строительство Узбекистана. 6, 31–33.
- Болелов С. Б.* 2004: Археологические исследования на городище Шуробкурбан в 1982 году (К истории материальной культуры Северного Тохаристана в эпоху раннего средневековья) // МТЭ. Археологические исследования Шуробкурбана. Вып. 4, 10–62.
- Денисов Е.* 1985: Раскопки в Дангаринском и Кобадиянском районах // АРТ. Вып. XIX. (1979 г.), 147–163.
- Довутов Д. Д.* 2004: Монетные находки в Таджикистане в 1988 г. // АРТ. Вып. XXIX, 369–377.
- Зеймаль Т. И.* 1961: Разведывательные работы в Вахшской долине в 1959 г. // АРТ. Вып. VII (1959 г.), 143–152.
- Зеймаль Т. И.* 1962: Археологические работы в Вахшской долине в 1960 г. // АРТ. Вып. VIII (1960 г.), 35–47.
- Зеймаль Т. И., Соловьев В. С.* 1983: Работы Уртабозского отряда // АРТ. Вып. XVII (1977 г.), 138–157.
- Литвинский Б. А.* 1979: Калаи Кафирниган (раскопки 1974 г.) // АРТ. Вып. XIV, 156–187.
- Литвинский Б. А.* 1980: Калаи Кафирниган (раскопки 1975 г.) // АРТ. Вып. XVI. Душанбе, 120–146.
- Литвинский Б. А.* 1982: Калаи Кафирниган (раскопки 1976 г.) // АРТ. Вып. XVI (1976 г.), 106–135;
- Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* 1971: Аджинатепе. М.
- Литвинский Б. А., Соловьев В. С.* 1985: Средневековая культура Тохаристана (в свете раскопок в Вахшской долине). М.
- Муллоканов М.* 1990: Раннесредневековый буддийский монастырь Хишттепа в Ховалингском районе Таджикистана // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 17, 12–20.
- Нильсен В. А.* 1966: Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V–VIII вв.). Ташкент.
- Ртвеладзе Э. В.* 1982: Новые материалы из Чаганиана (к проблеме происхождения среднеазиатских центических мавзолеев) // Архитектура и строительство Узбекистана. 6, 33–35.
- Соловьев В. С.* 1987: Работы в Бешкентской долине в 1980 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XX. (1980 г.), 165–171.
- Соловьев В. С.* 1997: Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец.
- Соловьев В. С.* 1999: Раннесредневековый город Тохаристана по материалам раскопок Кафыркалы // РА. 2, 172–180.
- Соловьев В. С.* 2004: Раскопки второго домовладения // МТЭ. Археологические исследования Шуробкурбана. Вып. 4, 76–116.
- Соловьев В. С.* 2006: Археологическое изучение Шуробкурбана // РА. 3, 128–136.
- Шейко К. А.* 2007: К изучению шахристана Шуробкурбана // Трансоксиана — Мавераннахр, 215–223.
- Beal S.* 1981 (reprint): Buddhist records the western World. Dehli.

Chavannes E. 1903: *Dokuments sur le Tou — Kiue (turcs)*. Recueilles et commentes par Ed. Chavannes. St-Petersburg (Сборник трудов Орхонской экспедиции. 6).

Fuchs W. 1939: *Huei-ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest — Indien und Zentral — Asien, um 726 / Sitzungberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*. 1938. Philosophisch — historische Klasse. Berlin.

Litvinskij B. A. 1981: *Kalai-Kafirnigan. Problems in the Religion and Art of early medieval Tokharistan // East and West*. Vol. 31, 61, 1/4, 35–66.

Litvinskij B. A. and *Zeimal T. I.* 2003: *The bouddhist monastery of Ajinatepa*. Tajikistan. Roma.

ARCHEOLOGICAL DATA AND HISTORY OF ARAB CONQUEST OF TOCHARISTAN

V. S. Solovyov, S. V. Pavlova

Written sources outline Arab Conquest of Tocharistan in the 7th — 8th centuries without giving any information concerning Arab seizing Tocharian property. Material obtained in the course of archeological excavations allows making additions to the events of the time, detailing them, and estimating the extent of the disaster that hit the country.

Key words: Central Asia, archeology, history, culture.

ИСТОРИЯ РОССИИ

© 2011

В. А. Шаповалов

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОРЕФОРМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПОМЕСТНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И СТРАТИФИКАЦИИ ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА

В статье рассматривается проблема изучения пореформенной эволюции поместного землевладения и стратификация поместного дворянства. Интерес к вопросу пореформенного дворянского землевладения обусловлен отсутствием источников по данному вопросу, именно это не позволяет провести прямую параллель с имеющейся поземельной статистикой пореформенного периода. Связано это с тем, что в дореформенный период стратификация помещиков осуществлялась на основе душевладения, в пореформенный период — на основании площади земельного фонда. Автор приходит к выводу, что для категорий дворянского землевладения в пореформенный период было характерно резкое сокращение площади поместных земель. Увеличение фонда дворянских земель к началу XX в. осталось только на уровне групп и подгрупп.

Ключевые слова: поместное дворянство, поместное землевладение.

Первое, с чем сталкивается исследователь при анализе пореформенного дворянского землевладения, — отсутствие источников по данному вопросу на 50–60-е гг. XIX в., где в структурированном виде было бы представлено мелкое, среднее и крупное поместное землевладение. Анализ традиционно начинают с поземельной переписи 1877 г. и завершают 1905 г., но в этом случае выпадают 60-е гг. XIX в., то есть тот период, когда зарождались основные пореформенные тенденции в эволюции поместного землевладения¹. С другой стороны, отсутствие соответствующих источников на последние предреформенные годы не позволяет провести прямую параллель с имеющейся поземельной статистикой пореформенного периода. Связано это с тем, что в дореформенный период стратификация помещиков осуществлялась на основе душевладения, в пореформенный период — на основании площади земельного фонда. Но градация душевладения помещиков не может количественно отразить структуру дореформенного дворянского землевладения из-за несопоставимости общепринятой классификации душевладения: от 1 до 20 ревизских душ — мелкопоместные дворяне, от 21 до 100 ревизских душ — среднее дворянство и свыше 100 ревизских душ — крупные помещики, — соответствующей поземельной классификации: от менее 1 до 100 дес. — мелкое,

---

Шаповалов Владимир Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры российской и всеобщей истории БелГУ. E-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

¹ Проскурякова 1973, 55–75.

101 — 1000 дес. — среднее и свыше 1000 дес. — крупное дворянство. При сопоставлении этих градаций друг с другом выясняется, что количественно структура душевладения явно занижена относительно классификации землевладения и число дворян-землевладельцев по градации землевладения больше, чем по структуре душевладения в каждой страте поместных владельцев².

Методика, разработанная автором, позволяет структурировать дворянское землевладение накануне отмены крепостного права, что, в свою очередь, дает возможность сопоставить показатели дореформенного и пореформенного землевладения по каждой страте дворянства. За основу расчетов было взято «Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше», где представлен в полном объеме земельный фонд крупного и среднего дворянства начиная с 300 дес.³ В качестве объекта исследования были выбраны воронежские и курские дворянские поместья. После чего была составлена поуездная градация имений от 101 до 1000 дес. и свыше 1000 дес. с подсчетом по каждому уезду Воронежской и Курской губерний вместе земель, бывших в господской и крестьянской запашках. При составлении данной классификации автором была допущена погрешность в расчетах размеров земельной собственности мелкопоместного и среднепоместного дворянства, так как «Извлечения...» не отразили земельный фонд помещиков с 101 до 300 дес. Но именно на эту часть среднего дворянства приходилось основное число владельцев, имевших от 101 до 1000 дес., что показывает градация душевладения дворян-помещиков. По двум рассматриваемым губерниям их число по этой классификации составляло 2156 владельцев,⁴ а «Извлечения...» отразили 405 землевладельцев данной страты, то есть около 1751 помещика источник не зафиксировал. Если каждый из них владел в среднем 150 дес. (средний показатель в дворянском земельном фонде составлял от 1/4 до 1/3 его общей площади), то в целом из расчетов для землевладения среднего дворянства выпадает в Курской губернии 163 650 дес., в Воронежской губернии — 9 9000 дес. В абсолютных данных искажение выглядит серьезным.

Но если учесть, что и в этом случае доля земельной собственности среднепоместных дворян во внутрисословном земельном фонде двух исследуемых губерний составляла бы всего 15,6% (увеличилась на 7,9% от данных «Извлечений...»), то появляется реальная возможность показать структуру дворянского землевладения накануне отмены крепостного права. Путем вычета из общего количества дворянского земельного фонда в каждом уезде, который представлен у А. Скребицкого⁵, суммы среднего и крупного дворянского землевладения мы получили искомую градацию: мелкопоместное, среднее и крупнопоместное землевладение. Отклонение от реального распределения земли между мелкопоместным и среднепоместным дворянством в полученной структурной градации составляет $\pm 7,9\%$ суммарно для обеих категорий.

Не останавливаясь на уездных показателях, структура дворянского землевладения в 1860 г. в Воронежской губернии по 11 уездам (без Бирюченского и Павловского уездов) выглядела следующим образом: мелкопоместное — 305 694,4

² Шаповалов 2002, 36.

³ Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше 1860, Т. 1.

⁴ Шепунова 1964, 409, 418.

⁵ Скребицкий 2, 1865, Ч. 2, 1624.

дес. (16,1%), среднее — 70935,9 дес. (3,7%), крупнопоместное — 1116317 (80,2%); в Курской губернии: мелкопоместное — 496802,8 дес. (28,6%), среднепоместное — 188205,2 дес. (10,8%) и крупное — 1051159 дес. (60,6%).

Следующим определяющим фактором для изучения пореформенной эволюции дворянского землевладения является изменение площади земельного фонда после размежевания помещичьих земель с крестьянами. В данном процессе решающее значение приобретала отрезка земли в крестьянских хозяйствах. Прирезка в исследуемых губерниях из-за повсеместного повышения дореформенных крестьянских наделов вновь установленным была незначительной. Автор, определяя изменение площади дворянского земельного фонда к 1863 г., опирался на сведения о количестве земли в крестьянском землепользовании и помещичьей запашке до реформы 19 февраля 1861 г. в имениях среднепоместного и крупного дворянства рассматриваемых губерний. Путем вычета количества земли, отрезанной у крестьян в ходе реформы из крестьянской запашки, были получены данные о размерах крестьянского землепользования. От общего количества земли по уездам в дворянских хозяйствах в 1860 г. была вычтена площадь крестьянского земельного фонда с учетом земель крестьян — дарственников к моменту выхода на выкуп. Погрешность расчетов на уездном уровне минимальна, так как отрезки в мелкопоместных имениях по Курской губернии составляли 665 дес., в Воронежской губернии — 226 дес., а прирезки в хозяйствах курских помещиков — 140 дес., воронежских дворян — землевладельцев — 314 дес.⁶ Это позволило реально отразить процесс сокращения дворянских земель с 1860 по 1863 г. В Воронежской губернии дворянские земли по 11 уездам (без Бирюченского уезда) сократились с 1160236 дес. до 1300896 дес. или на 18,3%;⁷ в Курской губернии — с 1736167 дес. до 1308469 дес. или на 24,7%.⁸

Традиционное представление о связи отрезков и качества почвы не подтверждается. Свидетельством тому являлись Павловский и Бобровский уезды Воронежской губернии, где земли были худшего качества, а разница в уменьшении площади дворянской земли составила 25,2% и относительно низкий процент сокращения в Валуйском (14%) и Нижнедивицком (7%) уездах указанной губернии, отличавшихся высоким плодородием почв. Качество земли играло значительную роль, но не было основополагающим фактором в ходе размежевания поместных земель. В Павловском уезде отчетливо прослеживалась связь сокращения дворянской земли с характером эксплуатации в помещичьих хозяйствах. Здесь соотношение барщинных и оброчных крестьян было 1: 2,4. Большой процент сокращения определялся тем, что количество неизменных наделов в оброчных имениях было значительно больше, чем в барщинных. В Бобровском уезде на невысокий процент сокращения площади дворянской земли повлияло большое число дарственников. Этот уезд занимал второе место в губернии по количеству земли в руках крупных помещиков, а на хозяйства этой страты дворян приходи-

⁶ Литвак 1972, 182–185.

⁷ Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Воронежская губерния 1860; Материалы Редакционных комиссий по крестьянскому делу 1860, 461–462.

⁸ Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Курская губерния 1860; Литвак 1972, 184; Скребицкий 2, 1865, Ч. 2, 1531–1533.

лась основная масса дарственников. Меньше всего сократился земельный фонд у нижегородских помещиков, где барщинные составляли свыше 60 %.

Важным моментом для анализа пореформенной эволюции дворянского землевладения является сопоставление данных по количеству дворянской земли на уездном уровне в 1863 г. и 1877 г., то есть с материалами первой земельной переписи пореформенного периода. Отсутствие точных сведений по структуре помещного землевладения в 1863 г. не позволяет провести сравнительный анализ с имеющимися данными за 1877 г. Но появляется возможность проследить на уездном уровне процессы в дворянском землевладении на начальном этапе пореформенной модернизации помещного земельного фонда. В Воронежской губернии в указанный период по 11 уездам (без Бирюченского уезда) дворянские земли сократились с 1 300 896 дес. до 1 257 135 дес., или на 3,4 %⁹. На уездном же уровне сохранялась тенденция увеличения площади помещных земель: в Коротояжском уезде она увеличилась на 4,7 %, в Новохоперском — на 20,2 %. Сокращение помещного земельного фонда было связано с процессом «раздворянивания» частновладельческой поземельной категории, когда к 1877 г. в руках 3 793 земельных собственников других сословий находилось 263 496 дес. земли¹⁰. В Курской губернии с 1863 по 1877 г. дворянский земельный фонд сократился с 1 308 469 дес. до 1 165 444 дес., или на 11 %¹¹. Но, как и в Воронежской, в Курской губернии сохранилась тенденция к увеличению площади помещных земель на уездном уровне. Земельный фонд увеличился в 3 уездах из 15: в Корочанском уезде — на 5,5 %, в Льговском уезде — на 3,1 %, в Старооскольском уезде — на 5,7 %. К 1877 г. в руки 18 300 земельных собственников их других сословий перешло 250 441 дес. земли¹².

Сам факт сокращения площади дворянских земель нельзя трактовать односторонне, делая вывод о неизбежной утрате помещными владельцами лидирующих позиций в частном земельном фонде. Рассматриваемый процесс неразрывно был связан с вопросом о реальной ценности земли в конкретное время, при её конкретном рыночном движении. В масштабах Европейской России с 1863 по 1877 г. земли дворян сократились на 28,1 %, но при этом стоимость помещной земли выросла на 24,3 %¹³. В исследуемых губерниях этот процесс выглядел значительно рельефнее: за 15 лет стоимость 1 дес. выросла на 28,1 %, а «утечка» земли составила 7,2 %¹⁴.

Процесс сокращения дворянских земель шел параллельно с ростом цен на землю, и дворянство Центрально-Черноземного региона в 1877 г. по площади словного земельного фонда в Европейской России занимало третье место, а по стоимости — первое¹⁵.

Тенденция к сокращению дворянской площади земель, которая стала доминирующей в эволюции помещного землевладения с конца 70-х гг. XIX в., позво-

⁹ Статистика землевладения 1905 г. 1906, Вып. V, 12.

¹⁰ Там же, 12–13.

¹¹ Статистика землевладения 1905 г. 1906, Вып. XXXVII, 12.

¹² Там же, 12–13.

¹³ Святловский 1911, 116.

¹⁴ Шаповалов 2002, 62.

¹⁵ Проскурякова 1973, 64.

ляет приступить к анализу характерных изменений в его развитии без коротких промежуточных этапов, раздвинув хронологические рамки до 1905 г.

В Воронежской губернии с 1877 по 1905 гг. доля дворянских земель в общесословном земельном фонде уменьшилась с 1 378 937 дес. до 994 144 дес., или на 27,1%. В Задонском и Нижнедевицком уездах земли дворян уже составляли менее 50% площади частных земель. Здесь тенденция к сокращению дворянского землевладения вступала в новую фазу, переходя от уменьшения фонда помещных земель, не приводящего к утрате первенства среди частных владельцев, к сокращению, когда земли дворян по площади уступали владениям других сословий. В рассматриваемый период инициатива в приобретении помещных земель перешла к поземельным обществам и товариществам. Их земельная собственность увеличилась на 197 480 дес., в то время как земли личных владельцев недворянского происхождения — на 112 245 дес.¹⁶

К концу XIX в. воронежское дворянство утрачивает лидирующую роль на общесословном земельном рынке. В 1896 г. помещными владельцами было продано 22 883 дес. (34,8%), владельцами других сословий — 42 889 дес. (62,5%). Куплено дворянами было 16 325 дес. (24,8% всех купленных земель)¹⁷. Продав основную часть резервного фонда земель в 60–70-е гг. XIX в., дворянство сократило относительный показатель продаваемых земель на 56,1% (в 60–70-е гг. — 90,9% общего количества проданных земель). Замедление темпов обращения дворянских земель на рынке недвижимости обуславливалось общим сокращением площади помещных земель.

Данные поземельных переписей 1877 и 1905 гг. позволяют проследить стратификационные изменения в дворянском землевладении. Но анализ данных структурных изменений затруднен различной методикой сбора статистических сведений в 1877 и 1905 гг. В середине 70-х гг. XIX в. при сборе сведений учитывались владельцы, а в начале XX в. — владения. При обследовании поземельной собственности в 1887 г. данные показаны вне структурного подхода¹⁸. Из-за отсутствия сводных данных о распределении поземельной собственности между отдельными землевладельцами исследователи пользуются «Статистикой землевладения 1905 г.» при сопоставлении с результатами обследований 1877 г., исходя из того, одно владение — один владелец¹⁹. Это во многом оправдано, так как при обследовании в 1877 г., наоборот, приравнивали несколько владений к одному владельцу. Привлечение поуездных списков землевладельцев для указанного анализа невозможно. Самые поздние сведения данного характера по Курской губернии относятся к 80-м гг. XIX в., по Воронежской губернии — к 1900 г. Но, главное, в них пофамильно представлено около 60% помещных владельцев (процент сильно снизили источники по Воронежской губернии)²⁰. Вследствие этого принятие при исследовании системы «одно владение — один владелец», в конечном итоге, дает минимальную погрешность в сравнении с другими подходами

¹⁶ Статистика землевладения 1905 г. Вып. V. 1906, 13, 26.

¹⁷ Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. VI. 1903, 50–53.

¹⁸ Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. Вып. XX. 1899, 66.

¹⁹ Минарик 1964, 58; Тарасюк 1891, 31.

²⁰ Минарик 1964, 62.

и помогает выявить направление главных эволюционных процессов в развитии дворянского землевладения к началу XX в.

Число крупных воронежских поместных владельцев (свыше 1 000 дес.) сократилось на 21,9%, площадь земель — на 46%. В основе этой диспропорции лежал процесс дробления крупных поместий и переход части их земель в руки других сословий. При уменьшении числа владельцев среднепоместных имений (101–1 000 дес.) с 887 до 666 (24,1%) площадь их земельной собственности сократилась на 88 135 дес. (28,5%). Как и в крупном дворянском землевладении, эту страту поместных владельцев отличала относительная стабильность площади земли в сословном земельном фонде (1877 г. — 22,4%; 1905 г. — 22,3%), и регулировалось это степенью сокращения земель крупного дворянства. Число воронежских мелкопоместных дворян уменьшилось с 999 до 758 (24,8%), площадь земель — на 11 247 дес. (29%). Относительная пропорция площади земель мелких дворян в различных подгруппах (до 10 дес. 11–20 и т.д.) к общему фонду этой земельной страты осталась к 1905 г. неизменной (разница — 0,2%)²¹. Общее увеличение темпов межсословного и внутрисословного перераспределения земель привело к стабилизации структурных элементов в дворянском землевладении. Расхождение земельного фонда каждой страты поместного землевладения к общей площади дворянских земель в 1877 и 1905 гг. составляло всего 0,1–0,2%. Следовательно, в дворянском землевладении относительная стабильность каждой поземельной страты находилась в прямой зависимости от роста перераспределения земель в её подгруппах.

Видимые грани между основными стратами поместного дворянства всегда присутствовали, но реально происходил постоянный процесс перехода из одной страты в другую. Как правило, данный переход осуществлялся по направлению сверху вниз. Эта структурная балансировка, отчетливо просматривавшаяся в ходе пореформенной модернизации дворянского землевладения, создавала видимость внешней устойчивости отдельных категорий дворянства. Тем более, пропорциональное соотношение численности основных страт радикально в пореформенных период не изменилось. Не будь этого перераспределения земель и перехода поместных владельцев из одной страты в другую, мелкопоместное землевладение, вероятно, исчезло бы совсем.

Эта структурная балансировка между отдельными стратами дворянства позволяет выявить новые подходы при изучении разных сфер жизнедеятельности поместного дворянства. Например, в ходе дробления крупных поместий и официального перехода их владельцев в более низшую страту своего сословия культурно-бытовые и хозяйственные принципы не могли измениться в одночасье, и в этой страте происходил синтез разноплановых социально-психологических, бытовых воззрений. С течением времени они, конечно, изменились, но жизненные установки перешедших в низшие страты не вписывались в традиционные представления о поведенческих стереотипах в низших категориях поместного дворянства. С другой стороны, сами количественные параметры дворянского землевладения (менее 1–100 дес., 101 — 1 000 дес., свыше 1 000 дес.) весьма велики

²¹ Статистика землевладения. Вып. V. 1906, 26; Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. 1880, 153.

и вмещали в себя значительно больше различных категорий, чем традиционное трехчленное деление. В самом деле, как можно в рамках мелкопоместной страты уравнивать владельца одной ревизской души или 1–2 дес. земли с владельцем 20 ревизских душ или 80 — 100 дес. По всем параметрам уровня жизни, социальным претензиям и социально-психологическим воззрениям они стояли далеко друг от друга. Вероятно, владельцев до 10 дес. необходимо выделить в отдельную категорию — мельчайшее помещное землевладение. Такая же картина наблюдалась и в крупной страте помещного землевладения и уровень жизни и социальные претензии владельцев 1–2 тыс. дес. и 20 тыс. дес. были весьма различны. Поэтому анализ пореформенной модернизации помещного дворянства должен идти с учетом специфики внутренних категорий каждой из трех основных страт дворянства.

Увеличение или сокращение дворянского землевладения (особенно крупного) в конкретном уезде или губернии не всегда можно объяснить процессами чисто экономического характера. Среди крупнейших дворян-землевладельцев, где в основном была представлена титулованная знать, заметную роль играли брачные контракты. Н. И. Раевский через свою жену, урожденную А. Н. Бороздину, присоединил к своим владениям имение Бороздиных Красненькое Новохоперского уезда Воронежской губернии, площадь земель которого составляла 60 тыс. дес. С женитьбой А. П. Шувалова на С. М. Воронцовой к их наследникам, главным образом М. А. Воронцову-Шувалову, перешло родовое воронцовское имение в Воронежской губернии — Воронцовское (27 629 дес.). После 1902 г. его владелицей стала его сестра Е. А. Воронцова-Дашкова²². Перераспределение земель между помещными владельцами такого характера было обычной практикой.

Для выявления общего и особенного в эволюции помещного землевладения необходимо сопоставление дворянских земельных участков не только на уездном, но и на губернском уровне. Это позволит выявить разноплановые тенденции в рамках однотипного экономического региона, каковым является и Центральное Черноземье.

В Курской губернии с 1877 по 1905 гг. площадь дворянских земель сократилась на 306 113 дес. (26,3%)²³. Расширения фонда земель дворянства не произошло ни в одном уезде. Как и в Воронежской губернии, тенденция к расширению помещных земель на уровне уездов к 1905 г. уже прекратила свое существование. Несмотря на увеличение темпов сокращения дворянской земельной собственности, ни в одном из 15 уездов земельный фонд других сословий не превышал площади дворянского землевладения (в Воронежской губернии в 2 уездах). Таким образом, в Курской губернии тенденция к сокращению дворянских земель не перешла в новое качество, когда земли дворян на уровне уездов уступали по площади фонду земель других сословий.

В 1896 г. курские помещные владельцы на местном рынке недвижимости продали 18 281 дес., что составило 58,5% всех реализованных земель. Как и в Воронежской, в Курской губернии изменился структурный характер проданной дворянами земельной собственности. Мелкие дворяне продали 4 018 дес. (22%), среднепоместные — 9 609 дес. (52,5%), крупные — 4 653 дес. (25,5%)²⁴. Большая

²² Минарик 1965, 365–368.

²³ Статистика землевладения 1905 г. Вып. XXXVII. 1906, 10–13.

²⁴ Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. VI. 1903, 130–131.

часть проданных дворянских земель приходилась на среднее дворянство. Так как это было характерно и для воронежского среднепоместного дворянства, можно утверждать, что к середине 90-х гг. XIX вв. в Центральном Черноземье свыше 50% реализованных дворянством на рынке недвижимости земель принадлежало этой категории поместных владельцев. Курским дворянством было приобретено 9 105,7 дес., или 29,2% общего количества купленных земель. Мелкопоместные владельцы купили 1 485,8 дес. (16,4%), средние — 7 619,9 дес. (83,6%)²⁵. Курское дворянство, как и воронежское, приобрело земель значительно меньше, чем продавало. В рассматриваемом году крупное дворянство на земельном рынке не приобрело ни одной десятины. Это не указывало на полное приостановление покупки земель владельцами этой категории дворянства, но усиление тенденции к прекращению приобретения земель здесь очевидно. В Воронежской губернии, наоборот, крупное дворянство являлось единственной категорией поместных владельцев, которое в ходе поземельных операций на общесословном земельном рынке компенсировало проданную землю покупкой её.

По исследуемому региону при общей линии на сокращение это отражало существенные различия в эволюции крупного дворянского землевладения.

К началу XX в. дворянство Центрально-Черноземного региона уже не являлось основным покупателем земель, что наряду с хозяйственным укладом значительной части имений вело к сокращению земельного фонда и его структурных изменений. Это все относилось и к Курской губернии.

С 1877 по 1905 г. число курских дворян-землевладельцев сократилось с 5 712 до 4 533 (21,7%), земельный фонд с 1 165 44 до 859 331 дес. (26,3%)²⁶. Площадь земель, как и в Воронежской губернии, сокращалась быстрее числа владельцев. Главным образом это было связано с дальнейшим дроблением дворянских поместий. Темп сокращения дворянской земельной собственности с конца 70-х гг. XIX в. постоянно увеличивался. Площадь дворянских земель с 1877 по 1895 гг. уменьшилась на 23,7%, а в последующие 10 лет — на 26,3%²⁷. Относительные показатели почти одинаковы, а временной отрезок сократился почти в 2 раза. Следовательно, в Центральном Черноземье 90-е гг. XIX стали рубежом, с которого тенденция к сокращению дворянского землевладения приобрела новый не только количественный, но и качественный скачок. Это качественное изменение выражалось в уменьшении дворянского фонда до таких пределов, когда он уже составлял менее 50% частных земель на уровне уезда. В рассматриваемых губерниях изменение такого характера было только в 2 уездах Воронежской губернии, но начало нового определяющего момента налицо.

Число крупных дворян-землевладельцев сократилось на 64 (24,3%) земельного собственника, площадь земель — на 107 969 дес. (22,2%). При этом средний размер крупного поместного владения вырос с 2 061 дес. до 3 077 дес. Это вызвано значительным сокращением числа владельцев и земель в поместьях дворян, имевших от 1 001 до 5 тыс. дес. Процессы межсословного и внутрисословного перераспределения земель, в которых земельный фонд крупного дворянства играл большую роль, переместили эту страту земельных собственников с первого места

²⁵ Там же.

²⁶ Статистика землевладения 1905 г. Вып. XXXVII. 1906, 28.

²⁷ Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России 1897, 31.

по количеству земель в сословном фонде в 1861 г. (80,2%) на второе к 1905 г. Лидирующее положение перешло к среднепоместному дворянству.

Категория среднего дворянства уменьшилась на 532 (290,6%) владельца, потеря земли составила 160 029 дес. (28,2%). Но как и в Воронежской губернии, уменьшение площади земель среднепоместного дворянства компенсировалось переходом части земель из категории крупного дворянского землевладения. Относительное соотношение площади земель в подгруппах к сословному фонду земель оставалась на уровне 1877 г. (разница 0,8%). Земли мелкопоместных дворян сократились на 38 061 дес. (21,4%), число владельцев уменьшилось на 583 земельных собственника (15,7%). В подгруппе мельчайших мелкопоместных дворян (до 10 дес.) число собственников увеличилось на 193 владельца. Процессы внутрисословного перераспределения земель, дробление поместий, продажа земли увеличили в низшей подгруппе этой страты дворянства число владельцев. Как и в других стратах помещных владельцев, относительный показатель площади земель к общему дворянскому земельному фонду не изменился (разница 0,6%).

Для всех категорий дворянского землевладения в пореформенный период было характерно резкое сокращение площади помещных земель. Увеличение фонда дворянских земель к началу XX в. осталось только на уровне групп и подгрупп. По площади земель крупное дворянство переместилось с первого места на второе. Главным собственником в сословном земельном фонде стало среднее дворянство. Внутрисословное перераспределение земель показывает, что среди помещного дворянства был постоянный процесс перехода из одной страты в другую. В свою очередь, это позволяет утверждать, что в каждой страте помещного дворянства синтезировались разного уровня социальные ожидания, претензии, бытовые и культурные установки, социально-психологические восприятия.

ЛИТЕРАТУРА

Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. Курская губерния. Вып. XX. 1899. СПб.

Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Т.1. 1860. СПб.

Литвак Б. Г. 1972: Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр. 1861–1895 гг. М.

Материалы Редакционных комиссий по крестьянскому делу. Т.3. Кн. I. 1860. СПб.

Минарик Л. П. 1965: Происхождение и состав земельных владений крупных помещиков России конца XIX — начала XX вв. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. VI, 356–395.

Минарик Л. П. 1964: «Статистика землевладения 1905 года» как источник по изучению крупного помещичьего землевладения в начале XX в. // Малоисследованные источники по истории СССР. XIX — XX вв., 56–74.

Проскуракова Н. А., 1973: Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX — начале XX вв. // История СССР. I, 55–75.

Святловский В. В. 1911: Модернизация земельной собственности в России. СПб.

Скребицкий А. 1865: Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Т. 2. Ч. 2. Бонн-на-Рейне.

Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. 1880. СПб.

- Статистика землевладения 1905 г. Воронежская губерния. 1906. Вып. V. СПб.
Статистика землевладения 1905 г. Курская губерния. 1906. Вып. XXXVII. СПб.
Тарасюк Д. А. 1981: Поземельная собственность пореформенной России. Источниково-ведческое исследование по переписи 1877–1878 гг. М.
Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России. 1897. СПб.
Шаповалов В. А. 2002: Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. М.; Белгород.
Шепунова Н. М. 1964: Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII — первой половине XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 388–420.

POSTREFORM EVOLUTION OF LAND OWNING AND LANDED CLASSES STRATIFICATION

V. A. Shapovalov

The article is a study of post reform evolution of land owning and stratification of landed gentry. The interest in the issue stems from the lack of sources on the problem, which makes it impossible to draw a parallel with available post reform land owning statistics. The challenge is associated with different principles underlying the landed class stratification. Throughout pre-reform period stratification depended upon a number of serfs owned by the landed classes, in post reform period it was based on the seizin. The author comes to the conclusion that post reform period was characterized by a dramatic reduction of landed property. The increase of landed property by the 20th century was characteristic only of some groups and subgroups.

Key words: the landed classes, landed property.

© 2011

Л. В. Светлова

СУДЬБА КАЗЁННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПОРЕФОРМЕННОГО УРАЛА В ТРУДАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается наименее исследованный в историографическом плане процесс развития государственного сектора уральской промышленности в пореформенный период, а также анализируются мнения дореволюционных исследователей относительно судьбы казенных заводов региона. Малоизученной остается тема передачи нерентабельных предприятий в частную собственность. В результате автор приходит к выводу о существовании в то время серьезной полемики относительно рассматриваемой проблемы. Среди представителей разных направлений в историографии наблюдался плюрализм взглядов на причины упадка казенного горнозаводского хозяйства Урала во второй поло-

---

Светлова Людмила Владимировна — аспирант исторического факультета Уральского государственного педагогического университета. E-mail: svetlovalv@yandex.ru

вине XIX в., пути преодоления экономического кризиса и вариант продажи металлургических заводов горнозаводчикам.

Ключевые слова: Урал, отечественная историография, металлургия, казенная промышленность.

В условиях нашей современности, когда идет смена системы взглядов от формационного подхода в изучении социально-экономической истории прошлого к модернизационной парадигме, особую актуальность приобретает аналитическое изучение отечественной историографии в свете новых подходов и переосмысления. Особая ценность заключается в разработке региональной историографии, которая позволяет осветить наиболее важные и сложные проблемы в истории развития казенного хозяйства Урала во второй половине XIX в. В настоящее время обострение целого ряда экономических и социальных проблем поставило общество перед задачей понимания эффективности различных форм собственности как способа оптимизации путей развития экономики страны. Актуальные на сегодняшний день вопросы о роли и влиянии государства в области промышленности, эффективности государственного производства, коммерциализации и приватизации горнозаводских предприятий, особенно в кризисные периоды, поднимались, рассматривались и решались в истории нашего государства неоднократно.

В первые десятилетия после реформы 1861 г., когда происходил перевод горнозаводской промышленности на систему свободного труда и намечался резкий спад в производительности уральской металлургической промышленности, появилось много работ, посвященных изучению проблемам промышленности Урала и вопросу решения судеб казенных предприятий. Важной особенностью пореформенной историографии горнозаводского Урала первой половины XIX в. стало появление и утверждение новых направлений в этой науке. Это было обусловлено кардинальными переменами, происходившими в обществе, формированием новых социальных групп и классов в России, появлением новых общественно-политических движений.

В дореволюционной историографии практически отсутствовали работы чисто консервативно-охранительного характера по истории развития горнозаводской промышленности пореформенного Урала. Но нужно отметить, что уже в тот период появились труды представителей официального направления, чьи взгляды близки воззрениям авторов либеральной историографии (В. П. Безобразов, И. П. Котляревский, В. И. Рожков). Об этом свидетельствуют многие концептуальные положения отдельных трудов по истории горнозаводской промышленности Урала первых пореформенных десятилетий.

Свой взгляд на казенную промышленность и причины кризиса в работе «Об отдаче Уральских казенных горных заводов в частные руки в прошлом столетии»¹ изложил заводовладелец И. Полетика. В вопросе о продаже государственных предприятий промышленник придерживался мнения о том, что частное предпринимательство должно развиваться, но при обязательном сохранении казенного производства, аргументируя его важность оборонной функцией.

¹ Полетика 1861, 1–15.

В качестве доказательств И. Полетика приводил примеры из истории отечественной промышленности, демонстрирующие серьезный вклад казенных заводов в развитие экономики страны². При этом автор достаточно объективен, он не отрицает факта убыточности казенных предприятий в середине XIX в., объясняя его отсутствием рычагов стимулирования развития производства, а также условий для свободной конкуренции³.

Одним из наиболее крупных представителей либерального течения в официальной историографии того времени являлся академик В. П. Безобразов. В 1867 г., в условиях кризиса, наблюдающегося в горнозаводской экономике в первые пореформенные годы, он был направлен на Урал с правительственными полномочиями. Его итоговое исследование «Уральское горное обозрение и вопрос о продаже казенных горных заводов»⁴ содержало материал о положении различных горнозаводских округов и предприятий.

В данной работе академик В. П. Безобразов, приводя многочисленные примеры, пытался обосновать свой вывод о том, что казенные горные заводы являлись непроизводительными, убыточными, расстроеными и в целом технически более отсталыми, нежели частные. Автор доказывал крайнюю необходимость продажи казенных предприятий ввиду их «финансовой несостоятельности»⁵.

Также ученый уделял серьезное внимание выяснению причин кризиса горнозаводского производства, особенно казенного, и перспектив его развития в условиях реформы 1861 г. Безобразов отмечал, что и после ликвидации крепостного права сохранились пережиточные «условия», созданные прежним порядком горнозаводского дела, такие как административная опека и регламентация⁶. Эти явления, по его мнению, только ухудшили и без того тяжелое положение казенной промышленности и способствовали затягиванию кризиса. Казенные горные заводы перестали выполнять функцию пионера внедрения и распространения технических новшеств и, более того, демонстрировали собой абсолютную отсталость государственного сектора в промышленном отношении. При этом, как неоднократно подчеркивал автор, искусственная поддержка государством убыточных казенных предприятий создавала губительную конкуренцию и препятствовала нормальному развитию промышленности края.

Причинами кризиса В. П. Безобразов считал разобщенность, нескоординированность деятельности различных ведомств управления казенной промышленностью, бюрократизм в органах всех уровней. Отжившая, по его мнению, система управления негативно сказывалась на работе всех сфер промышленности, поскольку происходил простой производства и, как следствие, потеря заказов⁷. В аналитических описаниях возникавших ситуаций в разных казенных округах инспектор отмечал нерациональность расходов, пущенных на техническое переоснащение, испытание орудий и проверку качества получаемой продукции. Бесхозяйственность в казенном производстве, беспорядочное распоряжение природными ресур-

² Там же, 1–3.

³ Путилова 1969, 9.

⁴ Безобразов 1869.

⁵ Там же, 341.

⁶ Там же, 342.

⁷ Там же, 73, 172, 213.

сами способствовало их истощению, привело к снижению роста производительности предприятий и сказалось на удорожании производимого товара⁸.

Инспектор также резко критиковал выполнение казенными заводами частных заказов, так как, по его мнению, это подрывало развитие частного производства, а также отвлекало государственные предприятия от прямых обязанностей. Им был сделан вывод о необходимости запретить принимать внешние заказы⁹.

Исследуя производственную ситуацию, возникшую на Урале, автор работы обращал особое внимание на социально-экономическое положение горнозаводского населения. Описывая ситуации на разных заводах казенных округов Урала, Безобразов зафиксировал две проблемы: неразрешенность земельного вопроса и недовольство рабочих отменой государственного пайка¹⁰.

В качестве варианта выхода из кризиса он предлагал приватизировать казенные предприятия с публичных торгов, предоставляя частным лицам самые льготные для этого условия. При этом он рекомендовал и определенную последовательность приватизации, настаивая на продаже каждого предприятия в отдельности для стимулирования конкуренции¹¹.

В целом В. П. Безобразов не видел экономических перспектив развития государственно-монополистического хозяйства на Урале. Частные горные заводы, по его оценке, сумели быстрее выйти из состояния упадка, и поэтому продажа казенных заводов была, по его мнению, весьма своевременна. Он был принципиально убежден в ненужности казенных предприятий даже для выполнения заказов государственного значения, подчеркивая перспективные возможности реализации этой задачи услугами частной промышленности¹².

Тенденциозные выводы Безобразова привели к дискуссии о судьбе казенной промышленности, которая нашла свое отражение на страницах периодической печати. Представитель горного ведомства полковник В. И. Рожков в своей статье¹³, посвященной изучению истории горного промысла в России, подчеркивал, что неоднократные попытки передачи государственных заводов в частные руки не имели ожидаемых благоприятных результатов: разоренные и задолжавшие заводы опять возвращались в казну. Рожков опровергал положение о существовании серьезной конкуренции между государственным и частным сектором, аргументируя свое мнение тезисом о том, что казенные заводы не имели цели сбыта своей продукции на рынке, а выполняли «обязательный наряд». Будучи учреждениями государственной обороны, казенные заводы не имели права на коммерческую деятельность. Автор демонстрировал свою убежденность в том, что исключительная цель казенных предприятий — это снабжение боевыми снарядами и другими оборонительными средствами армии и флота. Однако он признавал, что в небольших объемах на рынок действительно поступали сталь и железо, забракованные для специального военного производства. Но это, по его замечанию, свидетельствовало не о плохом качестве продаваемого металла, а лишь о его непригодности для

⁸ Безобразов 1869, 82–87, 139–140, 166–168, 171, 176.

⁹ Там же, 170–171.

¹⁰ Там же, 68–69, 75, 168, 179–180, 186, 193–203, 208.

¹¹ Там же, 350.

¹² Там же, 345–347, 182.

¹³ Рожков 1882, 401–423.

военной промышленности. По заводским сметам это железо расценивалось дешевле годного, хотя и могло быть высококачественным. Снижала цену оптовая скупка металлов заинтересованными лицами, а также и отсутствие права продавать в рассрочку¹⁴.

Таким образом, причина кризиса горнозаводского хозяйства Урала заключалась, по его мнению, не столько в проблемах, связанных с отменой крепостного права, сколько в уменьшении военных заказов с одновременной закупкой металлов и изделий за границей. Перспективу развития уральской казенной промышленности Рожков видел в росте заказов, связанных с активизацией строительства государством железных дорог, а также в техническом переоснащении казенных предприятий¹⁵.

На следующий год после выхода в свет работы Безобразова с критическим анализом данного труда на страницах «Горного журнала» выступил и авторитетный горный инженер, полковник И. П. Котляревский. Вскоре вся серия его статей была сведена в отдельную книгу. Котляревский с самого начала заявил, что не принадлежит к числу защитников казенных горных заводов. Однако он не согласился и с категоричной позицией В. П. Безобразова, настаивающего на полной приватизации всех заводов уральских казенных горных округов, поскольку они имели важное оборонное значение с самого начала своего существования. Горный инженер считал, что вклад, который внесли казенные предприятия в производство артиллерийских орудий, снарядов и ружей, не мог вызывать сомнения¹⁶. В отличие от них, частные заводы во время Отечественной войны 1812 г. соглашались принимать заказы на изготовление военной продукции только по цене, значительно превышающей стоимость их аналогов на казенных заводах. Более того, большая часть заказанного была ими поставлена с опозданием и уже после окончания военных действий. При этом имел место высокий процент брака. В ходе Крымской войны при размещении государственных заказов на частных заводах была изготовлена лишь малая часть необходимого вооружения. Стоимость снарядов, произведенных на казенных предприятиях, даже с учетом дорогой доставки обходилась в разы дешевле изделий частных заводов¹⁷.

Подробно изучая доводы Безобразова, Котляревский указал на их непоследовательность и противоречивость. Логически несовместимыми он считал, с одной стороны, обвинения казенных заводов в убыточности, а с другой упреки в ведении коммерческого производства, конкурирующего с частными заводами. Он подчеркивал, что роль казенных заводов не может измеряться только их доходностью наподобие частных заводов¹⁸.

Исследователь высказался и против того порядка продажи, который предложил Безобразов. В казенном горнозаводском хозяйстве существовала система экономических связей, которую нельзя было разрушать чисто механическим способом. Эти связи, как подчеркивал автор, существовали не только внутри заводов

¹⁴ Рожков 1882, 117, 120–125.

¹⁵ Там же, 143.

¹⁶ Котляревский 1870, 3–10, 19.

¹⁷ Там же, 23–27.

¹⁸ Там же, 31.

и округов, но и между ними. Продажа одного из них, таким образом, сказывалась и на остальных¹⁹.

И. П. Котляревский также не был согласен и с мнением академика о том, что вольный труд несовместим с казенным управлением. В отличие от своего оппонента, он признавал принципиальную возможность существования крупной государственной промышленности на вольнонаемном труде и пытался доказать это примерами таковой успешной практики на государственных заводах²⁰.

Опровергнув на основе статистических данных утверждения Безобразова, будто дела частных заводов после отмены крепостного права приняли «лучший оборот», Котляревский предлагал не торопиться с полной приватизацией. Он полагал, что отдельные убыточные предприятия, оказавшиеся в собственности государства и не имеющие оборонного значения, действительно следует продать. Все без исключения заводы, производящие военную продукцию, по его мнению, необходимо было сохранить в казне. С сокращением числа отдельных казенных заводов исследователь связывал более полную загрузку правительственными заказами оставшихся. Удешевление их продукции он предлагал достичь за счет сокращения расходов на управление²¹.

В то же время Котляревский не мог не признать серьезную отсталость казенного сектора промышленности Урала, и в первую очередь в техническом плане. Потому главной задачей для развития заводского дела в регионе он считал получение финансовых средств для приведения в порядок оборудования государственных предприятий²². Его реформаторские предложения были направлены на выработку мер для постепенного улучшения состояния горнозаводской промышленности края, ее технической базы, увеличение вложений в производство, создание благоприятной рыночной конъюнктуры и т.д.

Данные публикации свидетельствуют, что во время проведения государственных преобразований в пореформенный период представители официальной историографии горнозаводского Урала видели причины кризисных явлений в уральской казенной металлургии в технико-производственной отсталости предприятий, бесхозяйственности и нерациональности организации государственного производства. Исследователи уделили мало внимания вопросам обеспеченности казенных предприятий государственными заказами, что, естественно, сказывалось на их производительности. Следует отметить, что отличительной особенностью работ данного направления является то, что факту отмены обязательного труда отведена второстепенная роль, это событие не рассматривалось авторами как основная причина назревшего в уральской металлургии кризиса. В целом в среде представителей либерального направления консервативно-охранительной историографии не было единства взглядов. Признавая тяжелое состояние государственных предприятий Урала в пореформенный период и в целом выражая единство мнений о причинах, приведших к кризису, они, тем не менее, принципиально расходились во мнениях по вопросу продажи их в частную собственность.

¹⁹ Котляревский 1870, 34–38.

²⁰ Там же, 38, 41–44.

²¹ Там же, 51, 57, 63.

²² Там же, 28.

Также тема судьбы казенной промышленности уральского региона широко обсуждалась и в среде либеральных исследователей. Ведущие позиции в это время занимали представители консервативного толка в либеральной историографии. Для них было характерно сближение по целому ряду позиций с представителями официальной историографии, которое началось ещё в период подготовки и проведения реформ. Грань, разделяющая представителей либерального течения официальной историографии и либеральную историографию, весьма условна²³. В это время происходило оформление и развитие государственной школы, основные идеи которой нашли своё отображение и в работах либеральных историков Урала конца XIX — начала XX в. Особенностью их воззрений была своеобразная концепция, трактовавшая историю Урала в правовом плане, ограничиваясь формально-юридической оценкой социально-экономических явлений и процессов.

Одним из представителей данного направления был известный уральский историк Н. К. Чупин. Он считал частную горную промышленность более перспективной в силу ее большей свободы от различной регламентации со стороны государственных учреждений. Однако ученый призывал не спешить с передачей казенных горных заводов в частные руки. Демонстрируя скептицизм по отношению к результатам работы казенной промышленности в целом, историк, тем не менее, признавал их определенную позитивную роль в плане выпускаемой более высококачественной продукции, в уровне подготовки специалистов. Автор, опираясь на изученные им исторические документы и архивные материалы, описывал негативный исторический опыт массовой передачи предприятий в частное владение в середине XVIII в., приведшей к негативным экономическим результатам²⁴.

Н. К. Чупин являлся сторонником неторопливого, взвешенного подхода к решению дальнейшей участи казенной горной промышленности²⁵. Согласно утверждению ученого, еще не сложилась необходимая обстановка для передачи государственных предприятий в собственность отдельным заводчикам²⁶.

Специальное историческое исследование деятельности казенных заводов Урала была предпринята одним из ведущих историков пореформенного периода В. Д. Беловым, видным либеральным деятелем из числа уральских промышленников. Он связывал историю горнозаводской промышленности с государством, с его законодательной и промышленной политикой. По мнению Белова, это объяснялось тем, что правительство не имело твердой позиции в судьбе казенных заводов, отчего происходила быстрая перемена следовавших одно за другим правительственных мероприятий²⁷.

В своей работе «Исторический очерк уральских горных заводов»²⁸, характеризуя ситуацию пореформенного развития уральского горнозаводского хозяйства, автор писал о состоянии застоя, летаргии, к которому пришли казенные заводы. Основополагающие причины комплексного кризиса всей уральской промышленности он видел в отжившей системе управления, сохранении окружной системы

²³ Гаврилов 1999, 53.

²⁴ Чупин 1861, 560–570.

²⁵ Гурьев, Усанов 1982, 114.

²⁶ Там же, 571–572, 591

²⁷ Железкин 1982, 98.

²⁸ Белов 1896.

и натуральном хозяйстве заводов всех форм собственности. Кризисные явления казенного производства во второй половине XIX в. оценивались им как результат сокращения казенных нарядов, неурожаев, повышения цен на предметы первой необходимости, ввоза дешевого металла из-за границы²⁹.

В. Д. Белов считал нужным сохранить казенную промышленность, но только в изначально определенной для нее роли — удовлетворения потребностей армии и флота. Неприемлемым, по его мнению, являлся вариант ориентирования государственной промышленности на производство товаров потребительского спроса. Также автор выражал сомнение относительно возможности выгодной продажи предприятий из-за их тяжелого экономического состояния. Ученый выступал за капиталистическое развитие уральского региона, переход к которому должен был произойти посредством реформ, постепенно осуществляемых государственной властью³⁰.

В печатном органе Съезда уральских горнозаводчиков «Уральское горное обозрение» по актуальным вопросам уральской действительности выступил исследователь С. П. Фармаковский³¹. Опубликованные материалы он позднее обобщил в небольшой работе «Горнозаводские дела Урала»³², где дал оценку пореформенного развития горнозаводского Урала. Им подчеркнута прогрессивное значение отмены крепостного права и перехода к системе наемного труда на горных заводах Урала. Ураловед, тем не менее, указывал на незавершенность реформы 1861 г., сохранение многочисленных остатков крепостничества, тормозивших развитие капиталистических отношений в крае: посессионное право, окружную систему хозяйства, нерешенность земельного вопроса и др. Он видел путь развития крупной промышленности главным образом через ликвидацию казенных заводов посессионного права, привлечения иностранного капитала и «новых» промышленников и т.д.³³

Таким образом, представители либеральной историографии, выступая за капиталистическое развитие уральской металлургии, стояли на позициях эволюционного пути развития Урала, способствовать которому должен был комплекс либеральных мероприятий в горнозаводской промышленности, проводимых правительством. Они видели причины кризиса в деструктуризации организационно-управленческой сферы горнозаводского хозяйства. Большинство исследователей данного направления, изучавшие положение горнозаводского Урала второй половины XIX в., истоки кризиса уральской казенной промышленности находили в постепенном упадке металлургии края уже в последние предреформенные десятилетия. По их мнению, требовалось реформирование системы управления казенными предприятиями и государственных мероприятий для изменения в самой структуре организации производства. Преувеличивая роль государства, его законодательскую деятельность в области горнозаводского дела, исследователи считали, что оно сыграло ведущую роль как в развитии уральской металлургии, так и в судьбе населения Урала. Поддержка в различных формах государством горной

²⁹ Белов 1896, 20–25.

³⁰ Там же, 11, 63–64.

³¹ Фармаковский 1906, 3–25.

³² Фармаковский 1909.

³³ Там же, 13–14.

промышленности имела, по их мнению, также значительный вес. У представителей государственной школы они были главными, а явления социально-экономической истории рассматривались как порождение государства либо просто преподносились в качестве не комментируемого фактического материала.

Либеральные историки в противовес исследователям консервативного течения в официальной историографии считали, что отмена крепостного права, конечно же, сказалась на состоянии казенных заводов, особенно в первые пореформенные годы, став причиной существенного спада, но в скором времени на вольнонаемном труде удалось существенно рационализировать производство. К тому же, как утверждали некоторые исследователи, на государственных заводах уже осуществлялась практика вольного найма и в дореформенный период, хотя и в значительно меньших масштабах, чем на некоторых частных предприятиях.

Одной из наиболее характерных особенностей развития дореволюционной отечественной историографии пореформенного периода было появление новых направлений в исторической науке — народнического и марксистского. Они выражали в той или иной форме оппозиционные по отношению к официальной концепции взгляды на историю России и ее общественное развитие, что было присуще части радикально настроенной российской интеллигенции. Источником народничества и народнической идеологии стали деформация и преобразование класса мелких собственников в России в пореформенный период. Они обращаются к социально-экономической истории отдельных районов Российской империи, в том числе и уральской горнозаводской зоны. Интерес к проблемам горнозаводского Урала был вызван своеобразием развития уральской горной промышленности в эпоху феодализма, сложностью социальной структуры горнозаводского населения, тесной связью его с землей³⁴.

Одним из их представителей был П. А. Голубев. Свои взгляды на историю горнозаводского Урала пореформенного периода автор изложил в докладе «Двухсотлетие русской горной промышленности», прозвучавшем в Пермском научно-промышленном музее в 1900 г. и опубликованном в 1904 г. Несомненной заслугой П. А. Голубева являлся собранный им значительный статистический материал о развитии горнозаводской промышленности на Урале в пореформенный период. Основные причины, приведшие промышленность к кризису и стагнации, по его мнению, были заключены в «монополии, замкнутости и привилегированном положении» казенной горнозаводской промышленности³⁵.

Проблема кризиса уральской металлургии нашла свое выражение и в изысканиях других видных представителей демократической направленности в историографии, таких как И. С. Сигов и Р. С. Попов. Они солидарны с П. А. Голубевым в том, что основными причинами кризиса горнозаводского хозяйства стали привилегированное положение и монополизм горной промышленности. Система завышенных привилегий казенным предприятиям, по их мнению, не дала импульса развитию, а стала причиной технической отсталости горнозаводской промышленности. Данные утверждения явились шагом вперед в осмыслении проблемы состояния уральских казенных заводов по сравнению с выводами историков ли-

³⁴ Гаврилов 1999, 65.

³⁵ Усанов, Свечников 1995, 102.

берального направления, видевшими причины кризиса в большей степени в организационно-технической сфере горнозаводского хозяйства³⁶.

Другой исследователь, революционер-народник Е. И. Красноперов отрицательно относился к крупному горнозаводскому производству и противопоставлял ему кустарную «народную» промышленность. Автор видел решение выхода из кризиса уральской промышленности не просто в отказе от идеи сохранения крупных предприятий казны, а вообще в полном переходе к мелким формам народной частной собственности³⁷.

В книге В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» содержится критическая оценка действий правительства, неспособного должным образом воспользоваться возможностями и потенциалом вольнонаемного труда для увеличения объемов производства. Поэтому ученый предлагал достаточно резкие меры — полный отказ от казенной организации горной промышленности³⁸.

Одним из весьма заметных деятелей уральского либерально-народнического движения был Р. С. Попов. В 1874 г. в журнале «Отечественные записки» был опубликован его очерк, написанный по поручению Пермской губернской управы³⁹. Важнейшее место в изысканиях исследователя занимал анализ пореформенных событий на Урале, которые он, как и другие либеральные народники, начинал с реформы 1861 г. Отношение ученого к отмене крепостного права было сложным и противоречивым. Попов считал, что замена крепостного труда вольнонаемным способствовала росту производительности заводов. Одновременно автор видел незавершенность реформы, сохранение на Урале многочисленных крепостнических пережитков, которые усугубляли и без того тяжелое положение горнозаводского населения. Однако в целом исследователь был противником крупного производства и выступал за преобразование его на началах мелкого горного промысла и артельных форм хозяйства, видя в этом путь к «народной» промышленности⁴⁰.

При всем оптимизме в оценке перспектив развития горнозаводской промышленности на вольнонаемном труде автор должен был признать, что для значительной части горнозаводского населения как частных, так и казенных заводов результатом реформ оказалась безработица и нищета. В отношении самих казенных заводов весьма характерным являлось следующее заявление автора: «Эти заводы не имели никогда никакого экономического значения, служа преимущественно целям политическим»⁴¹. Р. С. Попов считал, что выход казенных предприятий из кризиса возможен в условиях их перехода в частные руки.

Взгляды автора носили противоречивый характер. Исследователь вполне справедливо полагал, что уральская металлургия могла развиваться только в форме крупного производства, так как требовала с момента своего возникновения «больших капиталов и дорогих устройств, была самой неудобной для ведения ее

³⁶ Попов 1874, 304; Сигов 1991, 49.

³⁷ Красноперов 1886.

³⁸ Берви-Флеровский 1958, 422.

³⁹ Попов 1874, 299–372.

⁴⁰ Там же, 316, 367–372.

⁴¹ Там же, 299–372.

мелкими предпринимателями»⁴². Но он был убежден, что крупное производство не обязательно должно было быть представлено в форме государственной собственности. Причем именно в частной он видел значительно больший потенциал и возможности для полноценного восстановления и развития российской металлургии.

Представители демократического направления в отечественной историографии горнозаводского Урала внесли свой вклад в изучение проблем уральской истории пореформенного периода. К числу положительных моментов необходимо причислить и обращение к истории народа и, в частности, оценку положения горнозаводского населения, в том числе непосредственно казенных заводов. Они выступали за ликвидацию казенной крупной промышленности, но не просто в пользу передачи этих заводов частным лицам, а с целью создания мелкой «народной» промышленности. Спецификой их работ было эмоциональное, яркое изложение материала, которое, тем не менее, не компенсирует достаточно низкий уровень теоретического обобщения.

На изучение положения казенной горнозаводской промышленности Урала обращено внимание и исследователей марксистской дореволюционной историографии. Это направление представлено трудами видных представителей российской социал-демократии. Достаточно полная характеристика состояния и развития горнозаводского Урала дается в работе М. П. Орловского «За двести лет»⁴³. В этой брошюре, хотя и в достаточно сжатом виде, перечислен ряд проблем, касающихся развития горнозаводского дела на Урале во второй половине XIX в. Автор опирался на изыскания либеральных историков и историков-народников и с их помощью дал оценку важнейших моментов уральской истории с марксистских позиций⁴⁴.

М. П. Орловский попытался сформулировать главную причину отсталости и застоя уральской металлургии. Исследователь с уверенностью утверждал, что политика раздачи казенных предприятий в прошлом продемонстрировала исключительно негативные последствия этого шага: бесконтрольное расхищение природных богатств края, незаконный захват дополнительных земель, казнокрадство, долги перед казной и, наконец, упадок и разруху самих заводов⁴⁵. Следует отметить, что автор являлся убежденным сторонником сохранения и восстановления казенной промышленности.

Особенностью его работы являлось обращение к проблеме социального облика уральских горнозаводчиков, которым и предполагалась в перспективе передача казенных заводов в управление и собственность. Критичное описание представителей этого слоя делало шанс спасения казенных предприятий их усилиями утопичным. По мнению Орловского, именно промышленники сыграли немаловажную роль в развале уральской горной промышленности⁴⁶. Таким образом, в своей работе автор представил серьезную картину состояния, достоинств и недостатков казенной и частной форм собственности в горнозаводском хозяйстве

⁴² Попов 1874, 304–305.

⁴³ Орловский 1907.

⁴⁴ Гаврилов 1999, 78.

⁴⁵ Орловский 1907, 18, 21, 23, 53.

⁴⁶ Там же, 53–54, 70–80.

Урала, охарактеризовал пореформенное время как период неразрешенности многих проблем, но, к сожалению, вариантов выхода из кризиса не предложил.

В заключение отметим, что в дореволюционный период по вопросам истории уральской металлургии появилось порядка 200 работ различного жанра и направлений. Исследователи различных течений внесли значительный вклад в разработку проблем истории горнозаводской промышленности Урала, определение причин ее застоя и кризиса. В ряде произведений авторы обращаются к рассмотрению, изучению ситуации на конкретных казенных заводах или округах либо к изучению экономического и технического положения государственных предприятий, в том числе с целью определения дальнейших перспектив развития отечественной промышленности.

Таким образом, в результате данного исследования удалось выявить, что представители консервативного направления определяли главными причинами кризиса технико-производственную отсталость, а также недостатки организации производства государственных предприятий. Поэтому предлагали соответствующие меры для выхода из кризиса, при этом видели возможность их более успешной реализации на заводах разной формы собственности.

В либеральной историографии в оценке истоков и причин кризиса казенной горнозаводской промышленности Урала, как и вообще металлургии края в целом, прослеживается акцент на организационно-управленческую сферу. По их мнению, к такому тяжелому положению привело сохранение уже отжившей системы управления, непродуманность политики государства в отношении развития и защиты интересов отечественной промышленности, коренные недостатки самой системы организации горнозаводского дела, то есть сохранение натурального хозяйства, окружной системы, посессионных предприятий.

Близки были во взглядах на причину упадка уральского казенного производства представители народнического и марксистского направления. Они ее видели в привилегированном положении, монополизме горнозаводской промышленности на производство и сбыт, в отсутствии возможностей частного предпринимательства. Существенным же отличием было определение путей дальнейшего развития уральских заводов. Авторы-народники настаивали на необходимости перехода к мелкому «народному» производству, марксисты же указывали на существенный потенциал промышленности под покровительством государства.

В рассматриваемый период со стороны правительства было инициировано создание проекта выхода из кризиса путем продажи казенных предприятий, что дало толчок к началу активной дискуссии в публицистике. В результате выявились диаметрально противоположные точки зрения специалистов на данную проблему. Одни, независимо их принадлежности к определенному течению в историографии, являлись убежденными сторонниками денационализации промышленности. Как вариант выхода из кризиса они предлагали продажу казенных предприятий, поскольку это открыло бы широкие возможности для частной инициативы, в которой они видели залог успеха сохранения и развития отечественной металлургии. Другие же выступали против приватизации, аргументируя свою позицию примерами из уже имеющегося в отечественной истории негативного опыта решения данной проблемы таким способом. Причем ряд авторов особо концентрировали внимание на недопущении подобного шага в отношении предприятий государ-

ственного значения, производящих продукцию для армии и флота. При этом они озвучивали различные варианты модернизации казенной промышленности.

ЛИТЕРАТУРА

- Безобразов В. П.* 1869: Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб.
- Белов В. Д.* 1896: Исторический очерк уральских горных заводов. СПб.
- Берви-Флеровский В. В.* 1958: Положение рабочего класса в России. Избр. произв.: в 2 т. Т.1. М.
- Гаврилов С. В.* 1999: Историография истории горнозаводского Урала 1 половины 19 в. (1800–1860 гг.): дисс. ... канд. ист. н. Челябинск.
- Гурьев И. А., Усанов В. И.* 1982: История промышленности и рабочего класса Урала в дореволюционной историографии. Свердловск.
- Железкин В. Г.* 1982: К проблеме продажи казенных заводов (Историография вопроса) // Промышленность и рабочий класс горнозаводского Урала в XVIII — начале XX вв. / *Буранов Ю. А., Бакунин А. В.* (ред.). Свердловск, 92–100.
- Котляревский И. П.* 1870: Заметки об уральском горном хозяйстве. СПб.
- Красноперов Е. И.* 1886: Двадцатипятилетние Пермского края со времени отмены крепостного права царем-освободителем императором Александром II. Пермь.
- Орловский М. П.* 1907: За двести лет. (Очерки истории горнозаводского Урала). Екатеринбург.
- Полетика И.* 1861: Об отдаче Уральских казенных горных заводов в частные руки в прошлом столетии // Горный журнал. Ч. 3. Кн. 8, 1–15.
- Попов Р. С.* 1874: Горнозаводской Урал // Отечественные записки. 12, 299–372.
- Путилова М. В.* 1969: Казенные предприятия Екатеринбургского горного округа в середине 19 в.: дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск.
- Рожков В. И.* 1882: Материалы по истории горного промысла в России // Горный журнал. 7, 401–423.
- Сигов Н. С.* 1991: Народ и посессионные владения на Урале // Уральский областник. 1, 49–78.
- Усанов В. И., Свечников П. Г.* 1995: Летописцы старого Урала. Челябинск.
- Фармаковский С. П.* 1906: Надо действовать // Уральское горное обозрение. 1, 3–25.
- Фармаковский С. П.* 1909: Горнозаводские дела Урала. СПб.
- Чупин Н. К.* 1861: Отдача казенных заводов в частные руки в прошлом столетии // Горный журнал. 6, 560–570.

DESTINY OF THE AFTER-REFORM URAL STATE INDUSTRY ILLUSTRATED
IN PRE-REVOLUTIONARY WORKS OF THE NATIONAL RESEARCHERS:
HISTORIOGRAPHICAL ANALYSIS

L. V. Svetlova

The article sheds light on the least studied, in terms of historiography, period of state sector development of the Ural industry during after-reform time and standpoints of pre-revolutionary researchers on the future destiny of state factories of the region. The topic of how unprofitable enterprises were turned over to the private ownership is little studied. As a result the author comes to the conclusion that a serious debate took place concerning this topic at that time. Among

representatives of different trends in historiography there were diversified views on reasons for the decay of the Ural state metallurgical household in the second part of the 19th century and ways of overcoming economical crisis and an alternative of selling factories to metallurgists.

Keywords: Ural, domestic historiography, metallurgy, municipal industry.

© 2011

А. Н. Макаров

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ «НОВОГО» ЧЕЛОВЕКА
В ИЗОБРАЖЕНИИ ФОТО- И КИНОХРОНИКИ 1930-Х ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ МАГНИТОГОРСКА)

В статье рассматриваются особенности информационно-пропагандистского сопровождения процесса советской индустриализации средствами фото- и кинохроники предвоенного десятилетия. Особое внимание автор уделяет специфике изображения советского человека в условиях нового индустриального центра на примере Магнитогорска времен первых пятилеток. Научная новизна статьи заключается в привлечении оригинальных источников нетрадиционного типа: фоторепортажных снимков и кинохроники 1930-х гг.

Ключевые слова: индустриализация, фотография, кинохроника, Магнитогорск.

На рубеже 1920–1930-х гг. в СССР начался процесс модернизации, целью которой являлось обеспечение технологического прорыва во всех областях экономики в максимально сжатые сроки. Неудивительно, что довоенное десятилетие в отечественной истории отличалось большим числом социальных потрясений, вызванных проводимой большевиками политикой «социалистического наступления». Среди разноплановых социальных деформаций наиболее заметным в 1930-е гг. становится массовый приток крестьянства из деревень в новые индустриальные центры и новостройки.

Металлургический комбинат, строящийся возле Магнитной горы, привлекал тысячи крестьян, нуждающихся в работе. Новостройка действительно могла предоставить маргиналам рабочие места: Магнитострой располагал массой свободных вакансий. Однако завербованный на строительство комбината крестьянин, не увидев «металлургический гигант», столкнувшись с массой жилищно-бытовых проблем, как правило, покидал новостройку. Тем не менее, численность населения Магнитогорска, несмотря на постоянную «текучку» кадров, неуклонно увеличивалась. Так, к середине 1929 г. на Магнитострое работало 250 человек, к концу года — около 7 тысяч человек. Если в декабре 1930 г. население города исчислялось 60 тысячами человек, то уже июне 1931 г. — 150 тысячами. Быстрым

Макаров Алексей Николаевич — аспирант кафедры новой и новейшей истории Магнитогорского государственного университета. E-mail: makarovalex88@mail.ru

ростом численности населения город был обязан прежде всего не энтузиастам и комсомольцам, прибывшим на стройку, как утверждала советская пропаганда, «по зову сердца», а тысячам крестьян, выдворенных с привычных мест жизни и «согнанных» на стройку социализма. Точная численность спецпереселенцев в Магнитогорске 1930-х гг. по сей день не установлена. Однако большинством современных исследователей основной рабочей силой новостройки признаются именно крестьяне¹. По расчетам, проведенным исследователями М. Е. Чурилиным и И. Ф. Галигузовым, в годы первой пятилетки 57,2 % работников Магнитостроя по социальному происхождению являлись крестьянами и только 37,9 % — рабочими². Американский историк Моше Левин указывает на губительные последствия «окрестьянивания» городов во время индустриализации для советского общества в целом³. Как бы то ни было, именно сплоченность и «недюжинные способности» крестьянства, по мнению исследователя С. Коткина, спасли строителей Магнитогорска от голодной смерти в начале 1930-х гг.⁴. Адаптация крестьянского населения к новым условиям, безусловно, была крайне сложна.

Тем не менее, советская пропаганда была направлена на изображение Магнитостроя как «кузницы кадров», где в строительных авралах, повседневных перипетиях из вчерашнего хлебопашца, оторванного от сохи и плуга, на стройплощадке, у заводского станка «рождался» новый человек — типичный представитель формирующегося советского социума. Из лапотного крестьянина, мыслящего индивидуалистически, «вырастал» советский пролетарий, живущий и трудящийся во благо социализма.

Как известно, политическая пропаганда 1930-х гг. активно использовала выразительные средства советского искусства, для которого была характерна, хотя и не высказывалась напрямую, идея сотворения «нового» человека. Как считает исследователь И. Н. Голомшток, эта идея является содержанием любой социальной утопии и выступает стержнем тоталитарной идеологии⁵. В изображении «нового» человека в новом индустриальном центре ведущая роль принадлежала советской фотожурналистике, а также кинохронике.

Доступ съемочных групп на строительные и металлургические объекты, безусловно, был ограничен. Заместитель начальника Магнитостроя К. Д. Валериус 6 марта 1931 г. издал приказ, запрещающий «всякое кино и фотосъемки на территории площадки без особого на то разрешения». Последнее выдавалось в управлении делами Магнитостроя. Приказ требовал от вооруженной охраны (ВОХР) «задерживать и отбирать аппаратуру» у лиц, не имеющих разрешения и справки, «для какой цели будут производиться съемки»⁶. Затем горсовет предложил «всем государственным, кооперативным организациям и частным лицам, имеющим фотоаппараты, зарегистрировать их в управлении милиции» в самые короткие сроки⁷. 13 апреля 1931 г. датируется приказ председателя комиссии специального

¹ Кучер 2003, 10; Машковцев 1999, 85.

² Галигузов 1978, 54.

³ Kotkin 1994, 109.

⁴ Там же, 110.

⁵ Голомшток 1994, 105.

⁶ Баканов 2001, 156.

⁷ Там же, 157.

отдела магнитогорского оперативного сектора ОГПУ Янсона, согласно которому фотолаборатории «Магнитогорского рабочего» рекомендовалось «в 3-дневный срок перерегистрировать в Горсовете имеющиеся фотоаппараты <...> взять на строгий учет все имеющиеся негативы»⁸. Фотокорреспондентам категорически запрещалось «производить произвольные снимки не по заданию редакции и других должностных лиц, имеющих право давать заказы на съемку тех или других отраслей строительства». Перечень участков и отраслей строительства, открытых для «беспрекословной» съемки редакции, следовало запросить у заводоуправления⁹. Согласно воспоминаниям фотокорреспондента 1930-х гг. Рябинина, и в более поздний период на фотосъемку необходимо было предварительно получить разрешение¹⁰.

Одним из приоритетных приемов изображения метаморфоз, происходящих с человеком на новостройке, было тиражирование портретов ударников, а затем и стахановцев производства в периодических изданиях. В первом номере журнала «СССР на стройке» за 1932 г. была помещена фотосерия М. В. Альперта и А. Смоляна «Гигант и строитель». На пуск первой домны Магнитостроя журнал откликнулся оригинальной идеей: на фоне растущего производства показать «рост» советского человека. На глазах зрителя герой фотосерии, простой деревенский парень Виктор Калмыков, из крестьянина-единоличника превращается в представителя рабочего класса, орденоносца. На одном из первых снимков Виктор запечатлен в лаптях с деревянным сундучком, запертым на замок. Фотографии наглядно рассказывают о том, как Калмыков пришел с мешком за плечами из деревни в палаточный городок первостроителей. Зритель видит его землекопом, потом бетонщиком, затем бригадиром. Калмыков учится, перебирается из палатки в новый дом, где ему выделена благоустроенная квартира. Его портрет на доске почета рядом с домной. Он стал уважаемым человеком, приобрел специальность, женился, стал членом партии, получил орден Красного Знамени. Вот он за чтением газеты «Магнитогорский рабочий», в котором помещены его заметки (он стал рабкором). Серия завершалась словами о том, что «путь Виктора Калмыкова — это путь десятков тысяч. Новый человек выходит на историческую арену. Этого человека создает социалистическая стройка».

Данная фотосерия реконструировала события двухлетней давности. Прием восстановления (реставрации) фактов позволил авторам тогда, в 1932 г., «вернуться» на два года назад — ко времени появления на стройке В. Калмыкова. Несмотря на то, что многие современники отзывались о серии как о «вещи громадной воспитательной работы»¹¹, некоторые критики заметили и указали на подозрительные детали фотографий, например, перебинтованный палец Виктора. Последнее обстоятельство говорило о том, что фотосъемка велась не на протяжении нескольких месяцев, а в течение нескольких дней. По мнению фотокорреспондента А. Шайхета, существенной ошибкой является то, что на одном из снимков В. Калмыков на классной доске изучает геометрию, так как «всем понятно, что

⁸ ОГАЧО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 11. Л. 46.

⁹ Там же, 47.

¹⁰ Рябинин 1937, 114.

¹¹ Стигнеев 2005, 290.

парню из деревни еще очень рано до геометрии»¹². Интересен также тот факт, что из первоначального варианта фотосерии был изъят снимок, изображающий родную деревню Калмыкова. Дело в том, что М. Альперт заснял нищего крестьянина, пашущего землю, тогда как официальная пропаганда утверждала, что «на строительство из деревни приходят не от тяжелой жизни, а потому, что новые условия деревни освобождают рабочую силу, которая переходит на строительство»¹³.

Фотобиография Калмыкова была опровергнута на страницах «Магнитогорского комсомольца» уже 18 сентября 1931 г., почти за полгода до выхода в свет знаменитого номера «СССР на стройке». О том, что на строительство ММК герой прибыл не из деревни, как это представила фотосерия, а из Сталинграда, где он на протяжении двух лет работал сначала землекопом, затем — бетонщиком, а потом — маляром на строительстве тракторного завода, сообщалось также в «Магнитогорском комсомольце» 1 мая 1935 г. Таким образом, здесь мы имеем дело не просто с приемом восстановления фактов действительности, а с искажением реальных событий.

Работа М. В. Альперта явилась исключительной не только в плане использованного здесь впервые приема «реставрации» факта действительности, но и в смысле вынесения на первый план не промышленного объекта, а его создателя — строителя. Несмотря на все недостатки и хронологические подтасовки, серия была хорошо воспринята за границей. Положительно о фотоочерке отозвался Максим Горький¹⁴.

В конце 1930-х гг. М. Альпертом был создан очередной фотоочерк, названный «Династия Коробовых». Правда, здесь речь велась не только о строителях легендарной Магнитки. Идея рассказать о семье металлургов Коробовых возникла случайно. 10 апреля 1939 г. на всесоюзном совещании металлургов-стахановцев в Кремле Коробовы были названы «замечательными представителями советского рабочего класса» и награждены государственными орденами.

Фотоочерк М. Альперта был посвящен жизни трех поколений семьи знатного доменщика Макеевского металлургического завода имени С. М. Кирова — Ивана Григорьевича Коробова. Очерк создавался в то время, когда члены семьи Коробовых уже прошли славный жизненный путь¹⁵. По воспоминаниям М. В. Альперта, съемки проводились в Макеевке, Москве, Днепропетровске. Фоторепортеру пришлось «побывать у магнитогорских металлургов <...>, съездить на юг, в санаторий, где отдыхала семья одного из Коробовых. Так появились маленькие фотонovelлы о каждом из членов династии Коробовых»¹⁶. Очерк начинался снимком, изображавшим старого обер-мастера И. Г. Коробова, окруженного внуками, которым он рассказывал о своей непростой судьбе. Мажорно звучат слова его повествования: «У меня шесть внуков, — свободное, радостное детство их показалось

¹² Стигнеев 2005, 291.

¹³ Там же, 103.

¹⁴ Альперт 1962, 36.

¹⁵ Глава семьи Коробовых, Иван Григорьевич, стал обер-мастером Макеевского завода, депутатом Верховного Совета УССР, сын, Павел Иванович — директором ММК, депутатом Верховного совета СССР; другой сын, Николай Иванович — старшим инженером Главного Управления металлургической промышленности Урала и Востока; третий сын, Илья Иванович — директором металлургического завода имени Г. Петровского в Днепропетровске.

¹⁶ Альперт 1962, 42.

бы мне сном еще два десятка лет тому назад. Я вспомнил своего деда, слепого нищего, замерзшего в степи. Я вспоминаю весь свой жизненный путь. Он пройден мною вместе с моим заводом, вместе со всем рабочим классом, вместе с моим русским народом»¹⁷. Фотоочерк позволял наглядно продемонстрировать, как каждый из Коробовых благодаря советской власти сумел сделать успешную карьеру, заняв высокие административные и государственные должности.

Весной 1932 г. в Магнитогорск прибыла съемочная группа, возглавляемая известным голландским кинорежиссером Йорисом Ивенсом¹⁸. Съемки продолжались до осени. Внимание режиссера было приковано, главным образом, к строящейся доменной печи, получившей название «Комсомолка». Но домна интересовала Ивенса не как сугубо инженерная-техническая конструкция, а прежде всего как место, где рождался массовый героизм, происходила «закалка» нового человека. В фильме, названном «Песнь о героях», как и в фотосерии М. Альперта, предполагалось реализовать идею культурно-политического «роста» человека при советской власти. Кинохроника должна была убедительно подтверждать тезис о том, что «большевики создают Магнитострой, а Магнитострой создает большевиков»¹⁹.

Кинолента, предназначенная прежде всего зарубежной публике, начиналась титрами: «Тебе, комсомолу Запада, растущему в классовых боях, мы посвящаем этот фильм». Далее следовало небольшое повествование о международной обстановке тех лет, затем — шла информация о значении Урало-Кузбасса в советской индустриализации. Рассказ собственно о Магнитогорске начинался следующим эпизодом: на степном пригорке сидит молодой пастух-башкир в надвинутой на глаза меховой шапке, выводя на курае протяжную мелодию, которая столетиями звучала у подножья Магнитной горы. Грустная мелодия и степная тишина прерываются грохотом взрыва — на экране пламя и черный дым: это геологи проводят разведку залежей железной руды. Далее в фильме был показан приход пастуха Афанасьева на стройку, прослежен его рост от землекопа до рабочего металлургического производства.

Карьерный взлет Калмыкова, Коробовых, Афанасьева был, судя по фоторепортажу 1930-х гг., типичным для большинства строителей Магнитки. Важнейшим каналом социальной мобильности при этом в 1930-е гг. выступало развернувшееся на индустриальных стройках движение ударников и стахановцев.

Согласно исследованию М. Е. Чурилина и И. Ф. Галигузова, с 1930 г. на Магнитострое «обычным явлением стало ударничество. Количество ударников росло с каждым месяцем. В мае 1930 г. их насчитывалось 2438 человек (28,5% всех строителей), в октябре — 6832 (38%). В феврале 1931 г. их удельный вес возрос до 40,7%, а в октябре — до 64%»²⁰. Почти ежедневно на стройке «рождались» новые герои. Мировой рекорд бетонирования был установлен бригадой Х. Гали-

¹⁷ Альперт 1962, 43.

¹⁸ Йорис Ивенс (1898–1989 гг.) — голландский режиссер-документалист. Среди его фильмов: «Испанская земля», «Сена встречает Париж», «Первые годы», «Песня великих рек» и др. В 1931 г. по приглашению Всеволода Пудовкина прибыл в СССР. Вместе с Ивенсом в Магнитогорске над фильмом «Песнь о героях» работали сценарист И. Склота, оператор А. Шеленков, поэт С. Третьяков. К работе над кинолентой присоединился известный немецкий композитор Ганс Эйслер.

¹⁹ Дмитриин 1979, 40.

²⁰ Галигузов 1978, 36.

уллины при возведении Коксохимического комбината. На строительстве первой доменной печи ударными темпами работы прославились арматурщики бригады А. Калье, клепальщики под руководством М. Богатырева, монтажники В. Ишмакова и другие рабочие коллективы. Примеру первых ударников Магнитостроя следовали многочисленные бригады, осуществлявшие самую разнообразную работу на прочих строительных участках. 1935 год на Магнитострое был ознаменован развертыванием стахановского движения, которое, в отличие от ударничества, было направлено на применение не экстенсивных, а в первую очередь интенсивных методов работы. Число стахановцев Магнитки постоянно увеличивалось. Если в ноябре 1935 г. на комбинате насчитывалось 498, то к началу 1936 г. — 2496 стахановцев²¹. С этого времени новой формой повышения творческой активности трудящихся становятся стахановские сутки, пятидневки, декады и месячники. На производстве организуются соревнования стахановских бригад. Установление рекордов становится повседневной нормой для отдельных рабочих, смен и целых цехов. Однако в то время как стахановцы, находясь в командировках, делились опытом на различных совещаниях, конференциях, слетах, реализация их достижений ложилась на плечи остающихся за станками рабочих²².

Фотопортреты индивидуально поименованных ударников, а затем и стахановцев, сопровождаемые цифрами их достижений, заполнили страницы местных периодических изданий. Как правило, портреты рабочих попадали на страницы местной прессы в связи с какими-либо значимыми событиями строительной или производственной деятельности комбината, чаще — в связи с установлением очередного рекорда. Например, 10 июля 1933 г. в «Магнитогорском рабочем» был опубликован портрет сталевара первой плавки Ивана Ханжина. Однако групповой портрет участников выплавки первой стали на мартене (65 человек) не стал доступен читательской аудитории²³. При отборе фотоматериалов для текущего номера газеты редакция многотиражки, скорее всего, отдавала предпочтение индивидуальным портретам рабочих. Иногда снимали целые рабочие бригады. Одной из первых на страницы «Магнитогорского рабочего» попала бригада Строева, выполнившая план работ за март 1934 г. на 125%²⁴.

Одним из первых снимков, отразивших движение ударников на строительстве ММК, стал снимок, сделанный летом 1931 г. и запечатлевший ударную бригаду бетонщиков Х. Галиуллина. По воспоминаниям заведующего временным палаточным лагерем Макарычева, «бетонщики послушно вставали там, где указывал фотограф, смущенно переминались, одергивали полы спецовок <...> даже привычные лопаты казались сейчас, перед объективом фотоаппарата, чужими и неудобными, словно держали их новички, а не парни из прославленной на всю страну бригады Галиуллина. А сам бригадир, которого дотошный фотограф заставил примоститься на коротком бревне опалубки в центре группы, старательно хмурил брови. Так он и вышел на снимке <...> с сердитыми морщинами на лбу. Потом

²¹ Галигузов 1978, 58.

²² Соколов 1999, 205.

²³ Сарычев 2003, 10.

²⁴ Магнитогорский рабочий 02.04.1934.

его не сразу узнавали на фотографии²⁵, потому что все привыкли видеть Хабибуллу веселым и жизнерадостным, с постоянной улыбкой на добром скуластом лице...»²⁶. К сожалению, в подстрочнике к снимку не значится имени ни одного бетонщика из прославленной бригады. Может быть, боязнь обезлички ударников, что не поощрялось идеологическими наставниками фотокорреспондентов, вынуждала редакции газет пренебрегать групповыми портретами.

Наиболее приоритетным в показе труда в Магнитогорске было изображение труда металлургов²⁷. Иногда портреты новоявленных героев стройки сопровождались краткими биографическими справками последних. Например, 16 сентября 1933 г. «Магнитогорский рабочий» поместил портрет доменщика С. Переверзева. В пояснении к снимку говорилось, что «он — сын бедняка, пройдя тяжелый путь батрачества, 5 лет Красной Армии в годы Гражданской войны, с 14 сентября 1931 г. работает на Магнитогорском заводе. А сегодня он — горновой мастер второй бригады третьей домны»²⁸. Спустя месяц Переверзев был сфотографирован на своем рабочем месте. Пояснение к снимку от 9 октября сообщало, что товарищ Переверзев — лучший мастер доменного цеха.

Героями фоторепортажей часто становились молодые специалисты, командированные для работы на стройке. Портретам белозубых комсомольцев также сопутствовали краткие биографические справки. «Мать А. Боровиковой — ткачиха на Горьковской текстильной фабрике, отец — рабочий Горьковского завода. Отец М. П. Немытова — бедняк-крестьянин»²⁹. Периодически «Магнитогорский рабочий» и «Магнитогорский металл» помещали на своих страницах анкеты стахановских комсомольских бригад. Ответы молодых строителей и металлургов на вопрос о родителях звучали в унисон. На вопрос: «Как жили твои родители в твои годы?» давался по сути один и тот же ответ: «Бедно... Батраками», «Бедняки-крестьяне. Перебивались с хлеба на воду» или «Не стоит вспоминать, скверно жили, как нищие». Подстрочники к снимкам ясно давали знать, что среди советской рабоче-крестьянской молодежи, а уж тем более среди ударников производства «классовым врагам» места нет.

Однако в 1930-е гг. грань, отделявшая передовика-комсомольца от сына врага народа, как известно, было чрезвычайно хрупка. 9 июня 1934 г. в «Правде» было опубликовано открытое письмо магнитогорцев ко всем металлургам СССР. Письмо сопровождали фотопортреты директора ММК А. П. Завенягина, начальника доменного цеха Н. В. Клишевича, мастера доменного цеха Митина, сталевара мартеновского цеха Нечкина, люкового коксового цеха Алишпаева и начальника коксового цеха В. П. Шевченко. Н. В. Клишевич и В. П. Шевченко, чьи портреты еще недавно красовались на страницах главной советской газеты, уже весной

²⁵ Данное обстоятельство можно объяснить, ссылаясь на воспоминания первостроителя Е. И. Майкова. Он указывает на отсутствие Х. Галиуллина на Магнитострое в момент совершения мирового рекорда. Бригадой руководил его младший брат — Хамидулла. Последний ошибочно мог попасть на снимок.

²⁶ Магнитогорский рабочий 28.07.1978.

²⁷ Волчек 1962, 80.

²⁸ Магнитогорский рабочий 16.09.1933.

²⁹ Магнитогорский рабочий 27.08.1933.

1937 г. были репрессированы³⁰. А. П. Завенягина от подобной участи спасло покровительство наркома Г. К. Орджоникидзе³¹.

В среде советских фотокорреспондентов в годы первых пятилеток весьма распространенным становится прием запечатления «богатства» квартир ударников как показателя профессиональной успешности их владельцев вопреки реальной стесненности жилищных условий. К примеру, на снимке, опубликованном в «Магнитогорском рабочем» 15 апреля 1934 г., — знаменитый бетонщик-рекордсмен Х. Галиуллин у себя в квартире³². Окруженный родственниками, Галиуллин задумчиво сидит за столом. На столе — граммофон, один из неприменных атрибутов сталинского «изобилия».

Далее Галиуллина можно увидеть за школьной партией. Приказом директора комбината А. П. Завенягина от 1 апреля 1935 г. Галиуллин вместе с первым орденосцем Магнитогорска Н. Шайхутдиновым были отправлены на курсы индивидуального обучения для ликвидации их малограмотности (а точнее — безграмотности, поскольку стахановцы не умели ни читать, ни писать³³).

Другой снимок находим в «Магнитогорском рабочем» за 4 мая 1937 г. Фото-репортер Б. Ерофеев сфотографировал Галиуллина, проходящего медицинскую комиссию в начале курортного сезона. На снимке — неузнаваемый человек. За 6 лет работы на «всенародной стройке» некогда «веселый и жизнерадостный» бетонщик превратился в обрюзгшего старика³⁴. Конечно же, указанная фотография не должна была на примере не по годам состарившегося орденосца обличить вредную для здоровья человека сверхинтенсификацию труда.

Портрет доменщика Морозова несколько раз помещался в «Магнитогорском рабочем» вместе с портретами других ударников доменного цеха. 4 апреля 1934 г. Морозов был сфотографирован в своей квартире: сидя на диване с книгой в руках. Сообщалось, что он, «мастер-доменщик, работает на заводе несколько лет. Ударной работой и упорной учебой несколько раз премирован велосипедом, автомашиной и другим». «Другое» было перечислено на страницах газеты 15 апреля 1934 г. самим Морозовым: «За то, что печь № 3 заняла одно из призовых мест на конкурсе металлургов³⁵, я был премирован велосипедом, ковром и рядом других вещей, а за второй тур — легковым автомобилем. Я живу в квартире из трех комнат, с кухней и ванной. У меня неплохая мебель. Квартира радиофицирована. Плачу за квартиру 3 % моей зарплаты»³⁶.

Неоднократно на страницах «Магнитогорского рабочего» публиковали портреты сталевара П. Н. Дьяченко. 8 мая 1935 г. сталевар был зафиксирован выезжающим на мотоцикле с семьей на природу³⁷. В подстрочнике имелось уточнение: «на мотоцикле, которым он премирован за отличную работу». Наличие личного мотоцикла, являясь критерием «зажиточности», приковывало внимание обще-

³⁰ Никифоров 2002, 400, 532.

³¹ Завенягина 2006, 567.

³² В 1932–35 гг. Галиуллин занимал пост десятника Мартенстроля.

³³ Петров 1971, 77.

³⁴ В 1937 г. Х. Галиуллина исполнилось 50 лет.

³⁵ Напомним, что третья доменная печь была признана лучшей домной СССР.

³⁶ Магнитогорский рабочий 15.04.1934.

³⁷ Магнитогорский металл 08.05.1935.

ственности к владельцу транспортного средства. Так, на другом снимке³⁸ можно увидеть мастера мартеновского цеха Андрея Квасова, отправляющегося в выходной день на прогулку на мотоцикле. Дальнейшая судьба Дьяченко была отражена на страницах «Магнитогорского рабочего» посредством снимка фотографа И. Евсеева, опубликованного 20 сентября 1935 г. Теперь, согласно пояснительной надписи к фотопортрету ударника, он стал, подобно В. Калмыкову, орденоносцем. Таким образом, изображение материального благополучия как вознаграждения за добросовестный труд лучших работников комбината становится одним из излюбленных приемов фоторепортеров периода первых пятилеток.

В 1935 г. объективы фотоаппаратов были перенацелены на новых героев страны — последователей ударного труда донбасского шахтера Алексея Стаханова. Начало стахановского движения в СССР пришлось на сентябрь 1935 г. На страницах «Магнитогорского рабочего» с октября начали появляться снимки первых магнитогорских стахановцев. «В отличие от ударничества, делавшего упор на силовые, экстенсивные формы соревнования, стахановское движение было провозглашено как движение новаторов производства, достигающих успехов за счет улучшения организации труда, более совершенного владения техникой»³⁹. Однако нередко стахановское движение, как и ударничество, перерастало в рекордоманию. Естественно, дело не обходилось без подтасовок, фальсификаций, приписок⁴⁰. Если верить пояснительной надписи к снимку Б. Ерофеева от 24 августа 1938 г., запечатлевшему стахановца-формовщика литейного цеха Г. С. Гореленко, выполнившего норму на 1714 %, то мы имеем здесь дело с примером ударной работы, фактически не имеющей аналогов в мире⁴¹.

«Страна должна знать своих героев», — ставшее известным замечание И. В. Сталина по поводу снимка фотокорреспондента Союзфото Ф. Кислова, запечатлевшего группу комбайнеров и трактористов, способствовало ликвидации обезличенного печатания групп стахановцев и ударников: фоторепортеры лучше стали следить за тем, чтобы на их снимках указывались фамилии снимаемых, а газеты и журналы стали помещать такого рода группы с более подробным текстом и обязательно с фамилиями⁴².

Магнитогорские женщины тоже не оставались в стороне от стахановского движения. К 8 марта 1936 г. был приурочен снимок, на котором красовались лучшие работницы рудодробильной фабрики №3 бригады Н. М. Зайцевой — всего 8 женщин. 10 июля 1938 г. в «Магнитогорском рабочем» был опубликован снимок Георгиева. На нем стахановка Н. Ф. Славченко — старшая стрелочница станции Магнитогорск Южно-Уральской железной дороги за работой. И. Евсеев сфотографировал А. Ф. Чуркину, стахановку-штукатуру Гражданстроя, систематически выполняющую нормы на 180–200 %, завершающую отделку круга на крыше здания Государственного банка⁴³. 20 января 1941 г. на страницы «Магнитогорского рабочего» попал фотопортрет вагоновожатой трамвайного парка К. И. Коловой.

³⁸ Магнитогорский металл 22.12.1935.

³⁹ Соколов 1999, 205.

⁴⁰ Машковцев 1999, 85.

⁴¹ Магнитогорский рабочий 24.08.1938.

⁴² Болтянский 1939, 131.

⁴³ Магнитогорский рабочий 27.02.1939.

В одном из номеров «Магнитогорского рабочего» сообщалось: «Женщина, раньше забитая, лишенная голоса, раба домашней кухни, кастрюль, раба диктатора мужа, большой семьи, сейчас вышла на широкую дорогу...»⁴⁴. Снимками в газетах фоторепортеры стремились изобразить политический и культурный рост женщины при советской власти. «Лицо Марии Криволаповой избороздило множество мелких и глубоких морщинок; в разговоре мягкость и степенность 53-летней женщины. Но черные быстрые глаза молоды, пронзительны, и кажется, что ей не 53, а 18, что она задорная комсомолка». Эти слова, однако, плохо соответствовали снимку, запечатлевшему лицо немолодой женщины с кругами вокруг глаз и ввалившимися от усталости и недоедания щеками⁴⁵. «Советская женщина — свободный и равноправный член общества». Эта фраза комментировала фотомонтаж И. Евсеева за 1939 г., приуроченный к Международному женскому дню.

Тем не менее, снимки, изображающие женщин-ударников или стахановцев, были весьма редки на страницах местной прессы. Для представительниц слабого пола имелся специализированный еженедельный журнал «Работница». 48-й номер журнала за 1930 г. был посвящен магнитогорским женщинам-строителям. Здесь были опубликованы фотографии Щербаковой и Наумовой, организаторов семи ударных бригад в Магнитогорске, комсомолок-ударниц кирпичного завода, а также фотоочерк «Как живет и работает Магнитогорск», состоящий из 17 снимков, изображающих магнитогорских работниц на кухне, в бараках, за работой.

Фотопортреты мужчин-стахановцев, напротив, в большом количестве помещались в местных периодических изданиях. На всех без исключения снимках мы видим улыбающихся сварщиков, токарей, сверловщиков, люковых и людей других специальностей с различными инструментами, закинутыми на плечи, иногда — с папиросами во рту. Они так увлечены своей работой, что порой не смотрят в фотокамеру: им некогда отвлекаться от дел. К 1938 г. относится снимок Я. Н. Халипа «Строитель Магнитки»: смонтированный с общим видом доменной печи портрет задорного комсомольца. Фото лишено подписи, информирующей читателя о достижениях героя. Все и так ясно. Энтузиазм, оптимизм, профессиональный азарт — лучшие черты советского рабочего — отражены в этом снимке.

С 1937 г. на страницах газеты наиболее часто встречаются портреты сталеваров, принявших героические позы. На одном из снимков — сталевар-стахановец А. Н. Грязнов⁴⁶. Он приехал в Магнитогорск в 1934 г. Начал трудовой путь с рабочего-заправщика мартеновской печи и дорос до высококвалифицированного сталевара. Его бригада одной из первых в цехе начала выдавать скоростные плавки и включилась в стахановское движение⁴⁷. Известность пришла к Грязнову, таким образом, уже через год труда на ММК⁴⁸. С этого момента фотопортреты Грязного периодически помещались на страницах магнитогорских газет. Вот он на рабочем месте, вот — на цеховом собрании, а вот — Грязнов-организатор детских игр⁴⁹. Еще раз портрет прославленного сталевара, принадлежащий В. Геор-

⁴⁴ Магнитогорский рабочий 11.08.1933.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Магнитогорский рабочий 15.08.1937.

⁴⁷ Сарычев 2003, 311.

⁴⁸ Первые фото А. Н. Грязнова было опубликовано на страницах «Магнитогорского рабочего» 29 октября 1935 г.

⁴⁹ Магнитогорский металл 30.08.1935.

גיעו, появился на страницах «Магнитогорского рабочего» 25 мая 1940 г. Здесь А. Н. Грязнов, сталевар автоматизированной мартеновской печи № 3, показан на своем рабочем месте⁵⁰.

Видимо, к концу рассматриваемого периода число стахановцев и вообще преуспевающих в своей профессиональной деятельности людей достигло предела. На страницах «Магнитогорского рабочего» в 1940 г. появились снимки «лучших стахановцев», «лучших физкультурников» и даже «лучших отличников учебы». Даже газета «Борьба за металл», специализированная на освещении участия лишенных свободы в строительстве города и комбината, постоянно публиковала фотопортреты «знатных людей колонии», которая для этих целей располагала собственным фотоателье. Дело в том, что здесь, как утверждала советская пропаганда, на стройке «живой человеческий материал (который в капиталистических странах был бы выкинут как мусор из общества) вступил в стадию переплавки»⁵¹. Вообще социальный оптимизм был характерен для репортажной фотографии⁵². В местных газетах помещались и другие снимки, по которым видно, что труд заключенных использовался на самых тяжелых, «черных» работах. Судя по фотографиям, размещенным на страницах многотиражки за 1934 г., зэки вручную грузили чугунные болванки, укладывали рельсы, прокапывали траншеи для проведения городского водопровода и канализации, использовались на иных строительных и ремонтных работах⁵³.

Ударничество в 1933–34 гг., судя по фотографиям тех лет, было характерно не только для строителей и металлургов, но и для тружеников села — колхозов и совхозов, прилегающих к Магнитогорску. «Приедешь, бывало, в поле, дождешься, когда подойдет комбайн с рекомендованным “героем”, вытащишь его на свет божий и ахнешь: бандит да и только! Морда грязная, щетина с палец — они ведь неделями во время уборки не мылись, синяки под глазами... Объяснишь ему что к чему. Он вымоется, я его побрею, сорочку, галстук надену, поставлю на фоне комбайна, гляну на него через видоискатель — все равно бандит! Но зато в таком виде хоть печатать можно...»⁵⁴. Ситуация, описанная одним фоторепортером, работавшим в послевоенные годы в Ставрополье, имела место в изучаемый период и в колхозах, расположенных недалеко от Магнитогорска.

17 июля 1933 г. в «Магнитогорском рабочем» были помещены снимки пахаря Константинова и бригадира колхоза «Спартак» Нагайцева. Вскоре на страницах газеты появились фотографии передовиков колхоза «Красный Урал»⁵⁵. Сообщалось, что Варлакова, ударница огородной бригады, и Гулин, ударник ремонта уборочных машин, «работают от зари до зари, вырабатывая в день по 1,5 трудодня». В это время практиковалась натуральная оплата за выработанные трудодни: выдавалось зерно, картофель, другие сельскохозяйственные продукты. Деньгами

⁵⁰ Этот снимок стал последним свидетельством о человеке, чьим именем в 1976 г. была названа одна из центральных улиц Правобережного района. В самом начале Великой Отечественной войны Грязнов добровольцем ушел на фронт, а в 1944 г. погиб.

⁵¹ Борьба за металл 09.02.1934.

⁵² Например, фотографу А. Родченко принадлежит серия снимков, освещающих строительство Беломорско-Балтийского канала, возводимого узниками ГУЛАГа.

⁵³ Борьба за металл 15. 29.11.1934.

⁵⁴ Никитин 1994, 123.

⁵⁵ Магнитогорский рабочий 28.07.1933.

и изредка оплачивалась часть трудодней⁵⁶. «Колхозник-ударник Краснознаменского колхоза “Спартак” Мальцев Федор получил за свои трудодни 100 пудов пшеницы», — гласило пояснение к портрету крестьянина⁵⁷. Ударничество в близлежащих сельскохозяйственных районах освещалось посредством репортажной фотографии менее интенсивно, чем на производстве.

Как видно, в 1930-е гг. на поток было поставлено производство и тиражирование снимков, изображающих строителей социализма. Согласно магнитогорскому фоторепортажу, это была особая категория людей. Под портретами ударников и стахановцев производства нередко приводилась их «социалистическая биография». Невзирая на тысячи спецпереселенцев и политзаключенных, постоянно прибывающих в магнитогорские колонии, фотокорреспонденты в угоду официальной идеологии настойчиво снимали задорных комсомольцев, прибывших «по зову сердца» на «штурм горы Магнитной», азартных строителей и металлургов комбината и города, съехавшихся со всех уголков страны.

Тема ударничества и стахановского движения являлась, по сути, темой становления советского рабочего класса. Центральной фигурой фото- и кинохроники 1930-х годов выступал человек в рабочей спецовке, своим трудом в «буднях великих строек» преобразующий не только страну, но и самого себя, подгоняя, выражаясь словами писателя Валентина Катаева, «время вперед». Фотоочерки М. Альперта, кинохроника Й. Ивенса, фоторепортажи местных мастеров подчинены одной идее: изображению того, как миллионы таких же тружеников, как Коробовы и Калмыков, из нищеты, «темноты» и бесправия, с которыми они мирились при царизме, поднялись при советской власти «к вершинам технического прогресса и культуры, стали замечательными организаторами производства, государственными и общественными деятелями, знатными людьми Советской страны»⁵⁸. Фотографии ясно давали понять, что руками калмыковых, коробовых, галиуллиных и грязновых возводилось «здание нового социалистического общества»⁵⁹. В снимках на страницах периодических изданий и в кадрах кинохроники советский человек обретал «новое» лицо, подчас соответствовавшее «эстетическим» пристрастиям политического руководства страны.

ЛИТЕРАТУРА

- Альперт М. В.* 1962: *Беспокойная профессия*. М.
Баканов В. П. 2001: *Испытание Магниткой*. Магнитогорск.
Болтянский Г. 1939: *Очерки по истории фотографии в СССР*. Харьков.
Борьба за металл. 1934.
Волчек Г. Ф. 1962: *Фотоиллюстрация в советской периодике*. М.
Галигузов И. Ф., Чурилин М. Е. 1978: *Флагман отечественной индустрии*. М.
Голомиток И. Н. 1994: *Тоталитарное искусство*. М.
Дмитрин Г. К. 1979: *Магнитка. Школа рабочего братства*. Челябинск.
Завенягина Е., Львов А. (ред.) 2006: *Завенягин. Личность и время*. М.

⁵⁶ Баканов 2001, 125.

⁵⁷ Магнитогорский рабочий 20.09.1933.

⁵⁸ Там же, 41.

⁵⁹ Там же.

- Кучер В. Н.* 2003: Магнитка — это навсегда. Дела и судьбы сталинских директоров. Магнитогорск.
Магнитогорский металл. 1935.
Магнитогорский рабочий. 1933, 1934, 1935, 1938, 1939, 1978.
Машковцев В. И. 1999: История Магнитки. Магнитогорск.
Никитин В. 1994: Комбайнер в галстук // Родина. 9, 123–126.
Никифоров Б. А. (ред.) 2002: Магнитогорск: Краткая энциклопедия. Магнитогорск.
Петров Ю. 1971: Магнитка. М.
Рябинин Б. 1937: Там, где рождается сталь // Урал железный. Очерки и рассказы / В. А. Попов (ред.). Свердловск, 110–117.
Сарычев В. Ф. (ред.) 2003: Стальная река Магнитки. 1933–2003. Магнитогорск.
Соколов А. К. 1999: Курс советской истории. 1917–1940. М.
Стигнеев В. Т. 2005: Век фотографии. 1894–1994. Очерки истории отечественной фотографии. М.
Kotkin S. 1994: Magnetic mountain: Stalinism as civilization. Berkley.

INDUSTRIALIZATION AND NEW MAN MOULDING IN PICTORIAL REVIEWS
AND NEWSREELS OF THE 1930-s
(BASED ON MAGNITOGORSK MATERIALS)

A. N. Makarov

The article deals with information and propaganda support of Soviet industrialization by Pictorial Reviews and Newsreels during the prewar decade. Particular attention is given to a specific portrayal of a Soviet person in a new industrial center with Magnitogorsk of the first five-year periods as an example. Research novelty consists in using abundant original sources of non-traditional photographs and newsreels of the 1930-s.

Key words: industrialization, photograph, newsreel, Magnitogorsk.

© 2011

В. П. Сергеев

ОТКРЫТОЕ ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫНЬ В УФИМСКОЙ ЕПАРХИИ В УСЛОВИЯХ РЕПРЕССИЙ 1930-Х ГОДОВ

В работе исследуется открытое церковное почитание православных святынь на пике гонений в период 1928–40 гг. в Уфимской епархии. На архивном материале раскрыты размах традиций почитания святынь и трансформация их форм во взаимосвязи судеб святынь и подвижников.

Ключевые слова: Святыни, гонения, крестный ход, иконы, мученики.

Репрессии советской власти в 30-х годах носили массовый характер. Всеобщий страх, боязнь тюрьмы, смерти и самой жизни поразил всю страну вследствие начатого террора. Создавался «новый советский человек», который бы любил своего палача и умирал с именем Сталина на устах¹. Начало этого периода относится к XV съезду партии, проходившему в декабре 1927 году, когда И. В. Сталин потребовал активизировать и без того уже широкую антирелигиозную работу². К апрелю 1928 года Русская Православная Церковь первой почувствовала на себе надвигающийся тотальный террор в стране началась «самая боевая антирелигиозная работа на местах»³.

Однако благодаря широкой поддержке верующих церковь смогла продолжать духовное и моральное сопротивление, которое выражалось в форме открытого почитания церковных святынь. Так, в январе 1928 года верующие Уфимской епархии добиваются разрешения на проведение многодневных крестных ходов с чудотворными иконами, имеющими широкое народное почитание. НКВД АБССР 18 января 1928 года утвердил следующий план крестных ходов:

Крестные ходы на 6 месяцев:

с чудотворной иконой святителя Николая из с. Николо-Березовки — по всей территории Башкирии с апреля по ноябрь;

с чудотворной Уфимско-Богородской иконой Божией Матери из Кафедрального собора г. Уфы — по всей территории Башкирии с апреля по ноябрь;

Крестные ходы на 2 месяца:

с чудотворной иконой «Плач Божией Матери» из с. Гребени Бирского кантона — в селах Уфимского и Бирского кантона, в пределах левобережной области реки Белой вплоть до железнодорожных путей на юге в период с июля по август;

с чудотворной иконой мученицы Параскевы Пятницы из с. Монастырские Дуваней — левобережная область реки Белой, не переходя железнодорожных путей и реки Уфы;

с чудотворной Смоленской иконой Божией Матери из Троицкой церкви

Сергеев Владимир Петрович — аспирант кафедры истории русской православной церкви богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ).
E-mail: tabyn@mail.ru

¹ Филиппов 2009, 342–345.

² Там же, 204–205.

³ Емельянов 1997, 168.

г. Уфы — восточная часть Уфимского кантона в течение полутора месяцев с 15 мая по 1 июля⁴.

Уже составление плана крестных ходов было значительным достижением в условиях нарастания антирелигиозной кампании советской власти, которая пока не решалась противостоять массовому почитанию святынь. Из документов видно, что эти крестные ходы широко поддерживались верующими и проводились долгое время, невзирая на революцию. Например, с «древнечтимой и явленной» иконой мученицы Параскевы Пятницы крестный ход совершался в Уфимском кантоне уже более 100 лет⁵, а с чудотворной Смоленской иконой Божией Матери, почитаемой еще с начала XVII века, проходил более 70 лет по Уфимскому и Стерлитамакскому кантонам⁶.

Другим фактором, оказавшим влияние на действия Башкирского НКВД, явилось единодушие всех церковных течений, требовавших разрешения на проведение крестных ходов.

Следует отметить, что раскол церкви в 20-е годы стал главным направлением политики советской власти по дискредитации церковных структур и искоренению религиозности населения⁷. Благодаря манипуляциям властей Уфимская епархия к 1930 году была разделена на три основных течения: староцерковное, возглавлявшееся епископом Иоанном (Поярковым) и признающее руководство РПЦ во главе с митрополитом Сергием (Страгородским), автокефальное, возглавлявшееся епископом Руфином (Бреховым), и обновленческое, возглавлявшееся архиепископом Павлом (Масленниковым)⁸.

Однако почитание местных святынь продолжилось в 1920-е годы и не только не исчезло, но и поддерживало высокий уровень религиозности общества в целом⁹. Очевидно, что принятый в НКВД план крестных ходов на самом деле слабо отражал желания верующих, так как объединенными усилиями всех течений удалось значительно расширить участие святынь в этом движении. К маю 1928 г. власти дополнительно разрешили крестные ходы еще пяти чудотворных икон. Это:

Тихвинская икона Божией Матери из Спасской церкви г. Уфы — по Стерлитамакскому, Тамьяно-Катайскому и Белебеевскому кантонам и г. Белорецку на срок с 15 мая 1928 года по 30 июня 1928 г.¹⁰;

Табынская икона (копия) из с. Табынска — по Стерлитамакскому и Зилаирскому кантонам¹¹;

икона «Живоносный источник» из Вознесенской церкви г. Уфы — по Уфимскому и Белебеевскому кантонам с 25 мая по 25 сентября 1928 г.¹²;

Иверская чудотворная икона бывшего Благовещенского монастыря — по Месягутовскому кантону с 15 мая по 1 июля 1928 г.¹³;

⁴ ЦГИА РБ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 257. Л. 4.

⁵ Там же, 18.

⁶ Там же, 22–23.

⁷ Луначарский 1919, 14–15.

⁸ Киреева 2008, 137.

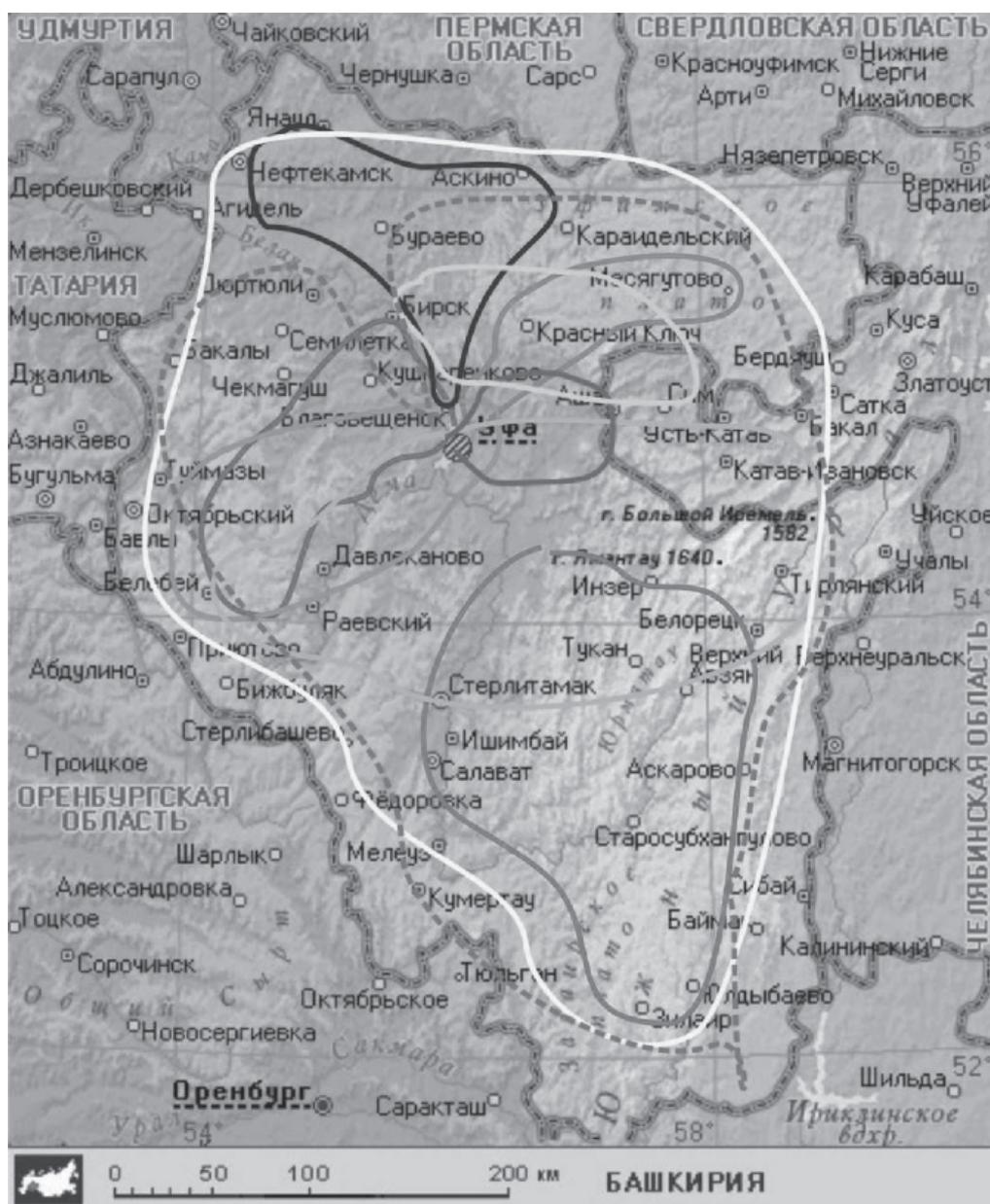
⁹ Сергеев 2009, 288–294.

¹⁰ ЦГИА РБ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 257. Л. 41, 84, 89.

¹¹ Там же, 88.

¹² ЦГИА РБ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 257. Л. 42.

¹³ Там же, 25.

Маршруты крестных ходов с чудотворными иконами Уфимской епархии в 1928-29 гг.

- Почаевская икона Покровской церкви г.Уфы
- Иверская икона Благовещенского женского монастыря г.Уфы.
- икона "Живородный источник" Вознесенской церкви г.Уфы.
- Табынская икона Вознесенской церкви с.Табынска.
- Тихвинская икона Спасской церкви г.Уфы.
- Смоленская икона Троицкой церкви г.Уфы.
- икона муч.Параскевы Пятницы с.Монастырские Дуваней.
- икона Тлпач Божией Матери с.Гребени.
- Николо-Березовская икона с.Николо-Березовки.
- Уфимско-Богородская икона Воскресенского собора г.Уфы.

Почаевская икона Покровской церкви г. Уфы — по Уфимскому, Бирскому и Белебеевскому кантонам в период с 10 мая по 20 декабря 1928 г.¹⁴

Вместе с тем в стране продолжала усиливаться антирелигиозная кампания, и уже в сентябре 1928 г. было предписано прекратить крестные ходы пяти чудотворных икон: Тихвинской, Уфимско-Богородской, Табынской, Николо-Березовской и св. муч. Параскевы¹⁵. Но поскольку такие распоряжения повсеместно встречали бурное возмущение, властям пришлось отменить большую часть своих предписаний. При этом продолжительность некоторых крестных ходов изменилась. Так, если крестный ход с Уфимско-Богородской иконой сократился на один месяц, то с Николо-Березовской иконой был увеличен на 25 дней (до 25 декабря 1928 г.). Крестный ход с Тихвинской иконой удалось продлить на 6 месяцев до 1 января 1929 года¹⁶. Однако именно Спасский храм, где пребывала Тихвинская икона, пострадал одним из первых. Весь 1929 г. прихожане боролись за церковь, и только 29 декабря 1929 года постановлением Башкирского ЦИК Спасская церковь была все же закрыта¹⁷.

С конца 1929 года начинается новый этап репрессий: по всей стране проходит волна закрытия храмов. В Уфимской епархии эти акции часто сопровождались масштабными общественными протестами. Например, в 1930 году для закрытия церкви в с. Табынском приезжал вооруженный конный отряд из волостного центра Красноуловья, были арестованы самые активные прихожане вместе с дьяконом Алексеем Аттиковым, и только настоятелю Дмитрию Селиванову удалось скрыться¹⁸. То же произошло и в с. Преображенка: прибывший 12-й батальон НКВД города Стерлитамака организовал «законное» голосование за закрытие храма, во время которого был арестован настоятель храма священник Петр Варламов. 11 марта 1930 года он был расстрелян в Уфе, куда его пригнали пешком (130 км) в составе целой партии таких же заключенных¹⁹. Ныне он прославлен в лике святых как священномученик. Можно привести и другой пример: с 1928 года велась борьба верующих за судьбу Симеоновской церкви г. Уфы — только благодаря общественным протестам, демонстрациям, трехдневному молитвенному стоянию удалось сохранить храм до 1932 года²⁰.

В 1931 году властями был разработан план по закрытию почти всех Уфимских церквей. 14 мая 1931 года Уфимский городской совет Рабочих и Красноармейских депутатов постановил закрыть Воскресенский собор и Иоанно-Предтеченскую церковь²¹. Было запланировано, что к сентябрю будут закрыты еще 14 церквей. Однако ко 2 октября 1931 года верующим удалось отстоять 8 храмов. Документы слабо отражают размеры сопротивления, но в деле 1931 года по закрытию церквей г. Уфы отложились доносы, повестки, объяснительные, которые показывают, что за каждый храм и молитвенный дом проходила жесткая борьба²².

¹⁴ УГИА РБ. Ф. 168. Оп. 1. Л. 257. Л. 90.

¹⁵ Там же, 78, 80, 86, 88, 91, 104, 105.

¹⁶ Там же, 84, 85, 89, 96, 101.

¹⁷ Сергеев 2006, 69–72.

¹⁸ Зимица 2001, 7.

¹⁹ Зимица, Мохов 1996, 349.

²⁰ ЦГИА РБ. Ф. 394. Оп. 2. Д. 2052. Л. 1.

²¹ ЦГИА РБ. Ф. 394. Оп. 2. Д. 2012. Л. 2, 31–32, 6–49.

²² ЦГИА РБ. Ф. 394. Оп. 2. Д. 1924. Л. 19.

Для этого требовалась духовная поддержка, которую верующие черпали, в частности, в традициях почитания святынь.

В условиях, когда атеизм получил юридическую и силовую поддержку государственного аппарата, верующие, даже подвергаясь репрессиям, не оставляли традиции почитания святынь. Так, во Всехсвятскую церковь г. Уфы после отбытия срока в Вишерском лагере (1929–32 гг.) возвращается епископ Руфин²³ и заменяет в автокефальном течении епископа Вениамина (Троицкого), арестованного еще в 1930 году. Однако владыка, несмотря на перенесенное заключение, сразу же обращается в НКВД с просьбой о крестном ходе на праздник Преполовения 15 мая 1932 года. Разумеется, ему отказали, для владыки такая дерзость не осталась бесследной, поскольку к резолюции было добавлено «на доклад»²⁴. Епископ Руфин не уступал, в следующем, 1933 г. он потребовал разрешения Богоявленского крестного хода на водосвятие²⁵, хотя Всехсвятский храм власти закрыли уже 5 июля²⁶.

Давление властей усиливается, но путешествие святынь по епархии не прекращается. Крестные ходы по требованию властей проводятся «без церемоний». Однако и такие формы почитания были приемлемы и являлись традиционными. Так, согласно Синодальному положению от 1881 года²⁷, святыни из села в село перевозились на карете и, только «смотря по возможности», организовывались торжественные встречи, проводы, молебны и богослужения; в городах и селах эти походы превращались в настоящие крестные ходы со всеми атрибутами церковного благолепия. Теперь же святыни стали перевозиться в карете между храмами, а уже внутри храмов позволялись торжественные встречи. Так, в 1932–33 годах владыка Иоанн вместе с обновленцами добивается такого похода «без церемоний» с Уфимско-Богородской иконой из Вознесенского кафедрального собора обновленцев в Никольский собор и Троицкую церковь староцерковников²⁸. Но еще больших результатов удалось добиться крестным походом с чудотворной Николо-Березовской иконой: властями было разрешено посещение этой святыней почти всех еще не закрытых церквей в Уфе:

Троицкий и Иоанно-Предтеченский храмы староцерковного течения с 27 августа по 27 ноября 1932 года;

Вознесенский, Покровский, Рождественский храмы обновленческого течения с 27 ноября по 27 февраля 1933 года;

Крестовоздвиженский храм автокефального течения с 27 февраля 1933 года²⁹.

Таким образом, хотя открытые церковные шествия были прекращены, тем не менее легальное почитание святынь не остановилось.

В 1933 году в городе Уфе вновь развернулась масштабная кампания по закрытию храмов, и к декабрю практически все святыни были «арестованы». В настоящее время исследователи пытаются выяснить судьбу каждой святыни, но это

²³ Зими́на 2004, 325.

²⁴ ЦГИА РБ. Ф. 394. Оп. 2. Д. 1924. Л. 35.

²⁵ Там же, 38.

²⁶ Там же, 69.

²⁷ Правила 1881, 51–53.

²⁸ ЦГИА РБ. Ф. 394. Оп. 2. Д. 2883. Л. 1.

²⁹ Там же, 3.

довольно сложно, поскольку в архивных делах по закрытию церквей сохранились далеко не все документы. В описях имущества церквей, как правило, отсутствуют упоминания об особо чтимых святынях. Возможно, для таких икон существовали отдельные описи, которые впоследствии были изъяты. Но все же приоткрыть эту тайну нам позволяют вновь выявленные документы.

Например, оказалось возможным прояснить судьбу Богородско-Уфимской иконы, следы которой затерялись в 1931 году после закрытия Воскресенского собора, где обычно пребывала икона. Так, из письма Епархиального совета староцерковников от 28 декабря 1932 года явствует, что эта святыня находилась в Вознесенской церкви, хотя в описи чудотворная икона отсутствует. В марте 1933 года этот храм был закрыт, и икона, вероятно, была реквизирована. Но обновленцам все же удалось спасти некоторые чудотворные иконы. Так, в акте о передаче церковной утвари в Уфимскую Рождественскую церковь от 22 марта 1933 года среди 12 особо ценных икон значатся «Живоносный источник» и «Иверская», которые, на наш взгляд, могли являться чудотворными³⁰.

Интересна судьба другой святыни — Николо-Березовской иконы. Последний раз о ней упоминают автокефалисты, обратившиеся к НКВД с просьбой разрешить принос иконы во Всехсвятский храм с 15 апреля по 15 июня 1933 года. Впрочем, резолюции по этой просьбе не было. Настораживают следующие обстоятельства: в январе 1933 года решается вопрос о передаче иконы из с. Николо-Березовки в Никольский кафедральный собор г. Уфы, однако владыка Иоанн (Поярков) неожиданно умирает. Разрешение о передаче иконы получает уже секретарь епархии протоиерей Павел Бурдуков, но, видимо, о. Павел также исчезает, поскольку Башкирский ЦИК 4 марта 1933 года вновь просит епархиальный совет староцерковников прислать кого-нибудь, чтобы получить это решение повторно³¹. 19 ноября 1933 года закрывается Никольский кафедральный собор³², и Николо-Березовская икона, вероятно, также попала в государственный фонд. Известно лишь, что в 1934 году в Сергиевскую церковь была передана только копия чудотворной иконы³³.

Больше определенности в истории со Смоленской чудотворной иконой. Сразу после закрытия Троицкого храма Приходской совет письмом от 20 сентября 1933 г. просил передать чудотворную святыню в Сергиевскую церковь, но им было отказано, и икона осталась в руках властей³⁴.

Запущенный механизм репрессий продолжал нарастать. 5 апреля 1934 года накануне Пасхи Башкирский ЦИК запретил колокольный звон оставшихся в городе Уфе трех церквей³⁵. Впрочем, звон колоколов был уже неслышен: храмы остались только в глубоких оврагах по окраинам города. 28 мая 1935 г. распоряжением архиепископа Уфимского Феофана было распущено обновленческое епархиальное управление³⁶. В августе 1937 г. управлением НКВД сфабрикован целый ряд

³⁰ ЦГИА РБ. Ф. 394. Оп. 2. Д. 1945. Л. 43.

³¹ ЦГИА РБ. Ф. 394. Оп. 2. Д. 2883. Л. 14–16.

³² Любимова 1993, 30.

³³ Ильгамов 2005, 443.

³⁴ ЦГИА РБ. Ф. 394. Оп. 2. Д. 2315. Л. 37.

³⁵ ЦГИА РБ. Ф. 394. Оп. 2. Д. 1945. Л. 45.

³⁶ ЦГИА РБ. Ф. 394. Оп. 2. Д. 22764. Л. 3.

уголовных дел, объединенных в производство под названием фашистского центра церковников. К следствию было привлечено 1241 человек, из которых к 1938 г. 207 человек расстреляны, в их числе епископы всех направлений³⁷.

Масштаб разрушения церкви к концу 30-х годов можно оценить только приблизительно. Так, из 1100 церковнослужителей епархии (данные 1917 года) к 1940 г. было репрессировано более 700, а из действовавших в начале 1920-х гг. 700 церквей, молитвенных домов и часовен³⁸ осталась только 51 церковь³⁹.

Удивительно, что почитание святых среди верующих не прекращалось даже тогда, когда самих святых и священников уже не было. Так, жительница села Березовки Красноусольской волости Анна Бочарова вспоминает: «В 30-х годах я была еще маленькой, мы всей деревней встречали крестный ход с Казанской иконой Божией Матери из самой Казани. Помню, что мы, как и всегда, накануне праздника в среду, вся наша деревня топила бани, чтобы вымыть паломников (около 500 человек) из таких дальних мест. Мы же, чтоб приложиться к иконе, клали на нее полотенца или платок, оставляли деньги и проходили под иконой. И Божия Мать никогда нас не оставляла»⁴⁰. О продолжающемся широком народном почитании места явления чудотворной Николо-Березовской иконы свидетельствовал владыка Иоанн (Поляков)⁴¹.

При закрытии церквей люди старались сохранить святые. Так, в 1937 г. при закрытии церкви в селе Гребени, где хранилась чудотворная икона «Плач Божией Матери», местный сельсовет не составлял опись икон храма⁴², что позволило верующим спасти древнюю святую, которая в настоящее время пребывает в Михаило-Архангельской церкви г. Бирска. В селе Бугобашево чудотворную икону выкрал из подвала уже закрытого храма В. П. Павлов⁴³.

После расстрела епископов всех течений и многих священников была разрушена сложившаяся структура церкви. Автокефальное и обновленческое течения прекратили практическую деятельность. В 1937 году был закрыт последний храм автокефального течения — Крестовоздвиженский⁴⁴, а в 1940 году арестован последний обновленческий священник⁴⁵. Управление оставшейся староцерковной части епархии перешло непосредственно митрополиту Сергию (Страгородскому), возглавлявшему Московскую патриархию РПЦ. Своим указом № 168 от 2 марта 1938 г. он назначил протоиерея Николая Бурдукова настоятелем кафедрального собора и и.о. благочинного церквей г. Уфы⁴⁶. Примечательно, что к концу 1940 г. в епархии осталось 9 незакрытых церквей, из которых только одна оставалась действующей — Сергиевская в г. Уфе, где продолжал открыто служить священник Николай Бурдуков⁴⁷.

³⁷ Васильева, Зимина 1998, 216–220.

³⁸ Егоров, Рудин 2005, 23.

³⁹ Васильева, Латыпова 1993, 9.

⁴⁰ Сергеев 2004, 93.

⁴¹ ЦГИА РБ. Ф. 394. Оп. 2. Д. 2883. Л. 2.

⁴² ЦГИА РБ. Ф. 394. Оп. 2. Д. 2999. Л. 1.

⁴³ Борисова 2008, 8.

⁴⁴ Егоров, Рудин 2005, 106.

⁴⁵ Васильева, Латыпова 1993, 22.

⁴⁶ ЦГИА РБ. Ф. 4731. Оп. 1. Д. 14. Л. 51.

⁴⁷ Васильева, Латыпова 1993, 22.

Кроме чудотворных икон, в качестве святынь верующими почитались мученики, подвижники и исповедники. Уже 25 августа 1918 года на епархиальном собрании было решено совершать заупокойные богослужения и панихиды по новомученикам Уфимским⁴⁸. В 1920-е годы панихиды новомученикам Уфимским совершаются в Воскресенском соборе над могилой убиенного епископа Симона Охтинского, временно управлявшего Уфимской епархией в 1921 году. Возникла новая традиция: ежегодно 18 августа стал проходить крестный ход к месту убийства священномученика Симона, около Всехсвятской церкви в Дубничках, там же был установлен крест с лампадой⁴⁹. Эта традиция подверглась гонению в первую очередь. В августе 1928 года властями были запрещены крестные ходы, панихиды и любые собрания⁵⁰. В 1932 году при перезахоронении священномученика Симона во время закрытия кафедрального собора были обнаружены его нетленные мощи⁵¹.

В 30-е годы становится известной одна из великих подвижниц Уфимского края — схимонахиня Еннатского монастыря Зосима (1820–1935). Свой духовный подвиг она начинала еще до революции, уже в преклонном возрасте поступив в монастырь. Неоднократно совершала пешие паломничества в Иерусалим. В 1919 году в возрасте 99 лет она принимает великую схиму с именем Зосима. После закрытия Еннатского монастыря в 1923 году начинается вершина ее служения Богу. Кельей становится кипарисовый гроб, который она привезла из Иерусалима. Именно в нем власти увозили ее от почитателей из села в село. За бесконечные странствия и исповедничество она была награждена замечательным даром исцеления и предвидения: «Днем и ночью к ней ехали. Она исцеляла и людей, и скот. Вся улица перед кельей матушки была запружена страждущими людьми. От старости веки ее не закрывались, но глаза смотрели с необыкновенной любовью», — вспоминает современный старец схиархимандрит Серафим (Томин), благодарный преподобной Зосиме за свое исцеление⁵².

Таким образом, обнаруженные архивные материалы свидетельствуют о том, что духовные традиции в Уфимской епархии были необычайно крепки. Несмотря на усиление гонений советской власти, крестные ходы и другие традиции почитания святынь широко поддерживались верующими и поэтому не исчезли в 30-е годы XX в. Более того, они явились объединяющим фактором различных течений и позволили нарушить планы властей по массовому закрытию церквей 1930–31 годах.

Верующих не останавливали перенесенные репрессии, и когда в новую волну репрессий 1932–34 годов власти все же закрывают основные храмы и конфискуют практически все чудотворные иконы, почитание святынь даже в их отсутствие продолжается и осуществляется открыто, привлекая все новых людей. Этот подвиг в период тотального уничтожения церковных структур в 1939–40 годах позволил верующим сохранить действующей единственную церковь на три Южноуральские епархии: Уфимскую, Оренбургскую и Челябинскую.

⁴⁸ Зими́на, Мохов 1998, 225.

⁴⁹ Зими́на 2005, 317.

⁵⁰ ЦГИА РБ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 257. Л. 79.

⁵¹ Зими́на 2005, 318.

⁵² Серафим (Томин) 2005, 4–8.

В результате исследования нам удалось прояснить судьбу большинства чудотворных икон Уфимской епархии: будучи предметами скрытной отчетности, они не могли бесследно исчезнуть и, следовательно, должны находиться сейчас в государственных фондах республики Башкортостан. В настоящее время в Уфимской епархии пребывают две святыни: Бугобашская и Гребеневская чудотворные иконы, — которые удалось спасти только благодаря самоотверженности верующих людей. Участь остальных святынь еще только выясняется исследователями.

Несмотря на перенесенные гонения, сформировались новые традиции почитания новомучеников, исповедников и подвижников Уфимской епархии.

ЛИТЕРАТУРА

Борисова Т. 2008: Сказание о явлении чудотворной иконы Смоленской Божией Матери на камне в чувашском селе Бугобаш Белебеевского уезда Уфимской епархии // Акафист иконе Божией Матери Смоленской Бугобашской. Уфа, 2–10.

Васильева И. Л., Зимина Н. П. 1998: Дело антисоветского фашистского центра церковников // ЕБК ПСТБИ: Материалы 1998 г. М., 216–222.

Васильева О. В., Латыпова В. В. 1993: Уфимское епархиальное управление // Дорога к храму. История религиозных учреждений г. Уфы. Уфа, 6–10.

Егоров П. В., Рудин Л. Г. 2005: Уфимская епархия Русской Православной Церкви: справочник-путеводитель. М.

Емельянов Н. Е. 1997: Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке // ЕБК ПСТБИ: Материалы 1997 г. М., 166–168.

Зимина Н. П. 2001: Житие священикомученика Петра Варламова // УЕВ. 2–3, 6–7.

Зимина Н. П. 2004: Викарий Уфимской епархии 1920-х годов: священикомученик епископ Вениамин (Троицкий; 1901–1937) // ЕБК ПСТБИ: Материалы 2004 г. М., 323–349.

Зимина Н. П. 2005: Путь на Голгофу: Жизнеописание священикомученика Симона, епископа Охтинского. Т. 1. М.

Ильгамов М. А. (гл. ред.) 2005: Башкирская энциклопедия. Башкирская энциклопедия: в 7 т. Т. 1: А–Б. Уфа.

Ильясова Н. И. 1993: Спасская церковь // Дорога к храму. История религиозных учреждений г. Уфы. Уфа, 24–26.

Киреева Н. А. 2008: Обновленческий раскол в Уфимской епархии (1922–1929 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 26 (60), 131–137.

Латыпова В. В., Васильева О. В. 1993: Покровская церковь // Дорога к храму: История религиозных учреждений г. Уфы. Уфа, 21–23.

Луначарский А. В. 1919: Об антирелигиозной пропаганде // Революция и церковь. Журнал Наркомата юстиции. 1, 14–15.

Любимова О. И. Никольская церковь // Дорога к храму: История религиозных учреждений г. Уфы. Уфа, 29–30.

Зимина Н. П., Мохов В. 1996: Мученический и исповеднический путь Церкви в Уфимской епархии // ЕБК ПСТБИ: Материалы 1992–96 гг. М., 341–351.

Зимина Н. П., Мохов В. и др. 1998: Жития священикомучеников Уфимской епархии // ЕБК ПСТБИ: Материалы 1998 г. М., 223–238.

Мусатова Ю. 2005: Схимонахиня Зосима // Лампада. Приложение к православной газете «Благовест». 12, 1–4.

Правила 1881: Правила относительно ношения особо чтимыя святыя иконы Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Казанского Ея образа, хранимыя в Уфимском кафедральном соборе // Уфимские епархиальные ведомости. 2, 51–53.

Серафим (Томин) 2005: Блаженная старица // Лампада. Приложение к православной газете «Благовест». 12 (84), 4–8.

Сергеев В. П. 2004: История Табынской иконы Божией Матери. Издательство Колокол.

Сергеев В. П. 2006: История Вознесенского храма // Летопись Табынской иконы Божией Матери, 60–74.

Сергеев В. П. прот. 2009: Крестные ходы в Уфимской епархии в первые годы Советской власти // XIX ЕБК ПСТГУ: материалы 2009 г. Т. 1. М., 288–294.

Филиппов Б. А. 2009: Очерки по истории России. XX век: учебное пособие. М.

OPEN WORSHIP OF SACRED OBJECTS IN UFA EPARCHY DURING REPRESSIONS OF THE 1930s

V. P. Sergeyev

This is a study of an open church worship of Orthodox sacred objects in Ufa Eparchy at the peak of persecution during the 1928–1940s. Archive materials helped to reveal the scope of sacred object worship traditions and their transformation that are closely connected with the fate of sacred objects and devotees.

Key words: sacred objects, persecution, religious procession, icons, martyrs.

© 2011

К. Н. Габушин

«КРАСНЫЙ БАНДИТИЗМ» НА УРАЛЕ

В статье рассматривается борьба ВЧК Урала с незаконными убийствами противников советской власти в 1920–1921 гг., которые совершались коммунистами из местных партийных ячеек. Это явление получило название «красный бандитизм». В результате исследования было показано, что красный бандитизм эффективно пресекался сотрудниками ВЧК.

Ключевые слова: красный бандитизм, Урал, ВЧК.

В деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии есть малоизвестные аспекты деятельности, и среди них — борьба с «Красным бандитизмом». Суть явления заключалась в том, что в ряде мест некоторые представители низовых властных структур уничтожали без суда и следствия сторонников белых, либо тех,

Габушин Константин Николаевич — аспирант заочной формы обучения кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета. E-mail: gabushin@yandex.ru

кого сочли таковыми, а в некоторых случаях открыто выступали против вышестоящих органов коммунистической партии. Искореня подобные явления, чекисты фактически противодействовали разгулу анархии и террора, то есть действовали вопреки распространённому стереотипу относительно их деятельности, который сформировался благодаря многочисленным публикациям книги С. П. Мельгунова «Красный террор в России (1918–1923)», где сотрудники ВЧК представлены как безжалостные убийцы, а цель их деятельности — уничтожение людей¹. Выводы Мельгунова о злодеяниях «красных» воспринимались и воспринимаются некоторыми историками как истина в последней инстанции, — в частности, в предисловии к использованному нами изданию его автор Ю. Н. Емельянов вообще не ссылается на архивные материалы, большинство ссылок дает на различные труды С. П. Мельгунова. Однако причины «Красного бандитизма» следует искать в значительных противоречиях, возникших при переходе к мирной жизни после длительной и кровавой гражданской войны, а не в преступлениях сотрудников ВЧК.

Впервые об этом явлении упоминается в статье Е. Н. Ярославского «Октябрьская революция в Сибири»: «Лишь значительно позднее нам удалось ликвидировать ряд восстаний, организованных белыми. Здесь нам большую помощь оказали партизаны. Правда, часть из них тогда колебалась. Им казалось, что мы слабо боремся с врагами революции, и они ударились в так называемый «красный бандитизм», самостоятельно уничтожая тех, кого они считали контрреволюционерами...»². После тема не рассматривалась до 60-х годов прошлого века. В это время появляются публикации по данной теме, например в работах Л. И. Боженко и Н. М. Кучемко. В частности, в работе Н. М. Кучемко приводятся данные, что кроме бывших партизан в числе виновных в «красном бандитизме» были сотрудники милиции и ЧК³. Очередной всплеск интереса к этой теме начался в 1990-е гг., например, в статьях В. И. Шишкина и А. А. Теплякова. Но и в них область распространения рассматриваемого явления ограничивается Сибирью, как в статье А. А. Теплякова «Красный бандитизм»⁴.

Однако, по архивным данным, подобные события имели место и на Урале, в частности, в докладе председателя Екатеринбургской губчека президиуму ВЧК от 13 сентября 1921 г. значительное внимание уделяется борьбе с «красным бандитизмом»: «Заканчивая этап этой работы, в середине 20 года пришлось столкнуться опять с самосудом, который нашел себе место в наследии Колчака — по отношению бежавших с ним, но и здесь приказами и мерами наказания как будто пришлось изжить, пока они вновь в 21 году не стали появляться с новой силой и выливаться в форму того, что мы сейчас называем красным бандитизмом...»⁵. Таким образом, данное явление не ограничивалось только Сибирью.

Вероятными причинами «красного бандитизма» были следующие. Тяжёлое экономическое положение нашей страны сказывалось на жизни всего населения, поэтому многие коммунисты были разочарованы своим низким жизненным уровнем, так как рассчитывали на большее. Также многие пошли за большеви-

¹ Мельгунов 2006.

² Ярославский 1932, 41.

³ Кучемко 1981, 91–92.

⁴ Тепляков 2000, 81–85.

⁵ ЦДОСО. Ф.76. Оп. 1. Д. 492. Л. 5, 5об.

ками в надежде на улучшение своего материального положения. Политические и идеологические вопросы их не интересовали. Подтверждением данных предположений могут быть выдержки из документа, составленного по данным обработки частной корреспонденции жителей Урала, в том числе и коммунистов. Он называется «Информационный обзор об экономическом и политическом состоянии Екатеринбургской Губернии» и был составлен по результатам анализа более 5400000 писем⁶: «Насколько партия засорилась в период партийной недели, показывают следующие факты из личных признаний авторов писем — “коммунистов”»: 1. “Постараюсь выбраться из партии так как она мне ничего не дала, кроме как все износила и ничего приобрести не могла”. 2. “Вот я теперь коммунист, но слова этого не вполне понимаю, в коммунисты меня заставили записаться обещая всего много, а так как у нас теперь ничего нет, то по неволе запишешься...” Таких писем встречается множество»⁷.

Присутствие в рядах партии «негодных элементов», то есть людей, ранее состоявших в других партиях или даже бывших белых, которое раздражало многих коммунистов. Многие бывшие противники большевиков из представителей левых партий, ранее перешедшие на их сторону, к 1919 г. уже занимали значительные посты. Например, из 151 делегата 1-ой Екатеринбургской губернской партконференции, проходившей в октябре 1919 г., 15 человек ранее состояли в других партиях, о чём без опасения указали в анкетах, из них 8 — эсеры, 4 — меньшевики⁸. При этом образовательный уровень этих людей был выше среднего. Так, из 4-х меньшевиков 3 человека закончили гимназию, тогда как 127 делегатов из 151 имели неоконченное образование либо обучались грамоте вне учебных заведений, то есть могли считаться неграмотными. Высокий уровень образования способствовал карьерному росту. В Пермской губернии даже среди чекистов, принятых в партию, были бывшие левые эсеры и меньшевики⁹. А благодаря постановлениям Центра, направленным на восстановление экономики, которое было невозможным без привлечения бывших врагов, то есть фактически гражданского примирения, возможность спокойной работы в Советских и партийных учреждениях на законных основаниях получили и бывшие белые. Уже в начале 1920 г. на самом высоком уровне были приняты решения, серьёзно ограничивающие возможности чекистов в отношении арестов специалистов. В «Приказе Президиума ВЧК № 21 от 28 февраля 1920 года» указано, что перед арестом специалиста или работника либо в течение 24 часов после него необходимо оповестить об этом руководство предприятия или организации, где тот трудится; помимо этого в нем содержится предостережение от ненужных арестов и предупреждение об ответственности за неисполнение распоряжений Центра: «Прежде чем арестовать того или иного гражданина, необходимо выяснить — нужно ли это. Часть можно не арестовывая, вести дело, избрав меры пресечения: подписку о невыезде, залог и т.д. <...> Президиум ВЧК последний раз предупреждает Председателей Чека и членов коллегий, что неисполнение ими декретов, постановлений Советской Власти и приказов ВЧК, а также всякое отступление от точного исполнения будут

⁶ ГАСО. Ф. Р-573. Оп. 2. Л. 19.

⁷ Там же. Л. 19.

⁸ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-156.

⁹ ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 113. Л. 37-40.

караться беспощадно...»¹⁰. Кроме того, «Декрет Совета обороны о производимых ВЧК арестах ответственных служащих и специалистов» предусматривал возможность «освобождать из-под стражи всех тех из арестованных по постановлению Чрезвычайной комиссии, за кого предоставят письменное поручительство два члена коллегии комиссариата или два члена городского или губернского комитета Российской Коммунистической партии...»¹¹. Вышеперечисленные предписания Центра по мере возможности, в зависимости от ситуации на местах, выполнялись уральскими чекистами. К примеру, с октября 1920 по декабрь 1921 г. Екатеринбургской Губчека, по данным доклада Губкому, было арестовано 2762 человека, из них 12 человек умерло, освобождено 1790 человек, передано в другие судебные органы 435 человек, осуждённых Чека 331 человек, из которых 154 казнены, остальные осуждены: 120 — в лагерь, 56 — в тюрьму, один человек был выслан из губернии¹². В Челябинской Губчека с 1 по 15 августа 1920 г. из 221 человека освобождено было 100¹³. Пермской Губчека с 1 июля 1921 г. по 1 марта 1922 г. было арестовано 1188 человек, из них освобождено 867¹⁴. Благодаря вышеперечисленным мерам, например, в Нижнетагильском трибунале на законных основаниях летом 1921 г. работал бывший колчаковский офицер: «Военслед тов. Юферов — развитый коммунист, работал при старом строе в окружных судах, был в Колчаковской Армии в качестве офицера. Военслед весьма энергичный и честный парень, хорошо знаком с следственными действиями. Может вести очень сложные дела, как уголовные, так и политические, не нужно взирать что офицер, человек стоит на страже интересов пролетариата...»¹⁵. А в пермском Губпродкоме работало 30 человек, «служивших офицерами и чиновниками военного времени в старой и белой армиях», из них двух отправили в Москву и Петроград «для продолжения образования»¹⁶. В упоминавшемся выше «Обзоре» есть письма, чьи авторы возмущены подобными обстоятельствами: «Из партии вышел потому, что в нашу среду вошли негодные элементы, которые подорвали наш авторитет. Председатель Исполкома всегда вдрызг пьян, много колчаковцев на самых важных постах»¹⁷. Иногда недовольство выливалось в попытки открытого противодействия: «Егоршинская организация (ныне распущенная), которая исключила из партии т. Озерова за то, что он не давал ей чинить самочинно суд и расправу над кем им вздумается (открыто 8 самочинных убийств) и которая после губернской конференции своей резолюцией по партстроительству и очистке партии требовала расправы на месте со всеми примазавшимися к партии, подразумеваемая и интеллигенцию...»¹⁸.

Таким образом, тяжёлые материальные невзгоды и неприятие значительной части распоряжений Центра привели к появлению большого числа недовольных среди рядовых коммунистов. Кроме того, многие сторонники большевиков, под-

¹⁰ ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 49. Л. 17.

¹¹ Там же. Л. 17об.

¹² ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 492. Л. 4.

¹³ ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 127. Л. 26.

¹⁴ ГАПК. Р-19. Оп. 1. Д. 486. Л. 48об.

¹⁵ ГАСО. Ф. Р-574. Оп. 4. Д. 2. Л. 83об.

¹⁶ ГАПК. Ф. Р-5. Оп. 3. Д. 1. Л. 52-58.

¹⁷ ГАСО. Ф. Р-573. Оп. 2. Д. 1. Л. 19.

¹⁸ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 492. Л. 6.

державшие их из меркантильных побуждений (пресловутое «грабь награбленное»), решили воспользоваться ситуацией, которая складывалась во время военных действий в сельской местности, т. е. практически бесконтрольностью со стороны вышестоящих органов. «Красный бандитизм», таким образом, был выражением недовольства одних коммунистов и низких моральных качеств других. При этом данное явление прослеживается в двух разных формах.

Первая характерна для сельской местности, удаленной от губернских и уездных городов. Местные партийные ячейки под предлогом борьбы с контрреволюцией осуществляли массовые грабежи, а зачастую и убийства. Подобное происходило и в Сибири, и на Урале. События в Сибири достаточно подробно изложены в статье А. А. Теплякова. На Урале наблюдалась схожая картина. В качестве примера можно привести выдержки из секретного «Меморандума по делам о красном бандитизме по состоянию к 21 марта с/г»: «Дело по обвинению 27 человек в преступлениях по должности, превышение власти, выразившиеся в самочинных расстрелах ни в чем не повинных людей, конфискациях и т.д. (красный бандитизм), из указанных 27 человек обвиняемых большой процент падает на ответственных работников гор. Красноуфимска <...> Сущность дела заключается в следующем: осенью 1920 года в Красноуфимском уезде вспыхнуло восстание дезертиров-бандитов, и для подавления такового были брошены имеющиеся силы и организовались отряды из местных коммунистов, под этим же предлогом председателем Волисполкома Торговишской волости <...> был организован отряд из местных коммунистов и членов и членов РКСМ, которому подавлять какие-либо контрреволюционные восстания за отсутствием таковых, подавлять не приходилось, и этот отряд <...> занялся производством ничем не обоснованных расстрелов, самочинных конфискаций и истязаниями и т.д. Расстреливались крестьяне, не платившие своевременно продналога или не сдавшие хранящегося у них с начала гражданской войны оружия, и много находилось других причин для расстрелов отрядом, как, например, был расстрелян один крестьянин, не согласившийся выдать замуж за <...> свою дочь. Представители местной волостной власти не только не протестовали против подобных действий коммуниста ответственного работника, но участвовали в них лично»¹⁹. Весной 1921 г. главные фигуранты были направлены «под предлогом вылавливания дезертиров и бандитов» в Уткинскую волость, где действовали аналогичным образом, при этом «население вышеуказанных волостей было настолько терроризировано, что не догадывалось обратиться к кому-либо с жалобой на действия волостных властей». Приговор Губревтрибунала: к расстрелу 7 человек, «а остальным, менее повинным в настоящем деле», от 2-х до 5 лет — был приостановлен Верховным Кассационным Трибуналом²⁰. Кроме Екатеринбургской губернии, подобное происходило в Пермской губернии и Башкирии, также в 1920–1921 гг., но там подобные преступления не обозначались как «красный бандитизм». Так, в Осинском уезде Пермской губернии отрядом, направленным на поимку дезертиров, только в селе Куштамак было убито 13 крестьян, причем их обезглавили²¹. Обвинительные материалы были собраны, но, к сожалению, сам приговор суда в архиве обнаружить не удалось. В Башки-

¹⁹ Там же. Л. 64.

²⁰ Там же. Л. 64об.

²¹ ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 197. Л. 39.

рии подобные события подробно описываются в книге Р.Р. Мардамшина «Башкирская чрезвычайная комиссия (Страницы истории)». Так как автор является сотрудником ФСБ, он имел возможность воспользоваться архивными материалами, которые не доступны простым исследователям. Аналогичные события: грабежи и убийства ни в чём ни повинных людей, совершённые отрядами, предназначенными для подавления восстания с последующим арестом виновных в этом лиц²². Во время одной из казней главный виновник совершаемых преступлений, сотрудник ЧК, сам пострадал, он был ранен одним из приговорённых к смерти, правда, несмотря на это, все пленники были убиты. Сам факт ареста данного лица Башкирской ЧК и характер полученных им ранений подтверждается архивным документом, на который автор книги не ссылается. Это просьба отца арестованного об отпуске из под стражи на лечение сына: «В октябре месяце т. г. при ликвидации отряда бандитов сын мой был тяжело ранен. Кроме 3-х головных ран, у него была отрублена рука...»²³.

Другая форма «красного бандитизма» характерна тем, что убийства совершались по идеологическим мотивам, при этом некоторые коммунисты, их совершавшие, понимали, что совершают преступление, и старались скрыть его следы. Данная форма имела место также и в Сибири, о чём писал ещё Ем. Н. Ярославский, и на Урале. Наиболее ярко иллюстрирует подобное явление, следующее дело: «7 октября 1921 г. закончено дело по обвинению членов РКП Егоршинской организации Ирбитского уезда <...> в заговоре и убийстве инженера Егоршинских копей Протопопова, гр. Казанцева и Шатова. Дело возникло на основании телеграммы поезда Октябрьской Революции от 1-го июля 1921 г. представителей ВЧК <...> и Наркомюста <...> о том, что в ночь с 23 на 24 июня инженер Протопопов, зам. зав. подённо — стр. цехом Шатов и ст. штегер Казанцев найдены убитыми на дороге в 4-х верстах от Черемшанки, кем было произведено убийство неизвестно. Произведённым по существу дознанием выяснено, что в первых числах июня Егоршинская организация РКП в лице <...> собралась у члена РКП <...> в его квартире <...> и обсудили вопрос о лицах Протопопове, Кузнецове и Шатове, т. к. считали их контр-революционерами и постановили их убрать с дороги, дабы не мешали работать — т. е. убить. 23 июня, поручив членам партии <...> убить Протопопова, Кузнецова и Шатова — снабдили их документами из Волкома на арест Протопопова и др., винтовками и наганами, которые в 2 часа ночи явились в квартиру Протопопова, назвались сотрудниками Камышловского политбюро и арестовали его, то же сделали с Кузнецовым и Шатовым. Потом повели их, объяснив, что к 10-ти часам утра их нужно доставить в Камышловское политбюро. Отойдя версты две от Черемшанки они у арестованных связали руки шнурками и продолжали путь дальше. Отойдя ещё версты две, предложили арестованным отдохнуть и присели на сваливающуюся берёзу, перекурили и потом на этом месте убили всех троих арестованных прикладами винтовок <...> При допросе все обвиняемые в предъявленном им обвинении признались. Дело отправлено в ВЧК, согласно телеграмме, вместе с арестованными обвиняемыми в числе 15 человек»²⁴. Кроме Екатеринбургской губернии, подобное было широко рас-

²² Мардамшин 1999, 63–73.

²³ ЦГАООРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 162. Л. 15.

²⁴ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 492. Л. 64об.

пространено и в Челябинской. При этом в ряде мест противникам большевиков должно было сильно повезти в случае ареста сотрудниками Губчека, так как местные партийные ячейки зачастую расстреливали на месте. «30 июня 1921 г. Всем Укомам РКП. По сведениям, имеющимся в Губчека, волостные и сельские ячейки нередко вмешиваются в компетенцию органов и уполномоченных Губчека, производя аресты граждан за те или иные преступные деяния, деорганизуя тем самым работу органов Губчека и их уполномоченных. В районах, где имели место бандитские выступления, ячейки берут на себя функции Трибуналов; бывали случаи, когда ячейки захваченных в плен или даже добровольно явившихся бандитов расстреливали, учиняли над ними расправу, самосуд. Губком предлагает под личную ответственность секретарей Укомов с получением сего немедленно циркулярно оповестить все сельские и волостные комячейки, что впредь за самовольные аресты, расправы, самосуды и т.п. виновные члены партии и ячейки в целом будут исключаться из рядов партии и понесут строжайшее наказание пред Революционным Трибуналом <...> Исполнение настоящего циркуляра донести до Губкома»²⁵.

Таким образом, «красный бандитизм» был достаточно распространён, кроме Сибири, ещё и на Урале. Его возникновение было обусловлено объективными причинами: недовольством части коммунистов тяжёлыми условиями жизни и мероприятиями Центра и низкими моральными качествами, если не сказать преступными наклонностями, отдельных представителей региональных парторганизаций. Чекисты Урала и Сибири боролись с «красным бандитизмом» как среди низовых парторганизаций, так и в собственных рядах, к примеру, среди осуждённых были чекисты²⁶. Оперативность и решительность уральских чекистов быстро свели на нет подобные преступления. После 1921 г. о подобном на Урале не упоминается. В Сибири «красный бандитизм» уносил значительно больше человеческих жизней, и на его искоренение ушло значительно больше времени²⁷.

ЛИТЕРАТУРА

- Емельянов Ю. Н.* 2006: Предисловие // *Мельгунов С. П.* Красный террор в России (1918–1923). Чекистский Олимп. М.
- Кучемко Н. М.* 1981: Укрепление социалистической законности в Сибири в первые годы нэпа (1921–1923). Новосибирск.
- Мардамшин Р. Р.* 1999: Башкирская чрезвычайная комиссия (Страницы истории). Уфа.
- Мельгунов С. П.* 2006: Красный террор в России (1918–1923). Чекистский Олимп. М.
- Тепляков А. А.* 2000: Красный бандитизм // *Родина*. 4, 81–85.
- Ярославский Е. М.* 1932: Октябрьская революция в Сибири // *Историк-марксист*. 6, 35–41.

²⁵ ОГАЧО. П–77. Оп. 1. Д. 275. Л. 90.

²⁶ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 492. Л. 64–66.

²⁷ Тепляков 2000, 82–85.

“RED BANDITRY” IN URAL

K. N. Gabushin

The article considers the struggle of All-Russian Extraordinary Commission of Ural against unlawful homicide of Soviet power adversaries in 1920–1921 that was committed by members of local Communist party departments. The phenomenon was called “red banditry”. The research revealed that “red banditry” was effectively repressed by officers of All-Russian Extraordinary Commission of Ural.

Key words: “Red banditry”, Ural, All-Russian Extraordinary Commission.

История Новейшего времени

© 2011

А. И. Егоров

ПРОБЛЕМА СТАТУСА ОБЪЕДИНЕННОЙ ГЕРМАНИИ В 1990-е гг.

Статья посвящена рассмотрению проблемы статуса Германии после объединения в 1990 г. Выявлено, что ФРГ обладала важными конкурентными преимуществами, позволяющими упрочить ее положение на мировой арене. Германия стремилась преодолеть устойчивое представление о своей исконной агрессивности, декларировала приверженность мультилатерализму, но в то же время отходила от политики самоограничения, готовя мировое сообщество к восприятию своего важного места в международных отношениях.

Ключевые слова: Германия, статус, элита, мультилатерализм, ООН, право на самоопределение, интеграция, интересы.

Германия принадлежала к числу немногих стран, потенциал которых в ходе международных событий конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. значительно увеличился. Благодаря объединению она расширила свою ресурсную базу, заняв лидирующие позиции среди стран Западной Европы по численности населения, а также утвердившись на третьем месте в мире по производству ВВП (после США и Японии).

Германское объединение выглядело особенно выигрышно на фоне процессов государственного разрушения и политической атомизации, протекавших в этот период в Советском Союзе, Югославии, Чехословакии. ФРГ обладала повышенной привлекательностью для огромной армии переселенцев и беженцев, число которых в охваченных кризисом странах бывшего социалистического лагеря постоянно росло.

К этому добавлялись такие важные конкурентные преимущества, как высокий уровень образования и материальное благополучие населения, сравнительно благоприятная окружающая среда, распространенность немецкого языка, прежде всего в государствах Восточной и Центральной Европы.

В пользу Германии играло то историческое обстоятельство, что она рано перестала быть колониальной державой. Поскольку она потеряла свои неевропейские владения еще в 1919 г., то не была обременена имиджем колонизатора, с которым народы Азии и Африки были вынуждены бороться за свое освобождение.

Германию отличали серьезная экономическая мощь и стабильное финансовое положение. В 1990-е гг. ей удалось воспользоваться шансами, предоставленными дальнейшей интенсификацией процессов углубления международного разде-

---

Егоров Александр Игоревич — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Общественные науки» ДПИ НГТУ. E-mail: sekretar@dfngtu.nnov.ru

ления труда. Будучи сверхиндустриальной державой, ФРГ удерживала прочные позиции в производстве готовой продукции, активно осваивая рынки стран Центральной и Восточной Европы, Восточной Азии, Латинской Америки, Африки. Наиболее конкурентоспособными отраслями германской промышленности являлись автомобилестроение; транспортное машиностроение (вагоностроение, самолетостроение); общее машиностроение (производство станков, различных приборов); электротехническая промышленность; точная механика и оптика; химическая, фармацевтическая и парфюмерно-косметическая промышленность; черная металлургия. Эти отрасли обладали комплексом преимуществ, способствующих успешному завоеванию зарубежных рынков: высоким качеством производства и широким ассортиментом изделий; использованием международных стандартов и в то же время готовностью выполнять индивидуальные заказы; пунктуальностью в выполнении поставок; широкой сбытовой сетью и налаженным послепродажным обслуживанием.

В 1990-е гг. Германия быстрыми темпами увеличивала экспорт наиболее высокотехнологичных видов машин и оборудования. На долю продукции машиностроения и химии приходилось свыше 2/3 всего товарного вывоза Германии, т. е. конъюнктура в традиционных «старых» отраслях продолжала оказывать решающее воздействие на динамику товарного экспорта ФРГ в целом¹.

Сильной германской стороной стала высокая степень социального мира между работниками и работодателями, что отражалось в низком забастовочном коэффициенте. В Германии только 5 рабочих дней из 1000 пропадали вследствие забастовок; для сравнения: в Польше — 15, Великобритании — 25, США — 45².

Усиление позиций ФРГ неизбежно поднимало проблему внешнеполитических предпочтений державы в постбиполярной системе международных отношений, однако германская элита оказалась не готова инициировать ее публичное обсуждение. В работе профессора Института изучения общественного мнения Э. Ноэлль-Нойманн в связи с этим отмечалось: «Немецкий политический класс все еще опасается дискуссии по поводу приоритетов внешней политики и политики безопасности Германии»³.

Судя по опросам, проводившимся в первой половине 1990-х гг., германская элита нуждалась в осмыслении сложившейся ситуации и четкой формулировке государственных интересов, чем определялись цели внешней политики. В этот период лишь 22% представителей высшего звена управленцев и бизнес-элиты придерживались мнения, что у внешней политики Германии имеются ясные цели. Об их отсутствии заявляли 74%. Остальные затруднялись сформулировать свое мнение⁴.

В таблице представлены сводные данные опросов, проведенных среди германской элиты в сентябре 1993 г. и марте 1995 г.

¹ Морозов, Мясников 2010, 153–162.

² Schröder 2004, 9.

³ Noelle-Neumann 1995, 129.

⁴ Ibid., 130.

Таблица

ПРИОРИТЕТНЫЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ ГЕРМАНИИ⁵

Внешнеполитические цели Германии	Опрос 1993 г., в %	Опрос 1995 г., в %
Принятие на себя международной ответственности посредством участия в миротворческих операциях ООН	76	67
Получение Германией места постоянного члена Совета Безопасности ООН	65	49
Ускорение процесса европейского объединения	62	55

Как следует из таблицы, в качестве ключевого приоритета называлось принятие Германией на себя международной ответственности посредством участия в миротворческих операциях ООН. Также значительная часть респондентов высказывалась в пользу получения ФРГ места постоянного члена Совета Безопасности ООН и ускорения процесса европейского объединения. Вместе с тем, приведенные данные свидетельствовали об определенном падении интереса политического класса и предпринимательских кругов Германии к внешней политике.

Такое положение сложилось в силу как внутренних, так и внешних причин. С одной стороны, основное внимание элиты было сосредоточено на подъеме восточногерманских земель, а ее историческая память оказалась полна негативизма, что объяснялось опытом двух поражений в мировых войнах и преступлениями времен нацизма. С другой стороны, ФРГ была вынуждена прислушаться к мнению ключевых акторов мировой политики, прежде всего союзников по Северо-Атлантическому альянсу и Европейскому союзу. Возрастающая мощь объединенной Германии породила серьезные опасения с их стороны. Так, 8 октября 1996 г. депутат французского парламента Ш. Паска в интервью первому каналу национального телевидения заявил об опасности восстановления имперских амбиций со стороны Германии⁶.

Озабоченность, высказываемая партнерами Германии, объяснялась следующими факторами: учетом исторического аспекта ее деятельности на мировой арене в первой половине XX в.; усилением политических позиций ФРГ в Европе; опасением перед сильной немецкой маркой; популярностью федерального канцлера Г. Коля как внутри страны, так и за рубежом. К тому же набирало силу мнение, что последующая интеграция в Европе по своей сути является продвижением немецких интересов. Объективно ситуация складывалась таким образом, что европейская интеграция увеличивала немецкую свободу действий, ибо Германия могла эффективно использовать свое влияние и узаконить его в рамках деятельности глобальных и региональных структур.

В этих условиях Бонну приходилось проводить осторожный и взвешенный курс, учитывающий настороженность мирового сообщества. Его дипломатические усилия были направлены на доказательство того, что от Германии не исходит угрозы.

⁵ Ibid., 127; Piel 1998, 113.

⁶ Цит по: Frankreich-Jahrbuch 1996, 132.

Решать эту задачу предполагалось системным способом, прежде всего внутренним мировому сообществу мысль о преемственности объединенной Германии со старой ФРГ — миролюбивым, предсказуемым и склонным к компромиссу государством; агрессивное наследие гитлеровских времен решительно отвергалось. Официальные лица активизировали информационное обеспечение внешнеполитического курса, называя «вчерашним днем» политику с позиции силы. Выступая 26 сентября 1991 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер заявил о «выдвижении на первый план большей ответственности Германии за свободу, демократию и человеческое достоинство», утверждая, что необходимо оставить за спиной государственное мышление нацистского прошлого⁷. Эта точка зрения ставила во главу угла невоенный аспект немецкой ответственности.

Следующим направлением стало декларирование приверженности Германии мультилатерализму, т.е. способу организации международных отношений, основанному на многосторонних межгосударственных механизмах. Как известно, мультилатерализм предполагает, во-первых, ориентацию на широкое использование международных институтов в целях обеспечения безопасности и, во-вторых, акцент на коллективные процедуры принятия решений. Последние были должны обеспечить баланс интересов, а, следовательно, жизнеспособность и осуществимость этих решений. В отличие от унилатерализма, т.е. свободных и самостоятельных действий государства в области мировой политики, мультилатерализм ориентировал внешнеполитическую деятельность державы преимущественно на методы многосторонней дипломатии. Официальный Бонн заявлял, что «Германия не может ни действовать в одиночку — в прошлом такие действия всегда наносили существенный вред, — ни проводить широкомасштабную мировую политику, даже во имя торжества высоких ценностей и морали. Повышенная активность может касаться только одного: укрепления многосторонности, интеграции в Европе, усиления региональных организаций в мире. Вследствие этого основным принципом германской внешней политики должен быть следующий: максимально возможная политическая поддержка везде, где речь идет об укреплении многосторонних структур, интеграции и верховенстве права»⁸.

Мультилатерализм отвечал германскому видению военной архитектуры объединенной Европы, которая покоилась на следующих основаниях: надежной системе гарантий, включая инспекции; ориентации на неспособность к нападению; созданию инструментария эффективного воздействия (в том числе механизмов оперативного реагирования и раннего предупреждения конфликтов), а также формировании институтов мирного урегулирования споров и системы коллективной безопасности.

В этой архитектуре ключевое значение приобретали такие инструменты, как многосторонние международные организации. Без координации их деятельности обеспечение европейской архитектуры безопасности на длительный срок не представлялось возможным.

⁷ Genscher 1991, 825.

⁸ Deutschland-Chronik 2000, 521.

Германия высказала заинтересованность в укреплении ООН, которую считала организацией самого высокого уровня для решения международных проблем, в связи с чем федеральное правительство усматривало необходимость ее политического и финансового укрепления. На протяжении 1990-х гг. немецкая доля, вносимая в бюджет ООН, постоянно росла, и в 2000 г. составила 9,857%. По этому показателю Германия превосходила Францию (6,545%), Италию (5,437%), Великобританию (5,092%), Россию (1,077%), уступая только США (25%) и Японии (20,573%)⁹.

Многие официальные лица в Бонне стали избегать слов о национальных или государственных интересах ФРГ, ставя во главу угла коллективные интересы и ответственность в рамках таких международных организаций, как НАТО, ЕС и ЗЕС. Это дало основание профессору Эрлангенского университета Г. Шёллгену полагать, что правящие круги Германии испытывают настоящий «страх перед властью (силой)», объясняемый воспитанием послевоенного поколения немцев. Пороки такого воспитания, по мнению ученого, обнаруживались в отказе признать восстановление командных позиций Германии в мировой системе, а также в непонимании, что обладание значительной силой обязывает Германию применять ее, но в духе солидарной ответственности¹⁰.

Неготовность федерального правительства брать на себя дополнительную ответственность активизировало традиционалистский подход, приверженцы которого обосновывали дипломатическую сдержанность Бонна в международных связях. Они отождествляли Германию с «торговым государством», основным признаком которого называлась готовность к отказу от автономности действий в пользу интеграции и кооперации. В области внешней политики торговое государство ставило в качестве приоритета оптимизацию общего блага, а также отдавало предпочтение гражданским стратегиям и инструментам проведения своих интересов перед военными средствами.

Политолог М. Штаак противопоставлял торговое государство державному, движущей силой внешней политики которого является проекция вовне своей внутренней мощи, и выражал уверенность, что возвращение к германской великодержавной политике в том виде, в каком она проводилась до 1945 г., практически исключено¹¹.

Данную позицию поддержал профессор Амстердамского университета М. Брандс, не допускавший мысли о будущем внешней политики Германии с позиции силы. Такой подход был объявлен устаревшим, поскольку «власть в современной Европе не является больше тем, о чем М. Вебер говорил: навязывать свою собственную волю другому, вопреки его воле. Это слишком простая дефиниция, которая не пригодна сейчас, принимая во внимание нынешние многосторонние структуры. Власть в настоящее время подразумевает возможность играть центральную роль в важнейших международных структурах, а также крепкий авторитет»¹².

⁹ Павлов 2005, 432.

¹⁰ Schöllgen 1997, 190.

¹¹ Staack 2000.

¹² Brands 1997, 197.

Попыткой сохранить прежние опоры во внешнеполитическом курсе стала линия разумного самоограничения, в соответствии с которой миссия Германии виделась лишь в цивилизаторстве международной политики.

Разновидностью этой позиции стала точка зрения, что статус Германии как безъядерной державы имеет более высокую степень, чем других подобных стран, поскольку ФРГ — центральный элемент европейского порядка. Поддерживающий это мнение научный сотрудник Исследовательского института Немецкого общества внешней политики в Берлине Э. Хекель считал возможным называть объединенную Германию суверенным государством с виртуальным потенциалом ядерной державы. «Ее техническая индустрия позволяет создать ядерное оружие, но Бонн отказался от производства и обладания им: в 1954 г. в условиях действия оккупационного режима; в 1969 г., когда ФРГ присоединилась к Договору о запрете испытаний ядерного оружия; в 1990 г. в договоре «2+4» для объединенной Германии. Последний пункт особенно важен, ибо согласие на воссоединение Германии было получено при условии отказа ФРГ от ядерного оружия», — писал ученый¹³.

Являясь стабильной опорой режима ядерного нераспространения, ФРГ использовала дипломатические каналы для напоминания партнерам по договору об их обязанностях.

Элементы новизны в обсуждение проблемы роли Германии в мире внес П. Лютцелер, видевший миссию своей страны в «построении мостов согласия и примирения»¹⁴. С этой точки зрения Германия получила новые шансы ввиду глобальной и континентальной экономической интеграции, политического объединения и культурной диффузии.

Между тем становилось очевидным, что германской внешней политике тесно в заданных рамках. Самоограничение противоречило очевидному превращению Германии в фактор власти с собственным весом, центральную силу на европейском континенте.

Уже в первой половине 1990-х гг. со стороны официального Бонна последовали шаги, свидетельствующие о начале неизбежного отхода от принципов внешней политики старой ФРГ. 23 декабря 1991 г. правительство Г. Коля признало самопровозглашенную независимость Словении и Хорватии, входивших в состав суверенной Югославии. Эта акция германской дипломатии противоречила международным обязательствам Бонна, в частности, принципам парижской Хартии для новой Европы, подписанной в 1991 г., а также пунктам советско-германского «Большого договора» (1990 г.), где говорилось о взаимном обязательстве «обеспечивать приоритет общепринятых норм международного права» и «неукоснительно соблюдать территориальную целостность всех государств в Европе в их нынешних границах» (ст. 1 и 2). Германия противопоставила свою позицию мнению специальной комиссии ЕС, рекомендовавшей не признавать словенскую и хорватскую суверенности. Принципа сохранения территориальной целостности Югославии придерживались в то время президент США Дж. Буш-старший, специальный представитель ООН в Югославии С. Вэнс, председатель мирной конференции по Югославии лорд Каррингтон.

¹³ Häckel 1996, 101.

¹⁴ Lützel 1997, 86.

В качестве юридического обоснования признания Германией независимости Словении и Хорватии было использовано право наций на самоопределение. Заместитель председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге Р. Шольц отмечал: «Право на самоопределение принадлежит к числу важнейших гарантий международного права. На основании п.1 ст.1 Устава ООН признано, что право на самоопределение представляет собой юридически обязательную гарантию. Последняя дополняется ст. 55 Устава ООН, а также «Декларацией о правах человека» ООН 1966 г.»¹⁵. Кроме того, немецкие представители ссылались на то обстоятельство, что право на самоопределение было реализовано при объединении Германии.

Бонн приступил к подготовке почвы для применения бундесвера за пределами национальных границ. Весной 1994 г. министерство обороны Германии разработало документ под названием «Белая книга по безопасности и обороне», в котором допускалась возможность вмешательства Германии в конфликты и кризисы в других странах на основе легитимного международного правового мандата и в рамках действий таких организаций, как ООН, ОБСЕ, НАТО и ЗЕС.

12 июля 1994 г. Конституционный суд ФРГ принял решение об отмене поправки 1982 г. к 24-ой главе Основного закона, запрещавшей участие вооруженных сил в военных операциях за рубежом¹⁶.

30 июня 1995 г. бундестаг 386 голосами «за» (при 258 «против» и 11 «воздержавшихся») одобрил решение федерального правительства отправить германские воздушные и санитарные силы по поддержке корпуса быстрого реагирования в Боснию. Также была открыта дорога для отправки военных самолетов «Торнадо», способных уничтожать системы ПВО.

При этом официальные лица отрицали возможность возобновления германской политики в духе первой половины XX в. Использование бундесвера за рубежом получило иное обоснование. Его начало было положено речью федерального президента Р. Херцога перед Германским обществом внешней политики, произнесенной в марте 1995 г. В своем выступлении Херцог поставил вопрос принципиально: «почему французские, бельгийские или голландские солдаты должны рисковать жизнью ради достижения общей цели, а не немецкие?»¹⁷.

Со сменой федерального правительства в 1998 г. аспекты преемственности и солидаризма были подтверждены, но получили новое прочтение. С одной стороны, в подписанном 29 октября 1998 г. коалиционном соглашении Социал-демократической партии Германии и партии Союз 90/Зеленые было выражено стремление придерживаться во внешней политике линии своего предшественника, т. е. консервативно-либеральной коалиции ХДС/ХСС-СвДП. 23 ноября 1998 г. во время аккредитации Дипломатического корпуса федеральный канцлер Г. Шредер заявил: «Руководимое мною федеральное правительство не допустит изменений в принципиальной ориентации германской внешней политики, европейской политики и политики безопасности». По-прежнему интересы ФРГ объявлялись вписанными в европейский контекст¹⁸.

¹⁵ Scholz 1995, 156.

¹⁶ Павлов 2006, 423.

¹⁷ Herzog 1995, 5.

¹⁸ Schröder 1998, 10.

Но с другой стороны, канцлер вскоре объявил о наличии у немцев права на представительство собственных интересов, которые необходимо не только воспринять населению Германии, но и разъяснить ее партнерам¹⁹.

Дальнейшие события показали, что приоритеты Германии претерпели трансформацию. Политическая культура «сдержанности» все более подвергалась критике. Заявляя о конструктивно-свободной нормальности немецкой нации, официальный Бонн (а позже Берлин) постулировал принцип беспристрастности, основанный на осознании собственной силы. Лишь после длительных переговоров с влиятельными фигурами было достигнуто согласие федерального правительства о выделении дополнительных средств для компенсации лицам, использованным на принудительных работах в нацистской Германии; расширение Европейского союза ставилось в прямую зависимость от национальных интересов ФРГ. Важнейшей установкой стало положение о невозможности проведения внешней политики и политики безопасности без опоры на военную силу.

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что обретение единства позволило Германии выдвинуться в число ведущих европейских и мировых держав. Следуя традициям, заложенным в период существования старой ФРГ, Бонн не стремился форсировать события и немедленно заявлять о своих претензиях на место одного из глобальных лидеров. Германия предпочитала проводить осторожный и гибкий внешнеполитический курс, постепенно готовя мировое общественное мнение к восприятию своего нового статуса.

ЛИТЕРАТУРА

- Морозов Б. Н., Мясников П. А.* 2010: ФРГ–США: шесть десятилетий экономического и политического взаимодействия: монография. Н.Новгород.
- Павлов Н. В.* 2006: История современной Германии, 1945–2005: курс лекций. М.
- Павлов Н. В.* 2005: Современная Германия: учебн. пособие по страноведению. М.
- Brands M. C.* 1997: Überforderung durch Machtzunahme? Deutschland als integrierende oder zentrifugale Kraft // Internationale Politik. 2, 196–201.
- Lehmann H. G.* (hrsg.) 2000: Deutschland-Chronik 1945 bis 2000. Bonn.
- Frankreich-Jahrbuch 1996. Politik, Wirtschaft, Gesellschaft, Geschichte, Kultur. 1997 / Deutsch-Französisches Institut (hrsg.). Opladen.
- Genscher G.-D.* 1991: Rede vor der Generalversammlung der Vereinten Nationen in New York am 25.09.1991 // Bulletin (Presse- und Informationsamt der Bundesregierung). 104, 825–826.
- Häckel E.* 1996: Die nuklearpolitische Interessenlage Deutschlands // Internationale Politik. 10, 101–107.
- Hellmann G.* 2007: Deutschland, Europa und der Osten // Internationale Politik. 3, 111–114.
- Herzog R.* 1995: Die Grundkoordinaten deutschen Außenpolitik // Internationale Politik. 4, 4–6.
- Lützel P. M.* 1997: «Großmacht» Deutschland? Essay über die Perspektive von außen // Internationale Politik. 2, 85–88.
- Noelle-Neumann E.* 1995: Öffentliche Meinung und Außenpolitik. Die fehlende Debatte in Deutschland // Internationale Politik. 8, 127–134.
- Piel E.* 1998: Nur unter «ferner liefen». Deutsche Außenpolitik im Spiegel der Demoskopie // Internationale Politik. 12, 112–116.

¹⁹ Hellmann 2007, 112.

Schöllgen G. 1997: Geschichte als Argument. Was kann und was muß die deutsche Großmacht auf dem Weg ins 21. Jahrhundert tun? // Internationale Politik. 2, 181–192.

Scholz R. 1995: Deklamationen reichen nicht. Das Selbstbestimmungsrecht und die deutsche Politik // Internationale Politik. 4, 156–159.

Schröder G. 1998: Ansprache beim Jahresempfang für das Diplomatische Corps am 23. November 1998 in Bonn // Internationale Politik. 12, 10–12.

Schröder G. 2004: Rede zur Eröffnung der Hannover Messe 2004 am 18. April 2004 // Internationale Politik. 5, 7–10.

Staack M. 2000: Handelsstaat Deutschland. Deutsche Außenpolitik in einem neuen internationalen System. Paderborn.

UNITED GERMANY STATUS IN THE 1990s

A. I. Yegorov

The article deals with the problem of Germany status in 1990 after the two parts of Germany were united. It is brought out that FRG had important competitive advantages that made it possible to strengthen its position in the world arena. Germany tried to overcome a stereotype about its primeval aggression and proclaimed its adherence to multilateralism. But at the same time Germany moved away from the policy of self-restriction thus leading up the world community to the realization of its important international position.

Key-words: Germany, status, elite, multilateralism, the right to self-determination, integration, interests.

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

© 2011

А. В. Петров

МИФОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ В МАНИФЕСТАХ И ОДАХ 1741–1742 ГГ. («МИФОЛОГИЯ ВЛАСТИ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРАХ В РОССИИ XVIII ВЕКА)

В статье идёт речь о тесной взаимосвязи политической и литературной культур в России XVIII в. Сопоставительному анализу подвергаются формулы из манифестов и указов императрицы Елизаветы Петровны, с одной стороны, и формулы из оды Штелина–Ломоносова 1741 г. и первой оды Ломоносова 1742 г. — с другой.

Ключевые слова: культура XVIII века, мифология власти, мифополитические формулы.

Все современные учёные согласны в том, что в период петровских реформ историческому сознанию россиян были заданы новые координаты. Необходимо было осмыслить ситуацию «разрыва эпох» — внешнего, насаждаемого «сверху» противопоставления прошлого и настоящего (как ценностных «минуса» и «плюса») и неизбежного ощущения внутренней, непрерывающейся их связи. Считается, что поиски путей преодоления этой двойственности составили одну из ключевых задач русской культуры XVIII в. и литературы как её части. Однако осознанные решения данной задачи, в том числе теоретическое её осмысление, находим только в литературе последних трёх десятилетий XVIII в. В массовом историческом сознании «поворот» к прошлому, его «открытие» совершились, на наш взгляд, лишь с выходом в свет «Опыта исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова и публикацией им же «Древней Российской вивлиофики», то есть в первой половине 1770-х гг. В течение предшествующих семидесяти лет историческое сознание россиян (имеются в виду, конечно, высшие классы) было сконцентрировано на том, чтобы просто разобраться в «новизнах», чтобы представить настоящее как некую целостность, связать его хотя бы с недавним прошлым. Это стало возможным, пожалуй, только в елизаветинскую эпоху, а способ связи был задан общественному сознанию высшей властью. Он состоял, особенно в первые годы царствования, в доказательстве Елизаветой законности её прав на престол путём апелляции к властному авторитету своих родителей. Одновременно этот авторитет¹ самой Елизаветой и созидался, и «тема Петра Великого» в отечественной культуре явилась на свет в результате совместных реанимирующих усилий политиков, историков и литераторов 1740–50-х гг. Параллельно

Петров Алексей Владимирович — доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Магнитогорского государственного университета.

¹ В сущности, «культ предков», «культ Петра и Екатерины».

дискредитации подвергались те, кто этот престол захватил, как утверждалось, обманом и незаконно: принц Антон Ульрих Брауншвейг-Беве́рнский и принцесса Анна Леопольдовна, родители свергнутого Иоанна III.

Интересно проследить, как в манифестах и указах Елизаветы Петровны зарождались мифополитические формулы и формировались политическая и историческая мифологии власти. Некоторые из этих формул перейдут в одическую поэзию и оплодотворят одическую, и не только, «мифологию власти». Ниже я остановлюсь на нескольких выработанных в политической и литературной культурах в первый год правления Елизаветы «формулах власти» (например, «кровного родства», «возвращения к обычаям, которые были при жизни Петра I и Екатерины I», «любви к подданным» и др.).

В манифесте о «вступлении» на престол от 25 ноября 1741 г. Елизавета Петровна говорит о «восприятии» «Отеческого Всероссийского Престола» по «*законному праву*» (Здесь и далее курсив во всех цитатах мой. — А. П.), а именно «*яко по крови ближняя*», «*по близости крови к Самодержавным Нашим вседражайшим Родителям, Государю Императору Петру Великому и Государыне Императрице Екатерине Алексеевне*»². В манифесте от 28 ноября, где было предложено «обстоятельное изъяснение ближайшаго и преимущественнаго права Ея Величества на Императорскую Корону», речь также идет о кровной близости («*по крови подлежащее наследие*»), но теперь подчёркивается и легитимность восшествия на престол («*по правам всего Света*»). Свои доказательства Елизавета основывает на духовном завещании (которое скрыл Остерман) Екатерины Алексеевны, «блаженной и вечнодостойныя памяти Матери Нашей». В этом завещании наследниками были определены Пётр Второй, а «по кончине его» — цесаревны Анна и Елизавета со своими «Десцендентами» (то есть потомками, наследниками).

В именном указе от 1 января 1742 г. «О имеющем быть в Апреле месяце сего года короновании Ея Императорскаго Величества» традиционный политический смысл предстоящего торжества, заключённая в нём «философия власти» определили появление новой мотивации «восприятия» престола — «*неизреченное всех благ Нам подателя Бога милосердие*». Подчёркивалось, что «полученная Нами превеликия и преславныя сея Монархии *наследственная Держава есть дар, данный Нам от Царя Царствующих, единаго подающаго и утверждающаго Царские скиптры Бога <...>*». И только после «милосердия» Божия шли привычные уже объяснения: «*яко по крови ближняя*» и «*наследный родительский Наш Всероссийской Империи Престол*».

Сюжет о восстановлении законных властных прав Елизаветы вновь подробно, но уже с некоторыми коррективами проговаривается в манифесте от 22 января 1742 г. «Об отмене смертной казни <...> Государственным преступникам Остерману, Миниху, Головкину, Левенвольду, Менгдену и Темирязеву». Теперь духовная Екатерины Алексеевны интерпретируется так, что Елизавета должна была наследовать непосредственно Петру II — «*законно, без всякого изъятия*», а сестра Анна и «десценденты» уже не упоминаются. Наследная власть рассматривается Елизаветой и как законная, и как «природная» (то есть принадлежащая ей от рождения): Остерман «<...> бессовестно злодейски разными вымысли Нас

² ПСЗРИ 11, 1830, 537.

от природного и по правам всего света законно подлежащего Нам Отеческого наследства, отлучить тщился». И наконец, в этом указе впервые появляется герцог Голштинский, пока ещё не в качестве наследника престола, но в качестве *внука* «Вселюбезнейшаго Нашего Родителя, Его Императорскаго Величества Петра Великаго», то есть по всё тому же «праву крови».

В манифесте от 22 января намечены и общие контуры «мифологии власти», утверждаемой в российской культуре XVIII в. Непосредственным предшественникам правящего монарха приписывается «нарушение *общаго* Государству *покою*» и указов Петра Великого, а Елизавете соответственно — «возвращение и восстановление *общаго* внутренняго *покою* и благополучия, и Богу приятнаго между народом *согласия и любви*». В этих официальных идеологемах, имеющих прежде всего политическую и историософскую направленность, опознаются архетипические ситуации и сюжеты древних мифологий: восстановление Демиургом (культурным героем) космоса (порядка) из хаоса (нарушенного порядка).

С Петром Феодоровичем как носителем крови Петра I, а значит, живым свидетельством исторической (династической) преемственности, связаны в 1742 г. ещё два официальных законоположения.

В манифесте от 7 ноября 1742 г. «О назначении Его Королевскаго Высочества Петра, Владетельнаго Герцога Шлезвиг-Голштинскаго, наследником Престола Российскаго Государства, с титулом Императорскаго Высочества» Пётр определяется Елизаветой в наследники «яко *по крови Нам ближайший*». К этому времени, то есть через год после захвата власти, обоснования восприятия престола уже не казались Елизавете Петровне актуальными («о том уже чрез выданные в прошлом году и двоекратно в народ опубликованные манифесты *довольно изъяснено и всем известно*»), и она говорит уже о «*неиспытных* Всевышняго Творца Нашего Бога *судьбах*». Себя императрица репрезентирует как Мать (Отечества), всегда имеющую «*Матернее попечение*» «о постоянном *Нашей Империи* и всех *Наших верно-подданных благополучии*», «за главное сие причитая».

Указ от 29 ноября 1742 г. содержал «Форму, по которой во всех церковных священнослужениях на эктениях и прочих, где надлежит молениях, возносить имена Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества Наследника». Во всех приводимых возносительных формулах Пётр Феодорович сначала именовался «*наследником Ея*» (то есть Елизаветы), а затем — «*внуком Петра Перваго*».

Особую группу, важную именно для литературной культуры, составляют указы, в которых прокламируется возвращение к тем порядкам и обычаям, что были при Петре I и — это важно, поскольку одопись данный мотив зачастую игнорировала, — при Екатерине I, а иногда и при Анне Иоанновне.

Указом от 12 декабря 1741 г. начинается пересмотр системы внутреннего управления: «<...> усмотрели Мы, что порядок в делах правления Государственного внутренних отменен во всем от того, как было при Отце Нашем, Государе *блаженныя и вечнодостойныя памяти* Императоре Петре Великом и при Матери Нашей, Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, первый год Ея владения было <...>»; «<...> повелеваем все Его Величества указы и Регламенты накрепчайше содержать, и по ним неотменно поступать во всем и во всех Правительствах Государства Нашего <...>». Замечу, что выделенные курсивом определения прилагались иногда и к Екатерине, но по большей части тогда, когда рядом с её

именем не было имени Петра. В указах от 15 января 1742 г. появляется формулировка «*как было при жизни Императора Петра Великаго*». Восстанавливались в правах, то есть возрождались, вновь приносились в историческую действительность как мелкие петровские установления (экзерциции и барабанный бой, пехотная рота при Сенате), так и более значительные, например, о следствии при «сказывании» «слова и дела» (16 апреля 1742 г.); «о соблюдении формы указов, посылаемых в Малороссию» (18 октября 1742 г.).

Примечательной является «выборочная» историческая и политическая преемственность в указе от 2 декабря 1742 г. «О высылке как из Великороссийских, так и из Малороссийских городов, сел и деревень, всех Жидов, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их имением за границу и о непускании оных на будущее время в Россию, кроме желающих принять Христианскую веру Греческаго исповедания». В качестве прецедента Елизавета ссылается на указы неких «предков наших», но конкретно называет только указ от 26 апреля 1727 г. «вселюбезнейшая Матери Нашей». Интерпретации здесь возможны разные.

В ряду елизаветинских актов, *воскрешающих* прошлое, его деятелей и их установления, особенно много указов, в которых подтверждаются данные некогда Петром I привилегии дворянству, городам, купцам. Ключевым понятием здесь становится *верность* — качество, которое наделяется историчностью и на которое, по-видимому, приходилось уповать всем монархам XVIII столетия. В подобных указах Елизавета сначала вспоминает об «учинении» имяреком «торжественной присяги в верности» Петру Великому и «законным Его ж Величества наследникам»; затем говорит о нынешней верности имярека «Нам, яко своей самодержавной и истинной наследной и природной Государыне Императрице и Нашим законным Императорским Высоким наследникам»; и, наконец, выражает надежду на будущую верность имярека «Нам» и «Нашим наследникам» (см., например, указ от 27 октября 1742 г. «О подтверждении всех прав и привилегий, дарованных Рыцарству и Земству Эзельской Провинции»).

В отношении узурпаторов престола также были предприняты определённые политические и мифополитические действия. И в Анне Леопольдовне, и в её сыне Иоанне текла кровь Романовых, однако об этом старались не говорить. В указе от 25 ноября 1741 г. Иоанн единственный раз назван «внуком» Анны Иоанновны, однако в указе от 28 ноября утверждалось, что ни он «никакой уже ко Всероссийскому Престолу принадлежащей претензии, линии и права» не имеет, ни его родители «сами нимало к Российскому Престолу права не имеют».

Регент Бирон, правительница Анна Леопольдовна и принц Иоанн Антонович продолжали упоминаться в указах, но постепенно их имена и деяния «изымались» из общественного сознания и памяти, а значит, и из истории. Так, последний в 1741 г. указ от 31 декабря повелевал «верноподданным» приносить монеты с портретом Принца Иоанна на Монетные дворы для обмена на новые монеты, с портретом Елизаветы. Через год, 14 декабря 1742 г., народу напоминалось, что с 1 января 1743 г. монеты с портретом Принца прекращают хождение и что они будут приниматься уже не по курсу «копейка за копейку», а «по сплавке по 19 копеек чистаго за золотник». Таким образом, из коллективной исторической памяти было изъято изображение (лицо) свергнутого монарха, а его символическое за-

мещение — денежные знаки — были обесценены, превращены в металлический лом.

Указом от 18 октября 1742 г. предписывалось публичное сожжение «на Васильевском острове», «с барабанным боем», «присяжных листов на верность подданства Принцу Иоанну». События октября–ноября 1740 г. назывались теперь «*неправильным* Принца Иоанна возведением». 12 декабря 1742 г. от присяги Принцу Иоанну освобождались Лифляндское и Эстляндское Шляхетство и купечество. Таким образом, историческое событие признавалось ошибкой и стиралось со скрижалей истории. Наконец, 27 октября 1742 г. повелевалось собрать у населения церковные и гражданские книги, «печатанные во время правлений бывшего Герцога Курляндскаго и Принцессы Анны Брауншвейг-Люнебургской», для «известнаго в титулах исправления». Книги обещали отдать через полгода (на самом деле их прятали либо сжигали) уже с соответствующими изменениями. Таким образом, из исторической памяти удалялись и сами имена бывших правителей.

И вот теперь, «устранив» из истории «неправильных» преемников, можно было напрямую связывать имена и правления отца и дочери — Петра I и Елизаветы I. Этим занялись, в частности, одописцы.

* * *

Манифесты и указы Елизаветы Петровны являются собственно политическими актами, и потому степень мифологизации прошлого и настоящего в них всё-таки минимальна. Мифополитический потенциал законотворческой деятельности в максимально возможной степени будет реализован Екатериной II и Павлом I, пока же соответствующими возможностями обладали только искусство и его создатели.

Первыми среди литераторов отреагировали на переворот немцы-академики, которые, по-видимому, внимательно читали ноябрьские манифесты. Во всяком случае в панегирике Я. Я. Штелина³, приуроченном ко дню восшествия на престол и дню рождения (18 декабря) императрицы, уже находим тоpos *исторической преемственности* — сопоставление Елизаветы с её родителями. Панегирик был сочинён Штелином в ближайшие после 25 ноября дни и столь же срочно переведён на русский язык М. В. Ломоносовым. Оба варианта (немецкий и русский) были опубликованы 8 декабря 1741 г. в «Примечаниях к Ведомостям», и, таким образом, общественность уже через две недели после переворота получила его мифополитическую и историософскую интерпретации.

Центральным для оды Штелина–Ломоносова является вопрос о праве Елизаветы на престол. Ответ на него дан в виде прямого цитирования ключевых формул ноябрьских манифестов:

Достойна на престол вступи,
К присяге мы готовы вси.
Отдай красу Российску трону
По крови, правам и закону, —

³ Ломоносов 8, 1959, 53–58.

обращается к Елизавете «Отеческой земли любовь». Сам перифраз «отеческая земля» может быть трактован как «земля отца» (то есть Петра I) и как «земля предков» (в том числе Петра I)⁴. При этом важнейшим основанием получения престола признается в оде именно преемственность по крови. Так, Елизавета очень похожа на своих родителей, от которых она унаследовала множество достоинств; Пётр и Екатерина буквально возродились в своей дочери:

Желает кто Петра смотреть
Или Екатерину чтить
И их доброт дивиться цвету,
Возрит пусь (sic!) на Елисавету.

Сам переворот, рождение в Елизавете «геройской мысли» объясняются тем, что «В любовь *Петрова кровь* <...> К Твоим подданным воспалилась», то есть чуть ли не генетически закрепленной, наследованной от Петра любовью к подданным.

Завершается ода топосом «возвращения к обычаям, которые были при жизни Петра I и Екатерины I». Здесь он получает дальнейшее мифополитическое развитие, подразумевавшееся, я думаю, в манифестах и указах, но словесно там не выраженное.

Ликуй же светло, хор наук,
Открыл что Петр с Екатериной,
Чтоб слышен был веселой звук,
Сей день вам счастья причиной.
*Великий Петр что зачал сам,
Елисавет восставит нам.
Елисаветы долги лета
Прибавят Отчей славе света.*

1. Топос, имеющийся в указах и манифестах 1742 г.
2. Развитие топоса в оде.

Итак, «мифология власти» обретает в оде 1741 г. сюжетную форму; звенья этого сюжета таковы: Россия давно ждала возвращения на престол прямых, по крови, а значит, по закону наследников Петра I и Екатерины I — голос этой крови побудил их дочь занять престол — вместе с ней возродились сами Пётр с Екатериной и их достоинства — Елизавета не только восстановит в стране «золотой век», бывший при Петре, но и будет способствовать распространению славы своего отца и своих предков.

Что касается генезиса рассматриваемого топоса, то, скорее всего, восприятие настоящего (ныне царствующего властителя и времени его правления) сквозь призму «родового времени» было традиционным в европейской (той же немецкой) панегирической литературной культуре. Из оригинальных древнерусских источников, которые могли быть известны Ломоносову, следует указать на те историко-софские концепции средневековья, в которых подчеркивалось значение сильной светской власти в обустройстве Русской земли⁵. Общеευропейским источником данной традиции должно считать, по-видимому, библейские тексты, и в частности жанр генеалогии. Формируемая в одах пока ещё на локальном материале (родители — дети) генеалогия «дома Романовых» проводила идеи, вошедшие в описанный выше «историко-софско-мифополитический сюжет».

⁴ Словарь Академии Российской 4, 1789–1794, 665.

⁵ Мильков 2000, 107–115

Этот сюжет в оде Штелина пока чисто светский: Бога в числе одических персонажей нет, быть может, потому, что апелляция к Нему нет ещё и в манифестах. Нет в оде 1741 г. и наследника престола — фигуры, политически и исторически тогда ещё не существовавшей. И Всевышний, и наследник, и другие недостающие звенья нового, только ещё создаваемого политико-исторического мифа появятся уже через два месяца в следующей, оригинальной оде Ломоносова «На прибытие из Голстинии и на день рождения Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Петра Феодоровича 1742 года февраля 10 дня»⁶.

Одический жанр, несомненно, выполнял в то время некоторые функции средств массовой информации. Из официальных источников о наследнике стало известно 22 января 1742 г., а к его прибытию в Петербург 5 февраля ода была уже написана. В первой строфе Ломоносов создаёт «несущую конструкцию» того политического мифа, который будет развивать им в одах 1740–50-х гг. Идеологические паттерны, которых пока немного, которые восходят к манифестам и указам и смыслы которых будут в дальнейшем прирастать, таковы: 1) Божий Промысел спасает Россию от бед и напастей — 2) Елизавета восстанавливает «золотые лета» — 3) род Петра продолжает управлять страной. В первой строфе звучит слово из манифеста:

Красуются Петровы стены,
Что к ним Его приходит внук,
Прекрасной Анной днесь⁷ рожденный.

Цикл поколений (от деда к внуку) замкнулся, и можно говорить о продолжении рода-племени, связав и это событие с Божественным замыслом — восстановлением «доброего» (по мифопоэтическим представлениям) времени:

В сие *благоприятно* время,
Когда всещедрый наш Творец
Восставил нам *Петрово племя*
И нашей скорьби дал конец <...>.

Сразу появляются и варианты, впоследствии весьма продуктивные, этой «кровнородственной» мифополитической фразеологии:

О плод от корене преславна,
Дражайшая Петрова кровь.

В оде 1742 г. происходит наконец воскрешение и самого Первопредка и даже его детей, что в манифестах и указах выглядело бы, конечно, странным.

Ты зришь Великого Петра,
Как феникса, воскресша ныне;
Дражайшая Твоя Сестра
Жива в своем любезном сыне.

Возможности одического жанра позволяли сделать и смелый экскурс в прошлое, также немислимый в официальных документах, и заявить, что уже при рождении Петра Феодоровича россияне «горели» к нему любовью именно как

⁶ Ломоносов 8, 1959, 59–68. Далее страницы при цитировании не указываются.

⁷ Стоит обратить внимание и на это слово, имеющее значение 'ныне, сего дня; сей час, теперь'. Получается, что 13-летний Петр Феодорович только что родился, а его мать, почившая в бозе цесаревна Анна Петровна, жива. В результате манипуляций со временем прошлое становится в оде актуальным настоящим.

к «плоду от корене преславна». Появление наследника, да ещё внука Петра I, естественным образом вносило в складывающийся в одах мифополитический дискурс и другое временное измерение — будущее. Здесь и оказываются востребованы библейские историософемы, органично, наверное, возникшие в сознании бывшего ученика Славяно-греко-латинской академии. Картины будущего навеяны, с одной стороны, «Книгой Бытия», с другой — «Откровением Иоанна Богослова», то есть текстами, в которых описано начало (сотворение) мира (земной истории) и его конец. В издании 1742 г. Ломоносов в 11-й строфе прямо соотносит себя с пророком («Пророческ дух на мысль наводит»), и, следовательно, одическое слово желает быть богодухновенным⁸.

Что же предстает перед «духом» и «взором» поэта-духовидца?

Я Деву в солнце зрю стоящу,
Рукою Отрока держащу
И все страны полночны с ним.

В издании 1742 г. последняя строка содержала более прозрачный мифополитический образ: «И купно всю Россию с Ним». «Дева» и «Отрок», несомненно, ассоциировались с Елизаветой и её племянником, тем более что «одическая» Дева изображена воинственной («Разит перуном вниз своим, / Гоня противности с бедами»), тогда как апокалиптическая Дева убегает от дракона в пустыню. В 12-й и 13-й строфах нарисовано осуществившееся будущее, в образе которого слиты варианты одного и того же архетипа: Рай/земля обетованная/Новый Иерусалим:

И вечность предстоит пред Нею,
Разгнувши книгу всех веков,
Клянется небом и землею
О счастье будущих родов,
Что Россам будет непременно
Петровой кровью утверждено.
Отверзлась дверь, не виден край,
В пространстве заблуждает око;
Цветет в России красной рай,
Простерт во все страны широко.

Следует отметить, что рай этот — для избранного народа (Росса) и что создают его здесь, на земле, конкретные же монархи — «Петрова кровь».

Млеко и медом напоенны,
Тучнеют влажны берега,
И, ясным солнцем освещенны,
Смеются злчные луга <...>.

В варианте 1742 г. россиянам даже «росила» «из облак манна».

Собственно говоря, здесь время и история заканчиваются, а историософско-мифополитический сюжет оды себя исчерпывает. Единственное, чего желает «спасенная Россия», «увидев времена златья», — чтобы

Изволил вышний утвердить
Престол Петров чрез вечны лета.

⁸ Левитт 2004.

В оде «На прибытие Петра Феодоровича» Ломоносов сделал попытку создать цельную, жанрово определённую мифополитическую и одновременно историософскую концепцию. Источниками её послужили мифологические архетипы первопродка и культурного героя, библейские историософемы, в особенности хилиастического характера, и заданные властью (в манифестах и указах) идеи. Пётр Великий становится эпонимом: с него ведётся отсчёт исторического времени, он даёт «имя» всем «законным» русским монархам — тому «роду/племеню Петрову», которому по Божьей воле уготовано владеть Россией. Пётр I, иногда вместе с Екатериной I, как бы воплощается в своих детях и внуках; деяния предков-родителей также «наследуются» и продолжают их потомками. Для изображения идеального будущего состояния России, ее «щастья», которое обеспечит ей «Петрова кровь», привлекаются мифологемы «золотого века» и «рая на земле».

Очень скоро Елизавете не нужно уже будет утверждать своё право на трон, и, например, формулы «кровного родства» лишатся художественной и политической актуальности. Вот как это выразил тонко чувствовавший политическую конъюнктуру Г. Ф. В. Юнкер:

Но радость истинна; уже признал весь свет,
Как Ты на трон Петров взошла, Елисавет.

1742 г. выдвинет новые политические проблемы: в марте возобновится война со Швецией. Этой теме в основном и посвятят свои оды Юнкер и Ломоносов. Ода Юнкера «Венчанная надежда Российския Империи в высокий праздник коронования Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Елисаветы Петровны...» (март–апрель 1742 г.) и ода Ломоносова «На прибытие Ея Величества великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации» (26 сентября — 20 декабря 1742 г.) были батальными. Вполне естественным стало обращение в них к тем формулам «преемственности», в которых в один ряд ставились прошлые победы Петра I и ожидаемые победы Елизаветы I. На этом этапе развития русской оды вклад Юнкера и Ломоносова в развитие одической топики и идеологии является равновеликим. Именно Юнкер находит специальные «соотносительные» синтаксические и образные конструкции для выражения идеи «преемственности»: «он — ты», «где — тут», «ты будешь так, как он». На этом пути немецкий петербургский поэт создаёт значимую одическую формулу, связанную, несомненно, с манифестами: «Как Он отец наш был, Ты Мать России всей». По-видимому, из юнкеровой «Геройской Дщери» родилась ломоносовская «Петрова Дщерь». К собственно ломоносовским находкам следует отнести форму монолога-обращения духа Петра I к духу Екатерины I с выражением радости о славных деяниях их дочери. Могу предположить, что внимательное изучение официальных манифестов, указов и переписки этого времени обнаружит в них «первообразы» некоторых одических формул.

ЛИТЕРАТУРА

- Левитт М.* 2003–2004: Ода как откровение: православный богословский контекст одической поэзии Ломоносова // Славянский альманах. 5, 368–384.
Ломоносов М. В. 1950–1959: Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; Л.
Мильков В. В. 2000: Осмысление истории в Древней Руси. СПб.

Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. 1830. Т. XI. СПб.
Словарь Академии Российской 1789–1794. Ч. 1–6. СПб.

MYTHOLOGICAL AND POLITICAL FORMULAE IN MANIFESTOES AND
ODES OF 1741–1742 (“MYTHOLOGY OF THE POWER” IN POLITICAL AND
LITERARY CULTURES IN RUSSIA OF THE 18th CENTURY)

A. V. Petrov

The article deals with a close connection between political and literary cultures in Russia of the 18th century. Comparative analysis is performed on the formulae from manifestoes and decrees of Elizabeth, empress of Russia, on the one hand, and the formulae from Shtelin–Lomonosov’s ode of 1741 and Lomonosov’s first ode of 1742, on the other hand.

Key words: culture of the 18th century, mythology of the power, mythological and political formulae.

© 2011

Т. Е. Абрамзон

ОБ ОДНОМ ЛОМОНОСОВСКОМ СТИХЕ

Статья посвящена исследованию одного любопытного противопоставления в знаменитом «Письме о пользе Стекла» М. В. Ломоносова: предмету поэтического восторга — Стеклу — автор «Письма» противопоставляет Счастье. Включение ломоносовского стиха в западноевропейский культурный контекст привел к следующим выводам: предпочтение Стекла «ломкости лживого счастья» обозначает идею превосходства мира материального над миром идеальным, прагматики над абстракцией, постоянства над переменчивостью, истины над ложью — а рожден этот образ в скрещенье античной и европейской эвдемонистических концепций.

Ключевые слова: Просвещение, Ломоносов, эвдемонизм.

«Не ломкость лживаго я щастья представляю» — так звучит десятый стих знаменитой научно-дидактической поэмы «Письмо о пользе Стекла» (1752) Ломоносова. Предмету поэтического восторга — Стеклу — Ломоносов противопоставляет «лживое счастье», точнее, «ломкость» счастья. Появление пары *Стекло* — *Счастье* кажется странным: предмет мира материального включен в сравнение с понятием мира идеального. В этом риторическом отрицании вопросы вызывает все. Какова логика сравнения стекла со счастьем (понятно, когда устанавливается

Абрамзон Татьяна Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: ate71@mail.ru

иерархия стекла с минералами)? Почему счастье «лживое» и бывает ли «правдивое»? В чем заключается его «ломкость»?

Без обращения к предшествующим традициям — античной и западноевропейской — ответить на эти вопросы невозможно. Античное представление о богине счастья — Фортуне — включает целый комплекс мотивов: могущество; власть над всем миром; способность изменять жизнь людей любого класса,словия, ранга в лучшую или худшую сторону; зависимость мира людей от воли или капризов богини; несовпадение людских желаний с действиями Фортуны... Но главное — изменчивость и неожиданность милости или гнева этой богини. Однако — и это важно! — земное счастье, как и его противоположность, воспринимаются как данность, как закон мира, достойный уважения. В качестве иллюстраций к этому тезису приведем два значимых эвдемонистических¹ текста античности — поэтические размышления на тему счастья «самого греческого из греческих» и «самого римского из римских» поэтов.

О всесильности фортуны и ее переменчивом характере «поет» *Пиндар* в 12-й олимпийской песне, адресованной Эрготелу Гимерскому, родом из Кносса, на победу в дальнем беге (470 г. до н.э.):

Хранящая удача!
Тобою в море
Правятся быстрые корабли,
Тобою на суше
Вершатся скорые войны и людные советы.
Вскатываются и скатываются то ввысь, то вниз
Чаянья людские <...>
Ум к предстоящему слеп.
Многое неожиданное
Выпадает людям наперекор,
Иным же встречные бури
Глубоким благом мгновенно оборачивали скорбь².

В этом утешении героя—олимпийца, одного из дорийских эмигрантов, в поисках счастья прибывших в Сицилию в конце VI — начале V в., заключено несколько важных мотивов, унаследованных следующими поколениями поэтов.

Пиндар устанавливает причинно-следственную связь между изгнанием героя с родины и его победами в Олимпийских, Пифийских и Немейских играх, проговаривая идею о превратности, изменчивости фортуны. М. Л. Гаспаров объясняет восторг Пиндара от олимпийцев—победителей особенностью греческого сознания: спортивные состязания не столько выявляли самого сильного и умелого, сколько проясняли вопросы — на чьей стороне боги и кто является любимцем богов³? Людское счастье (или несчастье) определяется мгновенной волею богов. Могущество фортуны распространено на мир стихий, имеющий связь и с миром людей.

¹ Эвдемонизм (от греч. eudaimonia — блаженство, счастье) — принцип этики, заключающийся в стремлении человека к счастью.

² Гаспаров 1980, 50.

³ Гаспаров 1997, 29–48.

Во многом вторит пиндарическим откровениям Квинт Гораций Флакк, обращаясь в одной из од (кн. I, ода 35,) к богине Фортуне с просьбой сохранить жизнь Цезаря Августа, собиравшегося в поход на Британнию. Поэтическую мольбу Горация о жизни и успехе Цезаря предваряет размышление о власти и непостоянстве Фортуны:

Богиня! Ты, что царствуешь в Антии!
 Ты властна смертных с низшей ступени ввысь
 Вознесть, и гордые триумфы
 В плач обратить похоронный можешь.
 К тебе взывает, слезной мольбой томя,
 Крестьянин бедный; вод госпожу, тебя
 Зовет и тот, кто кораблями
 Бурное море дразнить дерзает.
 И дак свирепый, скифы, бродя в степях,
 Тебя страшатся. Грады, народы все...⁴

Гораций также обозначает пространственную («стихийный» топос *суша/море*), социальную (*крестьяне/тираны*) и наднациональную (страшатся все народы) всесильность Фортуны. Основными значениями, составляющими концепт *Счастья/Удачи*, стали переменчивость и всемогущество, неожиданность действий богини. В греко-римской картине мира *счастье/удача* — это «вещь» достижимая, обретаемая, хотя и переменчивая, и зависящая от воли богов.

В средние века христианская церковная догматика «изгоняет» счастье с земли: человеку остаются чувство вины за постоянное грехожитие, эсхатологические страхи и единственно возможный путь — страдание как необходимое условие райского блаженства после смерти⁵.

Только в Новое время европейские просветители «вернут» счастье с небес на землю. Поэты и философы объявят и будут защищать один из ключевых своих тезисов: «Человек рожден для счастья!» (причем для земного счастья). Просветители ищут *истинное* счастье, размышляют над *личным* и *общественным* счастьем, разрабатывают модель *всеобщего* счастья. Утопические устремления просветителей выработать для всего идеальный образец, пример, на который будут ориентироваться все люди, приводит к тому, что они ищут и идеал счастья. При всем различии взглядов просветителей на мир существуют и принципиальные идеи, исповедуемые всеми. Понятие «счастья» связывается просветителями, во-первых, с идеей свободы от религиозных предрассудков, прежде всего от неистребимых чувств греха и вины, сковывающих человека, во-вторых, с представлением о том, что человек сам творец своего счастья. В гуманистической парадигме просветителей счастье занимает одно из центральных мест. Они пытаются определить, что есть счастье и как его достигнуть.

Верный выбор человеку для достижения личного счастья помогает сделать Разум, который возведен просветителями в главный смысл жизни, например, в «Опыте о человеческом разуме» («Essay Concerning Human Understanding», 1690) Джона Локка. Счастье общественное обеспечивает просвещенный монарх с помощью установления правильных, справедливых законов, основанных на на-

⁴ Семенов-Тянь-Шанский 1993, 66.

⁵ Гуревич 2006, 356–368, 390–401.

чалах естественного равенства и естественных прав всех граждан. Издавая такие законы, он способствует счастью своего народа, или, говоря словами Мари-Франсуа Аруэ Вольтера: «Самое огромное счастье для людей — когда государь философ». Просветителей можно назвать «искателями счастья на земле».

Герой философской поэмы «Счастье» (1741–1751) французского просветителя Клода Адриана Гельвеция — юноша, жаждущий познать сущность человеческого счастья. Его провожатым на этом пути становится Мудрость. В чудесном саду — любовь и наслаждения, но и это не истинное счастье. Автор не отрицает чувственные наслаждения, но и не отождествляет их со счастьем: они его часть. Честолюбцы и карьеристы также не составляют мир счастья. Богатство — тоже не залог счастья: можно приобрести богатство и не уметь им распорядиться. Гельвеций призывает приобщиться к философской мудрости. Является ли познание истины условием достижения счастья? Гельвеций отвергает стоический принцип отказа от страстей и желаний, усматривая в презрении радостей и удовольствий нечто фальшивое и обманчивое. В третьей песне поэмы Гельвеций и его герой находят ответ на вопрос: счастье — многогранное знание, счастливый человек — просвещенный человек. Этим завершалась поэма. Но позднее, в зрелый период своего творчества, французский мыслитель, будучи уже автором книг «Об уме» (1758) и «О человеке» (1765), пересмотрел свое понимание счастья. Теперь он уверен, что разрешение проблемы счастья возможно не в индивидуальном, а в социальном плане. В заключительной, четвертой, песне поэмы Гельвеций утверждает: люди обретут счастье лишь в обществе, где будут разумно и справедливо отрегулированы личные и общественные интересы.

Другой французский просветитель Дени Дидро утверждал, что счастье — это «фундаментальная основа гражданского катехизиса». Чуть ли не все деятели эпохи Просвещения формулируют свои представления об индивидуальном и коллективном счастье. Просветители представляли счастье по-разному, связывая его с развитием цивилизации и техническим прогрессом (Вольтер) или с идиллическим покоем жизни на лоне природы (Руссо), но сходились в главном: человек может и должен быть счастлив на земле.

Тема счастья звучит в первом же стихотворном переводе русского просветителя Ломоносова — «Ода, которую сочинил господин Франциск де Салиньяк де ля Мота Фенелон, архиепископ Дюк Камбрейский, Священныя Римския Империя принц» (1738). Оду Фенелона, написанную в 1681 году, но опубликованную только после его смерти, вероятно, следует считать одним из тех текстов европейской литературы, с которыми Ломоносов познакомился, будучи за границей, и которые дали ему представление об актуальных темах современной поэзии и философии. Тема счастья оказалась одной из них. Перевод этой оды должен был свидетельствовать об успехах Ломоносова в изучении языков. Французский язык Ломоносов начал учить в 1737 году. Выбор этой оды был не случаен: она пользовалась популярностью не только во Франции, но и за ее пределами, считалась образцовым произведением французской поэзии; воплощала восходящий к античности идеал безмятежной жизни в тесном общении с природой.

В переводе этой оды Ломоносов впервые проговаривает идею презрения «спесивого» счастья в мире людей (богатство, карьера, власть, завоевания) и предпочтения ему жизни на лоне природы, вдали от суетных человеческих страстей.

Здесь же появится на свет русский вариант поэтической формулы о «лживом счастье». Вслед за своим французским предшественником истинным «счастьем»⁶ Ломоносов назовет идиллический покой сельской жизни и откажется от «лживой» фортуны — удачи в обществе:

Был из Еллинов мудрейший
Лжывья фортуны смех <...>
 Здесь, при Музах, во *щастливой*
 Слатко тишине живу,
 От войны всегда бурливой
 Молча весел недрожу.
 Сердце радостно при лире,
 Нежелая чести в мире,
Щастье лиш свое поет.
 Прочь, *фортуна*, прочь, спесива,
 И твоя вся милость *лжива*,
 Нивочто вменияю свет⁷.

«Лживая фортуна» (у Фенелона — «*trompeuse fortune*») обманывает людей, поэтому Фенелон не завидует даже самому счастливому, удачливому, смелому и мудрому из смертных — Одиссею («*Des Grecs je vois le plus sage*»), «из Еллинов мудрейший»: «*Je goute, loin des alarmes, / Des Muses l'heureux loisir...*»

Обретение личного тихого счастья путем эскейпизма (отказа от карьеры и жизни в обществе, предпочтения сельского уединения) — одно из направлений развития темы. Тема счастья разрабатывается французскими просветителями и в социально-политическом ракурсе, обретая обличительный пафос, который направлен в первую очередь против власть имущих. Это касается оды «На счастье» Ж. Б. Руссо. Предъявляя требование справедливости и к Провидению, просветители обличают и укоряют счастье, которое наделяет людей недостойных властью (особенно короной), богатством и положением. Именно таким обличительным пафосом пронизана ода «На счастье» («*A La Fortune*») французского поэта Жана Батиста Руссо, первые литературные опыты которого были одобрены самим законодателем французского классицизма Н. Буало. Она была направлена против завоевателей и тиранов, кровью подданных добывающих власть, богатство и славу. Но кроме социально-политического контекста, составляющего главный смысл произведения, в последнем присутствует и философская идея превратности счастья, его непостоянства.

В 1759 году вечные соперники Ломоносов и Сумароков одновременно переводят оду «На счастье» Ж. Б. Руссо: Ломоносов — 4-стопным ямбом, Сумароков — 4-стопным хореем. В этом стихотворном состязании (как и в более раннем поэтическом споре 1743 года, в котором третьим участником был В. К. Тредиаковский) победу одержал Ломоносов. Его звучные ямбические строфы наиболее соответствовали обличительному пафосу французского оригинала, нежели хорее-

⁶ Словарь Академии Российской фиксирует два основных значения слова «счастье»: «1) Удача, щастливый случай, щастливое произшествие <...> 2) Благополучие, благосостояние, благоденствие <...>» (САР IV, стб. 940).

⁷ Ломоносов VIII, 1959, 12–13.

ические, иногда невнятные строки Сумарокова. Первая строфа оды Руссо в ломоносовском переводе звучит следующим образом:

Доколе, <i>щастье</i> , ты венцами	<i>Fortune</i> , dont la main couronne
Злодеев будешь украшать?	Les forfaits les plus inouis,
Доколе <i>ложными лучами</i>	Du <i>faux eclat</i> qui t'environne
Наш разум хочешь <i>ослеплять</i> ?	Serons-nous toujours eblouis?
Доколе, истукан <i>прелестной</i> ,	Jusques a quand, <i>trompeuse</i> idole,
Мы станем жертвой нам безчестной	D'un culte honteux et frivole
Твой тщетной почитать алтарь?	Honorerons-nous tes autels?
Доколе будет строить храмы,	Verra-t-on toujours tes caprices
Твои чтить замыслы упрямы,	Consacres par les sacrifices
<i>Прельщенная</i> словесна тварь ⁸ ?	Et par l'hommage des mortels ⁹ ?

Образ судьбы, счастливой участи включает в оде Руссо мотивы «ложного блеска» («*faux eclat*»), восхищающего и ослепляющего («*eblouis*») смертных. Счастье названо «обманчивым идолом» («*trompeuse idole*»), которому приносят жертвы и почитают его. Ему вторит и русский просветитель. Если в переводе Фонтенелевой оды Ломоносов употребляет кальку *фортуна*, то в дальнейшем отказывается от нее, заменяя русским «счастьем». Весь синонимический ряд с темой «высшей предопределенности» человеческого пути, который представлен во французских одах словами *fortune*, *sort*, *heuresse*, в ломоносовском торжественном дискурсе балансирует между двумя словами с положительной и отрицательной коннотацией — «счастьем» и «роком». «Рок» чаще всего связан со смертью высших государственных персон, «счастье» («блаженство») подданных — это заслуга правящей особы, за что и возносит ей благодарность поэт.

Мотивы преодоления непостоянства счастья и желания сохранить счастье «недвижным» становятся общими одическими местами:

Он ради твоего блаженства,
 Даров достигнет совершенства,
 И *счастье* бег остановит.
 (Ода 1742 года)¹⁰
 И *счастье* наше обновилось
 На трон взошла Петрова Дщерь <...>
 Хотя от смертных сокровенно
 Грядущих бытие вещей;
 Однако сердце, просвещенно
 Величеством богини сей,
 На будущие дни взирает
 И больше *счастье* предвещает.
 Конец увидим оных дел:
 Что ради нашего блаженства
 На верьх поставить совершенства
 Входящий в небо Петр велел.

⁸ Ломоносов VIII, 1959, 661.

⁹ Rousseau, 94.

¹⁰ Ломоносов VIII, 1959, 62.

(Ода 1746 года).¹¹
 Как ясно солнце воссияло
 Свой блеск впервые на тебя,
 Уж *счастье* руку простирало,
 Твои приятности любя,
 Венец держало над главою
 И возвышало пред тобою
 Трофеи отческих побед,
 Преславных чрез концы земные.
 Коль *счастлива* была Россия,
 Когда воззрела ты на свет!
 (Ода 1746 года).¹²
 Мне полно тех побед, сказала,
 Для коих крови льется ток.
 Я россов *счастьем* услаждаюсь,
 Я их спокойствием не меняюсь
 На целый запад и восток.
 (Ода 1747 года).¹³

Нужно отдать должное лингвокультурному проектированию Ломоносова, дополняющего один член антиномии «лживое» (счастье) другой его половиной — «правдивое»: «А ты, возлюбленная лира, / Правдивым счастьем веселись» (ода 1750–1751 г.)¹⁴. Правдивость счастья заключена в том, что Россией управляет Елизавета Петровна. Таким образом, применительно к «своему» миру в хвалебном одическом дискурсе наблюдаем своеобразную перелицовку мотивов обличительной оды Руссо: и счастье у россиян «правдивое», и венцами оно украшает того, кого следует.

Этот образ манящего своим блеском, ослепляющего своими лучами и обманывающего в конце концов Счастья Ломоносов выбирает той самой смысловой антитезой к своему полезному, вечному и дающему истинное счастье людям Стекла, которое также блистает «приманчивым лучем». Интересно, что Ломоносов использует мотив лживости, а не слепоты фортуны¹⁵.

Итак, предпочтение Стекла «ломкости лживого счастья» обозначает идею превосходства мира материального над миром идеальным, прагматики над абстракцией, постоянства над переменчивостью, истины над ложью — а рожден этот образ в скрещенье античной и европейской эвдемонистических концепций. В данной строке Ломоносов реализует одну из возможных черт образа — счастье

¹¹ Ломоносов VIII, 1959, 139, 145.

¹² Там же, 152–153.

¹³ Там же, 198.

¹⁴ Там же, 402.

¹⁵ Не могу преминуть, чтобы не привести строки из письма Ломоносова к И. И. Шувалову от 17 апреля 1760 года, в котором личностная самоидентификация поэта строится на отрицании «слепого счастья» в судьбе: «По окончании сего только хочу искать способа и места, где бы чем реже, тем лучше видеть было персон высокородных, которые мне низкою моею породою попрекают, видя меня, как бельмо на глазе, хотя я своей чести достиг не слепым счастьем, но данным мне от Бога талантом, трудолюбием и терпением крайней бедности добровольно для учения» (Ломоносов X, 1959, 539).

«лживое». Но слово «ломкость», являющееся контекстуальным синонимом непостоянства, изменчивости и укладывающееся в амальгаму антично-европейского эвдемонизма, все же более принадлежит научной лексике и обозначает свойство физическое. И в этом оригинальность ломоносовского образа счастья.

ЛИТЕРАТУРА

- Гаспаров М. Л.* 1997: Избранные труды. Т. 1.: о поэтах. М.
Семенов-Тянь-Шанский А. П. (пер.) 1993: Квинт Гораций Флакк. Собрание сочинений в одном томе. СПб.
Гуревич А. Я. 2006: Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб.
Ломоносов М. В. 1950–1959: Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; Л.
Гаспаров М. Л. (под. изд.) 1980: Пиндар, Вахкилид. Оды. Фрагменты. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlit/pindar/pindar03.htm#c12>
Словарь Академии Российской 1789–1794: в 6 т. СПб.
Rousseau J.-B. Oeuvres. A Bruxelles. MDCCXLIII. T. I.

ON A VERSE BY LOMONOSOV

T. Ye. Abramzon

This is a study of a curious antithesis in famous “Notes on the Advantages of Glass” by M. V. Lomonosov. Glass, the object of poetic exaltation, is set by Lomonosov against Happiness. The verse, incorporated into the context of Western culture, leads to the following conclusion: preference for Glass instead of fragile false happiness symbolizes supremacy of the material world over the ideal world, of pragmatism over abstraction, of permanence over changeability, of truth over falsehood. The image evolved from a mixture of antique and European eudemonic concepts.

Key words: Enlightenment, Lomonosov, eudemonism.

© 2011

С. Н. Пузанкова

ЭКФРАСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ М. В. ЛОМОНОСОВА
(«НАДПИСЬ НА СПУСК КОРАБЛЯ, ИМЯНУЕМАГО СВЯТАГО
АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО, 1749 ГОДА»)

В статье анализируется «Надпись на спуск корабля, имянуемаго Святаго Александра Невского, 1749 года» М. В. Ломоносова как поэтический экфрасис. Перевод реального события в живописно-поэтическую картину происходит при помощи метафоризации материальных объектов и подмены описания реального события (спуска корабля) размышлением о происхождении военно-морского флота России.

Ключевые слова: русская литература XVIII века, Ломоносов, жанр надписи, экфрасис.

«Надпись на спуск корабля, имянуемаго Святаго Александра Невского, 1749 года»¹ — один из стихотворных опытов М. В. Ломоносова, посвящённый реальному событию. Шестидесяти шести пушечный корабль, названный в честь небесного покровителя Санкт-Петербурга Александра Невского², был торжественно спущен на воду 18 мая³ на Адмиралтейской верфи русским корабельным мастером Гавриилом Окуневым. Корабль был построен «по французской технологической схеме, изученной им (Окуневым П. С.) у француза М. Пангалю, работавшего при Петре I на верфи, и во время учёбы во Франции с 1725 по 1731 г.»⁴. «Александр Невский» был одним из новых боевых кораблей в числе 15-ти планируемых такого типа во всем русском флоте⁵ и одним из первых кораблей с именем этого святого.

Небесному покровителю Санкт-Петербурга Ломоносов посвятил ещё две надписи, которые были выгравированы на серебряной раке Александра Невского. В них поэт превозносит святость и героизм русского князя. В рассматриваемой же нами надписи нет какого-либо упоминания о святом, кроме как в самом названии. Однако это сочинение вызывает не меньший интерес с точки зрения особенностей поэтического рисования объекта изображения (спускаемого корабля). Подобно художнику-маринисту, создающему картину кисточкой и красками, Ломоносов написал своё «живописное» полотно «на случай» из военно-морской жизни вербальными средствами. Он создал поэтический экфрасис — словесное описание определённого события/случая, в котором главным стало воссоздание

Пузанкова Светлана Николаевна — ассистент кафедры культурологии Магнитогорского государственного технического университета.

¹ Ломоносов VIII, 1959, 234.

² Известно, что Пётр Великий возвёл почитание Александра Невского «в официальный общегосударственный культ, особенно после основания Санкт-Петербурга (1703) и Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря (1710)», и с 1704 г. Александр Невский «почитался покровителем нового города на Неве вслед за апостолами Петром и Павлом» // Фортунатов 2009, 63–64; Бегунов 1995, 168.

³ Ломоносов VIII, 1959, 953.

⁴ Мытник 2004, 46.

⁵ Ломоносов VIII, 1959, 953.

«мира предметов»⁶. Задачей нашего исследования является выявление особенностей ломоносовского экфрасиса.

Предположительно надпись была создана в тот же день, в который происходил спуск корабля, и, вероятно, под впечатлением от увиденного⁷. Центральным образом в ней стала «гора», под которой подразумевается корабль «Святой Александр Невский»:

Гора, что Горизонт на суше закрывала,
Внезапно с берегу на быстрину збежала:
Между палат стоит, где был недавно лес;
Мы веселимся здесь в середине тех чудес.
Но мы бы в лодочке на луже чуть сидели,
Когдаб великаго Петра мы не имели⁸.

Ассоциацию с природным образом Ломоносову позволяют провести размеры спускаемого корабля и его внешний вид. Сам он не сохранился, так как в 1763 г. был разобран в Кронштадте, но некоторые сведения о нём зафиксированы в материалах по истории российского флота⁹. Это парусный трёхмачтовый двухдечный линейный корабль, длина которого достигает 47,4 м, ширина — 12,65 м, осадка — 5,48 м. С ракурса Ломоносова-зрителя, наблюдавшего за спуском корабля из окон здания Академии наук¹⁰, послужившими своего рода рамой для случая-картины, становилось очевидным, что размеры и месторасположение судна позволяли ему «закрывать» собою «Горизонт». Употребление в одном ряду созвучных слов *гора* — *горизонт* усиливают читательское восприятие описываемого образа. Интересным представляется тот факт, что история возникновения одного из самых первых музеев естественных наук — Кунсткамеры — начиналась со сбора образцов различных горных пород в одну коллекцию. Так и корабль-гора в надписи стал символическим образом начала творения цивилизованного мира, связанного с петровскими преобразованиями.

Олицетворяя «Гору» («внезапно с берегу на быстрину збежала»), Ломоносов фиксирует и экфрастически связывает процесс исторического спуска корабля и поэтическую картину воедино. «Быстриной» он называет и одновременно характеризует реку Неву, которая в описываемом месте «достаточно широка для спуска кораблей со стапелей», и в которой течение «повсюду быстрое»¹¹. Это ещё один экфрастический приём, при помощи которого поэт рисует «марину» — стихийную часть пейзажа. Это та стихия, с которой корабль «Александр Невский» будет бороться в открытых водах и одновременно решать свои боевые задачи¹².

⁶ Бобрык 2002, 182.

⁷ Ломоносов VIII, 1959, 953.

⁸ Ломоносов VIII, 1959, 234.

⁹ Широкоград 2007; Данилов 1996; Чернышёв I, 1997.

¹⁰ «Адмиралтейская крепость была расположена на левом берегу Невы, на месте нынешнего Адмиралтейства, против окон стоявшего на другом берегу здания Академии наук». Таким образом, Ломоносову, когда он глядел на верфь из этих окон, громада стоявшего на стапеле корабля действительно «Горизонт на суше закрывала» // Ломоносов VIII, 1959, 953.

¹¹ Нежиховский 1981, 68.

¹² В XIII в. шведы пытались завладеть Невую, но были отбиты новгородцами в 1240 году под предводительством князя Александра Невского (Брокгауз, Ефрон 2004, 399).

В строке «*Между палат стоит, где был недавно лес*» мы встречаем характерную для русской литературы XVIII века одическую формулу «где прежде... ныне там» (Л. В. Пумпянский), символизирующую процесс творения нового мира. Здесь под «*палатами*» подразумевается здание Адмиралтейства «П-образного плана», которое охватывало «крыльями» обширный двор, раскрытый к берегу Невы¹³. На территории этого двора находилась Адмиралтейская верфь, которая и по сегодняшний день «следует плану фахверковой кораблестроительной верфи, заложенной в 1704 г. по чертежу Петра I»¹⁴. Здесь же находились эллинги¹⁵ для строительства парусных кораблей и доки, а также прочие необходимые сооружения¹⁶, а в 1715–1716 гг. был вырыт канал внутри Адмиралтейского двора, который долгое время служил для транспортировки строительных материалов и плавания судов и был засыпан только в 1874 году¹⁷. Слова «*стоит*» «*между*» определяют местоположение корабля, что соответствовало реальному событию. Упорядоченное архитектурное пространство, характерное для замыслов и нововведений Петра I при строительстве нового города, предстаёт противвесом водной стихии. Это находит отражение в обоих текстах — реальном и вербальном. Статичное Адмиралтейство, символизирующее стабильность и тыл в пейзажном фоне надписи и одновременно являющее собой защитную крепость в действительности.

В словах «*где был недавно лес*» читатель видит, как «взору русских солдат и офицеров, пришедших сюда (на территорию будущего города. — П. С.) ранней весной 1703 г. <...> предстала заболоченная равнина, поросшая густым хвойным лесом»¹⁸. Она стараниями человека была преобразована в первое судостроительное предприятие будущей столицы¹⁹. Картина допетровского времени в надписи сопоставляется с современным Ломоносову видом при помощи указательного слова *где*, которое выполняет функцию связующего звена в создании пространственно-временных отношений.

Пейзаж продолжает играть важную роль при создании ещё одного, не менее важного поэтического образа — «лодочки»: «*Но мы бы в лодочке на луже чуть сидели / Когда б великаго Петра мы не имели*». «Лодочка» — это знаменитый ботик Петра I, «носящий почетное название Дедушка русского флота»²⁰. Величина ботика не превосходит «средних размеров шлюпки и весит несколько менее 80 пудов. Длина его 19 фут 9 дюймов (6,1 м), высота от киля до верха 2 фута 8 дюймов (0,8 м), ширина 6 фут 5 дюймов (1,97 м) и высота мачты 21 фут (6,61 м); вооружён он четырьмя маленькими пушками»²¹. Это «один из драгоценнейших русских исторических памятников. Его уважают как святыню

¹³ Пилявский 1945.

¹⁴ Синявер 1948; Алешина 1986, 424.

¹⁵ Элинг — помещение на берегу, где строится или ремонтируется корпус судна // Ожегов, Шведова 1995, 898.

¹⁶ Богатырёв 1981, 60–63.

¹⁷ Нежиховский 1981, 22–23.

¹⁸ Там же, 22.

¹⁹ Богатырёв 1981, 60.

²⁰ Приложение к «Русской старине» IV, 1871, 463.

²¹ Шубинский 1888, 205.

и оказывают почести как живому существу»²². Принято считать, что с него началась история русского флота, а именно с того момента, когда Пётр I нашёл его в сарае «между старыми (выделено мною. — П. С.) вещами деда своего Никиты Ивановича Романова», распорядился его исправить, оснастить и спустить на Измайловский Просяной пруд²³. Это тот самый пруд, который Ломоносов в надписи называет «лужей». Пётр I, пытаясь производить на своём ботике какие-либо маневры в пруду, «не довольствовался» его «тесными водами»²⁴: «бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега»²⁵. «Лужа» в поэтическом тексте имеет своё символическое значение. Это знак мелководья, застоя, ограниченности возможностей в малом пространстве. Ломоносов учитывает природные черты мелкого водоёма, и это помогает ему образно нарисовать один из моментов истории российского государства. В словах «на луже *чуть сидели*», т. е. находились неподвижно, не развиваясь («сидели»), в дополнение ко всему неустойчиво и нестабильно («чуть»), Ломоносов описывает состояние морской/речной России на конец XVII века. Государству нужен был флот, а не устаревшие торговые суда, чтобы «вытеснить с юга Турок, а с Севера изгнать Шведов», а «суда строились по его выражению (Петра I. — С. П.) прежним делом, то есть по старинному, без всякого знания, крепились плохо, а потому и служили недолго и, расшатываясь на волнении, гнили и губили людей»²⁶. «Лодочка» и «лужа» побудили «неусыпный дух Петров к полезному рачению основать флот и на морской глубине показать Российское могущество»²⁷.

Феофан Прокопович в своём «Слове похвальном» пишет о находке Петра, что «малый ботик против флота есть, аки зерно против древа», но он значим, потому что «от того зерна возрасли сия великая, дивная, крылатая, оруженосная древесина»²⁸. Такой «оруженосной древесиной» в надписи Ломоносова предстаёт спускаемый корабль «Александр Невский», в честь которого «*мы веселимся здесь в середине тех чудес*». «Веселье» во время торжественного спуска корабля — это ещё один исторический факт, который нашёл своё отражение в экфрасическом тексте. Известно, что Пётр I любил свой флот и в честь каждого нового спуска корабля приказывал устраивать торжества со всевозможными «чудесами». Под «чудесами» можно понимать как фейерверки, так и результаты петровской деятельности — корабли, архитектурные сооружения, преобразования ландшафта, победы над природной стихией. Веселье происходит «здесь» и «в середине», то есть там, где расположена Адмиралтейская крепость, являющаяся центром города. Использование указательного и уточняющего слов — это ещё один из приёмов создания экфрасиса, который выполняет функцию конкретизации местоположения описываемого случая и «спаивания» поэтического и реального текстов воедино.

Строка «*Мы веселимся здесь в середине тех чудес*» в надписи выполняет несколько функций. С одной стороны, в ней отражается традиция празднования со-

²² Приложение к «Русской старине» IV, 1871, 463.

²³ Боголюбова II, Ч. 4, 1879–1880, 405.

²⁴ Там же.

²⁵ Устрялов II, 1858, 400.

²⁶ Боголюбова II, Ч. 4, 1879–1880, 407.

²⁷ Ломоносов VIII, 1959, 599.

²⁸ Еремина 1961, 105.

бытий из жизни военно-морского флота, с другой стороны — это подытоживающая часть поэтического экфрасиса. Именно здесь Ломоносов передаёт читателю свою эмоциональную оценку увиденного и присваивает описанным изменениям новое имя — «чудеса». И ещё: эта строка в надписи является связующим звеном между двумя разными поэтическими картинками (корабль/ботик), где вторая противопоставляется первой союзом «но».

Взаимосвязь эта происходит, прежде всего, в появлении нового героя — зрителя («мы»), который до этого наблюдал за происходящим событием со стороны, а теперь стал участником событий. Его активная позиция выражается в том, что в последних трёх строках из шести местоимение «мы», в которое Ломоносов включает и себя, повторяется трижды. Но образ зрителя в надписи различен. Если в четвёртой строке это люди, непосредственно наблюдающие за происходящим, то в пятой и шестой — это символический образ всех россиян:

Но мы бы в лодочке на луже чуть сидели,
Когда б великаго Петра мы не имели²⁹.

Этот приём помогает условно обозначить рамки виртуальных картин, которые образуют собой экфрасис в экфрасисе. Такой эффект создаёт «вмещение» по принципу матрёшки одного живописно-поэтического пространства в другое, где основополагающими частями композиции становятся две панорамы: Петербурга и Измайловского пруда. Размеры пейзажных фонов сопоставлены с физической величиной описываемых объектов (большой-большой / малый-малый), что просматривается в соотношениях «гора» — «быстрина» / «лодочка» — «лужа». Интересно, что описание сцены со спуском корабля в надписи выражается в трёх строках, а для создания картинки с «лодочкой» — в двух. Более того, последние строки не отображают того, что в действительности видел Ломоносов. Написанные в условном наклонении, они являются размышлениями о деятельности Петра, которому присваиваются все заслуги происходящего в настоящее время для поэта. О деятельности Елизаветы Петровны в них не упоминается.

Таким образом, в «Надписи на спуск корабля “Александр Невский”» внешние черты описываемого объекта, его размеры породили поэтический образ «горы», который стал смыслообразующим для возникновения других природных предметов надписи (горизонта, суши, быстрины). В надписи существуют две линии, которые образуют два взаимосвязанных, но разных по величине и экфрастическому выражению художественных полотен. В них «гора» и «быстрина» дублируются и одновременно переводятся из большего — в меньший размер (корабль → лодочка; быстрина (Нева) → лужа (Измайловский пруд)). В «большой» картине присутствует динамичность, в «малой» — статичность. Первая — отражение реальной действительности, во второй — размышления «по поводу», что делает последнюю часть неэкфрастичной. Ломоносов в шести строчках поднимает и озвучивает тему становления российского военно-речного флота и напоминает современникам и потомкам о том, что преемственность — один из основополагающих факторов развития страны.

²⁹ Ломоносов VIII, 1959, 234.

ЛИТЕРАТУРА

- Алешина Л. С.* (сост.). 1871: Дедушка русского флота. 1688–1832 // Приложение к «Русской старине». С-Петербург, 28 октября 1871 г. Т. IV.
- Алешина Л. С.* 1986: Ленинград и окрестности. М.
- Бегунов Ю. К.* 1995: Житие Александра Невского. Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб.
- Бобрык Р.* 2002: Схема и описание в научных текстах о живописи. Анализ или экфрасис? // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / Л.Геллер (ред.). М., 180–189.
- Богатырёв И. В.* 1981: Первая верфь С.-Петербурга // Судостроение, 4.
- Боголюбова Н.* 1879–1880: История корабля. Общедоступное изложение судостроения и судоходства у всех прибрежных народов от древнейших времён до наших включительно: в 2 т. М.
- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* 2004: Энциклопедический словарь. Современная версия. М.
- Данилов А. М.* 1996: Линейные корабли и фрегаты русского парусного флота. Минск.
- Еремьина И. П.* (ред.) 1961: Феофан Прокопович. Сочинения». М.; Л.
- Ломоносов М. В.* 1950–1959: Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; Л.
- Мытник Н. А.* 2004: Краткая история корабельных наук (хронология событий с комментариями). Владивосток.
- Нежиховский Р. А.* 1981: Река Нева и Невская губа. Л.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* 1995: Словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.
- Пилявский В. И.* 1945: Главное Адмиралтейство в Ленинграде. Л.; М.
- Полевая В. М.* (ред.) 1986: Популярная художественная энциклопедия. Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство. М.
- Синявер М. М.* 1948: Адмиралтейство. М.
- Устрялов Н.* 1858: История царствования Петра Великого: в 2 т. СПб.
- Фортунатов В. В.* 2009: Российская история в лицах. (Серия «Знаки истории»). СПб.
- Чернышёв А. А.* 1997: Российский парусный флот. Справочник: в 2 т. М.
- Шатин Ю. В.* 2004: Ожившие картины: экфрасис и диегезис // Критика и семиотика. 7, 217–226.
- Широкопад А. Б.* 2007: 200 лет парусного флота России 1696–1896. М.
- Шубинский С. Н.* 1888: Двухсотлетие «Дедушки русского флота». СПб.

ECPHRASIS EXPERIENCE OF M. V. LOMONOSOV (INSCRIPTION
DEDICATED TO LAUNCHING A BOAT)

S. N. Puzankova

The article analyzes Lomonosov's inscription dedicated to launching a boat as ecphrasis. A real event is transferred into a picturesque poetic image with the help of metaphorization of real material objects and substitution of speculations about the origin of Russian navy for a description of a real event (launching a boat).

Key words: Russian literature of the 18th century, Lomonosov, inscription genre, ecphrasis.

© 2011

Е. Р. Иванова, И. В. Ващенко

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЖАНРА НОВЕЛЛЫ В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XIX ВЕКА

Статья посвящена анализу развития жанра новеллы в немецкой литературе XIX века. Модернизация жанра соотнесена с основными литературными тенденциями эпохи: романтизмом, бидермейером и реализмом. Авторы статьи определяют эстетические и теоретические доминанты новеллы в творчестве немецких писателей.

Ключевые слова: немецкая литература, новелла, жанр, романтизм, бидермейер, реализм.

История новеллистического жанра в литературе Германии XIX века отражает общую динамику литературного процесса. Он был возрожден и значительно изменен романтиками в начале столетия. Введению новеллы в систему жанров романтической литературы и ее художественному воплощению предшествовало теоретическое осмысление проблемы в работах братьев Шлегелей, Шлейермахера, Тика.

Создавая теорию новеллы, романтики ориентировались на Гете, который в оценке жанра акцентировал внимание на интересе к происшествию, «где случай играет с человеческой слабостью и несостоятельностью» (Гете 1934, 138), и его новизне. Романтики вслед за Гете считали, что в основе новеллы должно лежать событие реальной жизни, а повествование концентрироваться вокруг центрального пункта. Вместе с тем Ф. Шлегель в статье «О поэтических произведениях Джованни Боккаччо» переносит акцент с объективной на субъективную сторону новеллы, считая более важным впечатление от произведения, чем сами события, изложенные в нем. Он писал: «Я утверждаю: новелла очень подходит для того, чтобы косвенно и как бы символически представить субъективный взгляд и субъективное настроение, и притом самые глубокие и самые самобытные из них»¹. Основоположники немецкого романтизма утверждали, что образцом новеллистики является «Декамерон» Боккаччо; особое внимание, как у Гете, следует уделять фабуле, но при этом реальный мир перестает быть основным объектом внимания, а большее значение придается переживаниям героя. В новеллах романтиков появляется эмоциональная атмосфера, отсюда и лирическое начало как новое качественное отличие романтической новеллы: присутствие субъекта повествования, выделение какой-либо детали, особая значимость лейтмотива, символа, обилие лирических вставок. Кардинально изменяется композиция новеллы: появляются пропуск сюжетных кусков, композиционная «инверсия», повествование разбивается на прозаические и стихотворные части.

Иванова Елена Радифовна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, теории и методики обучения литературе Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ВПО ГОУ «Оренбургский государственный университет». E-mail: iva17051@yandex.ru

Ващенко Ирина Вениаминовна — аспирант кафедры литературы, теории и методики обучения литературе Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ВПО ГОУ «Оренбургский государственный университет». E-mail: Watshenko2008@yandex.ru

¹ Шлегель 1983, 420.

Новеллы раннего Тика, Brentano, Арнима, Клейста, Эйхендорфа представляют собой яркие образцы романтической модификации жанра. На этапе позднего романтизма новелла в творчестве Гофмана и Гауфа утрачивает особый лирический пафос, а вследствие пересмотра раннеромантических положений, повлекшего за собой иную расстановку акцентов в интерпретации романтического двоемрия, значительно меняется тематика, конфликт и финал произведений.

Кризис романтизма в Германии совпал с процессом утверждения, развития бидермейера. Литературный бидермейер представляет одно из значимых течений постромантического периода в литературе Германии XIX в. Литературе бидермейера характерны аполитичность, стремление к компромиссам, ограничение действия бюргерской средой, культ дома, семьи. В литературе бидермейера, отмечает Р. Шредер, слово «новелла» становится в большей степени «модным» понятием². Кажется, что новеллы пишут все. В свет выходят многочисленные новеллистические сборники, которые часто именовались «Венок новелл» под обобщающими «цветочными» заголовками. Это, например, сборники «Розы и шипы» («Rosen und Dornen», 1817), «Цветочный венок, составленный из новейших писем из-за границы» («Blütenkranz, gewählt aus den neuesten Unterhaltungsschriften des Auslandes», 1821) И. Шопенгауэра, «Волшебные колокольчики» («Zauberglöckchen», 1829) И. Лейтбехера, «Розы мха» («Moosrosen», 1830), «Летние мальвы» («Sommermalven», 1833), «Осенние виолы» («Herbstviolen», 1838) К. Шпиндлера. Сегодня самым известным образцом литературы бидермейера является сборник новелл австрийца А. Штифтера «Полевые цветы» (1840).

В. Гауф, жалуясь на вкусы читающей аудитории, писал: «Чудесный, сказочный мир поэзии больше не находит восприимчивой публики <...> В такое скверное время новелла — это очень удобная вещь»³. Грильпарцер сравнивает новеллу с немецким «домашним животным»⁴. Тик в 1829 г. в «Предисловии» к XI тому своих сочинений, рассуждая о новелле, главной ее целью назовет занимательный сюжет из реальной жизни⁵, окончательно разрывая отношения с романтической новеллой. «Тривиальный в прошлом жанр, артистически «возвышенный» Гете, наполнившийся глубоким философским, социальным, историческим содержанием у романтиков, вновь тривиализируется в ходе самой романтической эволюции, деградирует порой до уровня коммерческой продукции»⁶.

Литература бидермейера является своеобразным промежуточным звеном между романтизмом и реализмом. В рамках литературы и культуры бидермейера в целом происходит переосмысление многих романтических канонов и выработка новых принципов освоения действительности. Поэтому бидермейер также называют «наивным реализмом», «бюргерским реализмом» и т.п. Не вызывает сомнения то, что изменения содержания новеллы, обусловленные процессом освоения действительности, вызвали трансформацию жанра.

Бидермейеровская новелла, представленная творчеством позднего Тика, Мерики, Гауфа, Дросте-Хюльсхоф, Клаурена, Лангбайна и других, окончательно

² Schröder 1967, 87.

³ Hauff 1925, 166.

⁴ Schröder 1967, 63.

⁵ Tieck 1830, 436.

⁶ Бент 1990, 373.

перемещается в сферу реальной жизни, где доминирующим становится быт как воплощение реальности. Это способствовало обновлению поэтических средств жанра, изменившихся под воздействием иного мироощущения эпохи. В новелле бидермейера практически нет поэтических вставок или же включение их в текст объясняется сугубо практическими целями. При этом повествование дополняется элементами бытописания.

Реализм быта, являясь по сути реализмом примитивным, вызвал к жизни героев, ограниченных им. Среди героев новелл литературы бидермейера преобладают, следуя дилемме Гофмана, не музыканты, а «просто хорошие люди». Это обыватели, бюргеры, которые живут, довольствуясь малым: Паулина Ламберт («Катальная гора» Г. Клаурена), Вернер и его дочь Луиза («Юристы» Л. Тика), Амалия и ее мать («Решительная мать» Л. Тика) и другие. Более того, традиционно романтические герои в новелле бидермейера также обретают черты обыкновенного человека. Пример этому — новелла Э. Мерике «Моцарт на Пути в Прагу» (1855), в которой, по мнению Б. ф. Визе, «романтическая субъективность превратилась в классику бидермейера»⁷. Герой Мерике — гениальный музыкант и композитор, творческая личность — вынужден предпринять путешествие в Прагу. Оно сулит Моцарту свершение творческих планов и материальное благополучие. В связи с этим и романтический мотив странствий у Мерике звучит совершенно иначе. Музыка и деньги для романтиков — понятия несовместимые, но Моцарт Мерике — это живой человек, вписанный не только в мир искусства, но и в мир быта, а это уже мировосприятие эпохи бидермейера.

Новелла бидермейера утрачивает динамику, характерную романтическим образцам жанра. Ретардация достигается за счет разговоров героев, ретроспективных вставок, пересекающихся сюжетных линий, детализации. В этом видится стремление авторов создать правдоподобную картину жизни, объяснить и предугадать ход событий. В результате начинается композиционная перестройка новеллы: разрастаясь, произведение включает в себя несколько сюжетных линий, часть событий происходит вне рамок повествования, но в финале все соединяется в один «узел», оставляя множество неясностей и оборванных сюжетных линий. Остановимся на отмеченных особенностях подробнее. Типичным примером их воплощения может послужить новелла известного в литературной среде бидермейера писателя Г. Клаурена (1771–1854, настоящее имя К. Г. С. Хойн) «Картошка в мундире». В основе сюжета лежит интерпретированная история Золушки. Юная Розамунда, сирота, живет в бедности, зарабатывая на жизнь рукоделием. В расположенный неподалеку замок графа Штайнбурга приезжает богатый гость, который должен жениться на одной из двух дочерей графа. Девушки начинают борьбу за жениха, который случайно оказывается в домике Розамунды, влюбляется и женится на ней.

На первый взгляд, сюжетная линия новеллы довольно проста. Однако существование в произведении двух локусов (бедный домик и замок) отражает традиционный для литературы бидермейера конфликт между бюргерством и дворянством. Жилище Розамунды представлено как «обитель добропорядочности и скромности», в то время как замок — место, где плетутся интриги. Звенем,

⁷ Wiese 1975, 382.

соединяющим домик Розамунды и замок Штайнбурга, становится жених, граф Олива.

В название новеллы вынесена важная сюжетная деталь. Когда граф приходит к Розамунде, чтобы купить новые манжеты, она угощает его картошкой в мундире, единственным блюдом ее обеда. Это напомнило гостю детство, проведенное в стенах частной школы, где также кормили картошкой в мундире. В финале автор говорит о том, что супруги ежегодно в день своей свадьбы этим блюдом угощали гостей. Фиксирование внимания на деталях быта является характерной чертой бидермейера.

Разрастается бидермейеровская новелла и за счет приемов тривиальной литературы, отмеченных еще в бюргерской драме. Типичными становятся эпизоды узнавания, переодевания, неожиданно свалившегося богатства и т. п. Сочетание жанра новеллы с элементами тривиальной литературы в немецкой новеллистике 20-х гг. XIX века М. И. Бент объясняет потребностями широких бюргерских кругов⁸ — главного адресата литературного бидермейера.

Стремление литературы бидермейера к сглаживанию конфликтов также сказалось на структуре новеллы. Так, например, намеченное в начале произведения Клаурена противопоставление дворянства и бюргерства не получило развития. Повествуя о перипетиях личной жизни героев, автор, по-видимому, предоставляет право читателю расставить акценты в решении проблемы. Более того, в бидермейеровской новелле практически исчезает так называемый «поворотный пункт» (по Тику), или «цветок» (по Гете). Это важный новеллистический композиционный прием, благодаря которому действие новеллы получает неожиданный поворот. Практически все новеллы в литературе немецкого бидермейера имеют вполне предсказуемый финал и, как правило, завершаются счастливой свадьбой героев. В перемещении конфликта бидермейеровской новеллы из социальной сферы в область частной жизни, в благополучном финале, примиряющем, сглаживающем все противоречия, выражается мировоззрение целой эпохи. На смену романтизму с его неразрешимым конфликтом между субъектом и объектом приходит компромиссный бидермейер. По мнению Ф. П. Федорова, в постромантическую эпоху начинается процесс демифологизации сознания, который означает исчерпанность и завершение развития романтизма и приводит к появлению демифологизированной культуры. Ее вариантами исследователь называет бидермейер, реализм и натурализм⁹.

На стыке бидермейера и реализма развивается творчество П. Хейзе (1830–1914 гг.), одного из крупнейших немецких новеллистов первого писателя Германии, получившего в 1910 г. Нобелевскую премию по литературе «за художественность, идеализм, которые он демонстрировал на протяжении всего своего долгого и продуктивного творческого пути в качестве лирического поэта, драматурга, романиста и автора известных всему миру новелл»¹⁰.

Новеллистика Хейзе близка к живописи, он предпочитал переносить действие на итальянскую почву, в среду художников, где царил культ красоты, сознательно уходя от изображения социальных конфликтов. Он избегал всего поверхност-

⁸ Бент 1990, 377.

⁹ Федоров 2004, 323.

¹⁰ Гугнин 1999, 139.

ного и отказывался от утомляющих описаний. Это стало основой созданной им теории новеллы, которая вошла в историю жанра под названием «Falkentheorie» («соколиная теория»). Писатель изложил ее в сборнике «Немецкая сокровищница новелл» («Deutscher Novellenschatz») в 1871 г. Объясняя суть своей теории, Хейзе опирался на анализ девятой новеллы пятого дня из «Декамерона» Боккаччо. В ней рассказывается о герое, который ради возлюбленной расстался с единственным, что у него было — охотничьим соколом. Все действие новеллы разворачивается вокруг этой птицы. Именно сокол является причиной и одновременно основным звеном в череде событий, происходящих в жизни героев. Молодой человек по имени Федерико дельи Альбериги расточает на ухаживания за возлюбленной все свое состояние, и у него остается всего лишь охотничий сокол. Именно он «приглянулся» маленькому сыну возлюбленной героя — монне Джьованне, и как раз птицу, за неимением ничего иного, «счел юноша достойной снедью для такой прекрасной дамы»¹¹. Узнав об этом, она изменила свои чувства к молодому человеку и вышла за него замуж. Герой же, пожертвовав малым (соколом), получил гораздо больше (богатое приданое).

На примере этой новеллы Хейзе выводит важные, на его взгляд, теоретические положения жанра: обязательное для новеллы единство действия («в одном кругу должен быть один конфликт»), резкость ситуации, четкость обрисовки («резкий силуэт»). Суть любой новеллы, считает писатель, заключается в самой истории, в описываемом событии, а не в душевном состоянии героев и их отношении к этому событию. «Сокол», по Хейзе, — это специфический прием каждой новеллы. Для осязаемости, значимости новеллистического «сокола» (по Хейзе) писатель считал необходимым ввести в повествование образ какой-либо вещи, детали, которая и меняет ход действия. Это может быть, например, кинжал, золотое кольцо и т. д.

Свои теоретические выводы П. Хейзе воплотил во многих своих новеллах, хотя критики по-разному оценивают соотношение теоретических идей писателя и их художественного воплощения в произведениях новеллиста.

Среди таких произведений писателя прежде всего следует назвать новеллу «Андреа Делфин», написанную Хейзе в 1859 г. Она относится к серии «Итальянских новелл» писателя, в которых он выразил свой живой интерес к Италии и тесную связь с ней посредством точной и поразительно достоверной характеристики людей и страны в целом. Содержание этой новеллы (согласно его «соколиной теории») может быть передано несколькими строками. Аристократ Кандиано из Фриаула, семья которого была уничтожена жестокой венецианской инквизицией и которого все считают погибшим, приезжает под чужим именем в Венецию, чтобы отомстить. Он убивает одного из членов Высшего Трибунала инквизиции, смертельно ранит другого и во время третьего покушения из-за ужасной ошибки лишает жизни своего единственного друга. Не в силах вынести этого, Андреа совершает самоубийство.

Описанные в новелле события происходят в 1762 г. В Венеции господствует инквизиция, так называемый Совет Десяти, во главе которого стоит Высший Трибунал. Жители города живут в постоянном страхе. Многочисленные шпионы

¹¹ Боккаччо 1989, 354.

буквально заполонили страну. «Половина Венеции получала жалование за то, что следила за другой половиной» («Halb Venedig war dafür besoldet, dass es die andere Hälfte überwachte»). «То, что знают три венецианца, знает и Совет Десяти», — эти откровения вкладывает Хейзе в уста одного из своих героев («Was drei Venezianer wissen, weiss der Rat der Zehn»). Андреа Делфин вливается в ряды шпионов, чтобы иметь больше возможностей осуществить свой план мести. Он следит за сотрудниками австрийского посольства, где встречается своего знакомого — барона Розенберга, который вскоре становится его лучшим другом. И когда Андреа узнает, что барона хотят убить, он убеждает его покинуть Венецию. Но страсть Розенберга к венецианке — графине Амидей задерживает его в городе еще на один вечер. Переодевшись в пожилого человека, барон крадет в дом своей возлюбленной. К несчастью, Андреа Делфин принимает Розенберга за одного из членов Высшего Трибунала и убивает его. «Я играл роль судьи, а стал убийцей», — признается он сам себе («Ich habe den Richter gespielt und bin zum Morder geworden») (Heuse). Он хотел стать спасителем всего народа, утопающего в рабстве, но его благородный и возвышенный порыв превратился в низкий поступок. Его кинжал, носящий надпись «Смерть всем инквизиторам!» («Tod allen Inquisitoren»), сам того не желая, выполнил ее волю, а именно, убийство австрийского барона. Кинжал с этой надписью является «соколиным мотивом», т. е. воплощением специфической проблемы данной новеллы Хейзе.

«Соколиная теория» П. Хейзе позволила писателю преодолеть романтические тенденции жанра новеллы, связанные с «музыкальностью», обязательными поисками романтического идеала, мистикой. Вместе с тем внимание к теории жанра свидетельствует о стремлении Хейзе поднять свое творчество над потоком массовой тривиальной литературы, где царили писатели-дилетанты, копирующие уже известные произведения. В целом же, «Falkentheorie» придала новеллам Хейзе лаконичность и выразительность детали, что стало одной из характерных черт реалистической литературы.

В рамках культуры бидермейера в целом происходит примирение с действительностью. Бидермейер воспринимает жизнь таковой, какова она есть, но при этом стремится найти в ней положительные стороны. В условиях политических катаклизмов таковыми стали частная жизнь, быт, повседневные радости бытия. Эти перемены обусловили модернизацию жанра новеллы в литературе немецкого бидермейера.

ЛИТЕРАТУРА

Бент М. И. 1990: Поздняя новеллистика Людвига Тика. Проблема метода и жанра // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 49. 4, 372–379.

Боккаччо Д. 1989. Декамерон. М.

Гете И. В. 1934: Беседы немецких эмигрантов // Собр. соч.: в 13 т. Т. 6. М.; Л., 75–396.

Гугнин А. 1999: Хейзе П. Новеллы. Шпиттелер К. Избранные произведения. М., 5–23.

Федоров Ф. П. 2004: Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика. М.

Шлегель Ф. 1983: Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. Т. 1. М., 315–467.

Hauff W. 1925: Sämmtliche Werke in 5 Bd. Bd. 3. Stuttgart.

Heyse P. Andrea Delfin. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gutenberg.spiegel.de>

Schröder R. 1967: *Novelle und Novellentheorie in der frühen Biedermeierzeit*, Heidelberg.

Tieck L. 1830: *Schriften*: in XI Bd. Bd. XI. Berlin.

Wiese B.v. 1975: «Mozart auf der Reise nach Prag». Darmstadt.

NOVELLA MODERNIZATION IN GERMAN LITERATURE OF THE 19th c.

Ye. R. Ivanova, I. V. Vyatschenko

This article deals with the analysis of novella genre development in German literature of the 19th century. Modernization of the genre correlates with the main literary trends of the time, namely with romanticism, biedermeier, and realism. The authors of this article determine aesthetic and theoretical dominant features of novella in the creative work of German writers.

Key words: German literature, novella, genre, romanticism, biedermeier, realism.

© 2011

Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина

ПОЭЗИЯ ТОМАСА МУРА В ПЕРЕВОДАХ А. А. КУРСИНСКОГО И В. Я. БРЮСОВА*

В статье осуществлен подробный целостный анализ десяти переводов лирических произведений ирландского поэта Томаса Мура, выполненных А. А. Курсинским и вошедших в его поэтический сборник «Полутени. Лирические стихотворения за 1894 и 1895 гг.». Характеризуются особенности восприятия этого сборника В. Я. Брюсовым, который, отмечая у А. А. Курсинского склонность к «безжалостному подражанию» К. Д. Бальмонту, с принятием как его «внешности», так и «самой сущности его поэзии», предложил собственные интерпретации двух стихотворений Томаса Мура из числа ранее переведенных А. А. Курсинским. В рамках сопоставительного анализа выполненных А. А. Курсинским

Жаткин Дмитрий Николаевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии. E-mail: ivb40@yandex.ru

Яшина Татьяна Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии. E-mail: yashina_tanya@mail.ru

* Статья подготовлена по проекту 2010–1.2.2–303–016/7 «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствоведение», выполняемому в рамках мероприятия 1.2.2 «Проведение научных исследований группами под руководством кандидатов наук» направления 1 «Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (госконтракт 14.740.11.0572 от 05.10.2010).

и В. Я. Брюсовым переводов из Томаса Мура авторами статьи формируются представления об особенностях восприятия русскими переводчиками идей, образов, художественных деталей, характеризующих оригинальные тексты ирландского поэта-предшественника.

Ключевые слова: Томас Мур, ирландская поэзия, поэтический перевод, межкультурная коммуникация, традиция, реминисценция, художественная деталь, компаративистика.

Увлечение русских поэтов-переводчиков творчеством известного ирландского поэта Томаса Мура, пик популярности которого в России пришелся на 1820–1830-е гг., нашло свое отражение как в литературном творчестве, так и в музыкальном и театральном искусстве, что невозможно не учитывать при создании максимально полной картины восприятия наследия творчества ирландского барда в России, его значения для русской культуры. На рубеже XIX–XX вв. интерес русской литературы к художественным достоинствам произведений ирландского поэта, борца за свободу своего народа, вспыхнул с новой силой, будучи вызванным и усилением романтических тенденций в противовес натурализму творчества многих авторов-современников, и свободолюбивым стремлением к изменению устоев миропорядка, и характерной элегической тональностью поэтических текстов, отражавшей одновременно разочарование в жизни, проникновенный лиризм и примиренность со свершившимся.

Несмотря на настойчивое внимание поэтов рубежа XIX–XX вв. к ориентальным мотивам, русских переводчиков привлекали преимущественно поэтические циклы Мура «Irish Melodies» («Ирландские мелодии») и «National Airs» («Национальные песни»), тогда как «восточная повесть» «Lalla Rock» «Лалла Рук», пользовавшаяся большим успехом в период «золотого века» русской поэзии, заинтересовала лишь молодого И. А. Бунина, обратившегося к переводу фрагмента из четвертой вставной поэмы «Лалла Рук», впервые опубликованному под названием «Долина Кашмира. Из сказки «Солнце гарема» в №2 «Звезды» за 1891 г.¹ и (с исправлениями) в сборнике «Стихотворения. 1887–1891 гг.» (Орел, 1891)²; данный перевод оказался последней попыткой русской классической литературы воспроизвести для отечественного читателя фрагмент ирландского произведения.

Вместе с тем «Лалла Рук» оказалась привлекательной для русской музыкальной культуры. Вслед за композитором А. Н. Серовым, поместившим в своей статье «Спонтини и его музыка»³ подробный разбор постановки Гаспаро Спонтини, осуществленной для знаменитого берлинского праздника 1821 г.⁴, к произведению Томаса Мура обратился А. Г. Рубинштейн, создавший оперу «Фераморз», работа над которой велась более двадцати лет. Опера соперничала на московской и петербургской сценах с произведениями западноевропейских композиторов, созданными на сюжет или мотивы «Лаллы Рук» — ораторией Р. Шумана «Рай и Пери», произведениями Г. Берлиоза. Поставленная в Петербурге на сцене Мариинского театра в 1898 г., уже после смерти А. Г. Рубинштейна, опера «Фераморз» получила объективную оценку в критической статье Ц. А. Кюи, который, помимо

¹ Бунин 1891, 32.

² Там же, 63–64.

³ Серов 1, 1892, 86–122.

⁴ См. подробнее: Жаткин Яшина 2006, 167–171; 2009, 165–170; Васина 2007, 36–41.

подробного разбора сюжета оперы, писал: «В целом «Фераморс» — произведение неглубокое, сильного впечатления оно не производит, музыка его довольна поверхностна <...> но в нем немало приятной музыки, которая слушается легко и не без удовольствия»⁵. Далее в той же статье упоминалось о конкурсе кантат для оркестра на тему о «Рае и Пери» (вторая часть «Лалла Рук»), организованном в 1900 г. в Петербурге для молодых композиторов, среди которых был ученик Н. А. Римского-Корсакова В. Золотарев, впоследствии вспоминая о том, что предложенный конкурсантам сюжет «Рая и Пери» «был совершенно оторван от жизни», включал «самодельные стихи <...> сделанные инспектором консерватории В. М. Самусем»⁶; впрочем, все это, по наблюдению В. Золотарева, не помешало молодым участникам конкурса «в величайшем упоении приняться за сочинение кантаты»⁷.

Наряду с появлением новых произведений русских и зарубежных композиторов на мотивы «Лалла Рук», распространявшихся в российской музыкальной среде, осуществлялось и создание оригинальных интерпретаций отдельных текстов из лирических циклов Томаса Мура русскими поэтами-переводчиками. Причем были созданы как свободные переводы-подражания, вольно трактующие идейно-художественное содержание подлинника, так и «реалистические» переводы, стремившиеся к максимально точному воспроизведению духа и формы ирландского подлинника. Многие переводчики следовали за теоретическими выводами П. И. Вейнберга, выдвигавшего на первый план «тождественность впечатления»⁸, производимого подлинником и оригиналом; это было тем более актуально, что русская литература, заняв одно из главных мест в общеевропейском литературном процессе, требовала достоверности и добросовестности в переводе, способном передать достоинства и недостатки оригиналов, сохранить национально-исторические, специфические черты подлинника и передать, главным образом, внутреннее содержание и только во вторую очередь — форму произведения.

Особую роль в истории русского художественного перевода сыграли В. Я. Брюсов и А. А. Блок. Характеризуя В. Я. Брюсова, М. Л. Лозинский сопоставлял его с «многоопытным Одиссеем», чей талант и пытливый ум позволил «посетить <...> все побережья мировой литературы»⁹. Во многом благодаря Брюсову, наследнику и продолжателю демократической традиции в русской переводческой мысли конца XIX — начала XX в., выступавшему за максимальную близость к подлиннику и тщательное воссоздание словесной и ритмико-синтаксической структуры переводимых произведений, а также провозглашавшему недопустимость разрушения внешней поэтической формы и строфического строя, и произошел расцвет русского поэтического перевода на рубеже двух столетий. Среди авторов, к творчеству которых обращался В. Я. Брюсов, был и Томас Мур, привлекая также внимание другого поэта-символиста, в ту пору молодого, начинающего лирика А. А. Курсинского, уже успевшего стать заметной фигурой в символистском движении. А. А. Курсинский был университетским другом

⁵ Кюи 1952, 488–492.

⁶ Золотарев 1957, 189.

⁷ Там же, 191.

⁸ Левин 1985, 278.

⁹ Лозинский 1, 1959, 391.

В. Я. Брюсова, учителем Михаила Толстого — одного из сыновей великого русского писателя Л. Н. Толстого, постоянно общался с Д. С. Мережковским, И. А. Бунинным, жившим в Москве Георгом Бахманом и особенно с К. Д. Бальмонтом.

Брюсов, отличавшийся сдержанностью оценок как собственных поэтических переводов, так и переводов современников (например, он так отозвался о своем переводе «Оды к Наполеону» Дж.-Г. Байрона: «По моему крайнему разумению, перевод только что «сносен» <...> Избранный мною размер не передает ритма подлинника, много сильного, в английском вкусе сложного, — опущено или грубо упрощено. Утешает меня только то, что общий тон оды, кажется, передан верно»¹⁰), был вместе с тем очень резок в оценке деятельности Курсинского-переводчика, размышлял в письмах к П. П. Перцову о склонности Курсинского к «безжалостному подражанию» К. Д. Бальмонту, с принятием как его «внешности» («блистательной отделки стиха, щеголянья рифмами, ритмом, созвучиями»), так и «самой сущности его поэзии»¹¹.

В 1896 г. в Москве под названием «Полутени» увидел свет сборник лирических стихотворений А. А. Курсинского за 1894–1895 гг., состоявший из двух частей, первая из которых включала оригинальные стихотворения поэта, а вторая — десять переводов отдельных текстов из лирических циклов Томаса Мура «Irish Melodies», «National Airs» и «Ballads, Songs, Miscellaneous poems» («Баллады, песни, разные стихотворения»). В предисловии ко второму разделу книги русский поэт-переводчик писал: «Летом 1894 г., изучая английский романтизм, я, между прочим, занимался переводом поэм и лирических стихотворений Томаса Мура. Некоторые из переведенных мною вещей я нашел возможным приложить к моему сборнику...»¹².

Несмотря на то, что В. Я. Брюсов питал товарищеские чувства к А. А. Курсинскому, он довольно сурово отозвался о «Полутенях» в письме П. П. Перцову в январе 1896 года: «Как вы нашли «Полутени»? Я не очень-то ими доволен...»¹³; процитировав несколько удачных мест, которые «довольно близки к тексту»¹⁴, Брюсов указал не только на их схожесть с подлинником, но и на многочисленные неточности, использование неудачных грамматических конструкций, словесных образов.

Первым во второй части сборника «Полутени» опубликован перевод стихотворения «To-day, dearest! Is ours...» («День текущий — день наш, дорогая»), относящийся к муровскому циклу «Ballads, Songs, Miscellaneous Poems». Курсинский сохраняет при переводе данного стихотворения обращение лирического героя к возлюбленной с просьбой не терять драгоценные минуты счастья, но опускает при этом наречие образа действия «carelessly» («неосторожно»), ср.: «To-day, dearest! is ours; / Why should Love carelessly lose it?»¹⁵ [День сегодняшней, дорогая, наш; / Зачем нам так неосторожно терять любовь?] — «День текущий — день наш, дорогая! / Для любви ты его не теряй»¹⁶. Далее переводчик, отклоняясь от

¹⁰ Соколов 1, 1959, 379.

¹¹ Брюсов 1927, 78.

¹² Курсинский 1896, 41.

¹³ Брюсов 1927, 61.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Мур 1986, 334.

¹⁶ Курсинский 1896, 43.

оригинала, опускает рассуждение о светлых и темных сторонах жизни, обращение к «слабым смертным» («weak mortals») и тем самым призывает людей самим стать творцами собственной судьбы: «This life shines or lowers / Just as we, weak mortals, use it»¹⁷ [Жизнь то ярко светит нам, то погружает нас во тьму / Лишь потому, что мы, слабые смертные, так относимся к ней] — «Лишь прекрасное в жизни собирая, / Ты прекрасную жизнь создавай»¹⁸.

Переводчик опускает значимые для оригинала рассуждения о скоротечности радости и счастья («Joy»), аллегорический образ «шипов сожаленья» («thorns of Sorrow»), однако все же сохраняет четкую параллель между быстрым увяданием цветов и скоротечностью минут счастья: «'T is time enough, when its flowers decay, / To think of the thorns of Sorrow / And Joy, if left on the stem to-day, / May wither before to-morrow»¹⁹ [Времени достаточно, когда увянут цветы, / Подумать о шипах сожаления / А счастье, если оно осталось на стебле сегодня, / Может увянуть до завтра] — «Будет время, цвести перестанут / Розы счастья, шипы не кольнут, / Может, завтра восторги увянут, / Что сегодня так пышно цветут»²⁰. Интерпретация Курсинским стихотворения «To-day, dearest! Is ours...» отличается изощренностью использования поэтических тропов («мятежная страсть», «дары красоты»), а также инверсивных конструкций («грудь молодая», «Время седое»), благодаря которым удается создать неповторимый облик самого перевода, отличный от облика оригинала; финальным штрихом становится параллель между утратой даров красоты и потерей любви, вполне обоснованная, поскольку и первое, и второе нередко оказываются навсегда потерянными с течением времени: «Но украдкой Время седое / Отнимает дары красоты... / Может, завтра, забыв про былое, / Разлюблю — или я, или ты»²¹.

Перевод стихотворения «Oh, come to me when daylight sets...» из цикла «National Airs», опубликованный в сборнике «Полутени», достаточно близок к подлиннику, в особенности в интерпретации припева. Русский переводчик использует необычное обращение к любимой женщине «О, жизнь моя!» вместо муровского «Sweet» («Моя сладкая»), ср.: «Oh, come to me when daylight sets; / Sweet! then come to me, / When smoothly go our gondolets / O'er the moonlight sea»²² [О, приди ко мне на закате; / Моя сладкая, приди ко мне, / Когда мы медленно поплывем на наших гондолах / Под лунным светом] — «О, жизнь моя! Чуть день умрет, / Спешу, спешу ко мне, / Помчимся мы по глади вод / В гондоле при луне»²³. Отдельные отклонения перевода от оригинала связаны с пропуском названий музыкальных инструментов «mandolins» («мандолины»), «lutes» («лютни»): «When Mirth's awake, and Love begins, / Beneath that glancing ray, / With sound of lutes and mandolins, / To steal young hearts away»²⁴ [Когда пробуждается радость и начинается любовь, / Под тем сияющим лучом, / Со звуками лютни и мандолины, / Крадут молодые сердца] — «Когда в сиянии огней / Проснется сладкий шум, /

¹⁷ Мур 1986, 334.

¹⁸ Курсинский 1896, 43.

¹⁹ Мур 1986, 334.

²⁰ Курсинский 1896, 43.

²¹ Там же, 43.

²² Мур 1986, 250.

²³ Курсинский 1896, 44.

²⁴ Мур 1986, 250.

Струна любви звучит нежней / И дремлет гордый ум»²⁵; вместе с тем сохранено упоминание о баркароле — песне венецианского гондольера.

Поэтизм муровского произведения не только не ослабляется, но и, напротив, усиливается в переводе посредством использования новых экспрессивных эпитетов — «гордый ум», «сладкий шум», «прозрачная тьма». Но при этом отдельные фрагменты, в частности, четвертый и пятый катрены оригинала, переведены крайне вольно, например, опущено сравнение часа любви со «sweet» («сладкими») влюбленными, а внимание сфокусировано на стремлении «поймать» проходящие эмоции, насладиться ими: «Oh, then's the hour for those who love, / Sweet, like thee and me; / When all's so calm below, above, / In Heaven and o'er the sea»²⁶ [Когда наступает час для тех, кто любит, / Такой же сладкий, как ты и я; / Когда все спокойно на земле и на небе, / На небесах и над морем] — «Когда вкусят стихии сон, — / Настанет час любви; / Для нас с тобою создан он, / Лови его, лови»²⁷. В пятом катрене Курсинский опускает образ «эха» («Echo»), разносившего сладкие напевы женщин, исполнявших баркаролы («maiden's sing sweet barcarolles»), ср.: «When maiden's sing sweet barcarolles, / And Echo sings again / So sweet, that all with ears and souls / Should love and listen then»²⁸ [Когда звучат сладкие напевы женщин, исполняющих баркаролы, / И эхо вторит им снова / Так сладко, что наши уши и души / Будут любить и слушать их] — «Тогда разносятся с гондол / Среди прозрачной тьмы / Напевы страстных баркарал: / Внимать им станем мы»²⁹.

А. А. Курсинским был также осуществлен и опубликован в авторском сборнике перевод стихотворения «No — leave my heart to rest...» из цикла «National airs», который характеризуется вольностью и лаконизмом при воссоздании мыслей и рассуждений лирического героя. Так, например, переводчик использует глагол с отрицанием «не чаруй» вместо «leave my heart to rest» («оставь мое сердце в покое»); обстоятельство времени «на склоне дряхлых дней» подменяет собой придаточное предложение оригинала «When youth, and love, and hope, have past away» («Когда ушли любовь, надежда и молодость»). И хотя Курсинский опускает муровское сравнение опустошенного сердца с «бедным листом» («poor leaf»), однако другие словосочетания с эпитетами («потускневшие цветы», «угасшая красота») позволяют ему воссоздать образ уставшего от страстей лирического героя: «No — leave my heart to rest, rest it may, / When youth, and love, and hope, have past away. / Couldst thou, when summer hours are fled, / To some poor leaf that's fallen and dead, / Bring back the hue it woe, the scent it shed?»³⁰ [Нет — оставь мое сердце в покое, если это возможно, / Когда ушли любовь, надежда и молодость. / Сможешь ли ты, когда пройдет лето, / Вернуть опавшему и мертвому цветку / Его аромат и цвет после гибели?] — «О, не чаруй! Любовь в груди моей / Ты не зажжешь на склоне дряхлых дней! / В осенний день вернешь ли ты / На потускневшие цветы / Всю прелесть их угасшей красоты?»³¹.

²⁵ Курсинский 1896, 44.

²⁶ Мур 1986, 250.

²⁷ Курсинский 1896, 44.

²⁸ Мур 1986, 250.

²⁹ Курсинский 1896, 45.

³⁰ Мур 1986, 302.

³¹ Курсинский 1896, 46.

Во втором семистишии переводного текста придаточное времени «when life was bright» («когда жизнь была ярка») заменено поэтически возвышенным «дни силы и страстей», опущен созданный английским поэтом образ моряка, чей барк затерялся в море, да и сам барк (большое парусное судно с прямыми парусами на всех мачтах, кроме кормовой (бизань-мачты), несущей косое парусное вооружение) внезапно предстает «бедным челном»: «Oh, had I meet thee then, when life was bright, / Thy smile might still have fed its tranquil light; / But now thou comest like sunny skies, / Too late to cheer the seaman's eyes, / When wrecked and lost his bark before him lies!»³² [О, если бы я встретил тебя тогда, когда жизнь была ярка, / Когда твоя улыбка могла спокойно ласкать меня; / Но теперь ты, как проблеск в небе, / Слишком поздно появился и обрадовал глаз моряка, / Когда его барк сломан и затерян в море!] — «Встретить я тебя в дни силы и страстей, / Наполнить жизнь я б мог красой твоей. / Но ты, как луч, отрады полн, / Взошла над пеной бурных волн, / Когда уж вал разбил мой бедный челн»³³.

В «Полутенях» увидело свет и стихотворение «В вечерний час слабеет светоч дня...» — интерпретация Курсинским одного из самых известных произведений цикла «Irish Melodies» «How dear to me the hour, when daylight dies...», ранее уже привлекавшего внимание М. П. Вронченко, В. И. Любича-Романовича, В. С. Лихачева, Д. Е. Мина. Посвящая свою интерпретацию К. Д. Бальмонту, переводчик признавал испытанное им закономерное влияние многочисленных бальмонтовских переводов из английской поэзии, появлявшихся в печати в конце XIX в. Если стихотворение Мура представляет собой обращение к некогда любимой женщине, пронизано чувством ностальгии по прежним светлым мгновениям жизни и воспоминаниями об утраченном счастье («How dear to me the hour when daylight dies, / And sunbeams melt along the silent sea, / For then sweet dreams of other days arise, / And memory breathes her vesper sigh to thee»³⁴ [Как дорог мне час, когда умирает дневной свет / И солнечные лучи тают на поверхности спокойного моря, / Тогда возникают сладкие грезы о прежних днях, / И память уносит звон вечернего колокола к тебе]), то перевод Курсинского исполнен тоски и печали по ушедшим дням беззаботной юности, университетским друзьям, предчувствием скорой разлуки: «В вечерний час слабеет светоч дня / И нежный луч ласкает гладь морскую — / Сны лучших дней баюкают меня, / И о тебе я плачу и тоскую»³⁵.

Русская интерпретация муровской «мелодии» «How dear to me the hour, when daylight dies...» звучит более трагично, нежели английский оригинал, что обусловлено, прежде всего, выбором лексических средств, таких, например, как глаголы «скорбить», «плакать», «тосковать», синтагмы «грань заката», «чертог Забвения»; повторение существительного «чертог» в последних стихах перевода позволяет судить о состоянии эмоциональной напряженности лирического героя, глубине его переживаний: «И я скорблю, зачем бы я не мог / За светом дня пройти за грань заката, / Где стал средь волн сияющий чертог, / Чертог Забвения, откуда нет возврата»³⁶. Томаса Мура переполняют более светлые чувства и приятные

³² Мур 1986, 302, 304.

³³ Курсинский 1896, 46.

³⁴ Мур 1986, 58.

³⁵ Курсинский 1896, 47.

³⁶ Там же 1896, 47.

воспоминания, английский поэт добивается создания настроения приподнятости, торжественности, употребляя эпитеты «smooth wave» («нежная волна»), «burning west» («пылающий запад»), «golden path» («золотистая дорожка»), метафору «bright isle of rest» («пылающий остров отдыха»): «And, as I watch the line of light, that plays / Along the smooth wave toward the burning west, / I long to tread that golden path of rays, / And think't would lead to some bright isle of rest»³⁷ [И когда я смотрю на линию света, которая играет / На нежной волне по направлению к пылающему закату, / Я бы долго шагал по дороге из золотых лучей / И думал, что она приведет к пылающему острову отдыха].

При переводе стихотворения Томаса Мура «How oft, When Watching Stars (Savoyard Air)» из цикла «National Airs» Курсинский заново переосмыслил описание природы, придав ему некоторую самостоятельность, совершенно чуждую оригиналу, где природа — только эмоциональный фон, соотносящийся с переживаниями лирического героя: «Often, when the watching stars grow pale, / And round me sleeps the moonlight scene, / To hear a flute through yonder vale / I from my casement lean»³⁸ [Часто, когда наблюдаю за бледнеющими звездами / И вокруг меня все спит под лунным светом, / Я слышу флейту вон там в долине, / Сидя у оконной створки] — «Когда бледнеет звезд мерцанье, / В долине мрачно и темно, — / Далеких струн во тьме бряцанье / Летит в мое окно»³⁹. Благодаря появлению отсутствующих в оригинале образов, тропов и фигур речи (например, «призыв унылый», «могучей силой», «язык страстей»), а также использованию двух восклицаний в конструкции «Иду! — далеко до рассвета!» переводчику удалось передать все нетерпение лирического героя, спешащего взять в руки лютню и заиграть музыку любви: «The quick my own light lute I seek, / And strike the chords with loudest swell; / And tho' they naught to others speak, / He knows their language well. / «I come, my love!» each note then seems to say, / «I come, my love! — thine, thine till break of day»»⁴⁰ [И я быстро отыскиваю мою легкую лютню, / Она знает язык любви хорошо. / «Иду, моя любовь!» — кажется, говорит каждая нота, / «Иду, моя любовь! — ваш, ваш я до наступления дня»] — «И я, поймав призыв унылый, / Спешу снять лютню со стены — / Иная песнь с могучей силой / Звучит средь тишины. / И слышит он, как каждый звук ответа / Поет “Иду! — далеко до рассвета!”»⁴¹.

Стихотворение «Oh! Doubt me not...» из цикла «Irish Melodies» было переведено с незначительными, но весьма характерными для Курсинского отклонениями от английского оригинала. Уже в первом катрене лексемы «Folly» («Безумие»), «Reason» («Здравый смысл»), характеризовавшиеся элементом одушевления, были заменены обычными абстрактными существительными — «заблуждение» и «ум», ср.: «Oh! Doubt me not — the season / Is o'er, when Folly made me rove, / And now the vestal, Reason, / Shall watch the fire awaked by love»⁴² [О! Нет, сомневайся, но только не во мне, время, / Когда было безумие, прошло, / И теперь мудрый здравый смысл / Будет стеречь огонь, вспыхнувший от любви] — «Не вернется

³⁷ Мур 1986, 58.

³⁸ Там же, 292.

³⁹ Курсинский 1896, 48.

⁴⁰ Мур 1986, 292, 294.

⁴¹ Курсинский 1896, 49.

⁴² Мур 1986, 126.

юность вновь, / Заблуждений нет в помине, / Стережет мою любовь / Ум недремлющий отныне»⁴³. Вслед за автором английского оригинала Курсинский говорит о любви, сравнивая раннюю любовь с «пустоцветом», а зрелую — с «плодом»: «Altho' this heart was early blown, / And fairest hands disturbed the tree, / They only shook some blossoms down, / Its fruit has all been kept for thee»⁴⁴ [Хотя это сердце рано начало волноваться / И самые нежные руки тревожили дерево, / Но они только оборвали цветы, / Его плоды остались нетронутыми для тебя] — «Пусть мне сердце с юных лет / Бурно страсти волновали, — / Плод ты снимешь без печали: / Ведь оборван — пустоцвет»⁴⁵. Наконец, посредством возвышенной лексики, поэтизмов, использования оригинальных эпитетов («блаженство», «очарованье», «росистый сад», «бальзам душистый» и др.) Курсинскому удалось во многом усилить звучание английского текста, придать ему особую экспрессивность: «And tho' my lute no longer / May sing of Passion's argent spell, / Yet trust me, all the stronger / I feel the bliss I do not tell»⁴⁶ [И хотя моя лютня уж больше / Не в силах петь голосом страсти, / Ты можешь доверять мне, так как я еще сильнее / Чувствую радость, о которой не могу сказать] — «Пусть любви очарованье / Петь не в силах голос мой — / Дольше пить зато с тобой / Я блаженство в состоянье»⁴⁷.

Под названием «Сон юной любви» Курсинский опубликовал первый русский перевод стихотворения «Love's Young Dream» цикла «Irish Melodies», который, являясь скорее вольной интерпретацией, сохранил характерную интонацию напевности и ритм муровской «мелодии». В этом немалую роль сыграли повторения параллельных конструкций и деления простых предложений на ритмические отрезки, в полной мере передававшие дух и форму оригинала, ср.: «Oh! the days are gone, when Beauty bright / My heart's chain wove; / When my dream of life, from morn till night, / Was love, still love. / New hope may bloom, / And days may come, / Of milder, calmer beam»⁴⁸ [О! Ушли те дни, когда яркая красота / Сплела цепь вокруг моего сердца; / Когда мечтой всей моей жизни, с утра до вечера, / Была любовь и есть любовь. / Новая надежда может расцвести, / Дни могут прийти, / Когда солнца луч будет светит мягче и нежнее] — «Угасших дней вернутся ли мечты, / Вернутся ль вновь / И радость мук, и цепи красоты, / И ты, любовь? / Склон тихих дней / Иных лучей / Сияньем озарен»⁴⁹. Для сохранения ритма оригинала Курсинский использует анафору и эпифору, посредством которых одна мысль отчетливо отделяется от другой, как бы символизируя краткость и неуловимость минут любви и счастья: «But there's nothing half so sweet in life / As love's young dream; / No, nothing half so sweet in life / As love's young dream»⁵⁰ [Но нет ничего слаще в жизни, / Чем юная любовь; / Нет, нет ничего слаще в жизни, / Чем юная любовь] — «Но где тот луч, чей яркий блеск затмит, / Любовь, твой сон? / О нет! ничто на свете не затмит, / Любовь, твой сон»⁵¹.

⁴³ Курсинский 1896, 50.

⁴⁴ Мур 1986, 126.

⁴⁵ Курсинский 1896, 50.

⁴⁶ Мур 1986, 126.

⁴⁷ Курсинский 1896, 51.

⁴⁸ Мур 1986, 90.

⁴⁹ Курсинский 1896, 52.

⁵⁰ Мур 1986, 90.

⁵¹ Курсинский 1896, 52.

Некоторые образы, созданные английским поэтом, получили в интерпретации Курсинского новое звучание: так, метафорическое выражение «heart's chain» («цепь вокруг сердца») соотносится у русского переводчика с «цепями красоты», а употребляемая в переносном значении синтагма «new hope» («новая надежда») — с сиянием «иных лучей». Автор перевода также во многом усиливает смысловую нагрузку отдельных образов муровской «мелодии», придает им оттенки звучания: «the wise» («мудрец») превращается в «сухого мудреца», «light that ne'er can shine again» («свет, который никогда не засияет снова») — в луч, горящий «среди тьмы и пустоты». Используемые Курсинским поэтические обороты «крылатый сон утра», «ласки грез», повторения фразеологизма «жизни склон» также усиливают звучание текста, подчеркивают невозможность возвращения юных лет и первой любви: «В былые дни любимые черты, / Забыть ли вас? / Ваш луч горит среди тьмы и пустоты / В полночный час. / Вы ласки грез, / Дыханье роз, / Крылатый утра сон. / Вы яркий свет, что впредь не озарит / Нам жизни склон, / Увы, ваш свет уж впредь не озарит / Нам жизни склон»⁵².

Курсинский также обратился к интерпретации стихотворения Томаса Мура «'Tis the Last Rose of Summer» из цикла «Irish Melodies», которое с 1820-х гг. неизменно привлекало к себе внимание русских переводчиков — М. Васильевой, И. П. Крешева, А. М-нова и др. В своем переводе «Последняя роза» он в точности сохранил формальные особенности оригинала (его размер, метр, строфическую структуру, ср.: «'T is the last rose of summer / Left blooming alone; / All her lovely companions / Are faded and gone; / No flower of her kindred, / No rose-bud is nigh, / To reflect back her blushers, / Or give sigh for sigh»⁵³ [Это последняя роза лета / Осталась цвести одиноко; / Все ее милые подруги / Завяли; / Ни одного цветка, похожего на нее, / Ни одного бутона, / Чтобы отразить ее румянец, / И с кем вздыхать] — «Цветет одиноко / Последняя Роза, / Подруги погибли / Под гнетом мороза, / А свежих бутонов / Вокруг не видать, / Чтоб ими гордиться / И с ними вздыхать»⁵⁴. Интерпретатор создал новые, необычные поэтические образы, в основном благодаря использованию эпитета «свежий бутон», поэтического оборота «ожерелье любви», синтагм «под гнетом мороза», «томиться в бессилье», фразеологизма «братская могила», поэтически возвышенных слов и выражений «усыпать листвою ложе», «вкусить покой», придавших описанию, в конечном итоге, особую торжественность и эмоциональную напряженность: «Так что ж на стебле ты / Томишься в бессилье, / Засни с ними вместе / В их братской могиле; / Я нежно усыплю / Твоею листвою / То ложе, где с ними / Ты вкусишь покой»⁵⁵.

Особый интерес в свете откликов В. Я. Брюсова на книгу А. А. Курсинского представляет для нас сопоставление переводов двух стихотворений Томаса Мура («Joys of Youth, How Fleeting! (Portuguesse Air)» из цикла «National Airs» и «Wake up, Sweet Melody...» из цикла «Ballads, Songs, Miscellaneous poems»), выполненных в 1894 г. сначала Курсинским, а затем Брюсовым. В отличие от А. А. Курсинского, считавшего, что произведения Мура «представляют более нежели

⁵² Курсинский 1896, 53.

⁵³ Мур 1986, 116.

⁵⁴ Курсинский 1896, 56.

⁵⁵ Там же, 57.

историко-литературный интерес»⁵⁶, Брюсов был убежден, что «Мур поэт вовсе неинтересный»⁵⁷, а потому можно смело говорить, что брюсовское обращение к двум переводам из Мура было вызвано неприятием «Полутеней» Курсинского, в которых муровские «мелодии» были воссозданы во всей прихотливости их музыкального построения, а также желанием вступить в своеобразное поэтическое состязание с современником.

Сопоставляя интерпретации Курсинским и Брюсовым стихотворения «Wake up, Sweet Melody...», отметим, что переводчики приближенно к оригиналу переводят припев ирландской «мелодии», сохраняя интонацию напевности и ритм подлинника, однако Курсинский по-новому переосмысливает происхождение звуков «музыки любви» («note of music»), вкладывая в них божественную силу, ср.: «Then wake up, sweet melody! / Now is the hour / When young and loving hearts / Feel most thy power»⁵⁸ [Проснись, сладкая мелодия! / Час настал, / Когда молодые и любящие сердца / Чувствуют твою силу] — «Проснись, о мелодия! / В неге луны / Властью всеильною / Звуки полны»⁵⁹ — «Где ж ты, мелодия! / Час наступил, / Ночью всего сильней / Мощь твоих сил»⁶⁰. Курсинский опускает сопоставление силы звучания музыки любви («note of music») днем и ночью, значимое для муровского оригинала («One note of music, by moonlight soft ray — / Oh, 't is worth thousands heard coldly by day»⁶¹ [Один звук музыки под нежными лучами любви / Стоит тысячи звуков, звучащих так холодно днем] — «Арфа в сиянье серебристых лучей / Сердце затронет теплой и нежней»⁶²), однако сохраняет эмоциональный накал подлинника, мастерски используя поэтизмы, высокую лексику, тропы и фигуры речи («мрак ночи», «серебристые лучи», «нега», «льет песнь», «дыхание роз» и др.) для передачи атмосферы загадочности любовных переживаний в ночи.

В интерпретации Брюсова, представляющейся нам более близкой к оригинальному стихотворению, также можно усмотреть ряд содержательных особенностей. Так, например, переводчик опускает вопрос-обращение к соловью, знатоку мелодии любви, вводя упоминание о «сладкозвучной» птице в ответную реплику: «Ask the fond nightingale, / When his sweet flower / Loves most to hear his song, / In her green bower? / Oh, he will tell thee, thro' summer nights long, / Fondest she lends her whole soul to his song»⁶³ [Спроси у соловья: / Когда его сладкий цветок / Сильнее любит слушать его песни / В зеленом саду? / И он ответит: длинной летней ночью, / Когда она отдаст всю свою душу за его песнь] — «Спросим, в который час / Роза сильней / Песней пленяется / В спальне своей. / Летнею ночью (в ответ соловей) / Песни и близки и сладостны ей»⁶⁴. Брюсов также указывает иное место, где героиня пленяется песней («in her green bower» («в зеленом саду») — «в спальне своей»), говорит о «мерцаньи ночном», тогда как в оригинале упомянут «нежный

⁵⁶ Курсинский 1896, , 41.

⁵⁷ Брюсов 1927, 61.

⁵⁸ Мур 1986, 336.

⁵⁹ Курсинский 1896, 54.

⁶⁰ Цит. по первой публ.: Алексеев 1982, 785.

⁶¹ Мур 1986, 336.

⁶² Курсинский 1896, 54.

⁶³ Мур 1986, 336.

⁶⁴ Цит. по: Алексеев 1982, 785.

луч любви» («moonlight's soft ray»); все это, однако, не снижает поэтических достоинств оригинальной брюсовской интерпретации.

Обращаясь к переводу стихотворения «Joys of Youth, How Fleeting!», и Брюсов, и Курсинский употребляют параллельные номинативные конструкции, создавая в припеве лирической мелодии интонацию напряженности и некий динамизм, символизирующий быстрое ускользание минут счастья и любви: «Hearts beating, / At meeting; / Tears starting, / At parting»⁶⁵ [Сердца бьются / При встрече; / Слезы льются, / При расставании] — «И радость / Свиданья, / И горечь / Прощанья»⁶⁶ — «И речи / При встрече, / И муки / Разлуки»⁶⁷. В интерпретации Курсинского точно переданы мысли и рассуждения поэта о быстротечности юных лет, неуловимости кратких мгновений радости, наконец, благодаря употреблению эпитетов «невинная греза», «радужный сон», «родные сердца», «искренний привет» создана неповторимая атмосфера светлой грусти по давно минувшим дням юности; восклицание лирического героя в концовке перевода ярко передает чувства, выраженные английским поэтом: «Oh, sweet youth, how lost on some! / To some, how bright and fleeting!»⁶⁸ [О, сладкая юность, как ты трагична для одних! / Для других — как ярка и быстротечна!] — «О, юность! Зачем для одних так блестящ твой расцвет, / Другим — полон мук и страданья?»⁶⁹.

При переводе стихотворения Мура «Joys of Youth, How Fleeting!» Брюсов сохраняет лишь общее описание свиданий при луне, полностью трансформируя образы, возникающие в ночном саду: «Whisperings, heard by wakeful maids, / To whom the night-stars guide us; / Stolen walks thro' moonlight shades, / With those we love beside us»⁷⁰ [Шепот, услышанный не спящими девушками, / Которым светят ночные звезды, / Прогулки украдкой под лунным светом / С теми, кого украдкой любим] — «Шепот, звезд далеких взгляд / И рядом взгляд смущенный; / В час свиданья сонный сад, / Луною озаренный»⁷¹. Используя эпитеты «чужой», «незнакомый», «сладкий» для сопоставления жизни на чужбине и пребывания на родине, Брюсов несколько изменил смысловую нагрузку оригинальных стихов: «Wanderings far away from home, / With life all new before us; / Greetings warm, when home we come, / From hearts whose prayers watched o'er us»⁷² [Прогулки вдалеке от дома, / Жизнь столь новая для нас; / Теплая встреча, когда мы домой возвращаемся, / От сердец, молящихся за нас и наблюдающих за нами] — «Жизнь вдали от дорогих / В стране чужой и незнакомой, / Возвращения сладкий миг, / Родной привет родного дома»⁷³. В финале произведения мысль о противоречиях в восприятии юности, которая для одних трагична, а для других — ярка и быстротечна, заменена размышлением о влиянии ощущений юности на всю последующую жизнь человека: «Дни скользят, и счастье в них — / В них юности былые звуки»⁷⁴.

⁶⁵ Мур 1986, 268.

⁶⁶ Курсинский 1896, 58.

⁶⁷ Брюсов 1977, 224.

⁶⁸ Мур 1986, 268.

⁶⁹ Курсинский 1896, 59.

⁷⁰ Мур 1986, 268.

⁷¹ Брюсов 1977, 224.

⁷² Мур 1986, 268.

⁷³ Брюсов 1977, 224.

⁷⁴ Там же.

Таким образом, темы любви, дружбы, быстротечности жизни, столь ярко раскрывшиеся в поэтических произведениях талантливого ирландского поэта Томаса Мура, не ускользнули от внимания русских поэтов-переводчиков конца XIX — начала XX в., среди которых в данном случае особенно выделялся А. А. Курсинский, нашедший в муровской поэзии ценный материал для философских размышлений, мастерски сохранивший особенности ритма и мелодики оригинальных произведений. В. Я. Брюсов, заинтересовавшись Муром благодаря интерпретациям А. А. Курсинского, предложил свое видение муровских произведений, по-новому интерпретировал отдельные мысли и образы поэта-предшественника.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев М. П.* 1982: Русско-английские литературные связи (XVIII — первая половина XIX века). М.
- Брюсов В. Я.* 1927: Письма к П. П. Перцову. 1892–1896 (К истории раннего символизма). М.
- Брюсов В. Я.* 1977: Торжественный привет. Стихи зарубежных поэтов в переводе Валерия Брюсова. М.
- Б-н И. <Бунин И. А.> 1891: Долина Кашмира. Из сказки «Солнце гарема» // Звезда. 2, 32.
- Бунин И. А.* 1891: Долина Кашмира. Из сказки «Солнце гарема» // *Бунин И. А.* Стихотворения. 1887–1891. Орел, 63–64.
- Васина В. А.* 2007: Томас Мур в творческом восприятии В. А. Жуковского: дис. ... канд. филол. наук. Томск.
- Жаткин Д. Н., Яшина Т. А.* 2006: В. А. Жуковский как переводчик произведений Томаса Мура // Интеграция образования. 3, 167–171.
- Жаткин Д. Н., Яшина Т. А.* 2009: Поэма Томаса Мура «Лалла Рук» в русских переводах 1820-х годов (на материале переводов Н. А. Бестужева, Л. Ж., К. П. Б. и анонимных интерпретаторов) // Вестник Поморского университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. 10, 165–170.
- Золотарев В. А.* 1957: Воспоминания о моих великих учителях, друзьях и товарищах. Автобиографический очерк. М.
- Курсинский А. А.* 1896: Полутени. Лирические стихотворения за 1894 и 1895 гг. М.
- Кюи Ц. А.* 1952: «Фераморс» Рубинштейна // *Кюи Ц. А.* Избранные статьи. Л., 488–492.
- Левин Ю. Д.* 1985: Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л.
- Лозинский М. Л.* 1959: Валерий Брюсов и его перевод «Давида Сасунского» // Мастерство перевода. 1, 387–394.
- Мур Т.* 1986: Избранное: [на англ. и рус. яз.]. М.
- Серов А. Н.* 1892: Спонтини и его музыка // *Серов А. Н.* Критические статьи: в 4 т. Т. 1., 86–122.
- Соколов И.* 1959: В. Я. Брюсов как переводчик (из писем поэта) // Мастерство перевода. 1, 371–388.

THE POETRY OF THOMAS MOORE TRANSLATED BY A. A. KURSINSKY
AND V. Y. BRYUSOV

D. N. Zhatkin, T. A. Yashina

The article deals with a comprehensive analysis of ten translations of lyric compositions of the Irish poet Thomas Moore that were done by A. A. Kursinsky. These translations were included into his collection of verses "Polutyeny (penumbra). Lyric poems of 1894–1895". The article presents Bryusov's perception of typical peculiarities of this poetic collection. Bryusov, noting Kursinsky's tendency to slavish imitation of Bal'mont together with the outer form and the very essence of his poetry, offers his own translations of Thomas Moore's poems. Comparative analysis of Kursinsky's and Bryusov's translations of Thomas Moore's poetry makes it possible to form an idea about characteristics of Russian translators' perception of ideas, images, and artistic details peculiar to the original texts of Thomas Moore.

Key words: Thomas Moore, Irish poetry, poetic translation, crosscultural communication, tradition, reminiscence, artistic detail, comparative analysis.

© 2011

Д. Н. Жаткин, А. А. Рябова

«СКАЗАНИЕ О СТАРОМ МОРЕХОДЕ» С. Т. КОЛЬРИДЖА
В ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ Ф. Б. МИЛЛЕРА,
Н. Л. ПУШКАРЕВА, А. А. КОРИНФСКОГО И Н. С. ГУМИЛЕВА
(СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)*

В статье впервые осуществлен сопоставительный анализ переводов знаменитой поэмы С. Т. Кольриджа «Сказание о старом мореходе» («The Rime of the Ancient Mariner», 1797–1798), осуществленных во второй половине XIX — начале XX в. Ф. Б. Миллером (1857), Н. Л. Пушкаревым (1878), А. А. Коринфским (1897) и Н. С. Гумилевым (1919). Авторы статьи приходят к выводу, что, несмотря на наличие у каждого из переводчиков своих причин обращения к произведению С. Т. Кольриджа (начиная с провозглашения необходимости искупления греха страданием и заканчивая стремлением показать бесконеч-

Жаткин Дмитрий Николаевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии. E-mail: ivb40@yandex.ru

Рябова Анна Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии. E-mail: sva00@yandex.ru

* Статья подготовлена по проекту НК–583(3)п «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствоведение», выполняемому в рамках мероприятия 1.2.1 «Проведение научных исследований группами под руководством докторов наук» направления 1 «Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (госконтракт ПЗ79 от 07.05.2010).

ность миров — как внешнего, так и внутреннего), все русские интерпретации сближает неприятие существенно усилившихся индивидуалистических тенденций, приводивших человека к самоизоляции и внутреннему одиночеству.

Ключевые слова: поэтический перевод, международные литературные связи, компаративистика, традиция, художественный образ.

К числу лучших поэтических произведений, созданных в разные годы представителями «озерной школы», можно по праву отнести «Сказание о старом мореходе» («The Rime of the Ancient Mariner»), написанное С. Т. Кольриджем в ноябре 1797 — марте 1798 г. специально для сборника «Лирические баллады» («Lyrical Ballads», 1798), составленного из стихов В. Вордсворта и С. Т. Кольриджа.

При создании этого произведения Кольридж сознательно подражал стилю авторов средневековых народных баллад, знакомых ему по популярному сборнику Томаса Перси «Памятники старинной английской поэзии» (1765). Отсюда поэт заимствовал так называемый «балладный размер» — четырех- и трехстопные строки, рифмующиеся по схеме abcb, а иногда abcbdb, и особую напевную интонацию стиха. Кроме сборника Перси, Кольриджу были известны написанные под влиянием этого сборника «Преследования Уильяма и Хелен» (1796) В. Скотта и более ранняя «Ленора» (1775) немецкого поэта Г. А. Бюргера, которая к тому времени уже была переведена на английский язык. В предисловии к первому изданию «Лирических баллад» сообщалось, что «Старый мореход» создан в подражание «стилю и духу старинных поэтов». Соответственно действие поэмы разворачивалось на рубеже XV–XVI вв., когда, по представлениям современников Кольриджа, и были сочинены и записаны народные баллады. На то, что «Сказание о старом мореходе» отражает дух средневековой баллады, указывает даже тот факт, что старик убил альбатроса стрелой из арбалета («With my crossbow / I shot the Albatross»). Атмосфера средневековья передана при помощи характерных плеоназмов («The Wedding-Guest he beat his breast», «fear not, fear not, thou Wedding-Guest», «I tell to thee, thou Wedding-Guest», «be calm, thou Wedding-Guest») и большого количества архаизмов («spake», «loon», «eftsoons», «bassoon», «uprist», «wist», «countree», «anear», «shrive», «afeard» и др.). В духе «старинных поэтов» Кольридж первоначально стилизовал и правописание названия поэмы — «The Rime of the Ancyent Marinere». Впрочем, в последующем издании «Лирических баллад» (1800) правописание было модернизировано. Во второй редакции поэмы Кольридж уменьшил число архаизмов, сократил более сорока строк и добавил несколько новых. В издании «Лирических баллад» (1802) было опущено краткое резюме содержания (Argument). В сборнике «Sibylline Leaves» (1817) Кольридж включил в текст поэмы глоссы, которые он стилизовал в духе прозы начала XVII в., сократил девять строк и добавил восемнадцать новых. В окончательную редакцию 1834 г. английский поэт внес еще несколько незначительных изменений.

Об истории создания поэмы Кольридж рассказал в XIV главе своей «Литературной биографии» («Biographia Literaria», 1817): «В первый год нашего соседства <1796 г.> мы с мистером Вордсвортом в своих беседах часто касались двух важнейших принципов поэзии: способности возбудить читательский интерес,

прилежно следуя законам природы, и умения придать вещам характер новизны с помощью широкой палитры воображения. Неожиданное чудо, всякий раз возникающее из игры света и тени, когда луна или закат преобразуют хорошо знакомый пейзаж, словно подтверждало возможность совмещения двух начал. Оба они раскрывают поэзию природы. Возникла мысль (не помню уже, у кого из нас) создать цикл из стихотворений двоякого рода. В одних события и лица были бы, пускай отчасти, фантастическими, и искусство заключалось бы в том, чтобы достоверностью драматических переживаний вызвать в читателе такой же естественный отклик, какой вызвали бы подобные ситуации, будь они реальны. В данном же случае реальными их сочли бы те, у кого когда-либо возникала иллюзия столкновения со сверхъестественными обстоятельствами. Темы для другой группы стихотворений были бы заимствованы из окружающей жизни; характеры и сюжеты ничем не отличались бы от тех, что обнаруживает при случае пылливое и чувствительное сердце в любом селении и его окрестностях. Эта идея легла в основу замысла «Лирических баллад». Было решено, что я возьмусь за персонажи и характеры сверхъестественные или во всяком случае романтические с таким, однако, расчетом, чтобы эти тени, отбрасываемые воображением, вызвали в душе живой интерес, а некоторое подобие реальности на какое-то мгновение порождало в нас желание поверить в них, в чем и состоит поэтическая правда <...> Исходя из поставленной задачи, я написал «Сказание о старом мореходе»¹.

О памятном событии сохранились воспоминания В. Вордсворта: «Осенью 1797 г. перед наступлением сумерек Кольридж, моя сестра и я вышли из Алфоксдена с намерением посетить Каменную долину; а поскольку наши общие сбережения были весьма незначительны, мы решили оплатить расходы на эту экскурсию, написав поэму <...> Во время этой прогулки мы и составили план «Старого Морехода», основанный, по словам мистера Кольриджа, на сне, который увидел его друг мистер Круикшенк <Круикшенк сообщил Кольриджу, что ему приснился корабль-призрак, на борту которого двигались какие-то фигуры>. Почти все в этой истории придумал мистер Кольридж, но некоторые детали были предложены мною, например, что должно было совершиться какое-нибудь преступление, чтобы подвергнуть Старого Морехода <...> преследованию потусторонних сил, которые карают его за это преступление и обрекают на скитания. За день или два до того я прочел в книге Шелвока <«Путешествие вокруг света через Южные моря» («Voyage Round the World by the Way of the Great South Sea» (London, 1728))>, что, огибая мыс Горн, они часто видели в тех широтах альбатросов, огромных морских птиц, размах крыла которых иногда достигает двенадцати или тринадцати футов. «Может быть, — сказал я, — вы опишите, как моряк убил одну из этих птиц, приплыв в Южное море, и как духи-хранители этих мест взяли на себя бремя отомстить за преступление?». Мы сочли этот эпизод вполне подходящим и включили его в план. Я также придумал сцену, где кораблем управляют мертвые матросы, но я не припомню каких-либо других добавлений к сюжету поэмы. Ни одному из нас в то время не пришла мысль о глоссах, которые впоследствии появились рядом с текстом поэмы. Мы начали сочинять вместе в тот памятный вечер: я придумал две или три строчки в начале поэмы, в частности: «And listens

¹ Кольридж 1978, 197–198.

like a three years' child / The Mariner hath his will» <строки «And thou art long, and lank, and brown, / As is the ribbed sea-sand» также сочинены Вордсвортом» <...> В то время, как мы попытались продолжить совместное сочинение (я вспоминаю все тот же вечер), стало ясно, что наши поэтические манеры столь различны, что с моей стороны было бы большой нескромностью не прекратить участие в предприятии, которому я только мешал»².

В отрывке из книги Джорджа Шелвока, который припомнился Вордсворту во время прогулки с Кольридом, представлено колоритное описание Антарктики и создан символический образ альбатроса: «Небеса были постоянно скрыты от нас мрачными угрюмыми облаками <...> Можно было представить себе, что ни одно живое существо не может существовать в таком суровом климате; и, действительно, мы <...> не увидели ни одной рыбы и ни одной птицы, за исключением безутешного альбатроса, который сопровождал нас в течение нескольких дней, кружась над нами, как будто бы он потерялся, пока Хартли (мой второй капитан) не заметил в одном из своих припадков меланхолии, что эта птица постоянно кружится над нами, и не вообразил, разглядев ее цвет, что это должно быть предзнаменование какого-либо несчастья. Бурный ветер, постоянно преследовавший нас с тех пор, как мы попали в это море, как мне кажется, особенно усилил его подозрения. Как бы там ни было, он после нескольких неудачных попыток все-таки убил альбатроса, не сомневаясь, по-видимому, что ветер после этого переменит направление»³. Скорее всего, Кольридж был неплохо знаком с этой книгой, хотя, по указанию Вордсворта, именно ему принадлежала идея застрелить альбатроса, возникшая после прочтения произведения Шелвока⁴. Как бы там ни было, в основу поэмы Кольриджа легла история, основанная на предрассудке моряков, для которых черный альбатрос был таким же роковым вестником, как и летучий голландец.

Путешествие Старого Морехода происходило где-то около 1500 г., после открытия Америки Колумбом, но до того, как Магеллан в 1522 г. обогнул мыс Горн, пройдя из Атлантического океана в Тихий. О том, что корабль Старого Морехода обогнул мыс Горн, можно понять из текста поэмы — если в начале путешествия солнце восходит слева: «The Sun came up upon the left, / Out of the sea came he!»⁵ <здесь и во многих других эпизодах «Старого морехода» поэт олицетворял солнце, тем самым следуя традициям средневековой поэзии> — «Вот слева солнце из волны, / Пылая, восстает»⁶, то после убийства альбатроса оно уже встает справа: «The Sun now rose upon the right: / Out of the sea came he»⁷ — «Вот солнце с правой стороны / Из моря восстает»⁸. Н. Л. Пушкирев дополнил свой перевод описанием солнца: «...Солнца огненный круг / Выплыл слева из волн величаво»⁹; «Солнце вновь, но теперь уж с другой стороны, / Словно полное скорби и гнева, / Пря-

² Gettmann 1961, 45–46.

³ Цит. по: Горбунов 2004а, 476.

⁴ См. об этом: Жерлицын 1914, 185.

⁵ Coleridge 2004, 46.

⁶ Миллер 1875, 213.

⁷ Coleridge 2004, 52.

⁸ Миллер 1875, 214.

⁹ Пушкирев 1878, 11.

чась в сизый туман, поднялось из волны»¹⁰. А. А. Коринфский в своем переводе изначально не придал этому факту особого значения: «Из волн морских светило дня / Взошло теперь над нами»¹¹, однако впоследствии точно воссоздал замысел оригинала: «Из воды выходит солнце, / Справа путь нам освещаю»¹². В этом плане существенно более удачным был перевод Н. С. Гумилева: «Вот солнце слева из волны / Восходит в вышину»¹³ и «Вот солнце справа из волны / Восходит в вышину»¹⁴. Причем Гумилев не только точно передает смысл, но и соблюдает повтор, важный для Кольриджа. В этих строках можно видеть реминисценцию из Геродота, писавшего со слов финикийских моряков, что во время плавания в южных морях солнце поднималось справа, а не слева. Эти же строки подтверждают и то, что путешествие произошло еще до экспедиции Магеллана: «Он <корабль> здесь первый носился по этим волнам, / В этом море, известном лишь Богу...»¹⁵ у Пушкирева, «We were the first that ever burst / Into that silent sea»¹⁶ — «...воды, / До которых не плывали / Моряки в былые годы»¹⁷ у Коринфского или «Вошли мы первыми в простор, / Тех молчаливых вод»¹⁸ у Гумилева. В переводе Миллера ощутимо сомнение в том, что моряки были первопроходцами: «До нас наверно не бывал / Никто на тех водах»¹⁹.

Действие поэмы разворачивается в католической Англии, что доказывают невозможные для протестантов молитвы героя, обращенные к Богородице и святым, например: «Heaven's Mother send us grace!»²⁰; «To Mary Queen the praise be given!»²¹; «Suie my kind saint took pity on me»²² — «Услышь, Мария, нас!»²³, «Марии вечная хвала!»²⁴, «Святой мой пожалел меня»²⁵ в переводе Гумилева <Миллер, Пушкирев и Коринфский перевели соответственно только вторую из приведенных фраз: «Тебе и слава и хвала, / Святая Дева!...»²⁶, «О, хвала тебе, Дева святая!»²⁷ и «Хвала Тебе, Матерь Христа»²⁸>. В произведении Кольриджа также возникает фигура католического монаха-отшельника, отпускающего грехи Морехода. Вместе с тем глоссы, стилизованные в духе прозы XVII в., которых ни у кого из литературных предшественников Кольриджа не было, создают двойную перспективу, что подчеркивает всю сложность и неоднозначность действия.

¹⁰ Пушкирев 1878, 12.

¹¹ Коринфский 1897, 2.

¹² Там же, 3.

¹³ Гумилев 2004, 439.

¹⁴ Там же, 441.

¹⁵ Пушкирев 1878, 12.

¹⁶ Coleridge 2004, 54.

¹⁷ Коринфский 1897, 4.

¹⁸ Гумилев 2004, 442.

¹⁹ Миллер 1875, 214.

²⁰ Coleridge 2004, 62.

²¹ Ibid., 74.

²² Ibid.

²³ Гумилев 2004, 446.

²⁴ Там же, 451.

²⁵ Там же.

²⁶ Миллер 1875, 217.

²⁷ Пушкирев 1878, 35.

²⁸ Коринфский 1897, 8.

Мотив странствия имеет большую литературную историю. Он присутствует в «Одиссее» Гомера, где герой, подобно Старому Мореходу, тоже пережил всех своих спутников и потом странствовал в одиночестве до возвращения домой. В христианскую эпоху этот мотив обрел новый смысл паломничества, земного странствия души. Так его восприняли знаменитые предшественники Кольриджа — Джон Беньян («Путешествия пилигрима») и Джеффри Чосер («Роман о Розе») <в строках «How they seemed to fill the sea and air / With their sweet jargonning!»²⁹ можно видеть реминисценцию из «Романа о Розе» («Romaunt of the Rose») Джеффри Чосера: «Lays of love full well souning / Thei songin in their jargonning»>; так его отчасти осмыслил и сам Кольридж³⁰. Но в поэме характерное понимание странствия переплетается со многими замыслами, занимавшими поэта в ту пору, в частности, с идеями создания эпопеи о происхождении зла в духе Дж.Мильтона и написания гимнов солнцу, луне и стихиям, материал для которых, как показывают записные книжки Кольриджа, активно собирался в это время.

Страшная история героя баллады, который бросил вызов природе, пробудив таинственные силы, которые мстят ему за его преступление перед миром гармонии и истинной красоты, была как бы спроецирована на поэтическую канву гимна стихиям. Все размышления поэта о конфликте веры и разума, Бога и природы, механистического и трансцендентного понимания мира, о тайнах жизни и муках совести в иноказательной форме нашли свое место в тексте поэмы, как бы составив два пласта повествования — «географический», рассказывающий о плавании Старого Морехода из Атлантического океана в Тихий <американский исследователь Дж.Л. Лоуэс отмечал, что балладе присуща «точность отчета, составленного адмиралтейством»³¹>, и символично-фантастический, описывающий месть потусторонних сил за убийство альбатроса. Удивителен тот факт, что Кольридж написал «Старого Морехода» до своего путешествия по морю в Германию и на Мальту. Несмотря на то, что поэт не знал моря, необычайная сила воображения помогла ему создать «величественную, несравненную картину Ледовитого океана с огромными плавающими льдинами, мрачно (dismal) сияющими при свете луны изумрудным (emerald) зеленым блеском, картину ревущего снежного урагана, сгибающего мачты при стонущем грохоте и треске глыб, наконец, красочные картины тропиков и экватора, которыми <...> поэт превзошел не только людей, но и саму природу»³². «Старый Мореход» не только «открывает новые морские пути», но и совершает «странствие в неизведанные глубины своей души»³³. Именно благодаря органическому сочетанию реальных и фантастических образов поэма производила чрезвычайно сильное впечатление.

Сопоставляя записные книжки поэта с текстом «Старого Морехода», Дж.Л. Лоуэс установил, на какое огромное количество источников — от Библии до «Ученых записок Лондонского королевского общества» <из последних заимствован образ «рогатой луны» («The horned Moon, with one bright star / Within the nether tip»), — в то время Лондонское королевское общество активно обсуждало

²⁹ Coleridge 2004, 82.

³⁰ См. подробнее: Волкова 2001, 73–79.

³¹ Lowes 1959, 114.

³² Жерлицын 1914, 186.

³³ Цит. по ст.: Горбунов 2004, 26–27.

странное явление природы — появление света, похожего на звезду, в темной части Луны 7 марта 1794 г.> — опирался Кольридж при написании поэмы³⁴. Вполне возможно, что сюжетная линия была отчасти заимствована Кольриджем из «Макбета» В. Шекспира, где «старая ведьма отправляется под парусом, на сите, в Аллепо, чтобы выместить там свой страшный гнев на одном матросе. Она решила загнать, черт знает куда, его корабль, навсегда отнять у него сон и, высушив его, как сено, отпустить на все четыре стороны с клеймом «проклятого человека». Оттуда же могли быть взяты привидения в качестве пассажиров, ужасный «Ночной Кошмар» и образ «Смерти». «Демоны <...> были здесь и раньше, но только Кольридж, приложив свою руку, создал из них человеческие образы»³⁵.

В структуре поэмы получило отражение сочетание поэтического дара Кольриджа и его склонности к логико-философскому обобщению: с одной стороны, «Старый Мореход» построен по четкому плану и раскрывает ясно сформулированную мысль, с другой стороны, он состоит из отдельных видений, выходящих за пределы рационального мышления. В латинском эпиграфе, взятом из сочинения английского прозаика Томаса Бернета «Философские древности» («*Archaeologiae Philosophicae sive Doctrina Antiqua De Rerum Originibus*») и предшествовавшем «Старому Мореходу» в сборнике «*Sibylline Leaves*» (1817), указывалось на множество существ, которыми полон окружающий нас мир, — это делалось для того, чтобы подтолкнуть к размышлениям умы соотечественников, привыкших к обыденной повседневности: «Я охотно верю, что во вселенной есть больше невидимых, чем видимых существ. Но кто объяснит нам все их множество, характер, взаимные и родственные связи, отличительные признаки и свойства каждого из них? Что они делают? Где обитают? Человеческий ум лишь скользил вокруг ответов на эти вопросы, но никогда не постигал их. Однако, вне всяких сомнений, приятно иногда нарисовать своему мысленному взору, как на картине, образ большего и лучшего мира: чтобы ум, привыкший к мелочам обыденной жизни, не замкнулся в слишком тесных рамках и не погрузился целиком в мелкие мысли. Но в то же время нужно постоянно помнить об истине и соблюдать должную меру, чтобы мы могли отличить достоверное от недостоверного, день от ночи»³⁶. Именно у Бернета Кольридж нашел точное определение своей творческой миссии, заключавшееся в признании необходимости акцентирования невидимых свойств, которых никогда еще не постигал ум человека, реализации «сверхъестественной жизни» при сохранении «поэтической истины»³⁷. Из русских переводчиков XIX в. на эпиграф обратил внимание только А. А. Коринфский.

«Краткое содержание», предворявшее поэтический текст, во многом предполагало приключенческий характер истории, однако с самого начала захватывало не само действие, а скорее общий драматический фон повествования и демонический образ моряка. Внешняя история шаг за шагом разворачивалась в прозаическом изложении (глоссы). К сожалению, никто из русских переводчиков этой поэмы в XIX в.: ни Ф. Б. Миллер («Старый матрос», 1851) <перевод был опубликован в «Библиотеке для чтения» в 1851 г., а затем перепечатан Н. В. Гербелем в 1875 г.

³⁴ См. подробнее: Lowes 1959, 112–113.

³⁵ Жерлицын 1914, 184.

³⁶ Цит. по: Горбунов 2004а, 475.

³⁷ Mackail 1984, 68.

в составленной им популярной хрестоматии «Английские поэты в биографиях и образцах», ни Н. Л. Пушкирев («Песнь старого моряка. Поэма Кольриджа», 1878) <перевод увидел свет в 1878 г. в журнале «Свет и Тени», который издавал сам Н. Л. Пушкирев>, ни А. А. Коринфский («Старый моряк», 1893) <перевод был издан в 1897 г. отдельной книгой «Старый моряк. Поэма Кольриджа в стихотворном переводе Аполлона Коринфского»> — не перевел глосс и краткого содержания, важных для понимания этой поэмы.

В переводе Н. С. Гумилева («Поэма о старом моряке», 1919) <опубликован отдельной книгой под названием «Сказание старого морехода» в петроградском издательстве «Всемирная литература» в 1919 г.> есть глоссы. Рядом же, в поэтических строфах, происходит драматическое действие с двумя героями. Образ мрачного Старого Моряка с огненным взглядом контрастирует с образом юного Свадебного Гостя, стремящегося к радостному веселью. Рассказ морехода в первой части прерывается Свадебным Гостем три раза, но после того, как старик говорит о своем преступлении, юноша замолкает, — ни одна реплика не прерывает историю моряка во второй и третьей частях повествования. Новая реплика юноши следует лишь при рассказе старика о гибели двухсот членов экипажа. Наконец, последний робкий возглас Свадебный Гость издает в середине пятой части, после чего до самого финала поэмы его уже не слышно. Вместе с тем нарастает внутренний драматизм монолога морехода, Кольридж вводит диалог духов в конце пятой — начале шестой части, после чего передает разговор Рыбака и Отшельника.

Корабль Старого Морехода спокойно пересекает экватор, но потом буря уносит судно к Южному полюсу, в страну льдов, откуда, казалось бы, нет спасения; однако неожиданно появившийся альбатрос помогает кораблю выйти из царства льдов. В глоссах альбатрос назван «птицей добрых предзнаменований», «благотворяющей птицей», «птицей удачи» («a bird of good omen», «the pious bird of good omen», «the bird of good luck»). По мнению некоторых ученых альбатрос воплощает в себе благодатные силы природы, «единое бытие», упомянутое в «Эоловой арфе»; другие видят в этой птице самого Иисуса Христа³⁸. Но, скорее всего, для Кольриджа альбатрос важен как причина той кары, которую его убийство влечет за собой. Убийство альбатроса Старым Мореходом совершено неожиданно, ничем не мотивировано. Это зло не поддается разумному объяснению, а следовательно, является результатом первородного греха, приведшего к порче человеческой природы. Именно об этом Кольридж писал брату в марте 1798 г., когда первый вариант поэмы был только что закончен: «Я совершенно твердо верю в первородный грех; в то, что с момента рождения наш разум поврежден, и даже когда наш разум светел, наша природа порочна и воля слаба»³⁹. Несмотря на то, что Кольридж в стихах не дает альбатросу каких-либо оценок («The Albatross did follow»), и Миллер, и Пушкирев, и Коринфский, опираясь на глоссы, характеризуют при переводе птицу как добрый знак: «Слетел к нам альбатрос... / Он счастье нам принес»⁴⁰; «...Альбатрос закружил... / Он слетел с ледяного отрога / И, как будто

³⁸ Knight 1979, 85.

³⁹ Coleridge 1, 1957, 396.

⁴⁰ Миллер 1875, 214.

бы ангел с неба сходил, / Все признали в нем вестника Бога»⁴¹; «Кружится белый альбатрос / И воздух бьет крылами... / О, это был хороший знак — / Конца пути предвестник»⁴². У Гумилева есть глоссы, и потому в своем переводе он и здесь верен оригиналу.

Совершив убийство альбатроса, Старый Мореход приобщается злу и остается один на один с миром природы, теперь враждебным ему. Сначала суеверные матросы осуждают Старого Морехода за совершение «адского дела» («a hellish thing»), но затем хвалят, также приобщаясь к его преступлению: «For all averred I had killed the bird / That made the breeze to blow. / Ah wretch! said they, the bird to slay, / That made the breeze to blow! / <...> / Then all averred, I had killed the bird / That brought the fog and mist. / 'Twas right, said they, such birds to slay, / That bring the fog and mist»⁴³ — «Мне упрекали: «Ты убил / Того, кто нам приветен был, / Кто ветер нам послал!» / <...> / <...> и каждый говорил: / «Ты прав, что наказал / Того, кто нам опасен был, / Кто нам туман послал»⁴⁴ — «...и каждый с тоской говорил: / «Ах, несчастный! Ужель он ту птицу убил, / Что дуть добрым ветрам повелела?» / <...> / И все стали тогда мой поступок хвалить... / Все кричали: «Ты сделал прекрасно, / Что решился ее, эту птицу убить! / Этих птиц, что так любят туман наводить, / Убивать никогда не опасно...»⁴⁵; интерпретация А. А. Коринфского здесь не совсем верна: «Говорят мне: / — Ты — убийца / Друга нашего несчастья! <непонятно, почему несчастья> / <...> / Говорят мне: / — Преступление / Застрелить того, кто с нами / Разделял скитанья наши / Над безбрежными волнами! / <...> / Говорят мне: / — Злого духа / Ты убил, товарищ смелый. / Приносил туман и холод / Этот призрак смерти белый...»⁴⁶. Перевод Н. С. Гумилева поразительно точен в повторе фраз: «Я слышал: «птицу ты убил, / Что ветер принесла; / Несчастный, птицу ты убил, / Что ветер принесла» / <...> / Я слышал: «птицу ты убил, / Пославшую туман, / Ты прав был, птицу умертвив, / Пославшую туман»⁴⁷.

В результате корабль останавливается на экваторе «в полосе мертвого штиля <всю плачевность положения Кольридж показал позаимствованным у Спенсера сравнением: «'Twas sad as sad could be» («То было прискорбно, как прискорбно может быть»)>, когда от невыносимого жара начали сжиматься и трескаться доски на палубе, когда в кадках появилась зловонная зеленая плесень, когда в полдень на медном небе (the copper sky), как раскаленный горн, дышало жгучим огнем кровавое солнце (the bloody sun), когда от нестерпимой жажды они начали хрипеть, будто их глотки были набиты сажей (soot), и высовывали языки, точно хотели облизать черные запекшиеся губы (black lips baked); когда по ночам они стонали и бредили о каком-то полярном призраке, который пригнал их сюда из «туманной и снежной страны» (the land of mist and snow) и мучит теперь, сидя на девятиаршинной глубине; когда начало гнить и разлагаться (to rot) само море, и появились на нем какие-то липкие гады; когда по ночам огни смерти (the death-fires) плясали толпою вокруг корабля, а вода горела, как масло ведьмы (the witch's oils),

⁴¹ Пушкарев 1878, 12.

⁴² Коринфский 1897, 3.

⁴³ Coleridge 2004, 52–54.

⁴⁴ Миллер 1875, 214.

⁴⁵ Пушкарев 1878, 12.

⁴⁶ Коринфский 1897, 3–4.

⁴⁷ Гумилев 2004, 442.

зеленым, синим и белым»⁴⁸. Эта жуткая картина воспроизводит состояние души героя, воплощая чувство его вины и внутреннего одиночества: «All in a hot and copper sky < при описании раскаленного неба Кольридж использовал собственные воспоминания об ужасной жаре в Англии в 1783 г. В этой связи Дж. Л. Лоуэс цитирует следующие строки английского натуралиста Гилберта Уайта, так описавшего лето 1783 г.: «Лето 1783 г. было удивительным и ужасным, полным устрашающих явлений, ибо <...> своеобразная дымка, или дымный туман, окутывавший наш остров в течение многих недель <...> имел весьма необычный вид, не походя ни на что, знакомое людской памяти <...> Солнце в полдень было таким же бледным, как луна, скрытое облаками, оно бросало ржавый, красновато-коричневый свет на землю и полы комнат; но особенно зловещим кроваво-красным оно становилось в часы восхода и заката. Все это время жара была <...> невыносимой»⁴⁹, / The bloody sun, at noon, / Right up above the mast did stand, / No bigger than the Moon. / Day after day, day after day, / We stuck, nor breath nor motion; / As idle as a painted ship / Upon a painted ocean. / Water, water, every where, / And all the boards did shrink; / Water, water, every where, / Nor any drop to drink. / The very deep did rot: O Christ! / That ever this should be! / Yea, slimy things did crawl with legs / Upon the slimy sea <описание рыб-слизняков Кольридж заимствовал из книги немецкого мореплавателя Ф. Мартенса «Путешествие на Шпицберген и в Гренландию» (1694)>. / About, about, in real and rout / The death-fires danced at night; / The water like a witch's oils, / Burnt green, and blue and white»⁵⁰.

Дж. Л. Лоуэс приводит для сопоставления с процитированным фрагментом следующий отрывок из книги капитана Джеймса Кука «Путешествие по Тихому океану» («A Voyage to the Pacific Ocean in 1776–1780», 1784), ссылка на которую есть в записных книжках Кольриджа: «Во время штиля <...> отдельные участки моря казались покрытыми чем-то вроде липкого ила; и небольшие морские животные, плавающие там <...> имели белую или блестящую окраску <...> Плавая, что они делали с равной легкостью на спине или брюхе, они излучали ярчайший свет, подобный сверканию драгоценных камней <...> Иногда это были разнообразные оттенки синего цвета <...> Но обычно это был красивый бледно-зеленый свет с багровым отблеском; и в темноте он слегка напоминал тлеющий огонь»⁵¹. В данном фрагменте можно видеть традицию хоровода ведьм из «Макбета» Шекспира. О светящейся и как бы горячей морской воде Кольридж также читал в книге Джозефа Пристли «Оптика» («Optics», 1772) в главе «Свечение гниющих тел». Указанные влияния отчетливо проявляются не только в приведенном выше фрагменте, но и в дальнейшем тексте «Старого Морехода»: «And some in dreams assured were / Of the Spirit that plagued us so; / Nine fathom deep he had followed us / From the land of mist and snow. / And every tongue, through utter drought, / Was withered at the root; / We could not speak, no more than if / We had been choked with soot»⁵².

В переводе Ф. Б. Миллера этот значимый фрагмент «Старого Морехода» С. Т. Кольриджа приобрел несколько иное звучание: «На медноцветных небесах,

⁴⁸ Жерлицын 1914, 188.

⁴⁹ Lowes 1959, 145–146.

⁵⁰ Coleridge 2004, 54–56.

⁵¹ Lowes 1959, 75.

⁵² Coleridge 2004, 58.

/ Полуденной порой, / Горит кровавый солнца шар / С луну величиной. / И так текут за днями дни; / Немая тишь кругом... / А мы все тут стоим одни, / И тщетно ветра ждем. / Везде вода, одна вода, / А зной так и палит; / Везде вода, одна вода, / А жажда нас томит! / Зеленой тиной глубина / Покрылась, будто мхом, / И миллионы слизняков / Копышатся кругом. / А по ночам, то здесь, то там, / Как будто бесов строй, / Играет, скачет по водам / Огней блудящих рой. / И многим виделось во сне, / Что нас карает ад; / Что злобный дух сидит на дне, / На стоаршинной глубине, / И держит наш фрегат. / От жажды страшной говорить / Никто не мог из нас: / В устах язык одервенел / И пена запеклась»⁵³. Миллером не переведено яркое сравнение «As idle as a painted ship / Upon a painted ocean»⁵⁴ [Так же неподвижно, как нарисованный бриг / В нарисованном океане]. Сравнение «Зеленой тиной глубина / Покрылась, будто мхом»⁵⁵ не показывало всей омерзительности гниющего моря. Также Миллер опустил характерное сближение воды с «маслом ведьмы». Глубина в девять сажень была заменена им на стоаршинную глубину. Вместо иссохших языков в его переводе «язык одервенел», вместо сажи во рту — «пена запеклась».

Н. Л. Пушкарев в своем переводе опустил строки о гниении моря и слизняках: «В раскаленном, как будто из бронзы литой / Отчekanенном небе светило / Тоже солнце, но тускло, как шар кровавой. / Оно плыло как раз против мачт и с луной, / По объему, равно почти было. / День за днем проходил, день за днем уходил, / А корабль наш в той мертвой пустыне, / Знай, стоял да стоял без движения и сил, / Как фальшивый корабль на картине. / Все вода, все вода, а борта / С адским треском от жара сводило; / Все вода, все вода и вода, а уста / Хоть бы каплей воды освежило. / По ночам свет живых, переметных огней / Зажигался над всем океаном, / И все воды, как масло, что жжет чародей, / В нем светились кругом, то в багряном, / То в зеленом, то в белом, то в синем огне... / Дух, отмщавший за смерть своей птицы, / Очень многим из нас появлялся во сне: / Он стоял под водой, на большой глубине, / Грозно сжав ледяные десницы. / Мы пеклись на жаре, мы томились от мук / Страшной жажды, все рты наши были / Адски сухи и будто все горло нам вдруг / Пыльной, едкою сажеей забили»⁵⁶. Также вместо эпитета «соррег» (медное) в описании неба он использовал сравнение «как будто из бронзы литой отчekanенном небе», «масло ведьмы» (witch's oils) перевел как «масло, что жжет чародей», не указал глубину, на которой находился дух.

Совершенно иначе интерпретировал этот отрывок А. А. Коринфский: «В раскаленной, медно-красной, / Тверди неба — как на троне — / Светит солнце, словно призрак / В окровавленной короне... / Штиль... Стоим мы дни за днями; / Волны — с небом в заговоре; / Наш корабль — как нарисован / В нарисованном же море... / Зной палит невыносимо, / Что нам пить?!.. / Язык к гортани / Присыхает у иного... / Как нам быть?! / Великий Боже, / Дай нам силы, дай нам силы! / О, не дай нам — как моллюскам / В царстве волн найти могилы!.. / Каждой ночью все мы видим, / Что пучина пред глазами / Синим, белым и зеленым / Разгорается огнями... / Снится многим, что глубоко / Нас преследует суровый / Дух страны сне-

⁵³ Миллер 1875, 214–215.

⁵⁴ Coleridge 2004, 58.

⁵⁵ Миллер 1875, 215.

⁵⁶ Пушкарев 1878, 12–13.

гов полярных, / Заковавший нас в оковы... / Дни текли; стояло море; / Солнце лило в воду пламень... / И от жажды и от зноя / Стал язык мой — словно камень»⁵⁷. Как видим, Коринфский перевел «bloody Sun» «как на троне <...> словно призрак в окровавленной короне», значительно приукрасив образ солнца, но вместе с тем не очень удачно передал мысль Кольриджа о том, что вокруг была вода, а пить нечего. Слизняки названы всего лишь моллюсками, ничего не говорится о гниении моря. Нет также упоминания о влиянии темных сил (witch) на появление огней в воде. Коринфский не указал глубину, на которой находится дух, и язык у моряков не иссох, а стал «словно камень».

Наиболее оригинален в интерпретации приведенного фрагмента из произведения С. Т. Кольриджа Н. С. Гумилев: «В горячих, медных небесах / Полдненью порой / Над мачтой Солнце, точно кровь, / С Луну величиной. / За днями дни, за днями дни / Мы ждем, корабль наш спит, / Как в нарисованной воде, / Рисованный стоит. / Вода, вода, одна вода. / Но чан лежит вверх дном; / Вода, вода, одна вода, / Мы ничего не пьем. / Как пахнет гнилью — о, Христос! — / Как пахнет от волны, / И твари слизкие ползут / Из вязкой глубины. / В ночи сплетают хоровод / Блудящие огни. / Как свечи ведьмы, зелены, / Красны, белы они. / И многим снился страшный дух, / Для нас страшней чумы, / Он плыл за нами под водой / Из стран снегов и тьмы. / В гортани каждого из нас / Засох язык, и вот, / Молчали мы, как будто все / Набили сажей рот»⁵⁸. В переводе Гумилева вместо иссохших досок упомянут лежащий вверх дном чан; фразы «Как пахнет гнилью — о, Христос!» и «Как пахнет от волны» опять же не передают отвратительной картины гниения воды; «масло ведьмы» переведено как «свечи ведьмы»; вместо синего цвета огней упомянут красный; глубина, на которой находился дух, не указана.

Матросы корабля взглядами молча обвиняют Морехода и вместо креста вешают ему на шею мертвого альбатроса. Очевидно, Кольридж имел в виду не столько нательный крест, который являлся для христиан символом избавления от первоначального греха, сколько крест как тяжелое испытание⁵⁹. Также этот образ ассоциируется с «печатью Каина», крестом, выжженным, по преданию, на челе Каина и Вечного Жида. Миф о Каине, убившем своего брата Авеля, равно как и миф об Агасфере, Вечном Жиде, осужденном за надругательство над Христом, занимал воображение Кольриджа во время работы над поэмой. Поэт также вспоминал, что в 1798 г. он вместе с Вордсвортом приступил к сочинению повести «Скитания Каина». Кольридж написал вторую главу, первую обещал сочинить Вордсворт, который, проведя бессонную ночь и сочинив всего несколько строк, отказался от своего обещания⁶⁰. По словам Кольриджа, эта затея «окончилась шуткой; и вместо повести был написан «Старый Мореход»⁶¹.

Муки одиночества, испытанные Каином и Агасфером, сходны с судьбой Старого Морехода. Кольридж одним из первых в английской романтической поэзии создал образ героя, отчужденного от мира и страдающего от одиночества; этот образ оказал воздействие на произведения П. Б. Шелли, В. Скотта, Дж. Г. Байро-

⁵⁷ Коринфский 1897, 4.

⁵⁸ Гумилев 2004, 442–444.

⁵⁹ См.: Saintsbury 1951, 63.

⁶⁰ Жерлицын 1914, 192–193.

⁶¹ Lowes 1959, 183.

на, в том числе и на широко известную мистерию последнего «Каин» («Cain, a Mystery»). Известно также, что В. Скотт описал терпящий бедствие корабль в фосфоресцирующем море с эльфическим светом в «Лорде островов», а Байрон нарисовал в «Тьме» («The Darkness») картину гниющего моря с истощенными матросами как прообраз гибели мира и возвращения к первородному хаосу.

Итак, мертвая птица становится для Морехода знаком его вины и преследующей его кары. В мире, окружающем Старого Морехода, теперь царит хаос, который олицетворяется кораблем-призраком. Сначала матросы обрадовались появлению корабля, что показано восклицанием «Gramesy!», — это было единственное слово, которое смогли выговорить моряки своими запекшимися черными губами и жаждущим воды горлом: «With throats unslaked, with black lips baked, / We could not laugh nor wail <не могли ни смеяться, ни выть>; / Through utter drought all dumb we stood! <...немые мы стояли!>»⁶². Символично, что при описании мук жажды, испытываемых матросами, Кольридж использовал свой опыт, — во время прогулки в горах Уэльса в 1794 г. поэт и его друзья так утомились от жажды, что не могли выговорить ни одного слова, пока не выпили воды.

В созданной воображением Старого Морехода величественной мистической картине нет различия между реальными образами и материализованными призраками. «Огненный диск солнца стоял на черте горизонта, касаясь волн, охваченных багровым пламенем, и вдруг на его красном фоне быстро замелькали тонкие рей — тюремная решетка (dungeon-grate) покрыла солнце, и сразу обрисовались изогнутые ребра корабля, а сквозь решетку заблестели на солнце прозрачные паруса из паутины. Корабль приближался. «Смерть» стояла на палубе, а рядом с ней голая красавица с красными губами и золотистыми локонами; она «играла глазами» («Her looks were free»), и кожа ее белела, как проказа («leprosy»). «Like vessel, like crew!» («Каково судно, таков и экипаж!»). Борт о борт прошел «обнаженный остов корабля» («the naked hulk»), обе («the twain») бросали на палубу игральные кости, и ставками их были матросы. «Я выиграла! я выиграла!» — воскликнула красавица и «свистит трижды»: старик достался ей»⁶³. Этот эпизод можно считать одним из наиболее примечательных в английской поэме: «And straight the Sun was flecked with bars, / (Heaven's Mother send us grace!) / As if through a dungeon-grate he peered / With broad and burning face. / Alas! (thought I, and my heart beat loud) / How fast nears and nears! / Are those her sails that glance in the Sun, / Like restless gossameres? / Are those her ribs through which the Sun / Did peer, as through a grate? / And is that Woman all her crew? / Is that a Death? And are there two? / Is Death that woman's mate? / Her lips were red, her looks were free, / Her locks were yellow as gold: / Her skin was as white as leprosy, / The Night-mate Life-in-Death was she, / Who thicks man's blood with cold. / The naked hulk alongside came, / And the twain were casting dice; / «The game is done! I've won! I've won!» / Quoth she, and whistles thrice»⁶⁴.

Осознавая всю значимость описания корабля-призрака, русские переводчики, однако, предлагали интерпретации, существенно отличавшиеся не только друг от друга, но и от английского оригинала: «И мачты черные стоят, / Как будто ряд

⁶² Coleridge 2004, 59.

⁶³ См.: Жерлицын 1914, 189–190.

⁶⁴ Coleridge 2004, 62–64.

тений, / Багровым пламенем горят / Все скважины снастей. / И ужас обуял меня:
/ По дремлющим водам — / Я вижу — остов корабля / Плывет все ближе к нам. /
Все спит на нем могильным сном, / Среди ночной тиши; / Ни звука не слышать на
нем, / Не видно ни души. / Но вот на палубе жена / В одежде гробовой — / Страш-
на, угрюма и бледна — / И с ней еще другой / Ужасный призрак. Как во тьме /
Глаза его горят — / И жжет и давит сердце мне / Его тяжелый взгляд. / Кто ж эта
бледная жена? / Чей тот ужасный лик? / О, Боже! Это смерть сама / И стена — ее
двойник! / Пришли и стали борт о борт, / И жребий об нас / Кидают молча меж
собой... / Мы ждем. Ужасный час! / Мы ждем. И вот я вижу вдруг / Мой жребий
упал. / «Ага! он мой!» — воскликнул дух / И страшно засвистал»⁶⁵ — «И тогда,
в тот же миг, солнца огненный круг / Весь рядами полос испестрился, / Длинных,
черных полос... Слово круг этот вдруг / За решеткой тюрьмы очутился. / «Ах,
как быстро», — шептал я (и сердце во мне / Страшно билось), — «как быстро
несется / Он на нас, все на нас, по блестящей волне!.. / Уж не снасть ли его, там,
вдали, вся в огне, / Паутиными нитями вьется?» / «Не сквозь мачты-ль, дробясь,
как сквозь рамку окна, / Солнце чудно так льет волны света? / А она... этот дух,
эта тень... кто она? / Неужель это смерть? И она не одна, — / Их там две. Уж не
смерть-ли и эта?» / Ее рот был пунцов, ее взгляд был — стекло, / Ее волосы желты
от века, / Ее руки красны, ее тело бело... / Это был кошмар, было то, что могло
/ Леденить в жилах кровь человека: / Была жизнь, была смерть. / Их корабль не-
земной / Проплыл мимо как раз перед нами. / Мы их видели все, увлеченных
игрой / И бросающих кости с очками. / «Шесть и шесть! Третий раз! Ты долж-
на, ты должна / Уступить мне», — жизнь смерти сказала. / И мы слышали все,
как при этом она / Три раза с торжеством просвистала»⁶⁶ — «Я вижу темный ряд
снастей, — / Как ребра чудища морей, / К невесте моря золотой / Они подняли
остов свой... / Как за решеткою тюрьмы, / Светило дня все видим мы... / Все
ближе, ближе!.. Прямо к нам / Корабль несется по волнам... / Вот паруса — как
белых риз / Парча — повсюду виснут вниз... / Пронзает ярко солнце их / Стрелами
жгучих глаз своих; / Кроваво-красные лучи, / Они — как лава горячи!.. / Корабль
плывет... А по бортам / Как будто кто-то бродит там... / То — призрак смерти!..
Кто-ж еще / Через его глядит плечо?!.. / В крови уста ее; она / Тоски загадочной
полна; / Как от проказы, все бело / Ее высокое чело... / То фея ночи, смерти друг...
/ От взоров их застынет вдруг / Вся кровь... О, Боже!.. Рядом встал / Корабль их,
вспенив синий вал... / Смотрю и вижу я: вдвоем / Друзья ужасные на нем / Играют
в кости, — меж собой / Нас разделяя... Боже мой, / Что вижу!.. Страшный жребий
пал, / И призрак смерти всех нас взял; / И только я достался той — / Его подруге
молодой...»⁶⁷ — «Сквозь снасти Солнце видно нам / (Услышь, Мария, нас!) / Как
за решеткою тюрьмы / Горящий, круглый глаз. / Увы! (я думал и дрожал) / Он про-
должает плыть! / И неужели паруса — / На Солнце эта нить? / Пылает Солнце, как
в тюрьме / Ужели между рей? / И женщина смеется нам? — / Не смерть ли? И вто-
рая там? / Не Смерть ли та, что с ней? / Рот красен, желто-золотой / Ужасный взор
горит: / Пугает кожа белизной, / То Жизнь по Смерти, дух ночной, / Что сердце

⁶⁵ Миллер 1875, 215–216.

⁶⁶ Пушкарев 1878, 19–20.

⁶⁷ Коринфский 1897, 5–6.

леденит. / Вот близко, близко подошли / И занялись игрой, / И трижды свистнув, крикнул дух: / «Я выиграл, он мой!»⁶⁸.

Как видим, в переводе Миллера сравнение мачт с тюремной решеткой и парусов с паутиной опущено, но зато введено описание могильной тишины. Миллер дает отсутствующее у Кольриджа олицетворенное описание «Смерти» (страшна, угрюма и бледна), а в характеристике «Жизни-в-Смерти» основное внимание уделено глазам и ничего не говорится о губах, волосах, коже. Миллер при этом не использует само название «Жизнь-в-Смерти». Духи в его переводе не играют в кости, а бросают жребий, и тот, кто выиграл душу моряка, «страшно засвистал», а не свистит три раза. В своем переводе, вместо сравнения волос «Жизни-в-Смерти» с золотом («Her locks were yellow as gold»), Пушкирев утверждает, что они были желты от века, т. е. от старости; также он добавляет, что ее руки были красны. Пушкирев не использует название «Жизнь-в-Смерти», у него в кости играют жизнь и смерть. В переводе Коринфского к образу снастей в виде тюремной решетки на фоне пылающего солнца добавлено сравнение с «ребрами чудища морей», паруса сопоставлены с «парчой белых риз». Вместо пустого взгляда «Жизни-в-Смерти» «она <фея ночи, подруга призрака смерти> тоски загадочной полна». Коринфский ничего не говорит о волосах феи и ее свисте. В переводе Гумилева «gossameres» (паутина, тонкая ткань) представлена как «нить», что не очень удачно; «Смерть» в интерпретации русского поэта «смеется», а фразы «her looks were free» и «Her locks were yellow as gold» объединены в одно суждение о взгляде.

После того как Жизнь-в-Смерти (точно найденный образ внутреннего состояния героя) выиграла душу Старого Морехода, все матросы пали замертво на палубу один за другим — «too quick for groan or sigh» («слишком быстро для стона или вздоха»), причем каждый из них проклял старика взглядом: «Cursed me with his eye». Старому Мореходу было суждено пережить своих товарищей, но при этом он испытал на себе все чудовищные ужасы ночного кошмара, «ибо «Жизнь-в-Смерти» («Life-in-Death») начала свою работу»⁶⁹. Целых семь дней (в Библии цифра семь является символом завершенности) Мореход оставался один на один с трупами среди гниющих вод моря: «I looked upon the rotting sea, / And drew my eyes away; / I looked upon the rotting deck, / And there the dead men lay! <...> / The cold sweat melted from their limbs, / Nor rot nor reek did they: / The look with which they looked on me / Had never passed away»⁷⁰. «На телах уже выступил холодный, растопленный пот, а неподвижные стеклянные глаза мертвецов в упор смотрели на старика, и видел он в них предсмертную тоску и страшное проклятье»⁷¹. В русских переводах этот эпизод представлен следующим образом: «Взгляну на море — там кругом / Животные кишат; / Взгляну на палубу потом — / Тут мертвецы лежат! / <...> / На посинелом их лице / Блестит холодный пот; / Отверстый, неподвижный взор / Меня еще клянет»⁷² — «Я на море взглянул — там все гнило кругом, / Я взглянул на корабль — там лежали / Трупы мертвых друзей... Я на небо тайком / Бросил взор, полный мук и печали / <...> / Крупный пот ледяной

⁶⁸ Гумилев 2004, 446.

⁶⁹ Жерлицын 1914, 191.

⁷⁰ Coleridge 2004, 70.

⁷¹ Жерлицын 1914, 191.

⁷² Миллер 1875, 216.

капал с лица их, как град, — / Но тела их не пахли, не гнили. / Их немые глаза и теперь тот же взгляд, / Взгляд укора, еще сохранили»⁷³ — «На море сонное взглянул / И — отвернулся я... / Смотрю на палубу, — молчит / Товарищей семья... / <...> / На них застыл предсмертный пот, / Они мертвы; но в них / Везде преследует меня / Проклятие живых...»⁷⁴ — «Гляжу на гниль кишасших вод / И отвожу мой взгляд; / Гляжу на палубу потом, / Там мертвецы лежат / <...> / Холодный пот с лица их льет, / Но тленье чуждо им, / И взгляд, каким они глядят, / Навек неотвратим»⁷⁵.

Поднимающаяся из моря луна становится у Кольриджа символом духовного обновления. Под влиянием магии лунного света Старый Мореход осознает, что населяющие океан существа, которые ранее казались ему отвратительными слизняками, на самом деле красивы; его сердце наполняется любовью, и он благословляет их: «От корабля падала длинная тень, и старик видел, как извиваясь в ней сияющими зигзагами, поднимали головы морские змеи, и отпадал от них белыми хлопьями эльфический свет. Синие, глянцевиито-зеленые и бархатно-черные они плыли к кораблю, извиваясь кольцами, и следы их сияли золотым пламенем»⁷⁶: «Beyond the shadow of the ship, / I watched the water-snakes: / They moved in tracks of shining white <здесь можно видеть реминисценцию из библейской «Книги Иова», где Левиафан описан следующим образом: «He maketh a path to shine after Lime; one would think the deep to be hoary»>, / And when they reared, the elfish light / Fell of in hoary flakes. / Within the shadow of the ship / I watched their rich attire: / Blue, glossy green, and velvet black, / They coiled and swam; and every track / Was a flash of golden fire»⁷⁷. В русских интерпретациях этот фрагмент поэмы не столь ярок и выразителен: «И там, где тень от корабля / Легла на море, видел я / Огромных змей морских: / Играя весело, они / Сверкали кожей при луне / В отливах золотых. / О, как тогда казалась мне / Завидна доля их! / Как были счастливы они / В своей привольной глубине, / В струях своих родных»⁷⁸ — «В эту ночь в первый раз сотни змей водяных / Над блестящей водой заиграли. / Они плыли вдали и, когда кто из них / Подымался из волн, над головками их / Беловатые искры сверкали. / Иногда рой тех змей подплывал и ко мне... / И тогда я не мог наглядеться вполне / На их блеск. Они плыли, кружились, / Извивались, вились возле самых бортов, / И везде, по следам их блестящих хвостов, / Золотые бороздки светились»⁷⁹ — «Где плыл корабль, где на струи / Его ложилась тень, — / Там пламя странное всегда / Сверкало, ночь и день... / В лучах его мой взор ловил / Морских красавиц-змей: / Они вились на волнах / Среди живых огней... / На пене волн их чешуя / Меняла все цвета; / Манила взгляд, звала к себе / Меня их красота... / Они мелькали здесь и тут — / По золотым струям... / Счастливицы! Хотел бы я / Уйти навеки к вам... »⁸⁰ — «Где тени не бросал корабль, / Я видел змей морских: / Они неслись лучам вослед, / Вставали на дыбы, и свет / Был в клочьях снеговых. / Где тени не бросал корабль, / Наряд их видел я, — / Зеленый, красный, голубой. / Они скольз-

⁷³ Пушкарев 1878, 27–28.

⁷⁴ Коринфский 1897, 7.

⁷⁵ Гумилев 2004, 449.

⁷⁶ Жерлицын 1914, 191.

⁷⁷ Coleridge 2004, 73–74.

⁷⁸ Миллер 1875, 217.

⁷⁹ Пушкарев 1878, 28.

⁸⁰ Коринфский 1897, 7.

или над водой, / Там искрилась струя»⁸¹. У Миллера добавлено, что змеи огромные и что сверкали они «в отливах золотых» вместо «эльфийского света» (elfish light); переводчик ничего не говорил об их «богатом наряде» (rich attire), но зато утверждал, что старик завидовал счастью змей. У Пушкарева «эльфийский свет» переведен как «беловатые искры», «золотой огонь» (golden fire) — как «золотые бороздки», и ничего не говорится о разноцветности змей. У Коринфского змеи названы «красавицами», и вьются они опять же не в эльфическом свете, а «среди живых огней» и «по золотым струям»; их чешуя способна менять все цвета, но какие именно — не сообщается. У Гумилева эльфийский свет также не упоминается, а цвет змей другой, нежели в английском оригинале, например, красный вместо бархатно-черного.

Итак, в кульминационный момент, когда старик благословляет морских змей, роковым чарам приходит конец, — Старый Мореход вновь обретает дар молитвы, и мертвый альбатрос падает с его шеи в пучину вод. Затем «появилась тяжелая черная туча, ударил гром, белыми огнями разорвала небо огненная молния, вдали грозно завыл ветер, дрогнули паруса, понеслись вокруг корабля тысячи огненных флагов (fire-flags), и под проливным дождем трупы застонали, зашевелились (“They groaned, they stirred, they all uprose”), медленно поднялись и потянули канаты. У руля стал кормчий, побежали матросы по вантам — дрогнул корабль и стрелой понесся вперед»⁸². Но теперь телами моряков управляли светлые духи: «’Twas not those souls that fled in pain, / Which to their corpses came again, / But a troop of spirits blest»⁸³. Традиционно считается, что эту сцену придумал В. Вордсворт; в качестве другого вероятного источника Дж. Л. Лоуэс указывает латинское послание Паулина, епископа Нолы (IV в.), в котором детально излагалась подобная же история.

Заря принесла Старому Мореходу песнь жаворонка, щебет птиц, а затем звуки одинокой флейты и песнь ангела. А вечером, при заходе солнца, он услышал «два голоса в воздухе» («two voices in the air»), пролетающие над кораблем в сумерки и ведущие загадочный разговор. По мнению М. Жерлицына, мистические слова второго голоса несут в себе наиболее значимую и глубокую мысль баллады: «The air is cut away before / And closes from behind»⁸⁴, призванную показать, насколько сверхъестественная жизнь переплетается с действительной⁸⁵. Пожалуй, только А. А. Коринфскому удалось правильно истолковать эти строки: «Есть тайна движения / В картине покоя, / В предвечной картине... / Таинственной силе / Ничто не мешает / Заснуть...»⁸⁶. Ф. Б. Миллер в своем переводе смог показать лишь то, что духи торопились: «Но, милый брат, пора и нам: / Яснеет небосклон»⁸⁷; Н. Л. Пушкарев опустил эти строки; Н. С. Гумилев перевел точно, но не сохранил глубину мысли: «Раздался воздух впереди, / Сомкнулся сзади он»⁸⁸.

⁸¹ Гумилев 2004, 450.

⁸² Жерлицын 1914, 191.

⁸³ Coleridge 2004, 80.

⁸⁴ Ibid., 86.

⁸⁵ Жерлицын 1914, 193.

⁸⁶ Коринфский 1897, 11.

⁸⁷ Миллер 1875, 218.

⁸⁸ Гумилев 2004, 457.

Корабль возвращается в Англию, Старый Мореход видит свой дом и, как знак свыше, ангелов у каждого трупа. Дальнейшее описание гибели корабля («Under the water it rumbled on, / Still louder and more dread: / It reached the ship, it split the bay, / The ship went down like lead»⁸⁹) перекликается с XXVI песней (стихи 137–142) «Ада» из «Божественной комедии» Данте: «От новых стран поднялся вихрь, с налета / Ударил в судно, повернул его / Три раза в быстрине водоворота: / Корма взметнулась на четвертый раз, / Нос канул книзу, как назначил Кто-то, / И море, хлынув, поглотило нас» (перевод М. Л. Лозинского)⁹⁰. Свидетелями этой сцены стали рыбак со своим сыном и монах-отшельник, которому Старый Мореход исповедался в своем грехе. Однако вина моряка прощена не полностью: он вынужден скитаться по миру («I pass, like night, from land to land»), чем Кольридж вновь подчеркивает сходство кары Морехода с проклятием Агасфера.

Старого Морехода гнетет тоска, и, когда боль возвращается, он должен рассказать свою историю тому, кого он узнает в лицо. Таким человеком в поэме Кольриджа оказывается Свадебный Гость, со встречи которого с моряком и начинается повествование. Свадебный Гость словно загипнотизирован словами Морехода («He holds him with his glittering eye»), причем эта деталь, вероятно, восходит к «готическому роману» М. Льюиса «Монах» («The monk, a Romance», 1796), где один из героев был наделен властью гипнотизировать людей. Уже на следующее утро Свадебный Гость просыпается другим человеком: он приобщился злу, перейдя от незнания к знанию. Это знание делает его «грустней и умней»: «A sadder and a wiser man, / He rose the morrow morn»⁹¹.

Перед расставанием Мореход дает очень символичное напутствие своему собеседнику: «He prayeth well, who loveth well / Both man and bird and beast. / He prayeth best, who loveth best / All things both great and small; / For the dear God who loveth us, / He made and loveth all»⁹². В русских переводах это пожелание представлено в целом правильно: «...тот лишь молится вполне, / Кто любит всех равно: / Людей, зверей и птиц, и все / Любовию Отца»⁹³ — «Хорошо может Богу молиться / Только тот, кто равно любит всех — и людей, / И животных, и птиц, и всех прочих зверей, / И всех гадов, и все, что летает, / Ходит, плавает, ползает, дышит, растет. / Из всех грешных молитв, Тот, кто все создает / И всем право на жизнь и на счастье дает, / Только эту одну принимает»⁹⁴ — «Тот может молиться, душою робея, / Кто видит во всем проявленье души... / Кто любит не только подобных себе, / Но всех — и великих, и малых созданий, — / Кто знает, что в мире тревог и скитаний / Все равны пред Богом в последней борьбе!..»⁹⁵ — «Тот молится, кто любит всех, / Будь птица то иль зверь. / Тот молится, кто любит все — / Создание и тварь; / Затем, что любящий их Бог / Над этой тварью царь»⁹⁶. При передаче смысла этой фразы только Н. С. Гумилев сохранил повторы, которых в поэме Кольриджа очень много и которые традиционно используются для придания значимости

⁸⁹ Coleridge 2004, 100.

⁹⁰ Цит. по: Горбунов 2004а, 474.

⁹¹ Coleridge 2004, 108.

⁹² Там же, 106–108.

⁹³ Миллер 1875, 220–221.

⁹⁴ Пушкарев 1878, 52.

⁹⁵ Коринфский 1897, 16.

⁹⁶ Гумилев 2004, 465–466.

и драматизма повествованию. Этими повторами Кольридж как бы подчеркивал разрыв между главным героем и всеми остальными людьми, жившими обычными радостями и печалью. К тому же, как известно, без повторов полустроф нет полноценного балладного описания, на что Ф. Б. Миллер и А. А. Коринфский не обратили особого внимания. Мораль любви ко всему и всем, столь важная для Морехода, не исчерпывает смысла поэмы; ее уравнивает не до конца изжитая героем боль, чувство вины, глубокое душевное одиночество: «Alone, alone, all, all alone, / Alone on a wide wide sea! / And never a saint took pity on / My soul in agony»⁹⁷ — «Один, один остался я / На мертвой глади вод. / Какой угодник за меня / Молитву вознесет?»⁹⁸ — «Я один, я один оставался на всем / Этом мертвом, таинственном море; / Ни одна из всех душ, пролетавших кругом, / Не хотела понять мое горе»⁹⁹ — «Я с мертвецами плыл один / В пустынном лоне вод! / И глух, и нем на все мольбы / Спаленный небосвод...»¹⁰⁰ — «Один, один, всегда один, / Один среди зыбей! / И нет святых, чтоб о душе / Припомнили моей»¹⁰¹. В переводе Пушкирева вместо святого говорится о душах, пролетавших кругом. Перевод Коринфского далек от оригинала: у него герой плывет не «один», а «с мертвецами»; вместо «святого» упомянут «спаленный небосвод». Переводы Миллера и Гумилева вполне адекватны. Ощущение одиночества Старого Морехода («... this soul hath been / Alone on a wide wide sea: / So lonely 'twas, that God himself / Scarce seemed there to be»¹⁰²) удачно передано Гумилевым: «...я был в морях / Пустынных одинок, / Так одинок, как, может быть, / Бывает только Бог»¹⁰³. Миллер не перевел этой фразы, а Пушкирев и Коринфский избыточно расширили мысль английского оригинала: «Я один, я один в целом мире / Оставался на всем безграничном, как он, / Океане, где было так много / Мертвецов, и который был так отдален / От всего, что, казалось, он даже лишен / И присутствия самого Бога»¹⁰⁴; «В море пустынном блуждая, / Странанья свои поверял я волнам!.. / Я был одинок, так всегда одинок, / Что сердцем измученным, скорбной душою / Я видел погибель одну пред собою / И чувствовать близости Бога не мог...»¹⁰⁵. Кольридж верит, что читатель, прочтя его поэму, почувствует, подобно Свадебному Гостю, что и он «благодарней и умней / Проснулся утром»¹⁰⁶. Эта же мысль точно передана и в других переводах: «И хоть, встав по утрам, был и много грустней, / Но зато был и более умный»¹⁰⁷; «Поутру проснулся <...> с новой думой — / О <...> скитаньях в пучине морской...»¹⁰⁸; «...углубленной и мудрей / Проснулся поутру»¹⁰⁹.

Чтобы пробудить сонное сознание обывателей от прозы их мелочной бытовой жизни, показать бесконечность миров — как внешнего, так и внутреннего —

⁹⁷ Coleridge 2004, 68.

⁹⁸ Миллер 1875, 216.

⁹⁹ Пушкирев 1878, 27.

¹⁰⁰ Коринфский 1897, 6.

¹⁰¹ Гумилев 2004, 448.

¹⁰² Coleridge 2004, 106.

¹⁰³ Гумилев 2004, 465.

¹⁰⁴ Пушкирев 1878, 52.

¹⁰⁵ Коринфский 1897, 15.

¹⁰⁶ Миллер 1875, 221.

¹⁰⁷ Пушкирев 1878, 52.

¹⁰⁸ Коринфский 1897, 16.

¹⁰⁹ Гумилев 2004, 466.

Кольридж создал все эти страшные образы гниющего моря, корабля-призрака, зловещих игроков, двухсот мертвецов на бриге. Идея необходимости искупления греха страданием возникла как связующая композиционная мысль уже после выбора изобразительного материала. Но скорее всего именно человеческая трагедия одиночества и мук совести, переживаемых тем, кто сам отторгнул себя от людей, и заключает в себе мораль «Старого морехода». И действительно, Мореход, по существу, не столько главный герой, сколько «персонифицированная больная совесть человека, которому нет прощения»¹¹⁰.

Отметим ряд существенных особенностей русских переводов «Сказания о Старом Мореходе». Так, из строк оригинала, описывающих, под несомненным влиянием Томаса Чаттертона¹¹¹, картину свадьбы («The bride hath paced into the hall, / Red as a rose is she; / Nodding their heads before her goes / The merry minstrelsy»¹¹² [Невеста вступила в зал, / Красна, как роза, она; / Кивая головами, впереди нее идут / Веселые менестрели]), Миллер убрал при переводе сравнение невесты с розой: «Невеста в зал идет на бал, / Потупив скромно взор, / А перед ней толпа гостей / И музыкантов хор»¹¹³.

Помимо прочего Миллер очень скупо перевел эпизод, где описывается восприятие корабля монахом-отшельником: «The planks looked warped! and see those sails, / How thin they are and sere! / I never saw aught like to them, / Unless perchance it were / Brown skeletons of leaves that lag / My forest-brook along; / When the ivy-tod is heavy with snow, / And the owlet whoops to the wolf below / That eats the she-wolf's young»¹¹⁴ [Обшивка выглядит покоробленной! И посмотри на эти паруса, / Как тонки они и сухи! / Я никогда не видел что-либо подобное им, / Если, возможно, не / Коричневые скелеты листьев, которыми усыпан / Мой лесной ручей; / Когда плющ укрыт снегом, / И сова кричит волку, / Который ест волчат] — «— Смотри, как парусы висят, / Как глухо все на нем! / Ужели вымер весь фрегат? / Иль все объято сном?»¹¹⁵.

Кольридж хотел придать языку своей баллады определенный морской колорит, о чем свидетельствует использование многочисленных терминов: «*grow*» (бушприт), «*helmsman*» (кормчий), «*fathom*» (морская сажень), «*keel*» (киль), «*tack*» (поворачивать на другой галс), «*veer*» (менять направление, травить канат), «*hulk*» (корпус старого корабля), «*shroud*» (ванты) и др. Миллер наиболее последователен, по сравнению с другими переводчиками, в передаче морской лексики. Переводчику также удалось сохранить близкое оригиналу количество строк (в оригинале — 623, в переводе — 631), однако он изменил структуру поэмы Кольриджа, перенеся начало диалога духов из пятой части в шестую.

В переводе Пушкирева, по сравнению с переводом Миллера, строк еще больше (641 строка). Особое внимание Пушкирев уделил образу Старого Морехода, повторив шесть раз, что у него были магнетические, огненные глаза, при переводе английских фраз «*glittering eye*» (горящие глаза) и «*bright-eyed*» (со сверкающими

¹¹⁰ Цит. по ст.: Горбунов, Соловьева 1981, 370.

¹¹¹ См. подробнее: Birs 1962, 369–370.

¹¹² Coleridge 2004, 46.

¹¹³ Миллер 1875, 213.

¹¹⁴ Coleridge 2004, 98–100.

¹¹⁵ Миллер 1875, 220.

глазами) в самом начале произведения: «By thy long grey beard and glittering eye, / Now wherefore stopp'st thou me?»¹¹⁶ — «Кто ты, путник седой, / С магнетическим огненным взглядом?»¹¹⁷; «He holds him with his glittering eye»¹¹⁸ — «...но сила / Магнетических, огненных глаз старика / И без рук храбреца усмирила»¹¹⁹; «And thus spake on that ancient man, / The bright-eyed Mariner»¹²⁰ — «...начал вновь старый, чудный моряк / С магнетическим, огненным взглядом»¹²¹; «Но огонь магнетических, огненных глаз, / Против воли, сидеть заставляет»¹²²; «И опять свой рассказ так заводит моряк / С магнетическим, огненным взглядом»¹²³; «The Mariner, whose eye is bright, <...> / Is gone...»¹²⁴ — «И моряк с магнетическим взглядом, как тень, / Тихо, тихо исчез за стеною»¹²⁵. Затем моряк, согласно версии английского оригинала, постепенно становится у Пушкирева все более «темным», отрицательным персонажем: «Я боюсь, я боюсь тебя, старый моряк! / Ты черней, чем песок в час отлива, / Ты так худ, так высок... / Холод гроба и мрак / Веет с уст твоих, желтых как слива...»¹²⁶.

Отличительной особенностью перевода Пушкирева является то, что он изобилует сравнениями. Например, при описании поведения Брачного Гостя во время встречи со Старым Мореходом в первой части вместо одного сравнения Кольриджа «The Wedding-Guest... / ...listens like a three years' child»¹²⁷ переводчик использует сразу шесть: «Он дрожит, как дитя, как смущенный бедняк / <...> / Шафер бьет себя в грудь — и молчит, как скала, / Хочет встать — и сидит, как статуя. / И молчит, и сидит, и дрожит, как бедняк, / Как скупец над найденным им кладом...»¹²⁸. В последней части произведения Пушкирев ближе следует оригиналу: «He went like one that hath been stunned, / And is of sense forlorn»¹²⁹ [Он ушел как оглушенный, / И рассудок покинул его] — «Он всю ночь, до зари, как безумный, / Прометался, без сна, на постели своей»¹³⁰. Что касается других сравнений, то Пушкирев, в основном, верен подлиннику, хотя и не точен: «It cracked and growled, and roared and howled, / Like noises in a swound!»¹³¹ — «Этот шум мог сравниться лишь с шумом / В голове бедняка, потерявшего ум, / Или лежащего в склепе угрюмом»¹³²; «A wicked whisper came, and made / My heart as dry as dust»¹³³ — «Но язык лишь хулой раздражался. / И черство, как песок стало сердце

¹¹⁶ Coleridge 2004, 44.

¹¹⁷ Пушкирев 1878, 11.

¹¹⁸ Coleridge 2004, 44.

¹¹⁹ Пушкирев 1878, 11.

¹²⁰ Coleridge 2004, 44–46.

¹²¹ Пушкирев 1878, 11.

¹²² Там же.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Coleridge 2004, 108.

¹²⁵ Пушкирев 1878, 52.

¹²⁶ Там же, 27.

¹²⁷ Coleridge 2004, 44.

¹²⁸ Пушкирев 1878, 11.

¹²⁹ Coleridge 2004, 108.

¹³⁰ Пушкирев 1878, 52.

¹³¹ Coleridge 2004, 50.

¹³² Пушкирев 1878, 12.

¹³³ Coleridge 2004, 70.

мое...»¹³⁴; «The ship went down like lead»¹³⁵ — «И мы все, как свинец, опустились на дно»¹³⁶. Иногда русский переводчик опускает сравнения, использованные в английском первоисточнике, в частности, «And ice, mast-high, came floating by, / As green as emerald»¹³⁷ и «I pass, like night, from land to land»¹³⁸. Однако у него много своих, оригинальных сравнений: «Уж жестокий мороз жег, как адским огнем / Наши лица и руки...»¹³⁹; «И, как взгляд мертвеца, тускл, безжизнен и нем / Был у каждого взгляд в те минуты»¹⁴⁰; «Этот шум, эти звуки, неслись, как волна; / <...> / То гремя, как оркестр, то звеня, как струна»¹⁴¹.

В переводе Коринфского значительные изменения претерпели описания страданий моряка и его команды. Посредством значительного увеличения использования соответствующей лексики переводчик превратил балладное описание в готическое. Например, описание внутреннего состояния Старого Морехода в начале и в конце поэмы представлено Коринфским следующим образом: «And thus spake on that ancient man, / The bright-eyed Mariner»¹⁴² [И молвил старик, / Моряк с огневными очами] — «И снова, с него не сводя темных глаз, / Как будто томясь неразгаданной думой, / Моряк седовласый, пришелец угрюмый, / Повел свой унылый рассказ»¹⁴³; «And till my ghastly tale is told, / This heart within me burns»¹⁴⁴ [И пока я не расскажу свою ужасную историю, / Мое сердце горит] — «Огонь горит в душе моей, / Огонь в моей груди, / На сердце сотни черных змей / И все шипят: «Иди!..»¹⁴⁵.

В начале четвертой главы Коринфским так передан ужас, который производит рассказ моряка на Свадебного Гостя: «I fear thee, ancient Mariner! / I fear thy skinny hand! / And thou art long, and lank and brown, / As is the ribbed sea-sand»¹⁴⁶ [Я боюсь тебя, старый Моряк! / Я боюсь твоей исхудалой руки! / И ты высокий, и худой, и темный, / Как в прожилках морской песок] — «Мне страшно!.. Уйди, седовласый пришелец!.. / От рук твоих веет могилой холодной... / Ты страшен; ты бледен, как призрак-мертвец, / Угрюм ты — как берег пустыни бесплодной... / Мне страшно!.. Оставь меня, старый пловец! / Я ужас читаю в сверкающем зоре...»¹⁴⁷.

Строки «All <the dead men> stood together on the deck, / For a charnel-dungeon fitter: / All fixed on me their stony eyes, / That in the Moon did glitter. / The pang, the curse, with which they died, / Had never passed away: / I could not draw my eyes from theirs, / Nor turn them up to pray»¹⁴⁸ [Все <мертвецы> стояли вместе на палубе, / Перед гробовщиком / Все устремили на меня свои окаменелые глаза, / Которые

¹³⁴ Пушкирев 1878, 27.

¹³⁵ Coleridge 2004, 100.

¹³⁶ Пушкирев 1878, 52.

¹³⁷ Coleridge 2004, 48.

¹³⁸ Ibid., 104.

¹³⁹ Пушкирев 1878, 12.

¹⁴⁰ Там же, 19.

¹⁴¹ Там же, 36.

¹⁴² Coleridge 2004, 46.

¹⁴³ Коринфский 1897, 2.

¹⁴⁴ Coleridge 2004, 104.

¹⁴⁵ Коринфский 1897, 15.

¹⁴⁶ Coleridge 2004, 68.

¹⁴⁷ Коринфский 1897, 6.

¹⁴⁸ Coleridge 2004, 90.

сверкали при Луне. / Боль, проклятье, с которыми они умерли, / Никогда не исчезли: / Я не мог ни отвести своих глаз от их, / Ни поднять их к небу для молитвы] переведены Коринфским далеко от оригинала, но вместе с тем ярко и образно: «А там — все двести на ногах... / Ах, если б спали вы в гробах!.. / Они вокруг меня стеклись, / Очами мертвыми впились — / В мои... Прозрачнее стекла / Глаза, острее, чем стрела... / Я перед ними трепетал; / А в них луч месяца играл... / Я видел в каждом мертвце / Проклятье злое на лице, / В устах, с которым умер он, / Отдав волнам последний стон... / Объял меня смертельный страх; / Нет слов молитвы на устах...»¹⁴⁹. При описании грозы в пятой главе Коринфский превзошел по красочности оригинал: «The upper air burst into life! / And a hundred fire-flags sheen, / To and fro they were hurried about! / And to and fro, and in and out, / The wan stars danced between. / And the coming wind did roar more loud, / And the sails did sigh like sedge; / And the rain poured down from one black cloud; / The Moon was at its edge. / The thick black cloud was cleft, and still / The Moon was at its side: / Like waters shot from some high crag, / The lightning fell with never a jag, / A river steep and wide»¹⁵⁰ [Воздух в вышине ожил! / И сотня огней зажглась, / Туда-сюда они метались! / И туда-сюда, внутрь и наружу, / Тусклые звезды танцевали среди них. / И появившийся ветер заревел громче, / И паруса вздохнули как осока; / И дождь полил из одной черной тучи; / Луна была с краю от нее. / Темная черная туча разверзлась, и тиха / Луна была с краю от нее / Как будто воды падали с высокого утеса, / Молния падала без зигзагов, / Рекою крутой и широкой] — «Смутный гул / На палубе, в небе и в море — / Звучит и плывет, и растет; / Вдали — на безбрежном просторе / Поднялось пламя из вод... / Все небо в огне... В облаках / Змеистые молнии пышут, — / Как будто скитальцам на страх, / Там демоны пламенем дышут... / Порой из разорванных туч / Пред скованным робостью взором / Звезды загоревшийся луч / Блеснет золотым метеором... / Не ветер, а буря ревет; / Не дождик, а ливень сердито / Сквозь парус, как будто сквозь сито, / На палубу волнами льет... / Гроза... Уу, удар!.. И другой / Не рушится ль небо на воды?!.. / Удар за ударом... Такой / Грозы я не слыхивал годы!.. / Край месяца блещет из туч; / Потоком, могучей стремниной, / Что падает с каменных круч, / Вода к нам несется, — лавиной... / За молнией — молния... Бьет / Корабль наш седыми валами»¹⁵¹.

Стремясь приблизить описание звуков, услышанных стариком на заре после грозы к русской действительности, Коринфский пишет о ласточках и шелесте листьев берез: «Sometimes a-dropping from the sky / I heard the sky-lark <жаворонок> sing»¹⁵² — «В таинственных звуках ловил я порой / То ласточки щебет любимой»¹⁵³; «...yet still the sails made on / A pleasant noise <приятный шум> till poop»¹⁵⁴ — «Одни паруса, / Что прежде бессильно висели, / Полдня, до жаркого полдня всегда, / Как листья берез — шелестели»¹⁵⁵. В результате таких трансформаций смысловая и образная структура оригинала оказалась нарушенной, да и со-

¹⁴⁹ Коринфский 1897, 11.

¹⁵⁰ Coleridge 2004, 76–78.

¹⁵¹ Коринфский 1897, 8–9.

¹⁵² Coleridge 2004, 82.

¹⁵³ Коринфский 1897, 9.

¹⁵⁴ Coleridge 2004, 82.

¹⁵⁵ Коринфский 1897, 9.

хранить количество стихов (в переводе их 865 вместо 623) и поэтический размер Коринфский никоим образом не стремился.

Перевод Гумилева близок оригиналу и по числу стихов (624 стиха), и по метру, размеру и рифмам, и по характеру словаря, и по передаче смысла. Гумилев пропустил некоторые предложения в глоссах, однако это не отразилось на смысловой стороне перевода. Однако можно привести эпизод, крайне неудачно переведенный русским поэтом: «There passed a weary time. Each throat / Was parched, and glazed each eye / A weary time! a weary time! / How glazed each weary eye, / When looking westward, I beheld / A something in the sky»¹⁵⁶ [Пришло тоскливое, изнуряющее время. / У каждого горло / Было опалено, и блестел у каждого глаз. / Изнуряющее время! изнуряющее время! / Как блестел у каждого полный тоски глаз, / Когда, посмотрев на запад, я увидел / Что-то в небе] — «Так скучно дни идут. У всех / Стекланный блеск в глазах. / Как скучно нам! Как скучно нам! / Как страшен блеск в глазах! / Смотрю вперед, и что-то вдруг / Мелькнуло в небесах»¹⁵⁷. В оригинале Кольриджа матросы не просто скучали от безделья, как у Гумилева, — они претерпевали страдания, чувствовали безмерную тоску по дому, испытывали изнурительную жажду.

Конечно же, осуществленный Н. С. Гумилевым перевод «Сказания о Старом Мореходе» С. Т. Кольриджа почти безупречен, — поэт точно соблюдает установленные им прежде «девять заповедей переводчика»¹⁵⁸. Но вместе с тем стоит отдать должное и переводчикам XIX в. — Ф. Б. Миллеру, Н. Л. Пушкиреву, А. А. Коринфскому, которые первыми познакомили русского читателя с прекрасной английской поэмой, в которой «поэтическое мышление образами <...> поднялось до апогея»¹⁵⁹.

ЛИТЕРАТУРА

- Волкова Е. И. 2001: Сюжет о спасении. М.
 Горбунов А. Н. 2004: Воображения узывный глас // *Coleridge S. T. Poems*. М., 7–42.
 Горбунов А. Н. 2004а: Примечания // *Coleridge S. T. Poems*. М., 471–479.
 Горбунов А. Н., Соловьева Н. А. 1981: Послесловие // *Coleridge S. T. Verse and Prose*. М., 361–396.
 Гумилев Н. С. 1991: О стихотворных переводах // *Гумилев Н. С. Собрание сочинений*: в 4 т. Т. 4. М., 191–199.
 Гумилев Н. С. 2004: Поэма о старом моряке // *Coleridge S. T. Poems*. М., 438–466.
 Жерлицын М. 1914: Кольридж и английский романтизм. Одесса.
 Кольридж С. Т. 1978: Литературная биография // *Литературные манифесты западноевропейских романтиков*. М., 195–202.
 Коринфский А. А. 1897: Старый Моряк. Поэма Кольриджа в стихотворном переводе Аполлона Коринфского. Киев.
 Миллер Ф. Б. 1875: Старый матрос // *Английские поэты в биографиях и образцах* / Н. В. Гербель (сост.). СПб., 213–221.
 Пушкирев Н. Л. 1878: Песнь старого моряка. Поэма Кольриджа // *Свет и тени*. 2, 11–13; 3, 19–20; 4, 27–28; 5, 35–36; 6, 43–44; 7, 51–52.
Birs R. 1962: *A History of English Romanticism in the XVIII–th Century*. Oxford.

¹⁵⁶ Coleridge 2004, 58.

¹⁵⁷ Гумилев 2004, 444.

¹⁵⁸ Гумилев 4, 1991, 196.

¹⁵⁹ Жерлицын 1914, 189–190.

- Coleridge S. T.* 1957: Letters. London.
Coleridge S. T. 2004: The Rime of the Ancient Mariner // *Coleridge S. T. Poems*. М., 42–108.
Gettmann R. A. 1961: The Rime of the Ancient Mariner: A Handbook / R. A. Gettmann (ed.). San Francisco.
Knight G. W. 1979: The Starlit Dome. London.
Lowes J. L. 1959: The Road of Xanadu. A Study in the Ways of the Imagination. New York.
Mackail 1984: Mackail Poetic Faith. Coleridge's Criticism. New York.
Saintsbury L. 1951: A History of Nineteenth Century Literature. London.

S. T. COLERIDGE'S "THE RIME OF THE ANCIENT MARINER"
IN THE INTERPRETATION OF F. B. MILLER, N. L. PUSHKAREV,
A. A. KORINFSKY AND N. S. GUMILEV (COMPARATIVE ANALYSIS)

D. N. Zhatkin, A. A. Ryabova

The article pioneers comparative analysis of translations of S. T. Coleridge's famous poem "The Rime of the Ancient Mariner" made in the second half of the 19th — early 20th centuries by F. B. Miller (1857), N. L. Pushkarev (1878), A. A. Korinfsky (1897), and N. S. Gumilev (1919). The authors come to the conclusion that despite each translator's personal reasons to turn to the work by S. T. Coleridge (from proclaiming a need for atonement through suffering to the pursuit of depicting the infinity of both inner and outer worlds) all of the Russian interpretations are similar in their disregard of increasing individualistic tendencies leading to self-isolation and lonesomeness.

Key words: poetic translation, international literary connections, comparativistics, tradition, literary image.

© 2011

В. С. Севастьянова

НЕ-БЫТИЕ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1920-х ГГ.

В статье исследуется осмысление и художественное воплощение проблемы не-бытия в русской поэзии 1920-х гг. Как демонстрирует автор статьи, идея не-существования мира и человека в произведениях русских модернистов 1920-х гг. реализуется прежде всего в образах ничто и пустоты. При этом представления художников о не-бытии эволюционируют от не-бытия как абсолюта до не-бытия как «пустого» ничто, непосредственно связанного с идеей аннигиляции.

Ключевые слова: поэзия, бытие, не-бытие, ничто, пустота, аннигиляция.

Севастьянова Валерия Станиславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Магнитогорского государственного университета. E-mail: valec@mail.ru

«Еще не видно горы, но она уже отбрасывает на нас свою тень... Мы движемся в этой тени со страхом и недоумением, не зная, что это — крыло надвигающейся ночи или тень родного города, куда мы должны вступить»¹. Именно такими путниками, балансирующими на грани бытия и не-бытия, ощущали себя русские художники, пережившие за четверть века несколько войн и революций, испытывавшие бесчисленные нравственные потрясения. Вместе со своей страной, а казалось, что и со всем миром, со всей вселенной они подошли к тому рубежу, за которым им предстояло либо обрушиться, «как камень зыбкий / В сияющую пустоту», либо же, найдя особые новые «смыслы», возродиться к новой жизни вместе с ушедшими в подполье гуманистическими ценностями, уснувшей «человеческой пшеницей», забытым органическим общественным строем².

Однако замешательство длилось не очень долго. Ведь когда все чувствуют, что тень легла на мир и что мир поставлен перед бездной, когда никто и не надеется открыть за «бессмысленной сменой всплесков и замираний духовных волн исторической жизни» какую-либо связанность и последовательность и когда вся жизнь человечества, вся история его — «это только игра случайностей, к которой невозможно относиться серьезно, в которой нечему радоваться и не о чем сожалеть», то любая вновь открытая цель заранее обесценивается³. Ведь она — это лишь «жиденькое противоядие смысла, удивительно быстро перестающее действовать»⁴.

Если же сложно решить, заключает ли в себе то «мировое око», которое одинаково все видит, насквозь пронизывая и зло и добро, и правду и неправду, «положительный, добрый смысл вселенной», или же, напротив, «это умопостигаемое солнце только раскрывает и освещает ярким светом бездну всеобщей бессмысленности»⁵, то и не следует удивляться, что внимательный наблюдатель однажды замечает:

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз⁶.

И, действительно, «горе тому, кто заглядится в стеклянный, астральный взор». Ведь тот, кто, повинувшись взгляду, пожелает

...сквозь сны бытийственных метаний,
Сбивающих с пути,
Со знаньем несказанных очертаний,
Как с факелом, пройти⁷,

— обречен на «игру случайностей, на вечное кружение среди хлопьев, улетающих во мрак... Он застынет в ликовании вьюги, и не будет исхода из великой радости над великой пустотой»⁸.

¹ Мандельштам 2001, 522.

² Тынянов 1997, 138.

³ Бердяев 1989, 322; Франк 1992, 175.

⁴ Иванов 1998, 14.

⁵ Трубецкой 2000, 37.

⁶ Блок 1995, 191.

⁷ Там же, 268.

⁸ Там же, 397.

Вот и поэты, движимые страхом и недоумением, только поначалу задаются вопросами: «Когда ж конец?»; «Вдруг <...> никого, ничего?»; «Может быть, все разрушилось»; «Что делать нам?» Потом же у тех, чье сознание —

... вспышка молнии в ночи,
 Черта аэролита в атмосфере,
 Пролет сквозь пламя вздутого костра
 Случайной птицы, вырванной из бури
 И вновь нырнувшей в снежную метель⁹,

уже не остается сомнений относительно грядущего. А вопрос о том, нельзя ли еще что-либо изменить, выглядит скорее риторическим, поскольку понятно, что если никто не может ничего изменить и ничего понять и только «видит черную пустоту, и в ней, как беглую молнию, непостижимую суть жизни»¹⁰, то и делать что-либо некому, негде и незачем.

Пустой воздух не может служить опорой для остановившегося мира, который к тому же жаждет обрушения. И один за другим художники создают все более откровенные картины не-бытия. В общем контексте следующий образ, созданный Д. Хармсом в стихотворении «Что делать нам?», является далеко не самым угрожающим:

И вот настал ужасный час:
 меня уж нет, и нету вас,
 и моря нет, и скал, и гор,
 и звезд уж нет; один лишь хор
 звучит из мертвой пустоты.
 И грозный Бог для простоты
 вскочил и сдунул пыль веков,
 и вот, без времени оков,
 летит один, Себе Сам друг.
 И хлад кругом и мрак вокруг¹¹.

После остановки времени, после исчезновения мира и даже после уничтожения того бесформенного «почти ничего» (хора, пыли веков), из которого мир был сотворен, здесь еще остается сама мирозозидающая сила (причем Бог не тождественен «хладу и мраку», а значит нельзя говорить о том, что Он — Ничто, которое упокоилось в Себе Самом и уже не способно к творению).

Однако гораздо чаще в финальных строках модернистских творений мы читаем о том, что вообще *ничего нет*. Совершенно ничего не оставляют в своем художественном пространстве даже те, для кого всегда представлялось особенно важным связать пустоту с идеями истока, блага, единого. Мы уже наблюдали перерождение мандельштамовского «черного солнца». Но со временем меняется и не-бытие в произведениях А. Белого. Из Бездны, Матери, древней Глубины в текстах 1920-х гг. оно превращается в такое «ничто», в котором все попросту бесследно исчезает. И действующие лица «Котика Летаева», «Записок Чудака», «Крещеного китайца» непосредственно переживают, как «снялось, понеслось; запорхали события жизни в безбытии»; как «все составы событий, увы, растауются в не-

⁹ Волошин 1995, 223.

¹⁰ Иванов 1998, 17.

¹¹ Хармс 1995, 177.

ставы безбытий»; «составы предметов — неставы: распались!» и «стеклянное небо, превысаясь, ушло в безнебесие». Сами будучи *отсутствием*, они знают, что везде — «неизменность отсутствий чего бы то ни было; и — неизменная верность темнот...» Пропадает человек, когда-то мнивший себя «сыном» Мрака:

Перемелькала
Жизнь,
Пустой, прохожий рой —
Исчезновением в небытие родное.
Исчезновение, глаза мои закрой
Рукой суровою, рукою ледяною¹².

В *ничто* «перекипает» и Божество, которое еще могло бы запустить новый круг творения, и еще остаются:

Только гложущие
Уши...
Только сохнущие
Души —
В бездне тет...

Только в тухнувшие
Муки
Рога
Ухнувшие
Звук —
— «Бога
Нет!» —
— «Бога —
Нет!..»¹³

Когда-то упрекавший собратьев-символистов в том, что те бесцельно носятся в мировых пустынях небытия, тщетно силясь ухватиться за землю, что «зажигают солнца», получая лишь игру северного сияния на далеком полюсе¹⁴, теперь сам Белый, впитав в себя опыт мистических погружений, мозговых игр, самосознания, воспекает не восхождение в Темь изначальную, а исчезновение миров в космической мгле:

— Верч
Планет, —
Смерч
Веков, —
— Меч
Планет —
Световой
Вой
Миров —

¹² Белый 1995, 330.

¹³ Там же, 346.

¹⁴ Белый 1994, 405.

— В горнем мареве
 Мрака, —
 — Блеснувший,
 Как дым, —
 — Золотым
 Колесом
 Зодиака¹⁵.

И мысль о том, что та точка, за которой уже не требуется ни искать, ни строить, за которой просто *все отсутствует*, уже достигнута, приносит ему огромное облегчение. Ведь теперь исчерпавший себя «маленький балаган» на планете Земля и во всех космических пределах может быть закрыт:

Легко мне,
 Легко...
 Расширены
 Очи —
 — В —
 — Родное —
 — В —
 — Пустое,
 Пустое
 Такое —
 Ничто!¹⁶

Переход бытия в «почти ничто», а затем и в «пустое» небытие становится предметом поэтического осмысления также и М. Волошина. Уже один из ранних циклов художника носит говорящее название — «Когда время останавливается». И уже здесь его мир начинает меняться — терять свой «облик, порядок, время» в процессе того, как «стираются» цвет, форма, звук¹⁷:

По ночам, когда в тумане
 Звезды в небе время ткут,
 Я люблю разрывы ткани
 В вечном кружеве минут.
 Я ловлю в мгновенья эти,
 Как свивается покров
 Со всего, что в формах, в цвете,
 Со всего, что в звуке слов¹⁸.

Но что самое важное — в ткани убывающего бытия появляются пробоины во вне-бытийное безвременье. Так что уже здесь самым главным в «кружеве» оказываются проколы и пустоты, а в бытии — возможность прикоснуться к не-бытию. При этом волошинский герой «любит» разрывы настолько сильно, что вскоре от самой ткани уже практически ничего не остается:

Время свергается в вечном паденьи,
 С временем падаю в пропасти я.

¹⁵ Белый 1995, 348.

¹⁶ Там же, 351.

¹⁷ Сергиенко 1992, 257.

¹⁸ Волошин 1995, 37.

Сорваны цепи, оборваны звенья —
Смерть и Рожденье — вся нить бытия¹⁹.

И строки о *вечном паденьи* не должны вводить в заблуждение. Пространство, открывшееся после обрыва нити, — отнюдь не Божественное Ничто, притягивавшее к себе всех искателей мистических тайн. С того момента, как волошинская вселенная начинает мыслиться «как черный негатив: небытие, лоснящееся светом, и сущности, окутанные тьмой» (то есть с того момента, когда начинают меняться местами ложь и истина, жизнь и смерть, мир и пустота), возможен лишь один исход всех преобразований: упрощение, которое ведет к замене высших животных микроорганизмами; превращение живого вещества в косное; распад косного вещества на молекулы, молекул — на атомы, внутриатомных реальных частиц — на виртуальные и перенос фотонов в «Бездну», то есть в вакуум²⁰. Именно такое упрощение и такой распад мирового вещества и энергии мы видим в «Космосе» Волошина:

Мы существуем в Космосе, где все
Теряется, — ничто не создается...
Свет, электричество и теплота —
Лишь формы разложения и распада,
Сам человек — могильный паразит, —
Бактерия всемирного гниения.
Вселенная — не строй, не организм,
А водопад сгорающих миров,
Где солнечная заверть — только случай
Посреди необратимых струй²¹.

Практически в каждой из строк приведенного фрагмента содержится какой-либо из признаков анти-бытийной системы. В волошинской космической пустоте все исчезает без перехода в какую-либо иную форму; здесь уже не происходят никакие творческие процессы и здесь ничто не может избежать распада. И никакой иной вариант развития событий не предусмотрен негативным само- и мироощущением человека, это пространство населяющего.

И если космос, и в самом деле, таков, если история человечества есть «лишь обрывок и зависимая часть космической истории, мировой жизни как целого», и та плененность — извне и изнутри — «случайными, слепыми, чуждыми нашим заветным чаяниям космическими силами, которую мы усмотрели как роковое состояние единичной человеческой жизни, — эта плененность присуща в такой же, если не большей мере и жизни общечеловеческой», то не стоит и пытаться искать для бытия новую судьбу²². Ведь в любом случае результат поисков будет примерно таким, о котором сообщает, например, Г. Иванов, чье стихотворение «Хорошо» как нельзя лучше иллюстрирует мысль А. Блока о современниках, утративших понемногу, «идя путями томления, сначала Бога, потом мир, наконец — самих себя»:

Хорошо, что нет Царя.

¹⁹ Там же, 38.

²⁰ Гумилев 1994, 561.

²¹ Волошин 1995, 223.

²² Франк 1992, 175.

Хорошо, что нет России.

Хорошо, что Бога нет²³.

Конечно, после потери Абсолюта и мира здесь еще имеется в наличии та «пустота, какая остается, если с какого-то места убрать тело», — «место, свободное ото всякого тела, земляного ли, влажного, воздушного или небесного»²⁴:

Только желтая заря,

Только звезды ледяные,

Только миллионы лет.

Однако вскоре пространство и время окончательно стираются, заменяясь тем «пространственным ничто», которое следует мыслить как «ничто абсолютное»²⁵:

Хорошо — что никого,

Хорошо — что ничего,

Так черно и так мертво,

Что мертвее быть не может

И чернее не бывать...²⁶

Когда-то философской и художественной мыслью в фундамент вселенной были положены взаимодействующие субстанция и пустота (не существовало «ничего ни сладкого, ни горького, ни белого, ни черного самого по себе, но только пустота и атомы»). Теперь же не только мироздание было разрушено до основания, но распалось и само основание, ибо разлагалась последняя неразложимая частица бытия — атом — тот «гений», под чьими ногами сохранялся «глубокий подпочвенный слой, суть жизни, каменный уголь перегнивших эпох»²⁷. А ведь стоило только «его ковырнуть. Пошевелить его спящую суть. Зацепить, поколебать, расщепить», как тотчас же все с двигалось со своего места и уносилось в черную ледяную дыру: «Сейчас неподвижное бессилие разрешится страшной взрывчатой силой. Сейчас, сейчас. Уже заколебалась земля. Уже что-то скрипнуло в сваях Эйфелевой башни. Самум мутными струйками закрутился в пустыне. Океан тупит корабли. Поезда летят под откос. Все рвется, ползет, плавится, рассыпается в прах... Мешаясь, обесцвечиваясь, уничтожаясь, улетает в пустоту, уносится со страшной скоростью тьмы»²⁸. И тогда оказывается совершенно бессмысленным уже и самый последний вопрос: «С чем останемся мы?»²⁹ Ведь когда последняя опора утрачивается, когда приходит ясное сознание того, что «*никого* спасти и *ничем* утешить нельзя», на самом деле, остаются только *никто* и *ничто*.

В связи с такой всеохватностью пустоты и скоростью ее распространения в художественных системах начала двадцатого столетия возникает вопрос о том, возможна ли вообще та борьба с не-бытием, о которой когда-то заговорил О. Мандельштам. Возможна ли преграда, сдерживающая наступление холода и тьмы и удерживающая мир от аннигиляции. Сам поэт, несмотря на «черное солнце», поглощавшее свет в мирах «Tristia», возвращение звезд «домой» и «провал», поджидавший его художественную вселенную 1920-х гг., верил, что «заговор про-

²³ Иванов 2000, 348.

²⁴ Сергиенко 1992, 180.

²⁵ Там же.

²⁶ Иванов 2000, 348.

²⁷ Иванов 1998, 26.

²⁸ Там же, 27.

²⁹ Там же, 28.

тив пустоты» все же осуществим. Стоит лишь как-нибудь по-особому идти через «промежуток», продвигаясь к выходу из безвременья. Так, как это делал, например, В. Хлебников, наметивший своим творчеством такие «промежуточные, переходные пути развития», которые позволили думать о другом, еще «исторически небывшем пути российской речевой судьбы», а вместе с ней — и судьбы самой России, и шире — судьбы бытия³⁰.

Если по мере становления символизма происходило постоянное и все нарастающее смещение границ, терялись четкие очертания «я» и мира, реальность размывалась, то Хлебников, напротив, занят устройением всемирного хозяйства и вселенского очага³¹. Белый поражает читателя «нестерпимым блеском мирового шарлатанства — теософии»; Сологуб подавляет своим культом «мертвенных и отживших формул», живущих чудесной, но последней жизнью; Бальмонт — грандиозными космическими гимнами, а Брюсов — мрачным урбанизмом³². Литературное сознание Горького разъедает «язва психологического эксперимента», и художественное пространство его прозы съезживается под действием «клинических катастроф»³³. Что же касается Хлебникова, то у него Мандельштам не обнаруживает «ни малейшего намека на аффект своей эпохи». Для автора идеи «сообщества равных» в борьбе с пустотой и не-бытием Хлебников и есть лучший «заговорщик»: гражданин всей истории, всей системы поэзии, «работник бытия»³⁴.

Что же, в хлебниковских построениях действительно складываются такие взаимоотношения бытия и ничто, которые отличаются от всего того, что мы наблюдали в текстах его современников. Достаточно одного небольшого примера, чтобы понять — поэт не только не стремится к гибели, но и ограждает свой мир от бездны:

Моих друзей летели сонмы.
Их семеро, их семеро, их сто!
И после испустили стон мы.
Нас отразило властное ничто³⁵.

Ничто не поглотило, а «отразило» тех, кто мог бы покинуть земные пределы, вернув их, пусть и не в лучшее, но все же в бытийное состояние:

В года измученных продаж,
Где весь язык лишь «дам» и «дашь»
Теперь их грезный кубок вылит.
О, роковой ста милых вылет!³⁶

Собственно говоря, подобная судьба бытия позже не будет исключаться и Г. Ивановым:

Но в мире новые законы,
И боги жертвы не хотят.
Напрасно в пустоту летят
Орфея жалобные стоны —

³⁰ Мандельштам 2001, 462.

³¹ Там же, 518.

³² Там же, 525; 539; 542.

³³ Там же, 533.

³⁴ Мандельштам 2001, 546.

³⁵ Хлебников 1998, 177.

³⁶ Там же, 177.

Их остановят электроны
И снова в душу возвратят³⁷.

Однако принципиальным для ситуаций, представленных двумя поэтами, становится не столько отсутствие аннигиляции, сколько признание определяющей роли ничто (пустоты), которое может принять либо же отклонить (отразить) «жертву». Тем самым художники устанавливают в своих мирах примерно такое соотношение бытия и не-бытия, к которому позже придет Л. Н. Гумилев.

Исследователь, вводя понятие антисистемы как одного из наиболее значимых индикаторов кризиса этноса, одновременно пытается определить фактор, напрямую влияющий на возникновение той негативной идеологии, которая и увлекает человеческую общность в пустоту. В соответствии с гумилевской гипотезой, человеческий разум, создающий философские концепции, романы, мифы, легенды и т.п., — путь к экрану, отбрасывающему биохимические импульсы, как зеркало отбрасывает солнечный луч, превращая его в блик («зайчик»)³⁸. «Экран», о котором пишет ученый, — это «вакуум» (бездна), выступающий «как ограничитель энергетических импульсов живого вещества»³⁹. Именно он является препятствием для совершенствования, и не кто иной, как он, вносит в биосферу Земли искажения, нанося ей удары за счет смещения направления импульсов, поступивших от нее же.

Различные стадии взаимодействия бытия (биосферы) и вакуума (экрана-ограничителя) мы обнаруживаем в тексте Хлебникова («Мои походы»):

Коней табун, людьми одетый,
Бежит назад, увидев море.
И моря страх, ему нет сметы,
Неодолимей детской кори.

<...>

Плеск небытия за гранью Веры
Отбросил зеркалом меня.
О, моря грустные промеры
Разбойным взмахом кистеня⁴⁰!

Здесь первоначальный бытийный импульс (воплощенный в образе человеческого «табуна») сталкивается с не-бытием-«экраном», тем «властным ничто», которое «отражает» героя обратно в мир. Так что не-бытие не только не исчезает из системы координат, принятой борцом за существование, но и по-прежнему доминирует над противостоящим началом, постоянно воздействуя на все бытийные процессы.

Не чем иным, как непрекращающимся действием вакуума, было обусловлено и все то, что происходило в реальностях, сотворенных А. Белым, О. Мандельштамом, Г. Ивановым. Ведь поскольку «все философские учения и пророческие речения — только импульсы биосферы, отраженные какой-либо гранью великого вакуума, подстерегающего Жизнь на каждом шагу, и ради этого из Бездны в Мир

³⁷ Иванов 2000, 128.

³⁸ Гумилев 1994, 557.

³⁹ Там же, 558.

⁴⁰ Хлебников 1998, 124.

пробиты черные дыры, каждая из которых называется личным сознанием»⁴¹, то и в каждом из проанализированных нами текстов — в головах персонажей романов и в сознании лирических субъектов, на улицах городов, в пропастях и в звездных сводах — появлялись щели и бреши, зияли пробоины, разрывы, не говоря уже о провалах, открывавших прямую дорогу в не-бытие. А если имеются «черные дыры», то в них неизбежно будут задуваться «аналитические вихри», сдувающие «ветхие одежды бытия», и зимний космический ветер будет срывать покров за покровом, унося плоть в «полые волны Мглы»⁴². И если мироощущение имеет негативное значение как отражение от вакуума, то человек будет переступать в своем творческом исступлении все пределы и границы, аналитически разлагая и расчленяя всякий органический синтез. И распадающийся «атом» однажды поймет:

Невероятно до смешного:
 Был целый мир — и нет его...
 Ну абсолютно ничего!

ЛИТЕРАТУРА

- Белый А.* 1994: Символизм как миропонимание. М.
Белый А. 1995: Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы. М.
Бердяев Н. 1990: Кризис искусства. М.
Бердяев Н. 1989: Философия свободного духа. М.
Блок А. 1995: Избранное. М.
Волошин М. 1995: Стихотворения. М.
Гумилев Л. 1994: Этногенез и биосфера Земли. М.
Иванов Г. 1998: Распад атома. М.
Иванов Г. 2000: Избранное. М.
Мандельштам О. 2001: Стихотворения. Проза. М.
Сергиенко М. Е. (пер. и комм.) 1992: Августин Аврелий. Исповедь. М.
Трубецкой Е. 2000: Смысл жизни. М.
Тынянов Ю. 1977: Поэтика. История литературы. Кино. М.
Франк С. 1992: Духовные основы общества. М.
Хармс Д. 1995: Стихотворения. М.
Хлебников В. 1998: Избранное. М.
Цветаева М. 2001: Стихотворения. Поэмы. М.

NON-BEING IN RUSSIAN POETRY OF THE 1920s

V.S. Sevastyanova

This is a study of comprehension and artistic embodiment of non-being in Russian poetry of the 1920s. The idea of non-being of a man and the world in the works of Russian modernists of the 1920s first and foremost is realized through the images of none and void. Thereby artists' ideas of non-being evolve from non-being as the absolute into non-being as void, naught that is connected with the idea of annihilation.

Key words: poetry, non-being, naught, void, annihilation.

⁴¹ Гумилев 1994, 577.

⁴² Бердяев 1990, 7; Цветаева 2001, 325.

© 2011

Т. А. Склизкова

ИДИЛЛИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В АНГЛИЙСКОМ МОДЕРНИСТСКОМ РОМАНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Э. М. ФОРСТЕРА «ГОВАРДС ЭНД»)

В статье рассматриваются идиллические аспекты модернистского романа Э. М. Форстера «Говардс Энд». Образ дома в романе является воплощением «старой доброй Англии» и связан с понятием английскости. Идеальный мир, изображенный в романе, уходит в прошлое, оказывается нежизнеспособным, на первый план выходит мотив скрытого разрушения Аркадии.

Ключевые слова: Аркадия, английская сельская местность, пасторальный миф, английскость.

Одним из центральных для национального самосознания англичан является понятие «Аркадии», идиллического мира времен «золотого века» человечества. О. Уайльд в своей лекции «Ренессанс в английском искусстве» говорил о связи «золотого века» с сакральным временем «*illud tempus*», которое является «священным хранилищем» всего самого важного и значительного в сознании нации. В «*illud tempus*» происходит «вечное повторение основополагающего ритма Космоса», т. е. периодическое разрушение и новое творение¹. О. Уайльд ссылается на «Труды и дни» Гесиода, где появляется мифологема «*illud tempus*» как «золотого века». По Гесиоду, после железного века снова должен наступить золотой. О «золотом поколении», которое живет в век Сатурна, пишет в «Метаморфозах» Овидий, а Вергилий описывает наступление «золотого века» в четвертой эклоге «Буколик».

Английские писатели разных веков обращались к идиллическому миру Аркадии, переосмысливая его. В романе Ф. Сидни «Аркадия» в образе Аркадии предстает елизаветинская Англия, для писателей XX века (В. Вулф, И. Во, Д. Фаулз, К. Исигуро) ту же роль играет викторианская Англия. Однако у всех авторов этот идеал ассоциируется с ушедшей в прошлое счастливой эпохой. Золотой век для английской национальной ментальности связан с представлением о «доброй старой Англии» («*Old Merry England*»). Это своеобразный идеал, который в сознании британцев приравнивается к идиллической жизни на лоне природы. Обязательными его атрибутами являются деревенский дом с соломенной крышей, чашка чая и воскресное жаркое. По мысли П. Парриндера, в английской литературе, начиная с романтической поэзии, формируется представление о том, что «*English countryside*» (английская сельская местность) — это «сердцевина национальной идентичности» («*heartland of national identity*»)². Действительно, понятие «*countryside*» и связанный с ним концепт «*home*» (дом) играют центральную роль

Склизкова Тина Алексеевна — аспирантка кафедры литературы ВГГУ. E-mail: sklizkova_tina@list.ru

¹ Элиаде 2000, 106.

² Parrinder 2006, 397.

в традиционной английской литературе. Деревенская местность ассоциируется с детством, откуда герой уходит на поиски приключений и попадает в город — место, где человек взрослеет и теряет иллюзии. Начиная с XVIII века, в финале английского романа героя ждет желанная награда, которая воплощается в образе «большого загородного дома, жены и детей»³. Иными словами, герой обретает тот идеал, о котором он мечтал в детстве и который невозможно найти в городе, только в сельской местности.

Для викторианцев их эпоха была временем прогресса. Однако уже в десятки годы XX века викторианский мир, еще не ставший по-настоящему прошлым, начинает ассоциироваться с идиллическим миром Аркадии. Центральное место в романах писателей-модернистов занимает образ английского сельского дома как сосредоточие «семейных ценностей и лучших черт нации»⁴. Именно в викторианскую эпоху (1837–1901) — период расцвета страны, который называют «временем Британии», — формируется национальная идея и национальная идентичность. В это же время определяется значительная часть базовых концептов английскости, которые основываются на таких понятиях, как «freedom» (свобода), «home» (дом), «privacy» (собственность), «gentleman» (джентльмен). Как отмечает П. Парриндер, с концом викторианской эпохи в начале XX века культурный климат был поражен чувством «национального упадка»⁵, которое еще больше усугубилось после Первой мировой войны. Поэтому в поисках национальной идентичности писатели-модернисты стали ностальгически возвращаться к уходящей в прошлое викторианской эпохе и ставить в центр своих романов викторианское поместье, воплощающее собой Аркадию.

Э.М. Форстер в своем романе «Говардс Энд» («Howards End», 1910) воссоздает этот идиллический мир в образе поместья Говардс Энд. Первое его описание дается глазами Хелен Шлегель, героини викторианского типа. В своем письме к сестре Маргарет она так характеризует дом: «Он не такой, как мы с тобой ожидали. Он старый и небольшой, но, тем не менее, чудесный — из красного кирпича <...> также там есть большой вяз, стоящий на границе между садом и лугом. Есть обычные вязы, дубы — не ужаснее, чем обычные дубы — груши, яблони и виноград» (“It isn’t going to be what we expected. It is old and little, and altogether delightful — red brick <...> Then there’s a very big wych-elm <...> standing on the boundary between the garden and the meadow. Also ordinary elms, oaks — no nastier than ordinary oaks — pear trees, apple trees, and a vine”)⁶. Это описание указывает, что дом как бы слит с природой, вырастает из нее. Поместье воспринимается как живое существо, недаром в дальнейшем Маргарет будет говорить о том, что старые деревенские дома («country-side houses») гипнотизируют ее, у нее возникает чувство, словно она не может их контролировать, так как они живые⁷. В истории английской литературы эта усадьба стоит в одном ряду с поместьями Кром («Желтый Кром» О. Хаксли, 1921), Брайдсхед («Возвращение в Брайдсхед» И. Во, 1945), Винзиэтт («Женщина французского лейтенанта» Дж. Фаулза, 1969), Дарлингтон-

³ Ibid., 398.

⁴ Сидорова 2005, 223.

⁵ Parrinder 2006, 297.

⁶ Forster 2000, 3.

⁷ Ibid., 111.

холл («Остаток дня» К. Исигуро, 1989). Их объединяет общий вековой уклад, они символизируют счастливое, гармоничное и упорядоченное прошлое и в качестве «Аркадии» противостоят настоящему. Так, например, в романе О. Хаксли речь идет о старинном загородном особняке Кром, который «пропитан» традициями и памятью об истории семейства. Таким же показан и старинный особняк Брайдсхед, который символизирует прошлое, красоту и упорядоченность средневекового феодального мира и являет яркий контраст настоящему.

Говардс Энд в романе становится символом всей Англии, поскольку для англичанина его страна — это «прежде всего провинция <...> непременно свой дом, хоть и небольшой, но клочок земли, свой сад, клумба под окном, деревенский паб и церковь <...> Зеленые просторы и уютный дом в цветах — это мечта, к которой многие стремятся только мысленно»⁸.

С поместьем связана ностальгия по викторианской эпохе, на смену которой приходит современная цивилизация, воплощенная в образе Лондона. Лондон в романе — это бесконечные перемены, непрекращающееся, постоянное бессмысленное движение, выраженное лексемами «continual flow» и «flux». Если для Форстера Говардс Энд воплощает собой покой и гармонию Аркадии, пропитан многовековыми традициями и памятью о прошлом, то Лондон предстает «дьявольским, узкие улицы давят, как своды шахт»⁹. Этот город, в отличие от английской провинции, враждебен человеку и природе: «Месяц за месяцем дороги все сильнее пахли бензином, их становилось все труднее переходить, и человеческим существам становилось все труднее слышать друг друга, было все меньше воздуха, чтобы дышать, и неба, чтобы смотреть на него. Природа уходила»¹⁰.

Об этом говорит Д. Лодж в предисловии к роману Форстера. По Лоджу, в основе «Говардс Энда» лежит «пасторальный миф», связанный с главными человеческими ценностями, которые сохраняют свое значение только в «сельской местности». Понятию «countryside» («деревня») в романе противостоит понятие «city» (город), которое воплощает все, что наиболее опасно и порочно¹¹. Р. Уильямс в книге «Деревня и Город» («The Country and the City», 1973) понимает эту оппозицию несколько иначе. Он считает, что деревня и город сопоставлены в романе как уходящее и то новое, которое возникает в процессе разрушения прошлого, и происходит это во все времена, — так Сад Эдема разрушило грехопадение, Золотой век (классический период пасторали) сменился упадком античной культуры¹².

В романе Форстера Говардс Энд становится владением Вилкоксов, которые принадлежат к процветающей коммерческой буржуазии («upper-middle class»). Они материалисты и стараются избегать всего, что связано с внутренней жизнью человека, с миром эмоций и чувств, в отличие от семьи Шлегелей. Генри Вилкокс получает Говардс Энд как наследство своей жены Рут, последней представительницы йоменов Говардов. Однако этот дом не удовлетворяет его социальных амбиций, и на всем протяжении романа он ищет более «претенциозное строение»¹³.

⁸ Павловская 2004, 12–13.

⁹ Forster 2000, 112.

¹⁰ Ibid., 112.

¹¹ Lodge 2000, 15.

¹² Ibid.

¹³ Parrinder 2006, 300.

Для Вилкоксов этот дом не более чем собственность, которую можно купить, продать или сдать. Они не испытывают того ощущения «эмоциональной привязанности к месту», о котором как об английской национальной черте говорит Паксман в книге «Англия: портрет народа» и которое является главным для Рут Вилкоккс¹⁴. Она чувствует, что место, где вырос человек, не просто дом, это часть его жизни, частичка самого человека. Его нельзя просто сдать или продать. Видимо, поэтому миссис Вилкоккс хочет оставить Говардз Энд не своим детям, лишенным привязанности к дому, а Маргарет Шлегель, которая, так же как и Рут, остро ощущает связь с домом. По словам экономки, она даже ходит по дому так же, как Рут: «You had her way of walking»¹⁵.

Образ дома Говардс Энд гармонично дополняется образом его истинной хозяйки — Рут Вилкоккс. Хотя героиня верная и покорная жена, она отличается от мужа и детей. Ее библейское имя, по мнению Д. Лоджа, намекает на женщину, которая вышла замуж за человека из другого племени. Скорая смерть миссис Вилкоккс указывает, что брак с Генри Вилкоксом — человеком из другого племени — был убийственен для нее. Имеются в виду не социальные различия, поскольку Рут и Генри являются представителями одного класса, а духовное наследие Рут, которое остается непонятным семье мужа. Однако Рут не так возвышенна и утонченна, как Маргарет, что замечают интеллектуалы за ленчем у мисс Шлегель. Они считают, что миссис Вилкоккс консервативна в своих взглядах, однако, с точки зрения Форстера, это не упрек, поскольку английский консерватизм является одним из важных составляющих английского национального характера. Соблюдение традиций дает ощущение связи между прошлым и настоящим. Именно это интуитивно чувствует миссис Вилкоккс и поэтому отказывается воспринимать новый подход к жизни. Главным для нее становится Говардс Энд, именно с ним она себя отождествляет. По П. Парриндеру, эта героиня является частью пасторального мифа. Именно такой образ возникает в письме Хелен к Маргарет: «Она приблизилась <...> ее длинное платье скользило по мокрой траве <...> с охапкой сена в руках <...> смотрела на цветы» (“She approached <...> trail went her long dress over the shopping grass <...> with a wisp of hay in her hands <...> and looking at the flowers”)¹⁶. Тут появляются мотивы, которые будут сопровождать героиню на протяжении всего романа — сено, затем цветы, скользкие и плавные движения, указывающие на ее «призрачность», «принадлежность к миру теней» [3: 113], к прошлому. Форстер выстраивает оппозицию: миссис Вилкоккс, «принадлежащая дому и деревьям вокруг него», и «молодые люди [Вилкоксы] и их мотоциклы»: “She seemed to belong not to the young people and their motor, but to the house and the trees”¹⁷. Миссис Вилкоккс, по замечанию Л. Триллинга, как и поместье Говардс Энд, символизирует прошлое Англии¹⁸, то время, которое в сознании англичан понималось как возрождение «Золотого века». Форстер указывает, что Рут поклоняется прошлому («she worshipped the past»), она наделена той инстинктивной мудростью («instinctive wisdom»), которую только прошлое может дать. Эту му-

¹⁴ Паксман 2009, 245.

¹⁵ Forster 2000, 236.

¹⁶ Ibid., 19.

¹⁷ Ibid., 19.

¹⁸ Trilling 1992, 17.

дрость, как пишет Форстер, мы неуклюже называем аристократизмом («clumsy name of aristocracy»)¹⁹. Рут не была высокого происхождения, но, подобно аристократам, она являлась носителем высших моральных качеств, тех качеств, которые отсутствуют у ее собственной семьи. После смерти Рут поместье остается заброшенным, поскольку Вилкоксы не хотят ни отдать его Маргарет Шлегель, ни жить в нем. Со смертью миссис Вилкокс безграничное чувство сельского покоя и гармонии сходит на нет. Появляется мотив разрушения идиллической жизни на лоне природы.

В последней главе романа показан своеобразный «райский сад». По мысли Г. Гюнтера, пространству сада присуща как изначальная, так и «окультуренная естественность», о чем свидетельствуют представления о рае, содержащиеся в Ветхом Завете, а также античная мысль о «золотом веке». В утопии сада центральное место отводится непринужденной жизни человека в кругу семьи на лоне природы. Главное — это гармония между человеком и окружающей природой, которая, с точки зрения Г. Гюнтера, является необходимой предпосылкой идиллии. Об их созвучии при описании идиллического хронотопа также говорил М. Бахтин²⁰.

В финале романа Форстера Хелен, ее сын, Маргарет и Генри — все вместе живут в Говардс Энде, на лоне природы. По Форстеру, лишь при условии гармоничного союза Шлегелей и Вилкоксов возможно процветание Англии в будущем, т. е. возрождение Аркадии. Под руководством Маргарет в этом поместье вновь подстригли луг и посадили красные маки среди пшеницы. Маргарет становится подлинной хозяйкой поместья и полностью сливается с природой. Она осознает, что для нее эти маленькие события (посадка маков, сбор пшеницы) станут частью ее самой («would become part of her»)²¹. Кажется, что это и есть та «старая добрая Англия», которую мечтал воссоздать автор. Однако в «Говардс Энде» мир «старой доброй Англии» рушится, так как в этой Аркадии отсутствует чувство гармонии у самих героев. Генри так и не отказался от своих убеждений, он просто сломлен жизнью (арест сына превратил его в усталого старика). Маргарет не любит детей, а Хелен признается, что не может любить мужчину.

Таким образом, в романе Форстера идеальный мир, воплощенный в Говардс Энде, оказывается нежизнеспособным. Мотив скрытого разрушения, являющийся одним из концептуальных признаков «Аркадии», в финале романа выступает на первый план. В XX веке он приобретает все большее и большее значение, о чем свидетельствуют романы постмодернизма.

ЛИТЕРАТУРА

Гюнтер Г. 1991: Жанровые проблемы утопии и «Чевенгур» А.Платонова // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / В. А. Чаликова (ред.). М., 252–276.

Паксман Дж. 2009: Англия: портрет народа. СПб.

Павловская А. В. 2004: Англия и англичане. М.

¹⁹ Forster 2000, 19.

²⁰ Гюнтер 1991, 253.

²¹ Forster 2000, 286.

Сидорова О. Г. 2005: Британский колониальный роман последней трети XX века. Екатеринбург.

Элиаде М. 2000: Миф о вечном возвращении. М.

Forster E. M. 2000: *Howards End*. L.

Lodge D. 2000: Introduction // Forster E. M. *Howards End*. L., 7–28.

Parrinder P. 2006: *Nation and novel. The English novel from its Origins to the Present Day*. Oxford.

Trilling L. M. 1992: *Howards End*. New York.

IDYLLIC NOTIONS IN THE ENGLISH MODERNISTIC NOVEL (BASED ON E. M. FORSTER'S "HOWARDS END")

T. A. Sklizkova

The article deals with the idyllic aspects of the novel *Howards End* (1910) by E. M. Forster. The image of the house embodies the idyllic world (Arcadia) that is connected with the essence of Englishness. Actually this pastoral myth belongs to the past; it is nonviable. The disintegration of Arcadia from the inside is the central motive of the novel.

Key words: Arcadia, English country-side, pastoral myth, Englishness.

© 2011

И. А. Снегирев

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО СТИЛЯ В ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО: «БОЛЬШАЯ ЭЛЕГИЯ ДЖОНУ ДОННУ»

В статье анализируется «Большая элегия Джону Донну» И. Бродского и связанный с ней вопрос о влиянии Донна на творчество Бродского до 1964-го года. Герой «Большой элегии» рассматривается как литературный персонаж, олицетворяющий для Бродского новые пути в поэзии.

Ключевые слова: традиция, восприятие, элегия, метафизический стиль.

Репутацией поэта метафизического стиля Иосиф Бродский отчасти обязан стихотворению «Большая элегия Джону Донну». Без анализа этого текста трудно себе представить литературоведческое исследование, описывающее рецепцию Бродским англоязычной поэзии. В многочисленных интервью поэта стихотворение также является центром, вокруг которого строится разговор о влиянии Джона Донна. При этом совершенно очевидно как стремление интервьюеров начать разговор о Донне именно с этого произведения, так и стремление Бродского гово-

---

Снегирев Илья Александрович — ассистент кафедры литературы Владимирского государственного гуманитарного университета. E-mail: ilya_sneg@mail.ru

ритель о влиянии Донна вообще — на уровне строфики и композиции. Для поэта характерен следующий ход мысли: «Единственное, чему я у Донна научился, — это строфике. Донн, как вообще большинство английских поэтов, особенно елизаветинцев — что называется по-русски «ренессанс», — так вот, все они были чрезвычайно изобретательны в строфике»¹.

Одно из первых препятствий на пути к пониманию того, какое место в действительности занимает стихотворение в истории восприятия поэтом Донна, — это противоречивые сведения о степени знакомства Бродского с его поэзией и прозой в то время. В интервью Игорю Померанцеву он говорит: «Я сочинял это, по-моему, в шестьдесят втором году, зная о Донне чрезвычайно мало, то есть практически ничего. Зная какие-то отрывки из его проповедей и стихи, которые обнаружились в антологиях»². В более позднем интервью Д. М. Томасу он скажет: «Не, это стихотворение целиком основано на знаменитом эпиграфе к хэмингуэевскому “По ком звонит колокол”. У меня было какое-то представление о том, кто такой Джон Донн; я знал, что он был проповедником, поэтом и т. д. Но читал я его не много. Мне казалось, что я более-менее все это понимаю»³.

Исследователями творчества Бродского многократно ставилось под вопрос столь неглубокое знание поэтом творчества Донна и выделялись возможные текстовые совпадения. Однако несомненно лишь подсказанное Бродским текстовое заимствование у Донна сравнения жизни с островом, а океана со смертью: «... Жизнь, она как остров твой. // И с Океаном этим ты встречался: // со всех сторон лишь тьма, лишь тьма и вой». Оно восходит к тому фрагменту «Обращения к Господу в час нужды и бедствий» («Devotion upon emergent occasions»), который был выбран Хемингуэем в качестве эпиграфа для романа «По ком звонит колокол». Все прочие указания на заимствования у Донна не убеждают. Приведем два примера.

Дэвид Ригсби выделяет в качестве одного из центральных мотивов стихотворения параллель глубокий сон/смерть⁴. По его мнению, этот мотив «сверхъестественно глубокого сна» (“supernaturally deep sleep”⁵) восходит к фрагменту предсмертной проповеди Донна «Схватка смерти» («Death Duel»). Ему возражает А. Нестеров: «Сам мотив сон/смерть столь традиционен, что за ним вовсе не обязательно обращаться к проповедям настоятеля собора святого Павла. С нашей точки зрения, текстуальное совпадение “Большой элегии” с предсмертной проповедью Донна вызывает серьезные сомнения»⁶. Нестеров усматривает в стихотворении другую цитату, по его мнению, «фрагмент из IV медитации “развернут” Бродским на уровне двух стрóf стихотворения». Исследователь выстраивает параллель между высказыванием Донна («Наши создания — это наши мысли, они родились великанами: они простерлись с Востока до Запада, от земли до неба, они не только вмещают в себя Океан и все земли, они охватывают Солнце и Небесную твердь; нет ничего, что не вместила бы моя мысль, нет ничего, что не могла бы

¹ Бродский 2007, 126.

² Там же, 161.

³ Бродский 2007, 188.

⁴ Rigsbee 1996, 24.

⁵ Ibid., 24.

⁶ Нестеров 2004.

она в себя вобрать»⁷) и монологом души в стихотворении Бродского («что создала своим трудом тяжелые, как цепи, чувства, мысли. // Ты с этим грузом мог вершить полет»). Этот ход мысли кажется не более убедительным, чем построения Ригсби, образ разума, охватывающего весь мир, и мыслей, «способных вершить полет», примерно так же распространен, как и мотив сон/смерть.

Очевидный религиозный пласт стихотворения также опасно связывать только с влиянием Донна, потому что в этот же год Бродский впервые читает Библию и пишет поэму «Исаак и Авраам» (1963), которую часто объединяют с «Большой элегией» в единый «циклопический цикл» с «общей метрикой, общим метафорическим рядом <...> общим религиозно-философским фундаментом»⁸. Для Бродского тех лет библейский сюжет и «кивок» в сторону знаменитого в свое время проповедника — явления одного порядка. То, что Донн — проповедник, означало, что «небеса, вся эта небесная иерархия — тоже сферы его внимания»⁹. Выбор проповедника в качестве героя стихотворения давал возможность перехода к небесным «серафическим» сферам, «взгляда извне», который описан в стихотворении «Разговор с небожителем». Лирический герой обращается к небожителю: «Благодаря тебе, я на себя взираю свыше».

Важность этого факта биографии Донна для «Большой элегии...» подтверждена автором: «Поэт в соборе Святого Павла, под куполом собора, в Англии — на острове, — все это давало мне чувство какой-то огромной расширяющейся сферы»¹⁰. Это чувство запечатлено в структуре стихотворения. Сфера, постепенно расширяясь, сначала захватывает обыденные вещи, предметы пейзажа, а потом выходит за пределы дольного мира и переходит в мир горний. Камера, отдаляясь, фиксирует уже не детали пейзажа, но ступени небесной иерархии.

В заглавии стихотворения указан жанр — элегия. Однако несмотря на то, что выделяемый Нестеровым «мотив сон/смерть»¹¹ является сквозным, «Большая элегия Джонну Донну» равно далека как от погребальной элегии в духе Донна («Стихи на смерть Т. С. Элиота», «Памяти Т. Б.» и др.), так и от его же любовных элегий (влияние которых можно обнаружить в стихотворении «Горение»¹²). Называя стихотворение элегией, Бродский, очевидно, подразумевал элегию в ее более привычном для русской поэзии понимании. «Элегическое» настроение, предполагающее сожаление об уходящей жизни, о невозвратности мгновения, близко атмосфере «Большой элегии Джонну Донну». Подобным образом, например, написана «Осень» Баратынского, с которой «Большая элегия» обнаруживает композиционное и смысловое сходство. Однако словосочетания «рыбная лавка», «свиные туши», «цепные псы», длинный «каталог» предметов и многие формальные приемы немыслимы в романтической элегии, даже в ее поздней трансформации у Баратынского. На жанровом смещении, «осовременивании» элегического пространства в элегии Бродского строится поэтический эффект. С одной стороны, зима «Большой элегии...» следует за «Осенью» Баратынского. В то же время

⁷ Донн 2004, 62–63.

⁸ Гордин 2005, 72.

⁹ Бродский 2007, 162.

¹⁰ Там же, 188.

¹¹ Нестеров 2004.

¹² Шайтанов 2007.

жанр смещается под воздействием двух смежных факторов — общей установки на «английскость» и влияния модернистской поэтики.

Джон Донн, о котором написана «Большая элегия», — во-первых, проповедник, а во-вторых, *английский* поэт. «Английскость» стихотворения не ограничивается антуражем: Лондон, остров, море. Элегия написана пятистопным ямбом — размером настолько традиционным для английской поэзии («хлеб и вода английской поэзии»¹³), насколько четырехстопный ямб традиционен для русской. Однако это национальное качество стиха не имеет никакого отношения к поэзии Донна. Размер и строфика стихов Донна отличаются оригинальностью, что ясно даже при поверхностном знакомстве с его поэзией. Позже Бродский противопоставлял Донна Спенсеру и Шекспиру как поэтам гармоничного стиха. Для Донна характерно стечение взрывных согласных затрудняющих чтение, делающих звучание более жестким и мужским¹⁴. Разрушение музыкальности стиха, сдвиг его в силлабику¹⁵, делающий текст близким разговорной речи, нехарактерен для «Большой элегии». Напротив, Р. Сильвестр справедливо говорит в связи с этим стихотворением о «мощном ритмическом инструменте», «ямбическом музыкальном стихе»¹⁶. Этому способствует сравнительно малое количество пиррихий и то, что большая часть «Большой элегии» написана однослоговыми и двуслоговыми словами, причем в начале стихотворения границы слов и границы стопы очень часто совпадают, что, несомненно, облегчает читательское восприятие.

Однослоговые и двуслоговые слова также указывают на намеренную стилизацию англоязычного стиха. Донн «Большой элегии» — знаковая фигура, указывающая на то направление, в котором Бродскому тогда виделось обновление русской поэзии. Учитывая острый интерес близкого ему поэтического круга к Т. С. Элиоту, можно предположить, что Донн важен главным образом как поэт, культовый для англоязычного модернизма. В этом ключе происходит переосмысление Бродским знаменитого эпитафия. Если у Донна: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе», то у Бродского: «Жизнь, она как остров твой». Идея всеобщего единения людей в Церкви Христовой сменяется идеей тотального одиночества: «человек — остров». Это, безусловно, модернистское восприятие мира. Даже снег, соединяющий миры, связан не с Божественной Благодатью, но вызывает в памяти финал рассказа Дж. Джойса «Мертвые», в котором снег делает ненадежным, призрачным мир живых: «Снег густо намело на покосившиеся кресты, на памятники, на прутья невысокой ограды, на голые кусты терна <...> снег легко ложился по всему миру, приближая последний час, ложился легко на живых и мертвых». Влияние модернистской поэтики проявляется в «каталоге вещей», переводящем характерную для элегии обособленность частного бытия в подчеркнуто бытовой план: «Уснули стол, ковры, засовы, крюк, / весь гардероб, буфет, свеча, гардины». Этот перечень, созданный с помощью ряда существительных и двух-трех повторяющихся глаголов, крайне нетрадиционен для русской поэзии, само увлечение «вещью» — одна из характерных черт англоязычного модернизма начала XX века.

¹³ Волков 2004, 170.

¹⁴ Половинкина 2006, 209.

¹⁵ Гаспаров 2003, 150.

¹⁶ Сильвестр 1980, 47.

Донн-поэт не является объектом подражания в «Большой элегии». Но это не означает, что стихотворение не играет никакой роли в истории метафизического стиля у Бродского. В 1981 году он определил главное качество метафизической поэзии как «перевод небесного на земной». Поэт так поясняет свою мысль: «То есть перевод бесконечного в конечное <...> И причем от этого оба выигрывают. Это всего лишь приближение, как бы выражение серафического порядка. Серафический порядок, будучи поименован, становится реальной»¹⁷. В стихотворении «Большая элегия» мы уже имеем дело с явлением «перевода бесконечного в конечное» — попыткой описать бесконечность мира через ряд конечных вещей, номинативов. Со строки «Но спят и там, у всех над головою» начинается «выражение серафического порядка», своеобразное продолжение «каталога вещей», где место земных вещей занимают небесные. Замечательно, что это описание горнего мира не отделено от мира бытового разрывом строфы (в стихотворении строфы делятся по композиционному принципу), а переход между ними организован максимально плавно. Предметы быта и «серафимы» смыкаются, потому что в этом стихотворении «бесконечное переведено в конечное» и бытовая сфера и серафическая выражены одним способом — как поименованные вещи. За счет этого достигается как возможность плавного перехода (и соответственно плавного воспарения мыслей поэта), так и максимальная реальность, вещественность в описании небесной иерархии.

Таким образом, интерес к англоязычной поэзии (в том числе и к поэзии и проповедям Донна) становится одним из факторов начавшегося обновления русской поэзии в творчестве Бродского. Само обращение к Донну — следствие увлечение англоязычной литературой (от Элиота до Хемингуэя). Изменение поэтического канона происходит как на содержательном уровне — обращение к «английской» теме, подчеркнутый интеллектуализм, так и на формальном уровне — использование «неэлегических» выражений и пятистопного ямба. Вместе с тем сам факт наличия канона, пусть и в измененном виде, подчеркивает общую установку на традиционность как знаковое свойство поэзии Бродского.

ЛИТЕРАТУРА

- Бродский И.* 2007: Книга интервью. М.
Волков С. 2004: Диалоги с Иосифом Бродским. М.
Гаспаров М. Л. 2003: Очерк истории европейского стиха. М.
Гордин Я. А. 2005: В сторону Стикса. М.
Донн Д. 2004: По ком звонит колокол. М.
Куллэ В. 1996: Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России (1957–1972): дисс... канд. филол. наук. М.
Нестеров А. 2004: Джон Донн и формирование поэтики Бродского: за пределами «Большой элегии». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.niworld.ru/Statei/annesterov/J_Donne_Brodski/J_D_Br.htm
Половинкина О. И. 2006: Эмблема против кончетто: Герберт против Донна // Вопросы литературы. 5, 208–226.
Сильвестр Р. 1980: Остановившийся в пустыне // Часть речи. 1, 42–52.
Тынянов Ю. Н. 1977: Поэтика. История литературы. Кино. М.

¹⁷ Бродский 2007, 163.

Шайтанов И. О. 2007: Дело вкуса: книга о современной поэзии. М.

Rigsbee D. 1996: Styles of Ruin: Joseph Brodsky and the postmodernist elegy. New York.

METAPHYSICAL STYLE DEVELOPMENT IN J. BRODSKY'S POETRY (“THE GREAT ELEGY FOR JOHN DONNE”)

I. A. Snegiryov

The article is devoted to the analyses of J. Brodsky's “The Great Elegy for John Donne” and to the problem of Donne's influence on Brodsky at the beginning of the 1960-s. The hero of “The Great elegy” is seen as a literary persona embodying new ways in poetry.

Key words: tradition, perception, elegy, metaphysical style.

© 2011

Т. А. Таянова

СПЕЦИФИКА ЛИТЕРАТУРЫ РЕЛИГИОЗНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Литература религиозной направленности отличается гармоническим мироощущением, цельной концепцией мира и личности, возвышенным характером взаимоотношений человека с нераздробленным бытием. Она связана с чисто духовной — нематериальной, внефизической — реальностью, которая преломляется в душах и в личных судьбах героев, описаниях (пейзажах, портретах), в высокой лексике, восходящей к молитве и гимнографии, в ритмических, эвфонических, зрительных образах т. д. Вера в нематериальное заряжает творчество религиозных авторов уверенной декларативностью и высокой идейностью. В ее основе не предельное самовыражение, а получение-передача внушительной духовной информации, что сообщает прозе и поэзии верующих художников монументальность выражения и особую возвышенность сродни озарению, прозрению, откровению.

Ключевые слова: литература религиозной направленности, метареализм, идейность, возвышенное, форма и содержание.

По типу мироощущения, по концепции мира и личности, характеру взаимоотношений гармоничного человека с нераздробленным бытием религиозное сознание невозможно назвать адекватным личному и массовому сознанию XX–XXI столетий, как нельзя считать доминирующим и творчество религиозной направленности. В советское время было определено отношение к религиозности литературы как к идеологически чуждому феномену. Всяческие попытки увидеть в русской словесности отражения религиозного мышления пресекались. Укрошенное в пореволюционной России религиозное мышление все же оказа-

Таянова Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: tayanova8@mail.ru

лось неуничтожимой философско-эстетической субстанцией. Довольно четко оно проявило себя, например, в литературе русского зарубежья первой волны (И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев), а также в творчестве некоторых «советских» авторов (М. М. Пришвина, Б. Л. Пастернака, А. И. Солженицына, Д. Л. Андреева, А. В. Коваленского, А. А. Добровольского и др.).

Искусство религиозной направленности связано с чисто духовной — ино-материальной, внефизической — реальностью, которая преломляется в душах и в личных судьбах героев, описаниях (прежде всего пейзажах, портретах), в высокой лексике, восходящей к молитве и гимнографии, в ритмических, эфонических, зрительных образных «потоках» (Д. Андреев) и т. д. Вера в иноматериальное заряжает творчество религиозных авторов уверенной декларативностью и высокой идейностью, которые все реже и реже встречаются в искусстве.

Высокая идейность, в основе которой не предельное самовыражение, а получение-передача внушительной духовной информации, сообщает прозе и поэзии монументальность выражения, особую возвышенность, мощь озарения (прозрения, откровения). Исследователь Катерина Кларк дает следующие характеристики категорий «возвышенное» и «озарение». «Эпифания — озарение — включает в себе не только способность увидеть открытым то, что скрывается за туманом и мраком, но, что более важно, откровение, касающееся человеческого сознания и способностей воображения. Творческая способность «высших умов» позволяет им соприкоснуться с той областью, которая находится за пределами чувственной реальности»¹. Иначе говоря, это непосредственное чувство (переживание) трансцендентного, которое есть живой, настоящий опыт. «Возвышенное — это глобальная аналогия, грандиозный перевод потустороннего в натуралистический план»². Как видим, возвышенное в художественном творчестве предполагает связь с Абсолютом, устремление к нему — ввысь, как, например, в проповеднически ориентированном тексте А. С. Хомякова «Подвиг», призывающем верующих к духовному подвигу — очищению от суетности земных «мраков» и скорбей:

Если скорби земные
Жалом в душу впились, —
С верой бодрой и смелой
Ты за подвиг берись:
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них,
Без труда, без усилья,
Выше мраков земных...³

Яркая и сильная идейность — главный маркер религиозно окрашенного творчества. Художник, обладающий религиозным мышлением, уделяет перво-степенное внимание разработке и воплощению целостной системы идей, ориентированной не на эстетический, но на сакральный идеал, чей источник, условие и причина вне этого мира. Религиозно мыслящего художника отличает последовательное служение и верность этому идеалу, желание наполнить его светом души своих читателей. Отсюда четкая установка на учительство, проповедничество,

¹ Кларк 2009, 61.

² Там же.

³ Беркута 1990, 75.

пророчество, духовное миссионерство, исполнение миссии. Основа религиозной идейности не интеллектуализм, уверенное знание, убежденность, но вера, которой неизменно сопутствует нечто таинственное, иррациональное, сакральное, превосходящее опыт и разум. Творчество религиозно настроенного автора имеет ярко выраженную духовную ориентацию, в нем преобладает атмосфера осмысленности, возвышенности, божественности бытия. Все, чем так славится гуманистическая традиция в литературе: любовь и сострадание к человеку, обличение социальной несправедливости, исследование противоречий действительности, активные поиски нравственного идеала, подробное прослеживание душевных движений, владеющих человеком в различных жизненных ситуациях и т. д., — в творчестве религиозного художника будет умножено на веру в Бога и непреложность норм религии.

В подобной литературе все имеет высший духовный (сакральный) смысл: поступки героев, события, отношения, назначение жизни частной и всеобщей, вплоть до формальных нюансов — способов выражения содержания. Бытовое, утилитарное, местное, групповое уходит на второй план, теряет значимость. Повествование стремится к обобщениям, обретая серьезную символическую нагрузку. В каждом портрете, пейзаже, интерьере есть ответ иной реальности, знаки тайны, вневременности. Неслучайно Д. Л. Андреев, в чье творческое наследие входит много произведений, соединяющих религиозное содержание и мистические откровения (например, книги «Железная мистерия», «Русские боги», «Роза мира»), пытаясь прояснить специфику своего творчества и свой художественный метод, прибегал к понятиям «трансреализм», «метареализм» и «сквозящий реализм».

Цель и ядро религиозного мировоззрения — прозрение за миром земным мира небесного, изображение их взаимосвязей и взаимопроникновений. Реальности (в религиозном сознании их несколько), по мысли Андреева, «просвечивают» друг сквозь друга, в их существовании и взаимодействии верующий художник, в отличие от фантаста или сказочника, например, уверен; иной мир для него не условность, а проверенный живым мистическим опытом факт. Именно отношение художника к реальности как к «просвечивающему слою» (Д. Андреев) делает его духовным писателем. Рассмотрим в качестве примера текст религиозного поэта и философа Владимира Соловьева, посвященный воплощению Бога (Рождеству Христа) «Святая ночь»:

Да! С нами Бог — не там, в шатре лазурном,
 Не за пределами бесчисленных миров,
 Не в злом огне и не в дыхании бурном,
 И не в уснувшей памяти веков.
 Он здесь теперь — среди суеты случайной,
 В потоке шумном жизненных тревог.
 Владеешь ты всерадостною тайной:
 Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог⁴.

Как видим, «всерадостная тайна» не за пределами, а в потоке жизни, она сквозит во всем. Космическое, внефизическое открывает себя «среди суеты». К слову,

⁴ Беркута 1990, 5.

образы космического содержания и масштаба не редкость в текстах религиозной направленности. Так, визионер Д. Андреев создает картину Вселенной, движущейся, живой, необъятной, необозримой, сокрушительно огромной для обыденного человеческого сознания в стихотворении «Шаданакар»:

Наши галактики, наши созвездья
 Полнятся гулом
         таких колесниц.
 Мчащихся
         воинством в белом наезде,
 Головокружительной
         стаей
         птиц.
 Их — миллиарды. Их — легионы.
 Каждая —
         чаша,
         и роза,
         и шар.
 Есть невероятные, как Орионы...
 Только песчинка в них —
         Шаданакар⁵.

Под пером религиозного автора явления и предметы физической реальности (колесница, чаша, роза) вырастают до символов реальности высшего порядка. А вот пример привычной христианской символики в тексте А. С. Хомякова «В эту ночь»:

В эту ночь Земля была в волненьи:
 Блеск большой диковинной звезды
 Ослепил вдруг горы и селенья,
 Города, пустыни и сады⁶.

Просвечивание второй реальности, ее вторжение в мир природы и человека изображается с помощью мистического христианского символа — света Вифлеемской звезды, источник которого вне этого мира. Хомяков акцентирует его неземную природу с помощью развернутой гиперболизации и олицетворений, которые подчеркивают пик, интенсивность жизни в вечной минуте рождения Христа.

И в «Шаданакаре» Андреева, и в произведении «В эту ночь» Хомякова переживание возвышенного (откровения, озарения) — чрезмерный эмоциональный отклик героя, почти аффект. В них присутствует «вертикальность» мышления и зрения, ведь устремленность к Абсолюту явлена на всех уровнях — не только духовидческом, но и собственно визуальном. Панорамное видение, чувство выси поддерживается открытостью горизонтальной перспективы: мир обозрим во всех направлениях сразу, распахнут в Тайну.

Религиозная окраска проявляется не только в условной, аллегорически заряженной организации пространства, но на всех уровнях и подуровнях текстов верующих художников, всецело подчиняя себе форму, становясь довольно жестким ограничителем «формотворчества». Ведь если творчество есть дело жизни и слу-

⁵ Андреев 1, 1993, 86.

⁶ Беркута 1990, 6.

жение Высшему, то любая игра с приемом — профанация возвышенного, пустое развлечение. Вера формирует особое отношение творца к искусству. Оно близко мессианству, духовному подвигу и имеет источником трансцендентное, как, например, в тексте Д. Андреева «Не ради звонкой красотой...»:

Не ради звонкой красотой,
 Как, может быть, подумал ты,
 Не блеска ради
 Ввожу я новые слова,
 Так странно зримые сперва
 Вот здесь, в тетради.

.....
 Нет, я из книг их не беру.
 Они подсказаны перу
 Златыми снами.
 Они — оттуда, где звенят
 Миры других координат,
 Соседних с нами.⁷

С этим откровением Андреева согласуется произведение Я. П. Полонского «О, подними свое чело»:

Для созерцающих очей
 И для внимающего слуха
 Доступен тайный образ духа
 И внятн смысл его речей —
 Глагол, в пустыне вопиющий,
 Неумолкаемо-зовущий.⁸

Речь идет не иначе как о послании с небес, мистическом общении с голосом Абсолюта. Вот почему принципиальным является превосходство содержания произведения над формой. Одна из главных черт религиозно заряженного искусства — «стыдливость» художественной формы. Суть ее состоит в следующем. Художественное произведение служит чему-то гораздо более высокому, чем земная эстетика. Священное — центральный образ; ориентация на общение с Богом — основа основ. Подчас религиозный художник создает в своем произведении духовную ауру, подобную исходящей от Храма. Различные формальные фокусы и головоломки в этом случае недопустимы, они отвлекают внимание от главного. В религиозном художественном мышлении содержательное и формальное не равноценны, а находятся в отношениях хозяина и слуги. Форма второстепенна, идейное содержание первостепенно. Как сказал исследователь религиозной живописи В. Кожевников, «искусство религиозное является идейным по преимуществу»⁹.

И. С. Шмелев однажды шокировал молодое поколение русской эмиграции, заявив, что М. Н. Альбов лучше М. Пруста. Он же с восторгом высказывался о творениях И. Новгород-Северского, но отрицал художественную ценность «Темных аллея» И. А. Бунина. Дело тут, безусловно, не в отсутствии вкуса, а во взгляде пи-

⁷ Андреев 1, 1993, 330.

⁸ Беркута 1990, 110.

⁹ Кожевников 1993, 159.

сателя на творчество в целом. Приоритетно содержание, и если оно «все равно доброе или злое» (И. А. Бунин), как, например, бунинская концепция негреховной греховной любви, художественное произведение не имеет ценности. Шмелев не мог принять искусство бесполезное, которое «движется всегда против солнца» и «с края проскакивает в пустоту» (В. В. Набоков).

Несмотря на то, что видные критики Зарубежья упрекали И. С. Шмелева в «срывах на безвкусицу», в нехватке «чувства композиции», например, Г. Струве, религиозный философ И. А. Ильин в своей книге «О тьме и просветлении» поставил Шмелева выше всех современных ему писателей, в частности, И. А. Бунина и А. М. Ремизова. Иван Бунин, по мнению Ильина, «не верит в божественную радость и не показывает путей, ведущих к ней; и не ведет к Богу»; Алексей Ремизов, хоть и «видит свет и воспринимает его детски-чистым сердцем; но этот свет не побеждает страха и не одолевает тьму»¹⁰. Творчество Шмелева важнее, так как он увидел свет и показал пути к нему, «осмыслив земной путь человека как “путь небесный”»¹¹. Религиозное содержание творчества И. С. Шмелева намного существенней, с точки зрения Ильина, чем изысканная форма бунинских произведений и узорчатый стиль словесного кудесника А. М. Ремизова.

Интересно проследить, как религиозный автор может преобразить популярный литературный сюжет довольно далекий от апологетики религиозных истин, как, например, легенда о Дон Жуане. Первый вариант драматической поэмы «Дон Жуан» А. К. Толстого можно назвать религиозным. Пьеса заканчивается перерождением Дон Жуана. Герой кается в монастыре близ Севильи не только перед Богом, но и перед людьми, демонстрируя смирение. В финале герой «Дон Жуана» становится монахом, умирает в монастыре и вовсе не от пожатия руки Каменного Гостя. Вечность, Добро, Свет торжествуют. Так А. К. Толстой доказывает христианские постулаты о Божьем суде над Дон Жуаном и о Господнем милосердии к грешникам. Это милосердие безгранично — вот религиозная идея, являющаяся центром толстовского повествования. Жуан не проваливается в преисподнюю, но воспаряет на крыльях одухотворенной любви к ее вечному и неоскудевающему источнику — Богу. Так легкая испанская легенда наполняется религиозным содержанием в осмыслении верующего художника. К слову, преобразование оболыстителя Жуана в первом варианте пьесы А. К. Толстого созвучно духовному перерождению оболыщенного богатством героя «Мертвых душ» Чичикова. В. В. Зеньковский писал, что перемена в характере Чичикова была задумана Н. В. Гоголем «во имя <...> восхищающего его идеала чистой жизни»¹².

Итак, приоритетными для религиозного автора являются религиозные темы и идеи. Тематика: вера в Бога, представления о Его воле, требования по отношению к людям; зависящие от представлений о Боге представления о человеке, обществе, о конце мира, о путях спасения, о загробном или ином потустороннем мире; представления о должной религиозной жизни и т. д. Например, тема церкви, монастыря, старчества, духовного иночества в творчестве Н. С. Лескова, Б. К. Зайцева, И. С. Шмелева, изображение интеррелигии или панрелигии будущего Д. Л. Андреевым. Ведущие идеи: идея торжества вечной жизни, идея без-

¹⁰ Ильин 6, 1996, 405.

¹¹ Там же, 205.

¹² Зеньковский 1997, 200.

граничности Божьего милосердия, идея необходимости духовного восхождения к совершенству и другие. Интересно, что в их трактовке нередко сближаются художники с разными религиозными представлениями.

Рассмотрим идею стремления к совершенству. Верующие писатели исследуют различные пути к нему. В христианстве оно предполагает «духовную брань», «лествичное» движение, а в буддизме — погружение внутрь себя. Тем не менее, в трактовке самого совершенства художники нередко сходятся. Вот как идея совершенства излагается Германом Гессе в «Сиддхартхе»: «Когда он <...> не уходил своим Я в один какой-либо голос, а слушал их все одновременно, внимал всему и слышал единство, тогда эта великая песнь, распеваемая тысячами голосов, оказывалась состоящей из одного единственного слова; это было слово Ом — совершенство»¹³. В единстве со всем и со всеми мыслит совершенное человеческое бытие Б. Л. Пастернак. Об этом его стихотворение «Рассвет» из цикла «Стихотворения Юрия Живаго». «Люди без имен, деревья, дети, домоседы»¹⁴ поняты как единая семья и в шмелевских «Росстанях», повествующих о должном, совершенном человеческом существовании на земле. Все, кто живет в деревне Ключевой, «все они с одного поля <...> одной крови»¹⁵. Р. Тагор, утверждая взаимосвязь всего в бытии, приходит к выводу о том, что нарушить совершенство невозможно, что оно неизменно: «В глубочайшем молчании ночи звезды улыбаются и шепчут друг другу: “Тщетный труд! Ненарушенное совершенство всюду!”»¹⁶. Даниил Андреев, прозревая тайну и смысл мироздания, изображает окончательный — совершенный — облик мира как духовное Братство в стихотворении «Приснодеве-Матери»:

Близишься Ты — светоносной влагою
 Душу планеты, омыв от горя,
 В белый облечь покров.

Меры заменишь новой мерою,
 Сбросишь с весов суровые гири
 В страшном этом краю...
 Верую, Дивная! верую! верую
 В Братство, еще небывалое в мире,
 В Церковь Твою.¹⁷

Диалог литературы и религии, оборванный в советские времена, возобновился на рубеже 1980–1990-х годов. Однако о целостном воплощении религиозного типа художественного сознания в современных произведениях говорить нельзя. Искусство тяготеет к отражению деградации жизни и человека, к проповеди отчаяния, к отрицанию смысла бытия, к утверждению лжи окружающей действительности. Гармоничное мировосприятие писателя, его ответственность за каждое свое слово кажутся чуть ли не нонсенсом после постмодернизма, провозгласившего полную безответственность художника основным принципом творчества.

¹³ Гессе 1995, 420.

¹⁴ Пастернак 1994, 440.

¹⁵ Шмелев 1, 1998, 212.

¹⁶ Тагор 1993, 44.

¹⁷ Андреев 1, 1993, 231.

Тем не менее, реставрация религиозных воззрений осуществляется О. Николаевой, Л. Бородиным, В. Алфеевой, Л. Мончинским, Ф. Световым и др. Обращает на себя внимание и популярный в последние годы феномен ченелинга. Возможно, он находится за рамками художественности, за пределами литературного процесса, так как представляет собой духовную практику — контакт с высшим, сопровождаемый записыванием диктовок-посланий. Образцом ченелинга можно считать произведения Ильи Коропа (сборники «Мир Чудес», «Страна любви»), который называет свое творчество лечебной, исцеляющей, «чудотворящей» поэзией, а себя причисляет к проводникам высших сил — «контактерам».

Для кого-то религиозно окрашенное творчество синоним догматизма, а писатель, вооруженный верой, — настойчивый проводник-транслятор религиозной догмы — готовых схем и формул высокой духовной жизни. Религиозного автора могут обвинять в отказе от самостоятельного познания и поиска истины, в подчинении живой действительности соблюдению буквы доктрины и религиозному ритуалу, в несамостоятельности, не критичности мысли и даже в фанатизме. Но не стоит забывать, что вера — путь к Богу, а значит не статика, ведь во время движения возможны не только озарения и прорывы к свету, но и падение, отчаяние, тьма. Религиозное художественное мышление не елейно, не приторно, оно позитивно, оптимистично, потому уже, что не шатко, так как в центре художественной вселенной верующего писателя всегда есть Идеал. И его задача не только созерцательное любование им, но и активное его утверждение, отстаивание и даже борьба за него — это деятельный творческий процесс постижения истины. Религиозный автор измеряет и оценивает все с позиции своих религиозных принципов, активно и созидательно пролагает пути к преобразованию действительности и человека на духовных началах. В этом источник энергии, нравственного возвышения, очищения, горячего энтузиазма и активной созидательной силы религиозно окрашенного творчества.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Д. Л. 1996: Собр. соч.: в 3 т. М.
Андреев Д. Л. 1993: Собр. соч.: в 3 т. М.
Беркута И. (сост.). 1990: Духовная поэзия. Воронеж.
Гессе Г. 1995: Сидхартха // Будда Шакьямуни. Конфуций. Мухаммед. Франциск Ассизский: Биограф. повествования. / Н. Ф. Болдырева (ред.). Челябинск, 345–429.
Зеньковский В. В. 1997: Русские мыслители и Европа. М.
Ильин И. А. 1996: Собр. соч.: в 10 т. М.
Кларк К. 2009: Имперское возвышенное в советской культуре второй половины 30-х гг. // Новое литературное обозрение. 1, 58–80.
Кожневников В. 1993: Значение А. А. Иванова в религиозной живописи // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. Антология. / Н. К. Гаврюшина (ред.). М., 159–163.
Короп И. 2008: Мир чудес: Исцеление словом и музыкой. М.
Пастернак Б. Л. 1994: Доктор Живаго. М.
Тагор Р. 1993: Гитанджали. Жертвенные песнопения. Самара.
Толстой А. К. 2002: Дон Жуан. М.
Шмелев И. С. 1998–1999: Собр. соч.: в 5 т. М.

SPECIFIC CHARACTER OF RELIGION-BASED LITERATURE*T. A. Tayanova*

Religion-based literature is distinguished for its well-balanced attitude to the world, integral concept of the world and man, elevated relationship between man and integral being. It is connected with a purely spiritual reality that is reflected in hearts and fates of the characters, descriptions (landscapes, portraits), high-flown vocabulary that goes back to prayers and hymnography, rhythmic, euphonic and visual images, etc. Religious writers inspired by belief in other matter confidently resort to declaratory style and lofty ideology. It is not self-expression but the exchange of a great amount of spiritual information that lies at the basis of such literature. It imparts monumental expression and peculiar loftiness to believers prose and poetry, which is akin to illumination, enlightenment, revelation.

Key words: religion-based literature, metarealism, ideological commitment, lofty, form and content.

ЛИНГВИСТИКА

© 2011

Л. С. Абросимова

РЕФЛЕКСИЯ КОГНИТИВНОСТИ В ЭКСПРЕССИВНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Автор отстаивает гипотезу о том, что системные связи важнейших операций над структурами знания в ментальном пространстве языковой личности репрезентируются в основных деривационных механизмах, имеющих место в лексико-семантической подсистеме того или иного языка. «Концептуальный блендинг» концепта-источника и семантики словообразовательного форманта, результирующего в производных единицах (комплексных знаках), становится более информационно-насыщенным благодаря экспрессивности ряда словообразовательных моделей.

Ключевые слова: экспрессивная функция языка, когнитивные процессы, словообразование.

Новая лингвистическая парадигма в науке о языке предполагает взаимосвязь когнитивного и коммуникативного аспектов человеческого познания. Нам представляется важным отметить эмотивную функцию языка как важнейшую в дифференциации процессов и алгоритмов искусственного и человеческого интеллекта. Эмотивный характер языковых средств изучается давно и довольно активно. Исследования теории экспрессивности в лингвистике возникли в конце XIX века. Родоначальником концепции экспрессивности считается выдающийся представитель Женевской лингвистической школы, ученик Фердинанда де Соссюра, Шарль Балли, который выделил и описал основные приемы создания экспрессивности. Экспрессия языковых средств стала темой работ А. А. Потебни, К. Вандриеса, Е. М. Галкиной-Федорук, В. А. Звегинцева, Т. Г. Хазагерова, В. Н. Телия, В. И. Шаховского, Б. Я. Шарифуллина и других ученых.

Становление новой антропоцентрической парадигмы, позволяющей исследовать многие процессы с точки зрения «человеческого фактора», ставит новые задачи для исследователей. В этом плане пристального внимания ученых требуют когнитивные аспекты экспрессивности. Являясь основой когнитивности языка, информативная и экспрессивная функции языка противопоставлены друг другу. Информативность подразумевает систематичность, логичность, унификацию, дискретность, правильность, в то время как экспрессивность имеет в виду маркированность, недискретность, нестандартность, нарушение, нелогичность. Несмотря на такую антимонию, два этих компонента успешно «сосуществуют» и, более того, «сотрудничают», продвигая акт коммуникации.

Абросимова Лариса Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Педагогического института Южного федерального университета. E-mail: abrossimova@mail.com

Существует мнение, что языковая экспрессивность представляет собой одну из «основных когнитивных категорий, которые в своей совокупности создают в коммуникативной реальности то, что мы называем “языком — речью — текстом”, т. е. то нерасчлененное, недискретное коммуникативное пространство, где есть место и информации, и номинации, и экспрессии во всех её формах, в том числе и социально нежелательных — инвективы, языковая агрессия, языковое насилие и пр.»¹

Часто эмотивный компонент играет более важную роль в освоении информации, чем предметно-содержательный. Данное положение является особенно актуальным для раннего периода овладения языком. Как нам представляется, без апелляции к априорным формам познания невозможно объяснить удивительную приспособленность человека к миру на ранних этапах онтогенеза, когда непосредственная деятельность по активному освоению мира (как эмоциональному, так и практическому) еще невозможна. И в дальнейшем поведение ребенка не могло бы так быстро адаптироваться к среде, если бы его эмоциональность и познание не опирались бы в своих внутренних структурах на априорные и когнитивные структуры, начинались бы с «чистого листа» и только в индивидуальном опыте. Наличие некоторого знания о мире и эмоциональных установок, наследуемых человеком как совокупности приспособительных достижений поколения и его эволюционных предков, которые адаптировались к той же самой среде обитания в течение миллионов лет, подтверждается данными эмпирической психологии (н-р, эффект восприятия глубины пространства у человека).

Многими учеными признается, что «филогенетические приобретения являются необходимой базой, на основании которой только и возможно онтогенетическое развитие сугубо человеческих когнитивных образований, таких как, например, использование языка и понятийное мышление»².

Результаты филогенетического развития человека как биологического вида, по нашему мнению, фиксируются в онтогенетических априорных когнитивных структурах и являются потенциальным знанием, которое становится актуальным в процессе его индивидуального развития.

Языковая экспрессивность, являясь репрезентацией реальных эмоций в сознании человека, связана с процессами концептуализации и категоризации. Концептуализация приводит к порождению новых смыслов, а также образованию концептов как содержательных оперативных единиц знания (или концептуальных структур) и всей концептуальной системы человека.

По мнению Е.С. Кубряковой, «концептуализация ориентирована прежде всего на членение потока информации и порождение новых смыслов, отражающих его осмысление»; «категоризация же направлена скорее на распределение полученной информации и ее подведение под уже существующие рубрики членения или же на установление новых, но уже на основе объединения концептов в более сложные группировки на более высоких уровнях иерархии»³.

Следует отметить, что сознание человека оценивает и концептуализирует объекты действительности по степени важности их признаков для той или иной

¹ Шарифуллин 2000.

² Баксанский, Кучер 2010, 59.

³ Кубрякова 2001, 191.

ситуации и создает значения с большей или меньшей степенью выраженности их признаков. По нашему мнению, производные единицы, маркированные экспрессивными словообразовательными формантами, с одной стороны, должны привлечь дополнительные когнитивные ресурсы человека, а с другой — облегчают восприятие, переработку и передачу информации.

Ведущей сквозной темой философии М. М. Бахтина, как он ее сам определяет, является «эстетика словесного творчества». Эта емкая формула автора стала заглавием его фундаментальной работы. М. М. Бахтин считает, что нельзя вывести язык из другой потребности, понять его природу и механизмы функционирования иначе, чем через потребность человека выразить себя, объективировать и обнаружить себя в мире. Сущность языка, по его мнению, сводится к духовному творчеству человека. М. М. Бахтин отмечает, что всякое слово существует для говорящего в трех аспектах. Во-первых, как нейтральное, никому не принадлежащее слово языка, находящее свое бытие в многочисленных словарях. Во-вторых, это «чужое» слово других людей, несущее печать чужих мыслей, эмоций, чужого опыта, и, наконец, «как *мое* слово, ибо, поскольку я имею с ним дело в определенной ситуации, с определенным речевым намерением, оно же проникается моей экспрессией»⁴.

Таким образом, об экспрессивности слова по Бахтину можно говорить, только имея в виду человека, преследующего свои цели, имеющего свои жизненные намерения и опыт. Экспрессивность принадлежит не самому слову, экспрессивность рождается в ситуации диалога личности с внешним миром. В этот момент слово перестает быть частью грамматики, а становится частью духа человека, выражающего оценку, предрасположенность, отношение, эмоцию и др. «Слова ничьи, сами по себе они ничего не оценивают, но они могут обслужить любого говорящего и самые различные и прямо противоположные оценки говорящих»⁵. Это потому, что в языке за длительную историю его развития выработались приемы, накоплен богатый арсенал языковых средств: лексических, морфологических, синтаксических, фонетических и др., — позволяющих эмоционально выражать любые позиции в различных ситуациях и достигать даже межпоколенного понимания.

Экспрессивность подразумевает усиление воздействия на собеседника, часто сопровождаемое намерением добиться своих целей. В большей степени это касается следующих видов дискурса: политического, рекламного, спортивного репортажа, художественной литературы и разговорного. Экспрессивность выходит на первый план, когда необходимо обратить внимание собеседника, подчеркнуть, убедить, заставить запомнить информацию, усилить воздействующую силу высказывания. Все эти приемы можно отнести к намеренным способам прагматического воздействия на собеседника. С другой стороны, говорящий может просто выразить свои эмоции при помощи тех или иных экспрессивных языковых средств. В данном случае можно говорить о произвольности и спонтанности их выбора.

Во всех языках существует свой набор средств, задающих речи экспрессивный характер и способствующих передаче субъективного отношения говорящего

⁴ Бахтин 1979, 268.

⁵ Там же, 264.

к высказыванию или к адресату. Несмотря на огромное разнообразие эмотивных состояний и ситуаций, выражение экспрессивности можно свести, по мнению некоторых ученых, всего лишь к пяти эмоциональным категориям: «увеличительности, уменьшительности, уничижительности, обожанию, почтительности». Данный факт также считается одним из загадочных аспектов экспрессивной деривации: «One of the mysterious aspects of Expressive Derivations is that, despite the wide range of human attitudes, the expressive categories are restricted to those which reflect only the five attitudes; that is, Augmentative, Diminutive, Pejorative, Affectionate, and Honorific»⁶.

К лингвистическим средствам экспрессивности относятся, прежде всего, лексические: экспрессивная лексика и тропы (гипербола, литота, метафора, метонимия, сравнение и др.); синтаксические (параллельные синтаксические конструкции, повторы, эллипсис, инверсия, парентеза, риторические фигуры и др.); фонетические (паузирование, парцелляция, логическое ударение, использование эмоциональных интонационных контуров и др.); текстовые (варьирование форм повествования); словообразовательные (окказионализмы, телескопические слова (результат контаминации), набор экспрессивных словообразовательных морфем: диминутивных (уменьшительных, ласкательных) и аугментативных (увеличительных, уничижительных суффиксов), словосложение и др.

Из такого обширного арсенала средств создания экспрессивного высказывания мы остановимся более подробно на экспрессивных возможностях словообразовательных процессов. По Бахтину, говорящий человек — это человек творящий, поскольку процесс словотворчества предполагает не только поиск наиболее подходящих замыслу высказывания существующих лексических единиц, но и создание новых. Даже в самой свободной, непринужденной беседе мы не всегда можем найти подходящие нашим замыслам и целям словесные средства и вынуждены, в рамках заданных языком правил, создавать слова наиболее аутентичные той или иной ситуации общения.

В представляемом в настоящей работе исследовании мы основываемся на гипотезе о том, что закономерности протекания и системные связи важнейших операций над структурами знания в ментальном пространстве языковой личности репрезентируются в основных деривационных механизмах, имеющих место в лексико-семантической подсистеме того или иного языка. Таким образом, «любой конкретный деривационный механизм опредмечивает акт мыследеятельности в вербально-знаковой форме, представляя его в виде двучленной структуры, элементы которой связаны предикативными отношениями»⁷.

С когнитивной точки зрения, как нам представляется, корневую морфему деривата следует трактовать как макровербализатор концептуальной информации, составляющей содержание того или иного фрагмента концептосферы языковой личности⁸. Семантика корневой морфемы представляет собой своеобразный когнитивный фон⁹, уточняемый и структурируемый посредством деривационных аффиксов. Важно отметить, что семантика аффиксов также репрезентирует опре-

⁶ Beard, Volpe 2005, 200.

⁷ Абросимова 2009, 125.

⁸ Алимуратов 2007.

⁹ Langacker 2000.

деленный, но уже совершенно иной, компонент концептосферы языковой личности, поэтому корректным в данном случае будет говорить о предикативных, полупредикативных и т.п. отношениях, складывающихся между определенными элементами смысла, концептами и концептуальными областями¹⁰, и лишь потом эксплицирующихся языковыми средствами в дискурсе.

Так, например, в английском языке отмечается меньшая степень экспрессивности слов, образованных по конверсии по сравнению с дериватами с суффиксом *-er*, в связи с отсутствием в первых семы агентивности: «Since conversions do not code agentivity directly, they are semantically less expressive (or less informative) than *-er* derivations»¹¹.

Экспрессивность ряда словообразовательных моделей делает более наглядным и насыщенным «концептуальный блендинг» концепта-источника и семантики словообразовательного форманта, результирующего в производных единицах (комплексных знаках).

Правильное прочтение производного слова и предсказание моделируемой в нем когнитивно-семантической структуры требует особенной стратегии распознавания, которая связана с подходом к словообразованию с позиций когнитивной и композиционной семантики, фиксирующих содержательное наполнение и специфику корреляции структур знания, стоящих за производными вербальными знаками.

Для целей нашего исследования полезным является выявление словообразовательных моделей, посредством которых создается экспрессивная наполняемость лексемы. В качестве иллюстративного материала мы приводим примеры из английского, русского и немецкого языков.

Уменьшительная форма в лингвистике, называемая также диминутивом, — лексическая единица, обозначающая субъективно-оценочное значение малого размера, объема и др., которая образуется при помощи уменьшительных аффиксов. Значение уменьшительности также может иметь более сильную эмоционально-экспрессивную окрашенность — уменьшительно-ласкательную (маменька, душечка, дочурка, *daddy*, *duckling*, *birdie*, *Rotkehlchen*, *Fräulein*) или уменьшительно-пренебрежительную (пейоративную) (народишко, божок, *weakling* — слабак, *snakeling* — змеёныш, *princelet* — князёк, *Lauferei* — бегодня, *Geschreibsel* — каракули, писанина, бумагомарание).

Морфологические средства выражения субъективно-оценочного отношения в русском языке насчитывают множество экспрессивных словообразовательных морфем: диминутивных (уменьшительных, ласкательных) суффиксов (*-ечк-*, *-ик-*, *-шук-*, *-к-*, *-очк-*, *-ул'-*, *-ус'-*, *-чок*) и аугментативных (увеличительных, уничижительных) суффиксов (*-ил-*, *-ин-*, *-ищ-*, *-ох-*, *-ух-*, *-ях-* и др.).

В английском языке выделяются следующие морфологические средства выражения субъективно-оценочного отношения: уменьшительные и уменьшительно-ласкательные суффиксы *-ette*, *-kin*, *-let*, *-ling*, *-ock*, *-ule*, *-y* (*-ie*, *-ee*). Производные с данными суффиксами могут являться *стилистически нейтральными* (передающими значение малого размера): *bachelorette* — маленькая однокомнатная квартира, *luncheonette* — 1) легкая закуска; 2) буфет, закусовая, *kitchenette* — ку-

¹⁰ Алимуратов 2007.

¹¹ Cappelle 2010, 351.

хонька), -kin (lambkin — ягнёнок), -let (oaklet — дубок, booklet — буклет, проспект), -ock (bullock — молодой вол, paddock — лужок), -ule (animacule — зверёк, зверёныш), и *стилистически окрашенными* (с положительной или отрицательной коннотацией): -ling образует существительные с эмоционально положительным оттенком уменьшительности (firstling — первенец), -ard (-art) придает существительным уничижительное значение (dullard — тупица, braggart — хвастун), -ette обозначает лица женского пола с окраской ласкательности, иногда снисходительной иронии (farmerette — женщина, работающая на ферме, bachelorette — незамужняя женщина, живущая одна, usherette — билетерша). Суффикс -ling может также маркировать отрицательную презрительную коннотацию (snakeling — змеёныш, starveling — заморыш). Словам с суффиксом -let тоже можно придать презрительно-уничижительный оттенок (princelet — князек). Глагольный суффикс -ify в некоторых случаях придает иронический оттенок слову, например speechify — «ораторствовать, разглагольствовать, витийствовать».

Наряду с суффиксами, существует также и ряд префиксов, имеющих эмоциональную коннотацию: архи- (архидурак, архиважно), мини-, Un- в немецком языке передает как уничижительную коннотацию (Untyp — отвратный тип, die Unart — невоспитанность; дурная манера, die Unkraut — сорняк трава, бурьян; также употребляется и в переносном значении, например: das Unkraut mit der Wurzel ausreißen — вырвать зло с корнем), так и усилительно-количественное значение (das Ungeld — уйма денег, die Unmasse — громадное количество, уйма, бездна, тьма), Erz- (Erznarf — архидурачок, Erzschem — архиплут, отъявленный плут, пройдоха, шельма, Erzbanause — законченный невежа). В значении усиления негативной окраски данный префикс является весьма продуктивным¹². К сожалению, продуктивность данной модели позволяет создавать все больше единиц с негативной окраской. Данный феномен является, по нашему мнению, лингвистическим маркером опасных деформаций в социальной и нравственной жизни народа.

Экспрессивность словообразовательных моделей позволяет более легко моделировать свои и интерпретировать чужие коммуникативные намерения в процессе общения. Экспрессивность дериватов является также стимулом к более раннему их освоению детьми. В последнее время получило подтверждение мнение ряда ученых относительно того, что обилие диминутивов в речи, обращенной к маленькому ребенку, не только объясняется повышенной эмоциональностью, но и выполняет другую важную функцию: «облегчает ребенку освоение парадигматики существительных»¹³.

Мы никогда не можем дать полную информацию, относящуюся к разного рода событиям, потому что наш внутренний мир, естественно, более эмоционален, чем наша вербальная способность его выразить. Наша внутренняя речь — более свободна и эмоциональна. Все что мы говорим — всего лишь приблизительное выражение того, что мы действительно думаем. Мы находимся «в плену у слов», которые, стремясь помочь нам выразить себя, все-таки ограничивают наше истинное выражение. Словообразовательные средства выражения экспрессивности служат более полной реализации содержательного наполнения структур знания,

¹² Степанова 2007, 150.

¹³ Цейтлин 2009, 300.

стоящих за производными вербальными знаками. Если мы сравним три слова: одно — простое (woman-женщина), другое — производное, осложненное словообразовательным формантом womanhood — женственность), а третье — производное со словообразовательным формантом эмотивной окраски (womanish — женоподобный), — то можно прийти к выводу, что третье слово имеет более ярко выраженную коннотативную окраску и, следовательно, донесет до нас большее количество информации и спровоцирует порождение более исчерпывающего суждения.

Не следует думать, что словообразование выступает как самостоятельный и сугубо формальный процесс, не связанный с национально-культурным контекстом. Нам показалось интересным подмеченное исследователями-лингвистами большее разнообразие уменьшительно-ласкательных суффиксов в славянских языках по сравнению с германскими. Здесь на первый план выступает опять-таки «дух народа». В мировоззрении славян чувственные переживания более важны, чем рационально-волевые. Категория диминутивности в русском и украинском, таким образом, является гораздо более ярко выраженной и производительной. Так, было проведено сравнительное исследование выборки двух приблизительно одинаковых по объёму словарей — 11-томного Словаря украинского языка (~134 тыс. слов) и Словаря Вебстера (~142 тыс. слов), результаты которого показали большую разницу в количестве диминутивов в украинском и английском языках: «количество относящихся к существительному диминутивов в Словаре украинского языка в 12,4 раза превышает их количество в словаре Вебстера. Если же взять все диминутивные образования каждой из частей языка из Словаря украинского языка (их 4164), то они составляют 3,1 % от всех приведённых в словаре слов. Это в 14 раз больше, чем в словаре Вебстера»¹⁴.

В связи с этим национально-культурная обусловленность деривационных процессов порой становится существенной преградой при переводе текстов с одного языка на другой. Перевод диминутивов представляет собой большую сложность, многие из них являются вообще непереводаемыми единицами и требуют применения различных переводческих приемов.

Упомянутый выше подход к изучению словообразования с позиций когнитивной и композиционной семантики будет более продуктивным в сочетании с предложенными ранее методиками исследования: традиционным *структурным анализом*, позволяющим идентифицировать словообразовательную модель и выявить структуру комплексного знака, и *ономазиологическим анализом*, позволяющим уточнить степень выраженности его словообразовательного значения. Таким образом, степень достоверности анализа будет увеличиваться, если мы будем сочетать «развертывание» семантики производного слова с когнитивным подходом, позволяющим смоделировать значение слова-деривата в терминах репрезентируемых им когнитивных структур.

¹⁴ <http://fridge.com.ua/2010/04/emotsii-v-nashih-slovah-slozhnosti-perevoda-umenshitelno-laskatelnyih-form>.

ЛИТЕРАТУРА

- Абросимова Л. С.* 2009: Деривационные механизмы как языковое отражение основных когнитивных процессов языковой личности: к постановке проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 4, 125–129.
- Алимурадов О. А.* 2007: Интенциональные аспекты динамики концептосферы языковой личности // Language, Individual and Society: International Scientific Publications, 529–548.
- Баксанский О. Е. Кучер Е. Н.* 2010: Когнитивный образ мира: Научная монография. М.
- Бахтин М. М.* 1979: Эстетика словесного творчества. М.
- Кубрякова Е. С.* 2001: Теоретические проблемы русского словообразования (транспозиция в концептуализации и категоризации мира) // Русский язык: исторические судьбы и современность, 191–192.
- Степанова М. Д.* 2007: Словообразование современного немецкого языка. М.
- Цейтлин С. Н.* 2009: Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.
- Шарифуллин Б. Я.* 2000: Генетические аспекты языковой экспрессивности: когнитивный подход к описанию одного недискретного пространства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0088587.pdf
- Beard R., Volpe M.* 2005: Lexeme-Morpheme Base Morphology // Handbook of Word-Formation. / P. Stekauer, R. Lieber (eds). Springer. 64, 189–206.
- Langacker R. W.* 2000: Grammar and Conceptualization. Berlin; New York.
- Cappelle B.* 2010: Doubler-Upper Nouns: A Challenge for Usage-based Models of Language? // Cognitive perspectives on word formation // Trends in Linguistics Studies and Monographs. 221 / Onysko A., Michel S. (eds.). Berlin; New York, 335–374.

COGNITIVITY AND EXPRESSIVE WORD-FORMATION

L. S. Abrosimova

The author asserts the hypothesis that system relations of major knowledge structure operations in mental space of a linguistic personality are represented by basic derivational mechanisms of a lexico-semantic subsystem of any language. Concept blending of a concept-originator and a derivational formant semantics, which results in derivative units (complex signs), becomes more informative due to expressiveness of some word-formation models.

Key words: language expressive function, cognitive processes, word-formation.

© 2011

И. А. Карпова

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КАК СРЕДСТВО АНАЛИЗА
ОБРАЗНОЙ И ЦЕННОСТНОЙ СТОРОН КОНЦЕПТА
«ПОЗИТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ»

Исследование концептов представляет собой сложную задачу. Статья посвящена проблеме изучения способов анализа концепта. Один из методов описания концепта — это исследование метафорических моделей, лежащих в его основе. Автор предлагает обратиться к рассмотрению метафорической модели «позитивное мышление — это борьба», выявленной на основе дискурса американских социальных психологов. Выдвигается идея о том, что позитивное мышление метафоризируется в терминах борьбы и связано с ценностными ориентирами американцев.

Ключевые слова: метафорическая модель, концепт, образная сторона, ценностная сторона.

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью изучения концептов в рамках лингвокультурологии с точки зрения того материала, который они дают для исследования концептуальной картины мира человека и ее национальной специфики. Лингвокультурология в настоящее время является одним из наиболее активно развивающихся направлений современной лингвистики, однако категориальный состав этой области знания еще недостаточно разработан и вызывает полемику в работах лингвистов. К спорным вопросам относится проблема выявления лингвокультурных концептов, список которых уникален для каждой культуры, и определения их структуры. Помимо этого, актуальность настоящего исследования определяется интересом к межкультурному взаимодействию. Эффективность межкультурной коммуникации прямо пропорциональна уровню взаимопонимания между коммуникантами. Следовательно, для достижения взаимопонимания необходимо осознавать и правильно толковать те национально-специфические особенности, убеждения, ценности, которые присущи представителям той или иной культуры. В связи с активной экспансией американской ценностной системы в условиях глобализации в данной статье речь идет, в первую очередь, о коммуникации с представителями американской культуры.

Неизменный оптимизм американцев отмечался многими исследователями (А. Токвиль, Дж. Сантаяна, Ф. Тромпенаарс, О. А. Леонтович) как отличительная, типологическая черта представителей американской культуры. В Америке, начиная с 50-х годов XX века, после выхода в свет работы «Сила позитивного мышления» американского психолога и священника Норманна Пила термин «позитивное мышление» стал применяться в психологической литературе как научного, так и научно-популярного плана, что привело к появлению нового направления в психологии — позитивной психологии. Материалом для исследования концепта «позитивное мышление» являются книги таких американских социальных пси-

---

Карпова Ирина Андреевна — аспирантка кафедры лексики английского языка факультета иностранных языков Московского педагогического государственного университета. E-mail: karпова_i_a@mail.ru

хологов как Луиза Хей, Хилари Джонс, Наполеон Хилл, Норман Винсент Пил, Скотт Вантрелла, Майкл Нейл, в которых утверждается, что позитивное мышление — это залог жизненного успеха, здоровья, финансового благополучия, и все проблемы предлагается решать посредством позитивного отношения к жизни.

Согласно теории Р. И. Павилёниса, построение концептов происходит путем трансформации изначальной довербальной информации, полученной по различным каналам чувственного восприятия, в вербализированную или частично вербализированную «картину мира»¹. Исследование образной основы концепта может помочь объяснить то, как происходит его формирование. Как отмечает А. А. Залевская в своих рассуждениях о структуре концепта, «знание у человека никогда не бывает строго абстрактным, оно непременно увязано с рядом сенсорно-аффективных процессов»². Существует гипотеза о том, что концепты в голове человека сосредоточены на определенном ментальном (психическом) уровне, на который «стекается» вся информация, полученная извне, и перерабатываются результаты зрительного, слухового, тактильного, моторного восприятия вместе с языковым освоением этого опыта. Данная гипотеза была выдвинута Р. Джекендоффом³, а в отечественной лингвистике развивается Е. С. Кубряковой⁴.

Согласно мнению многих исследователей, в качестве инструмента анализа образной и ценностной сторон концепта могут быть использованы метафорические модели⁵. Под метафорической моделью вслед за Дж. Лакоффом мы понимаем устойчивое соответствие между областью источника и областью цели, фиксированное в языковой традиции данного общества⁶.

В рамках данной статьи на основании 500 отобранных контекстов реализации концепта «позитивное мышление» нами выделяется метафорическая модель «позитивное мышление — это борьба», с помощью которой анализируется образная и ценностная стороны концепта «позитивное мышление». В рамках метафорической модели «позитивное мышление — это борьба» позитивное мышление концептуализируется в терминах борьбы. Американское общество воспринимает позитивное мышление как жесткое противоборство негатива и позитива, о чем свидетельствуют следующие примеры:

*Learn to use positive techniques to **fight** these negative urges, and you'll be more than halfway to the success*⁷.

*Positive thinking is **a kind of weapon** in this war to eliminate any negative thoughts on your way to well-being*⁸.

Как видно из данных примеров, позитивное мышление сравнивают с борьбой, направленной против негативных мыслей. Негативные мысли при этом концептуализируются как противники, что объективируется в языке с помощью лексемы *enemy* (*Only with positive thinking you will be able to **battle** against an inner **enemy***,

¹ Павиленис 1983, 106.

² Залевская 2001, 83.

³ Jackendoff 1984, 54.

⁴ Кубрякова 1996, 94.

⁵ Лакофф 2004; Маслова 2004.

⁶ Лакофф 2004, 207.

⁷ Biswas-Diener 2007, 158.

⁸ Hilary 2000, 9.

*your negative thoughts*⁹). При анализе метафорической модели «позитивное мышление — это борьба» обращает на себя внимание большое количество различных глаголов со значением борьбы, встречающихся в отобранном материале. Анализ употребления данных глаголов в дискурсе американских социальных психологов показал, что позитивное мышление представляет собой средство, помогающее при защите от противника и нападении на него. Под дискурсом американских социальных психологов мы понимаем разновидность общения между людьми, занимающимися изучением позитивного мышления в рамках позитивной психологии. Взаимодействие двух противников начинается с атаки одного из участников — негатива, позитивное мышление при этом выступает как способ защиты:

*Positive thinking shields, protects you from negative thoughts*¹⁰.

*Positive thinking helps in guarding against problems*¹¹.

Анализ выделенных глаголов со значением защиты от противника (*to protect, to guard, to shield*) показал, что, во-первых, они являются синонимичными, а во-вторых, в качестве доминанты в синонимическом ряду можно выделить глагол *to protect*, обладающий более общим значением.

Противоборство сторон продолжается как череда атак и контратак. Употребление таких глаголов, как *to confront, to counter, to counteract, to ward off* в следующих примерах подтверждает данное предположение:

*Thinking positively you'll be able to confront your problems*¹².

*Positive thinking can counteract stress and negative thoughts*¹³.

*With positive thinking you'll ward off negative thoughts*¹⁴.

Лексемы *to confront, to ward off, to counteract* являются синонимами, однако *to counteract* имеет значение, отличающее этот глагол от остальных, а именно «парируя удар, одновременно нанести встречный удар». Употребление данного глагола при описании позитивного мышления свидетельствует о том, что такая стратегия поведения характерна для американцев, привыкших не только защищаться, но и нападать, т. е. действовать активно в любых ситуациях: *Positive thinking is a response that requires immediate action*¹⁵. Подобная уверенность и настрой на решительные действия, на преодоление сложностей и борьбу с неприятелем являются проявлением позитивного мышления американцев.

В текстах книг американских социальных психологов позитивное мышление выступает как вспомогательное средство борьбы не только при защите, но и при открытом и активном наступлении на неприятеля. Использование таких глаголов как *to attack, to fight, to combat, to struggle, to battle* в рамках одного предложения со словосочетанием *positive thinking* подтверждает данное предположение:

*Attack doubt as soon as it creeps in with positive, rational thinking, and it will vanish*¹⁶.

⁹ Biswas-Diener 2007, 46.

¹⁰ Hill 1998, 14.

¹¹ Biswas-Diener 2007, 107.

¹² Hilary 2000, 104.

¹³ Biswas-Diener 2007, 75.

¹⁴ Hilary 2000, 75.

¹⁵ Biswas-Diener 2007, 32.

¹⁶ Ventrella 2001, 134.

*When the fight seems hardest and most hopeless, when your center gives way and your right recedes, "the situation is excellent". **Attack! Attack! Attack** and you will save the best part of yourself — your courage and faith¹⁷.*

Если в первом примере автор прямо говорит о том, что надо использовать позитивное мышление как оружие для борьбы, то во втором и в третьем примерах автор не характеризует позитивное мышление прямо как военную стратегию. Тем не менее, тот факт, что человек решается атаковать в таком отчаянном положении, когда ситуация кажется безнадежной, свидетельствует о проявлении позитивного мышления и использования его в качестве вспомогательного средства борьбы.

Однако помимо позитивного мышления, с точки зрения американских социальных психологов, необходимо прилагать определенные усилия, чтобы победить противника: *It's the combination of positive thinking and **constant and determined effort** that breaks down all resistance¹⁸*. Американцы придерживаются мнения, что жизненный успех зависит от стараний самого человека. Подобная жизненная позиция свидетельствует о принадлежности американцев к индивидуалистской культуре.

Позитивное мышление как оружие, которым владеет человек, дает ему уверенность в себе и ощущение силы над противником, необходимой для победы:

*Positive thinking helps **to gain confidence and poise**¹⁹.*

*Positive thinking gives you **a sense of strength, a feeling of power**²⁰.*

*A personality is determined by inheritance and environment and is extremely difficult to alter or improve. Yet we can, **by taking positive thought, strengthen it and make it more forceful, more attractive**²¹.*

Исследуемый материал показал, что наиболее часто встречающимися лексемами, выражающими идею силы, которую дает позитивное мышление, являются лексемы *power, force, strength* и производные от них слова различной частеречной принадлежности: *empowering; forceful; strengthen, strengthened*.

Интересно отметить, что уверенность американцев в своих силах и власти над противником благодаря позитивному мышлению дает им основания полагать, что они способны контролировать не только себя, но и окружающий мир, о чем свидетельствуют следующие примеры:

*Positive thinking helps you **to take command** over the problem²².*

*Perhaps most importantly, positive thinking is a matter of good choices **under the personal control** of you and your clients²³.*

Конечным итогом любого сражения становится победа или поражение. В силу этого решение различных проблем с помощью позитивного мышления, т. е. итог борьбы с ситуацией осмысливается в терминах победы, что объективируется в дискурсе американских социальных психологов посредством, во-первых, глаголов со значением конфронтации, подразумевающих полное уничтожение неприя-

¹⁷ Carnegie 1956, 84.

¹⁸ Peale 1982, 74.

¹⁹ Carnegie 1956, 1.

²⁰ Biswas-Diener 2007, 8.

²¹ Carnegie 1956, 110.

²² Peale 1982, 44.

²³ Biswas-Diener 2007, 84.

теля или его завоевание (*to break (down), to beat, to destroy, to conquer, to overcome, to win*), во-вторых, с помощью лексем *victory, victorious, triumph, winning*.

Наиболее часто встречающейся из данных единиц является *victory*, участвующая в формировании объектных словосочетаний с указанным словом в качестве зависимого компонента. Глаголы (*to gain, to win, to achieve, to find, to look for*), выражающие активный характер обозначаемых действий, направленных на победу (*victory*), свидетельствуют, во-первых, о деятельностном подходе американцев к реальности, а во-вторых, о важности победы для представителей американской культуры:

*Positive thinking will help you to achieve victory*²⁴.

*The person who thinks positively and has faith in God, even though his problem remains unchanged, shall indeed gain victory over it*²⁵.

Исследованный материал показывает, что, с точки зрения американцев, позитивное мышление приводит к победе (*the triumph of positive thinking over the negative*²⁶; *Positive thinking is a winning attitude*²⁷), а человек, мыслящий позитивно и достигший желаемого, характеризуется как победитель — «a winner».

Тем не менее, победа, по мнению американцев, не достается просто так, и, как сказал Теодор Рузвельт, необходимо не просто преодолеть тысячу препятствий, а надо выиграть, несмотря на тысячу отказов и поражений, что свидетельствует о неистребимом позитивном настрое американцев: *The boy who is going to make a great man, must make up in his mind not merely to overcome a thousand obstacles, but to win in spite of a thousand repulses and defeats. Theodore Roosevelt*²⁸.

Таким образом, исследование образной стороны концепта «позитивное мышление» показало, что в его основе лежит метафорическая модель «позитивное мышление — это борьба». Согласно проведенному анализу ценностного компонента в рамках данной метафорической модели, позитивное мышление тесно связано с активным подходом американцев к действительности. Само название метафорической модели «позитивное мышление — это борьба» свидетельствует о том, что у американцев позитивное мышление ассоциируется с активными действиями по отношению к противнику. Позитивное мышление представляет собой средство борьбы, помогающее при защите и нападении. При этом с точки зрения американских социальных психологов, позитивное мышление обязательно должно сочетаться с приложением определенных усилий, что подтверждается использованием лексемы *effort* в одном контексте со словосочетанием *positive thinking*.

Необходимым условием активных действий в любой борьбе является уверенность в своих силах. Как показал анализ метафорической модели «позитивное мышление — это борьба», источником этой уверенности выступает позитивное мышление в сочетании с трудовой деятельностью. Уверенность в собственных силах в сочетании с ощущением силы над противником благодаря позитивному мышлению дает американцам основания полагать, что они способны контроли-

²⁴ Peale 1982, 135.

²⁵ Biswas-Diener 2007, 207.

²⁶ Peale 1982, 119.

²⁷ Ventrella 2001, 27.

²⁸ Carnegie 1956, 101.

ровать окружающий мир, что подтверждается употреблением лексем *command*, *control* при описании механизмов использования позитивного мышления как средства борьбы с неприятелем.

ЛИТЕРАТУРА

- Залевская А. А.* 2001: Текст и его понимание. Тверь.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* 1996: Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова (ред.) М.
- Лакофф Дж.* 2004: Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М.
- Леонтович О. А.* 2005: Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. М.
- Маслова В. А.* 2004: Когнитивная лингвистика. Мн.
- Павленис Р. И.* 1983: Проблема смысла. Современный логико-дискурсивный анализ языка. М.
- Сантаяна Дж.* 2003: Характер и мировоззрение американцев. М.
- Токвиль А.* 1992: Демократия в Америке. М.
- Тромпенаарс Ф., Хампден-Тернер Ч.* 2004: Национально-культурные различия: в контексте глобального бизнеса. Мн.
- Biswas-Diener R., Dean B.* 2007: Positive Psychology Coaching. New Jersey.
- Carnegie D.* 1956: How to Develop Self-Confidence & Influence People by Public Speaking. New York; London; Toronto.
- Jackendoff R.* 1984: Sense and reference in psychologically based semantics // Talking minds. Cambridge (Mass.).
- Hay Louise L.* 2004: You Can Heal Your Life. California, New York; London; Sydney; Johannesburg; Vancouver; Hong Kong; New Deli.
- Hilary J., Frank G.* 2000: Personal Progress through Positive Thinking. London.
- Hill. N., Ritt M. J.* 1998: Napoleon Hill's Keys to Positive Thinking. 10 Steps to Health, Wealth and Success. Wise.
- Peale N. V.* 1982: Positive Imaging. The Powerful Way to Change Your Life. New York.
- Ventrella S. W.* 2001: The Power of Positive Thinking in Business. Ten Traits for Maximum Results. London.

METAPHORIC MODELS AS A MEANS FOR ANALYZING IMAGE AND VALUE ASPECTS OF THE CONCEPT "POSITIVE THINKING"

I. A. Karpova

Concept study presents a complicated problem. The article deals with the study of ways to analyze concepts. One of the methods consists in the analysis of metaphoric models the concept is based on. The author resorts to the metaphoric model "positive thinking is a contest" that was elicited from the discourse of American social psychologists. The author proposes that positive thinking acquires metaphoric expression in contest terms and is connected with value guidelines of Americans.

Key words: metaphoric model, concept, image aspect, value aspect.

© 2011

З. О. Книжникова

ГЕНДЕРНАЯ СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ЯЗЫКЕ
И КУЛЬТУРЕ

Рассмотрены основы гендерной стереотипизации в языке, гендер представлен как социокультурное явление.

Анализ языковых конструкций дает представление о том, какую роль играет гендер в той или иной культуре, как меняется представление о гендерных нормах с течением времени, как отражаются в языке гендерные стереотипы, как осмысливается мужественность и женственность в разных языках и культурах и т. д.

Ключевые слова: гендер, стереотипизация, андроцентризм культуры, маскулинность, фемининность

В последние годы наблюдается значительный рост интереса к гендерным исследованиям в культуре и лингвистике. В связи с возникновением новой антропоцентрической парадигмы лингвистическая проблематика приобрела новую направленность в сторону человека и его места в мире, в культуре. Язык стал определяться как творческий инструмент сознания, с помощью которого человек может моделировать и создавать действительность. В нашем мини-исследовании попробуем ответить на вопрос, что такое гендерная стереотипизация имени в языке.

По словам Хайдеггера, именно в языке коренится для человека возможность свершения своего высшего предназначения, поскольку язык — способность человека «сказать бытие».

Гендерные отношения пронизывают большинство сфер человеческой деятельности. Пол человека — это одна из важнейших экзистенциальных и общественно значимых характеристик человека, которая определяет его социальную, культурную и когнитивную ориентацию в мире. Гендерная самоидентификация входит в число когнитивных ресурсов и отдельной личности, и общества в целом. Поэтому гендер выступает объектом исследования многих общественных наук, в том числе и лингвистики.

«Антропоориентированный подход к исследованию языка и коммуникации тесно связан с когнитивной научной парадигмой и позволяет приписать мужественности и женственности статус концептов»¹. Следует отметить, что современная социальная наука различает понятия «пол» и «гендер» (gender). Первое обозначает физиологические особенности людей, на основе которых человеческие существа определяются как мужчины или женщины. В гендере же пересекаются психологические, культурные и социальные аспекты.

Исследования показывают, что не биологический пол, а социокультурные нормы определяют психологические характеристики, модели поведения, виды деятельности и профессии женщин и мужчин. Быть в обществе мужчиной или

Книжникова Зоя Олековна — аспирантка кафедры славянских языков и методики их преподавания Московского педагогического государственного университета. E-mail: A-editor@yandex.ru

¹ Кирилина 2005, 26.

женщиной означает не просто обладать соответствующими анатомическими особенностями, а выполнять те или иные предписанные культурой гендерные роли.

Нам всем знакомы традиционные формы гендерной дифференциации, основанные на представлениях о том, что «настоящий мужчина» должен быть сильным, независимым, самостоятельным и эмоционально сдержанным, тогда как «настоящая женщина» должна быть зависимой, слабой, заботливой и эмоциональной. В данном случае мы имеем дело с *гендерными стереотипами*, которые складывались на протяжении всей истории человечества.

Можно выделить следующие бинарные оппозиции, которые стереотипно приписываются мужчинам и женщинам:

1) *абстрактность — конкретность, логичность — интуитивность*; мужественность ассоциируется с логичностью, а женственность — с интуитивностью (С. Н. Булгаков; Н. А. Бердяев; В. Соловьев; П. А. Флоренский; В. В. Розанов и др.);

2) *сознательность — бессознательность*; существует стереотипное убеждение, что женская чувственность, эмоциональная экспрессивность отличают ее от мужчины с его размеренностью, сознательностью;

3) *власть — подчинение*; женскими чертами считаются покорность, преданность, жертвенность. Как пишет В. В. Розанов, мужчине приписывается право распоряжаться женщиной, а право женщины — «в дар за любовь свою получить мужественного и сильного покровителя»;

4) *независимость, индивидуальность — коллективность*; считается, что женщины на первое место ставят отношения между людьми, они демократичны и отзывчивы, в то время как мужчины во всех обществах более независимы, доминантны и авторитарны. Этому можно найти подтверждение в народных пословицах и поговорках: *Маремьяна старица о всем мире печалится (на весь мир печальница)* — ирон. о сердобольных людях. *Старица Софья по всем мире сохнет (только никто об ней не вздохнет)* — о царице Софье, сестре Петра Великого, которая и в монастыре не успокоилась;

5) *порядок — хаос*; современные исследователи женской и мужской психологии не считают, что мужское начало — проявление порядка, а женское — хаоса; каждый пол отличается своим типом деятельности;

6) *активность — пассивность*; теория Аристотеля, согласно которой сила, активность, движение свойственны мужскому началу, а женщина представляет пассивную материю, просуществовала вплоть до современной эпохи; ср. русск. *Тишенька лучше Машеньки* (шут.) — *Тихон лучше Маши*, т. е. быть тихим, скромным лучше, чем руками махать;

7) *сила — слабость*; стереотипно считается, что мужчин и женщин отличают проявления силы их личности. Например, *Велика Федора, да дура — а Иван мал, да удал*;

8) *непостоянство, радикализм — постоянство, консерватизм*; бытует убеждение, что в отличие от мужчин женщины более постоянны. Например, *Лукреция или Пенелопа* (иноск.) — идеально верная жена.

Однако наблюдения показывают, что ни в биологическом, ни в психологическом смысле не встречается чистой мужественности или женственности. В каждой личности сочетаются биолого-психологические признаки обоих полов («андрогинная личность» по теории Сандры Бем). Во все времена существовала

гендерная асимметрия. Женщина — созидательница, хранительница жизни. Но, тем не менее, на протяжении веков она воспринимается как хаотичное, иррациональное (Аристотель), чувственное (Кант), аморальное (Шопенгауэр) существо. Даже на рубеже XIX–XX вв. некоторые ученые всерьез полагали, что женщина — низший продукт эволюции. Истоки такого отношения так же древни, как сама история человека — Адам до сих пор не простил Еве грехопадения. Социальные нормы со временем меняются, однако гендерная асимметрия (с перевесом в сторону мужской половины) остается. Феминизм внес важный вклад в формирование современной модели человека. За последние десятилетия появилось большое количество работ, анализирующих гендерные проблемы. Представители феминистской критики языка много пишут об андроцентризме современной культуры, о том, что социальный мир организован таким образом, что все мужское понимается как норма, а все женское — как патология. *Андроцентризм* — это взгляд на мир с мужской точки зрения. Андроцентризм современной культуры основан на универсалистском дискурсе европейской науки, которая представляет свою позицию как гендерно нейтральную. Естественно, что феминистская теория работает над деконструкцией андроцентризма как культурной традиции. Современные гендерные исследования исходят из того, что важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то социальное и культурное значение, которое этим различиям придает само общество.

К. Леви-Стросс считал, что язык есть одновременно и продукт культуры, и её важная составная часть, и условие существования культуры. Культура влияет на структуру и функционирование языка, и сам язык является проявлением культуры. «Циклическая природа взаимоотношений между культурой и языком позволяет сделать вывод, что ни одну культуру нельзя полностью понять без понимания ее языка, равно как и наоборот»². Таким образом, язык играет важную роль в воспроизводстве андроцентризма культуры. В феминистской «критике языка» выделяются два основных направления в исследованиях. Во-первых, это выявление гендерных асимметрий (патриархатных стереотипов) в системе языка. Гендерная лингвистика основывается в своем подходе к языку на гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа, согласно которой язык определяет мышление, процесс познания мира, культуру, общественное поведение и мировосприятие человека. Данная теория позволяет утверждать, что языки, функционирующие в патриархальных культурах, строятся на основе мужской картины мира. В качестве норм используются мужские языковые формы, которые, по их мнению, способствуют маргинализации женщин в языковой картине мира. Исходя из этого, феминистская критика языка настаивает на переосмыслении и изменении языковых норм. Во-вторых, это исследования особенностей коммуникации в однополых и смешанных группах, в основе которых лежит предположение о том, что на базе патриархатных стереотипов развиваются разные стратегии речевого поведения мужчин и женщин. Например, были установлены некоторые общие признаки женского речевого поведения: широкое использование уменьшительных суффиксов, форм вежливости, отсутствие доминантности, умение слушать собеседника и т. д., в то время как мужское отличается агрессивностью, доминантностью, использованием в речи ненормативной лексики и т. д.

² Мацумото 2003, 87.

Лингвистические данные — один из основных источников информации о характере и динамике формирования гендера как продукта культуры и социальных отношений. Язык дает ключ к изучению механизмов конструирования половой идентичности. Анализ языковых конструкций дает представление о том, какую роль играет гендер в той или иной культуре, как отражаются в языке гендерные стереотипы, как осмысливается мужественность и женственность в разных языках и культурах, какие стилевые особенности могут быть отнесены к женским или мужским, как меняется представление о гендерных нормах с течением времени и т.д. Рассмотрим основные признаки андроцентризма культуры, выраженные в языке:

1. Отождествление понятий «человек» и «мужчина». Во многих европейских языках они обозначаются одним словом: «man» в англ., «homme» во франц. яз., «Mann» в немецком.

2. Имена существительные женского рода чаще всего являются производными от мужских. При этом они приобретают негативную оценку. Например, сопоставительный анализ некоторых пар слов в англ. яз. (например, *mistress* — *master*; *governess* — *governor*) выявляет расхождения в содержании обозначаемых понятий: *mistress*: 1. хозяйка, повелительница; правительница; 2. (брит.) учительница; 3. любовница; возлюбленная; *master*: 1. хозяин, повелитель; 2. работодатель; 3. руководитель; 4. владелец (собственности); 5. капитан торгового судна). Исследователями было замечено, что во многих культурах применение мужских определений по отношению к женщине существенно повышает ее статус (мужской ум, мужская хватка, мужской характер), но женские обозначения и сравнения в адрес мужчины несут явную негативную оценку (болтливый, кокетливый, капризный, истеричный, любопытный, как женщина).

3. Существительные мужского рода часто употребляются по отношению к лицам обоих полов, поскольку язык «предпочитает» мужские формы («учителя», «школьники», «ученики», «студенты» и т.д.).

4. На синтаксическом уровне согласование происходит не по реальному полу референта, а по форме грамматического рода слова. В русском языке род проявляется не в окончании слов, а в согласующихся с ними словах. Значение приобретают синтаксические указания на пол лица, особенно в разговорной речи («Выта самая бухгалтер?»).

5. Маскулинность и фемининность противопоставляются и в качественном (положительная — отрицательная оценка), и в количественном (преобладание маскулинного) отношении. В результате происходит формирование гендерных асимметрий, что выражается в стереотипных конструкциях. Гендерная стереотипизация фиксируется в языке и тесно связана с выражением оценки. Например: «Все бабы дуры»; «У бабы волос долог, да ум короток»; «Женщина — это прежде всего мать»; «Муж — глава семьи»; «Мое дело сторона, а муж мой прав»; «Бабе дорога от печи до порога»; «Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет»; «Женщина льстит — лихое норовит»; «Бабы умы разоряют дома» и т.д. Большой интерес в гендерном аспекте представляют устойчивые сравнительные конструкции. В них отражаются не просто гендерная асимметрия, но она передает национальный характер. Например, русская женщина часто сравнивается с березой, рябиной («стройная, как березка»). Еще примеры: о женщинах —

«бестолковые, как куры»; «злая, как ведьма»; «толстая, как корова»; «худая, как вобла»; о мужчинах — «здоровый, как бык»; «сильный, как бык»; «сильный, как медведь»; «неуклюжий, как медведь»; «толстый, как бегемот»; «красивый, как Аполлон»; «красивый, как Бог»; «стройный, как тополь»; «скромный, как девушка»; «смутиться, как девушка».

Данные ассоциативных экспериментов в психолингвистике помогают раскрыть динамику и функционирование гендерных стереотипов в языковом сознании. Например, результаты исследования образов фемининности и маскулинности (на материале русского языка) показали, что в целом наблюдается высокая оценка женского интеллекта, в основном положительное отношение к женщине. Практически неизменной осталась высокая ценность материнства и такие качества, как любовь, самоотверженность и самопожертвование. «Мужской» стереотип вообще не выражен ярко. Наиболее частые реакции — «сильный», «красивый». Негативные оценки мужчин связаны с алкоголизмом и с супружеской неверностью. Многие реакции, особенно относящиеся к личностным качествам, повторяются как в оценке мужчин, так и в оценке женщин³. Находим подтверждение тому в языке: *И на Маишу бывает промашка; even Homer sometimes nods — даже Гомеру случается задремать*. Даже лучшие из нас не застрахованы от ошибок. Или: *Какова Ананья, такова у ней Маланья* (иноск.) — какова госпожа, такова и прислуга; *По Сеньке шапка (по Еремке колпак, кафтан); Каков Пахом, такова и шапка на нем*.

По данным ассоциативного эксперимента, проведенного А. В. Кириловой в 1998 г., все «информанты, независимо от пола, ассоциируют образ русской женщины с терпением, добротой, трудолюбием, красотой, любовью (в первую очередь материнской) и самоотверженностью. Информанты “ценят” в русской женщине активность, решительность, энергию и целеустремленность, а также хозяйственность и материнство, высокие нравственные качества: верность, отзывчивость, способность к сочувствию, эмоциональную теплоту»⁴. А. В. Кирилова пришла к выводу, что в русском языковом сознании образ женщины имеет явно более выраженную положительную оценку, в отличие от образа мужчины. При этом женственность ассоциируется не со слабостью, а с силой, решительностью, терпением, любовью, умом и красотой. Исследователь установила, что русские мужчины высоко оценивают русских женщин, делая акцент не столько на их внешности, сколько на личностных качествах. Н. Курилович в работе «Языковая репрезентация гендера» справедливо указывает, что «маскулинность и феминность (мужественность и женственность) на деле не противоположные, а диалектически взаимосвязанные категории, не являющиеся к тому же чем-то зафиксированным, раз и навсегда данным. Наоборот, это социальные процессы. Гендер не является каким-то неизменным состоянием бытия человека, а представляет собой прежде всего некий набор практик, действий. Гендер исполняется людьми, причём в разных ситуациях по-разному. Проводя лингвистическую аналогию, можно сказать, что «гендер — это не существительное, гендер — это глагол»⁵.

³ Кирилова 1999, 93.

⁴ Там же, 64.

⁵ Маслова 2004, 137.

Итак, гендер является социокультурным явлением. Язык отражает социальную и культурную специфику общества, поэтому анализ языковых конструкций дает представление о том, какую роль играет гендер в той или иной культуре, как меняется представление о гендерных нормах с течением времени, как отражаются в языке гендерные стереотипы, как осмысливается мужественность и женственность в разных языках и культурах и т. д.

Исследования свидетельствуют, что гендерная дифференциация заключена не столько в языке, сколько в сознании людей, а мужчина и женщина остаются неотделимыми друг от друга: *Every Jack has his Jill*, посл. (Всякому Джеку суждена его Джилл) ср. *Всякая невеста для своего жениха родится; На всякий товар свой покупатель есть; На каждого Ивана найдется своя Марья. Jeder Hans findet seine Grete.* — посл. каждый мужчина найдет себе жену по вкусу; *Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна* — пример супружеского согласия и хлебосольных хозяев; *Филемон и Бавкида* (награжденные Юпитером за их хлебосольство) — по их просьбе смерть их настигла одновременно; превращенные в дуб и липу, они росли рядом на Фригийских высотах, и верующие украшали их венками; *Darby and Joan* — неразлучная (супружеская) пара, семейная идиллия.

ЛИТЕРАТУРА

Буруккина О. А. 2000: Гендерный аспект перевода. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.auditorium.ru>

Габриэлян Н. М. 1997: Всплывающая Атлантида (медитации на тему феминизма) // Материалы первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96» / О. Воронина, З. Хоткина, Л. Луныкова (ред.). М., 70–75.

Кирилина А. В. 1999: Гендер: лингвистические аспекты. М.

Кирилина А. В. 2005: Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык / А. В. Кирилина (ред.). М.

Курилович Н. 2001: Языковая репрезентация гендера. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://envila.iatp.by/g_centre

Маслова В. А. 2004: Лингвокультурология. М.

Маслова В. А. 2004: Когнитивная лингвистика. Минск.

Мацумото Д. 2003: Психология и культура. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gumer.info>

Денисова А. А. 2004: Словарь гендерных терминов. М.

GENDER STEREOTYPING IN LANGUAGE AND CULTURE

Z. O. Knizhnikova

The article deals with the basics of gender stereotyping. Gender is presented as a socio-cultural phenomenon. Linguistic structure analysis gives an insight into the role of gender in different cultures, of gender norm changes in the course of time, of gender stereotype reflection in a language, of masculinity and femininity comprehension in different languages and cultures, etc.

Key words: gender, stereotyping, androcentrism of culture, masculinity, femininity.

© 2011

Е. Б. Куракина

КОЛЕБАНИЕ МЕСТА УДАРЕНИЯ В ПОСТФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛАХ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ МУЖСКОГО РОДА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА В РЕЧИ СОВРЕМЕННЫХ МОЛОДЫХ МОСКВИЧЕЙ

В статье рассматриваются акцентные колебания в постфиксальных глаголах прошедшего времени мужского рода в речи современной молодежи г. Москвы. Данные экспериментального исследования в области акцентуации глаголов подтверждены богатым иллюстративным материалом и отражают изменения акцентных норм в современной русской просодической системе в целом.

Ключевые слова: акцентные нормы, вариативность, регрессивное и прогрессивное ударение.

Развитие современной акцентологической системы русского языка отражает в полной мере процессы модернизации и реформирования, происходящие в нашем обществе в последние два десятилетия, и характеризуется серьезными изменениями в системе акцентуации, а также резким падением речевой культуры общества. Однако нельзя объяснить многочисленные случаи ненормативного употребления ударения в московском регионе исключительно небрежностью и малограмотностью говорящих, необходимо рассматривать их в русле общих тенденций развития современной акцентологической системы.

Для выявления основных тенденций подвижности глагольного ударения и обоснования закономерностей их развития автором исследования было проведено анонимное письменное анкетирование и устный опрос молодых москвичей в возрасте от 16 до 25 лет. Обязательным требованием для всех участников письменного анкетирования и устного опроса было указание своего возраста и места рождения для подтверждения факта принадлежности к целевой исследуемой группе, факультативно предлагалось указать свои имя и фамилию.

У возвратных глаголов с подвижным ударением в форме **мужского рода** прошедшего времени место ударения обычно вариативно, равноправность вариантов ударения на постфиксе и на основе либо предпочтительность ударения на постфиксе встречается редко: *родился*□ и *роди*□*лся*; у некоторых глаголов с корнем *-ня*: *обнялся*□ и *обня*□*лся*; *нанялся*□ и допустимо младшее *наня*□*лся*. У остальных глаголов этого типа вариант ударения на постфиксе менее употребителен и отражает старшую норму: *зна*□*лся* и допустимо старшее *знался*□; *напи*□*лся* и допустимо старшее *напился*□. По результатам устного опроса имеем следующие данные:

Объектом исследования стала группа постфиксальных глаголов в формах прошедшего времени, подверженная в той или иной степени различным акцентным колебаниям. Типы ударения у возвратных глаголов в прошедшем времени

Куракина Елена Борисовна — декан педагогического факультета ФГОУ ВПО «Московская государственная академия хореографии», доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических дисциплин, соискатель кафедры русского языка Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. E-mail: e.kurakina@inbox.ru

связаны с типами ударения соответствующих невозвратных глаголов: как правило, постфиксальные глаголы принадлежат к тому же акцентному типу, что и глаголы, от которых они образованы. Так, неподвижное ударение на основе (**тип А**) у невозвратных глаголов остаётся таким же и у возвратных глаголов: *бить, бил, би□ла, би□ло, би□ли и би□ться, би□лся, би□лась, би□лось, би□лись; стричь, стриг, стри□гла, стри□гло, стри□гли и стри□чься, стри□гся, стри□глась, стри□глось, стригли□сь* и т.п.¹ При неподвижном ударении у невозвратных глаголов на окончании (**тип В**) этот же тип обычно выступает и у соответствующих возвратных глаголов: *пасти□, пас, пасла□, пасло□, пасли□ и пасти□сь, па□сся, пасла□сь, пасло□сь, пасли□сь; печь, пёк, пекла□, пекло□, пекли□ и пе□чься, пё□кся, пекла□сь, пекло□сь, пекли□сь* и др.²

Однако у немногих подобных возвратных глаголов встречается акцентная вариативность в форме мужского рода: *перевести□сь, перевёлся* и допустимо старшее *перевелся□, перевела□сь, перевело□сь, перевели□сь; плести□сь, плёлся* и допустимо старшее *плелся□, плела□сь, плело□сь, плели□сь*. Для анализа данного акцентологического явления у постфиксальных глаголов в форме мужского рода прошедшего времени автором исследования были отобраны глаголы *известить□сь* и *расплестить□сь*. «Фонетика современного русского литературного языка» отмечает вариативность места ударения в данных глаголах: *извёлся* и допустимо старшее *извелся□; расплёлся* и допустимо старшее *расплелся□*³. Материалы «Русской грамматики»⁴ признают ударение в данных глаголах на постфиксе в форме мужского рода прошедшего времени *извелся□* и *расплелся□* устаревшим вариантом так же, как и некоторые другие словарные источники⁵. В словаре М. А. Штудинера в исследуемых глаголах присутствует только один вариант ударения — на корне: *извёлся* и *расплёлся*⁶.

Результаты письменного анкетирования представлены ниже:

- в глаголе *известить* ударение на корне поставили 96 % респондентов — *извёлся*, на постфиксе 4 % опрошенных — *извелся□*;
- в глаголе *расплестить* 100 % респондентов поставили ударение на корне — *расплёлся*.

По результатам устного опроса имеем следующие данные:

- корень глагола *известить* ударен в 87 % случаев — *извёлся*, постфикс -ся ударен в 13 % случаев — *извелся□*;
- в глаголе *расплестить* 100 % респондентов поставили ударение на корне — *расплёлся*.

Обобщив теоретические исследования по данному вопросу и результаты проведённых экспериментов, можем утверждать, что:

- на постфикс -ся в исследуемых глаголах *известить* и *расплестить* падает ударение в очень незначительном количестве случаев — 4 %, что доказывает практически полное завершение процесса устаревания данного типа ударения

¹ Касаткин 2003, 194.

² Там же, 194.

³ Там же, 194.

⁴ Шведова 2005, 691.

⁵ Резниченко 2005, 246, 647.

⁶ Штудинер 2005, 148, 404.

в постфиксальных глаголах в форме мужского рода прошедшего времени, что в полной мере отражено в проанализированных грамматических и словарных источниках;

- устаревший вариант ударения на постфиксе -ся не типичен для речи современных молодых москвичей, 96 % из которых предпочли вариант ударения на корне в исследуемых глаголах.

Более сложным является соотношение форм прошедшего времени невозвратных глаголов с подвижным ударением и форм прошедшего времени соответствующих возвратных глаголов, которое рассмотрено более подробно. Как описывает в своей книге «Фонетика современного русского литературного языка» Л. Л. Касаткин, у возвратных глаголов в форме мужского рода прошедшего времени безвариантные формы встречаются крайне редко: с ударением на постфиксе — *отперся*□ (в значении «отомкнулся»); с ударением на корне — *проспа*□*лся, разоспа*□*лся*⁷.

Обычно же в этой форме место ударения вариативно. Равноправные варианты с ударением на постфиксе и на основе или предпочтительный вариант с ударением на постфиксе встречаются в редких случаях: *родился*□ (совершенный вид) и *роди*□*лся, заперся*□ (в значении «закрылся») и *за*□*перся*; у некоторых глаголов с корнем -ня: *заялся*□ и допустимо младшее *зая*□*лся, отнялся*□ и *отня*□*лся, принялся*□ и допустимо младшее *приня*□*лся*. У остальных глаголов данного типа вариант ударения на постфиксе менее употребителен и отражает старшую норму: *бра*□*лся* и допустимо старшее *брался*□, *взв*□*лся* и допустимо старшее *взвился*□; *дожда*□*лся* и допустимо старшее *дождался*□ и т. п. Для исследования акцентной вариативности типа **постфикс/основа** у возвратных глаголов в форме мужского рода прошедшего времени, образованных от невозвратных глаголов с подвижным ударением, были выбраны следующие глаголы: *запереться* (в значении «закрыться»), *обняться, подняться, наняться, собраться, взяться*. Согласно «Фонетике современного русского литературного языка» Л. Л. Касаткина, вариативность места ударения с равноправностью акцентных вариантов или предпочтительностью ударения на постфиксе возможна в глаголах: *заперся*□ (в значении «закрылся») и *за*□*перся, обнялся*□ и *обня*□*лся, поднялся*□ и *подня*□*лся, нанялся*□ и *наня*□*лся* и с меньшей употребительностью ударения на постфиксе в глаголах *собра*□*лся* и *собрался*□, *взя*□*лся* и *взялся*□.

Согласно материалам «Русской грамматики»⁸, ударение может падать или на постфикс -ся, или на корень в следующих формах: *нанялся*□ и *наня*□*лся, поднялся*□ и *подня*□*лся*. Ударный постфикс имеет также глагол *заперся*□ (наряду с *за*□*перся* — «закрылся»). В остальных исследуемых нами глаголах Академическая грамматика⁹ признаёт ударение на постфиксе в форме мужского рода прошедшего времени (*собрался*□, *обнялся*□, *взялся*□) устаревшим вариантом. В словаре М. А. Штудинера¹⁰ единственный нормативный вариант ударения у глаголов *запереться, обняться* и *наняться* в форме мужского рода прошедшего времени — это ударение на постфиксе -ся: *заперся*□, *обнялся*□ и *нанялся*□. У глаголов *подняться, собраться* и *взяться* нормативное ударение, не допускающее вари-

⁷ Касаткин 2003, 194.

⁸ Шведова 2005, 691.

⁹ Там же, 691.

¹⁰ Штудинер 2005, 136, 250, 279.

антов, согласно «Словарю образцового русского ударения», находится на корне: *подня́лся, собра́лся и взя́лся*. В «Орфоэпическом словаре русского языка. Произношение. Ударение» И. Л. Резниченко¹¹, помимо нормативных акцентных вариантов, приведены также варианты неправильного ударения глаголов в форме мужского рода прошедшего времени. Так, глагол *запереться* (в значении «закрыться на ключ») приведен в словаре И. Л. Резниченко с нормативным постфиксальным ударением — *заперся́* и специальной пометкой — *неправ. за́перся*. Глаголы *собраться* и *взяться* имеют единственное нормативное ударение на корне — *собра́лся* и *взя́лся*. Остальные исследуемые глаголы представлены в двух равноправных акцентных вариантах, одинаково приемлемых в русском литературном языке: *обня́лся* и *обня́лся* (*неправ. о́бнялся*), *подня́лся* и *подня́лся* (*неправ. по́днялся*), *наня́лся* и *наня́лся* (*неправ. на́нялся*).

Для исследования акцентных колебаний в постфиксальных глаголах в форме мужского рода прошедшего времени было проведено письменное анкетирование молодых москвичей, результаты которого представлены ниже:

- постфикс -ся у глагола *запереться* ударен в 15 % случаев — *заперся́*, основа в 85 % случаев — *за́перся*;
- в глаголе *обняться* опрошенные употребили 3 различных акцентных варианта, таким образом, ударение на постфиксе -ся поставили 4 % респондентов — *обня́лся*, на основе 96 %, причем 92 % из них на корне глагола — *обня́лся*, а 4 % на префиксе — *о́бнялся*;
- у глагола *наняться*, как и у описанного выше глагола *обняться*, на практике возникло 3 возможных формы акцентного употребления в мужском роде прошедшего времени: *наня́лся*, *наня́лся* и *на́нялся*; постфикс -ся оказался ударен в 4 % случаев — *наня́лся*, основа ударна на корне в 13% случаев — *наня́лся* и на префиксе в 83% случаев употребления — *на́нялся*;
- в глаголе *подняться* ударение на постфиксе -ся поставили 12,5% респондентов — *подня́лся*, на основе 87,5 % — *подня́лся*;
- глаголы *собраться* и *взяться* 100 % респондентов употребили с ударением на основе — *собра́лся* и *взя́лся*.

Результатом устного опроса является следующее:

- в глаголе *запереться* ударение на постфиксе -ся поставили 26 % респондентов — *заперся́*, на основе (префиксе глагола) 74 % — *за́перся*;
- глагол *обняться* с постфиксальным ударением употребили всего 9 % респондентов — *обня́лся*, остальные 91 % опрошенных выбрали как правильный вариант наосновное ударение: 72 % случаев корневое — *обня́лся*, 19 % случаев префиксальное — *о́бнялся*;
- акцентные варианты глагола *наняться* распределились так: *наня́лся* — 6 % респондентов, *наня́лся* — 33 % опрошенных, *на́нялся* — 61 % респондентов;
- в глаголе *подняться* ударение на постфиксе -ся поставили 17 % респондентов — *подня́лся*, на основе 83 % — *подня́лся*;
- глагол *собраться* 94 % респондентов употребили с ударением на корне глагола — *собра́лся*, 6 % опрошенных с ударением на постфиксе -ся — *собрался́*;
- у глагола *взяться* корневое ударение оказалось ударным, как и в письменном эксперименте, в 100 % случаев — *взя́лся*.

¹¹ Резниченко 2005, 86, 218, 365, 413, 523, 713.

Суммируя результаты письменного и устного опроса, можно сделать следующие выводы:

- подавляющее большинство респондентов (92 %) предпочли постфиксальному ударению наосновное в возвратных глаголах в форме мужского рода прошедшего времени, образованных от невозвратных глаголов с подвижным ударением, что указывает на ярко выраженную тенденцию завершения переноса ударения с постфикса -ся на основу (корень либо префикс в некоторых глаголах) в речи молодых москвичей;

- ударение на постфиксе -ся в исследуемой глагольной группе может считаться окончательно устаревшим не только в глаголах *собра*□*лся* и *взя*□*лся*, но и в тех глаголах, единственным нормативным или предпочтительным ударением в которых является именно постфиксальное ударение: *заперся*□, *обнялся*□, *нанялся*□, *поднялся*□;

- глагол *запереться*, в котором одни источники допускают акцентную вариативность¹², а другие отмечают единственный нормативный вариант ударения на постфиксе -ся¹³, 79 % опрошенных употребили с префиксальным ударением — *за*□*перся*, показав тем самым почти завершившийся переход к употреблению наосновного (префиксального) ударения в данном глаголе, причиной которого, по мнению автора, послужило выравнивание ударения по аналогии с формой мужского рода прошедшего времени соответствующего невозвратного глагола — *за*□*пер*;

- в глаголе *обняться* 93 % респондентов выбрали наосновное ударение, из них 81 % случаев — корневое *обня*□*лся* и 12 % — префиксальное *о*□*бнялся*; в то время как грамматические и словарные источники признают в данном глаголе либо равноправность вариантов ударения на постфиксе и основе¹⁴, либо основное нормативное ударение — на корне, устаревшее — на постфиксе¹⁵, либо до сих пор единственное нормативное ударение — на постфиксе¹⁶; таким образом, префиксальное ударение, которое, согласно проведенным опросам, также имеет место в речи молодых москвичей, показывает существование тенденции выравнивания ударения по аналогии с такой же формой соответствующего невозвратного глагола;

- акцентные варианты глагола *наняться* сходны с вышеописанным глаголом и имеют в употреблении его москвичами 3 формы: наименее распространённую постфиксальную *нанялся*□ — 5 % опрошенных, корневую *наня*□*лся* — 23 % респондентов и наиболее предпочтительную из всех префиксальную *на*□*нялся* — 72 % опрошенных; при этом интересно отметить, что большинство словарных и грамматических источников вообще не рассматривают префиксальное ударение у данного глагола как возможное¹⁷, а в словаре И. Л. Резниченко¹⁸ данный вариант ударения упомянут как неправильный; тем не менее на основе экспериментальных данных мы можем утверждать, что высокая частотность употребления пре-

¹² Касаткин 2003, 194; Шведова 2005, 691 — 692.

¹³ Резниченко 2005, 218; Штудинер 2005, 136.

¹⁴ Касаткин 2003, 194; Резниченко 2005, 413.

¹⁵ Шведова 2005, 691.

¹⁶ Штудинер 2005, 279.

¹⁷ Касаткин 2003, 194; Шведова 2005, 691; Штудинер 2005, 250.

¹⁸ Резниченко 2005, 365.

фиксального ударения в форме мужского рода прошедшего времени также объясняется законом аналогии, а именно выравниванием ударения по форме мужского рода прошедшего времени соответствующего невозвратного глагола — *на□нял*;

- в глаголе *подняться*, у которого, согласно проанализированным источникам, возможны равноправные варианты ударения на корне и на постфиксе¹⁹ либо единственный вариант — корневой²⁰, большинство респондентов (85 %) предпочли корневое ударение — *подня□лся*;

- глаголы *собраться* и *взяться* практически все опрошенные, а именно 97 % и 100 % соответственно, употребили с корневым ударением, т.е. *собра□лся* и *взя□лся*, что отражено и во всех привлечённых для рассмотрения словарных источниках как предпочтительный акцентный вариант²¹ либо как единственно возможный²²; данный результат констатирует завершение процесса акцентных колебаний у глаголов данного типа в речи современной московской молодёжи и превращение корневого ударения в единственный нормативный акцентный вариант.

В заключение хотелось бы сказать, что для установления нормы ударения недостаточно выявить только направление акцентологических изменений, необходимо учитывать весь комплекс факторов лингвистического и стилистического, исторического и культурного характера, а также вследствие подвижности данного процесса необходимо внимательно отслеживать укрепляющиеся и возникающие тенденции в акцентуации глаголов.

ЛИТЕРАТУРА

- Касаткин Л. Л.* 2003: Фонетика современного русского литературного языка. М.
- Куракина Е. Б.* 2007: Некоторые акцентологические изменения в речи молодых москвичей на примере имен существительных // Модернизация системы профессионального образования на основе регулируемого эволюционирования: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Ч.3. Челябинск.
- Резниченко И. Л.* 2005: Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение: около 25 000 единиц. М.
- Сёмушкина Л. Н.* 2006: Культура русской устной речи: Словарь-справочник. М.
- Шведова Н. Ю.* 2005: Русская грамматика. Ч. 1. М.
- Штудинер М. А.* 2005: Словарь образцового русского ударения. М.

ACCENT SHIFTING IN POSTFIXED VERBS (PAST TENSE, SINGULAR, MASCULINE) IN THE SPEECH OF CONTEMPORARY YOUNG MUSCOVITES

Ye. B. Kurakina

The article considers accent shifting in postfixed verbs (past tense, singular, masculine) in the speech of contemporary young people in Moscow. Experimentally acquired data of verb accentuation was confirmed by vast illustrations. It reflects accent norm change in contemporary Russian prosodic system.

Key words: accent norms, variability, regressive and progressive accent.

¹⁹ Касаткин 2003, 194; Шведова 2005, 691; Резниченко 2005, 523.

²⁰ Штудинер 2005, 343.

²¹ Касаткин 2003, 195; Шведова 2005, 691.

²² Резниченко 2005, 86, 713; Штудинер 2005, 64, 453.

© 2011

Н. В. Пичугина

МОРФОЛОГО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ
АКЦЕНТОГЕННЫХ СВОЙСТВ ГЛАГОЛОВ И ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ
СО ЗНАЧЕНИЕМ ГОВОРЕНИЯ И ЗВУЧАНИЯ

Статья посвящена проблеме акцентуации русского глагола. Анализ акцентогенных свойств глаголов и глагольных форм со значением говорения и звучания проведен с учетом степени выраженности акустических факторов.

Ключевые слова: акцент, акцентуация, ударение, выделенность, глагол.

В статье излагаются результаты наблюдений за механизмом взаимодействия акцентного выделения (повышенной акцентной отмеченности) и значения глагольного слова, его акцентогенности — акцентно-порождающего свойства, обусловленного семантическими особенностями единиц морфологической структуры слова.

Сведения об общих закономерностях фразовой акцентуации некоторых грамматических классов слов имеются в ряде работ отечественных исследователей: Т. М. Николаевой, Н. Д. Светозаровой, А. В. Павловой, Т. М. Скориковой и др. Однако этот аспект исследования остается наименее разработанным в лингвистике.

Проблема соотношения акцентной структуры слова с морфологической точки зрения описана в работах Л. Г. Зубковой, явившихся существенными для дальнейшего изучения проблемы взаимоотношения между планом выражения и планом содержания в языке, осознания невозможности изучения фактора акцентуации без опоры на сущностные свойства языка вообще. Ударение оформляет слово одновременно и как определенный тип связи морфем, и как синтаксически неделимую составную часть предложения-высказывания¹.

В работе учитываются два фактора:

1) наличие морфологизованного ударения, которое выделяет в слове не слог, а морфему, для чего наряду с просодическими средствами используются качественные характеристики; морфологизованное ударение обычно семасиологизовано, то есть обладает словоразличительной функцией;

2) рассматриваются временные категории мгновенности совершения действия и акцентной выделенности. На акустическом уровне акцентное выделение характеризуется резким изменением тона (углом падения), тесно связанным с временным параметром (согласуется с семантикой мгновенности, неожиданности), в совокупности с расширенным (в разной степени) интервалом изменения тона и увеличенной громкостью. Таким образом, разная степень проявления на акустическом уровне соответствует разной степени важности выделяемого элемента структуры слова (морфемы).

Пичугина Наталья Викторовна — соискатель кафедры современного русского языка Московского педагогического государственного университета. E-mail: pichugina.natalya2011@mail.ru

¹ Зубкова 1991, 6–7.

В связи с этим принципиален подбор экспериментального материала. В первую группу мы отнесли односложные слова типа *бряк, шмяк*, в которых слог совпадает с семой мгновенности, разовости, неожиданности. Эти глагольные формы выступают в предложении в функции глагольного предиката.

Ко второй группе относятся глаголы совершенного вида, имеющих видовые корреляты (*бухнуть-бухать*), морфемная структура которых включает лексически значимую корневую морфему. Суффикс *-ну-* является не только показателем совершенного вида, но и вносит дополнительную семантику мгновенности, разовости, неожиданности. Акцентно маркируется семантически нагруженная корневая морфема (ударение падает на корневую морфему) — смысловый центр слова, так как эти слова соотносятся с глагольно-междометными формами (*завкнуть-завк, бухнуть-бух* и т.п.). Сильная степень выделения просодических средств достигается за счет того, что корень обозначает ультрамгновенное действие и суффикс вносит дополнительное значение разовости, мгновенности, неожиданности.

К третьей группе глаголов относятся также глаголы совершенного вида (*ругнуть, критикнуть*), но структура которых включает ударный суффикс *-ну-*, в семантике которого заключена сильная степень разовости, мгновенности и неожиданности, а также глагольные формы с суффиксом *-ану-*, образованные от глаголов совершенного вида, которые обозначают однократный способ действия мгновенного, интенсивного, неожиданного характера с оттенком ироничности (долбануть, сказануть).

В четвертую группу включены одновидовые глаголы совершенного вида с корневой морфемой связанного типа, включающей в своем составе показатель временной мгновенности, неожиданности *-ну-*: типа *грянуть, хлынуть*. Чаще всего у этих слов появляются дополнительные семы интенсивности и начальной фазы действия. В этой группе с «прилипающими» друг к другу корневой и суффиксальной морфемами, каждая из значимых частей слова может передавать значение, являющееся смысловым узлом слова. Семантика глаголов этого типа осложнена высокой степенью экспрессивности. Все эти показатели в совокупности способствуют созданию особой важности глагола и высокой степенью акцентной выделенностью его ударного слога.

Методика проведения эксперимента включала в себя 4 этапа: подбор материала, проведение эксперимента с помощью различных методов, математико-статистическую обработку данных и лингвистическую интерпретацию. Результаты нашего исследования опираются на следующие методы: экспериментально-фонетический анализ, включающий программу Praat-4, полученную в лаборатории экспериментальной фонетики ИСАА при МГУ, аудиторский анализ, инструментальный анализ.

Результаты эксперимента показали, что именно вышеперечисленные формы обладают высокими акцентными показателями, в основном отличающиеся динамическим акцентом, высоким показателем ударного слога прежде всего по громкости.

Самые высокие акцентогенные показатели обнаруживают глагольно-междометные формы типа *бряк, шмяк* первой группы, которые имеют значение мгновенности, разовости, неожиданности. Вопрос о природе и статусе форм типа *бряк, бух, звяк* остается нерешенным. Эти слова не нашли своего строгого опреде-

ленного места в системе частей речи. Большинство ученых (Шахматов, Потебня, Срезневский, Пешковский, Виноградов и др.) относят их к глагольным формам. В работе рассматриваются глагольные формы, преимущественно связанные с звукоподражательными основами (*бац, бряк, бултых, бух, грох, ёк, звяк, кап, ляп, пых, скрип, стук, топ, трах, хватать, хлоп, хоп, хрусть, хрясть, чик, чмок, щёлк, шлёп*), используемые в функции глагольного сказуемого..

Высокая степень ударности обусловлена следующими причинами. Во-первых, глагольно-междометные формы обозначают ультрамгновенное действие и передают резкие, частые или стремительные движения:

1. *А кто-нибудь сдуру бухнет булыгу, она — бурк!* (Б. Екимов)

2. *Не будет больше ни Усть-Каменска, ни горластой Ангелины, ни криков «моряк с печки бряк...»* (В. Крапивин)

Многие слова образуют соотносительные ряды с глаголами совершенного вида, передающими мгновенные, стремительные действия, формально выраженные в глаголе суффиксом -ну- (*хлоп — хлопнуть, бряк — брякнуть, бух — бухнуть*).

Во-вторых, глагольно-междометные слова обладают эмоционально-экспрессивной насыщенностью. Е. Н. Прокопович утверждает, что эти слова присущи преимущественно народно-разговорной речи, и поэтому, проникая в русский литературный язык, они привносят с собой характерную для них в живой разговорной речи экспрессию, яркую модальность². Все эти слова носят разговорно-просторечную окраску:

1. *Окунь сорвался с крючка, запрыгал по траве к родной стихии и... бултых в воду!* (А. П. Чехов)

2. *Некий академик может нажать, скажем, мою трубку, и готово — я захирел и бряк кверху лапками* (В. Дудинцев).

В-третьих, глагольно-междометные слова являются усеченными формами и состоят из небольшого количества звуков, а чем короче слово, тем выше его интенсивность.

Были получены результаты в результате записи следующих двух предложений:

1. *Нет, он просто так падал. Не оборачиваясь. Так: три шага — бух на колени. Поднимаешь* (Л. Петрушевская).

2. *Явился он только под утро, в лице ни кровинки и — бух на колени* (М. Вишневецкая).

В 1 и 2 предложениях слово *бух* является глагольно-междометной формой и употребляется в функции глагольного предиката для выражения мгновенного, неожиданного действия в прошлом, для передачи быстроты и интенсивности действия («с силой, с шумом ударяться, падать»).

Особая выразительность, экспрессивная напряженность, эмоциональная емкость форм типа *шмыг, бултых*, их несомненная стилистическая маркированность, приуроченность к определенным сферам речи, специфическая неполнота грамматической парадигмы — все особенности указывают на то, что данная груп-

² Прокопович 1969, 38.

па образований стала в русском языке средством выражения особой категории — категории субъективной оценки действия³.

По данным, полученным в ходе экспериментально-фонетического исследования, можно утверждать, что глагольно-междометные формы, употребленные в функции глагольного предиката (1, 2 предложение) обладают высокой степенью ударности. Интенсивность ударного слога составляет свыше 70 ДБ при средней интенсивности 50 ДБ; частота основного тона ударных слогов составляет от 275 до 350 Гц при средней частоте 200 Гц. Во втором предложении у слова *бух* более высокий угол падения и интервал ЧОТ, так как содержится во втором предложении большая экспрессивная пауза

Рассмотрим результаты экспериментальной записи со словами второй группы. К этой группе глаголов относятся глаголы совершенного вида со значением мгновенности, разовости, неожиданности. Максимальная степень ударности глаголов совершенного вида со значением однократности связана с характером семантики глагольного действия, допускающим достижение внутреннего абстрактного предела действия для этих глаголов (*брякнуть, звякнуть*): *И Егор тоже с силой звякнул свой фужер (В. Шукшин)*.

Формальным показателем наибольшей степени ударности глагола со значением мгновенности и разовости является суффикс *-ну-* (*ляпнуть, пискнуть, крикнуть*), который и придает глаголу значение однократности и неожиданности. Семантика корневой части слова имеет значение процессуальности, протяженности: *Буфетчик протиснулся в дверь, пискнул «до свиданья» и пошел, как пьяный (М. А. Булгаков)*.

Нужно отметить, что в глаголах со значением звука и говорения на высокую степень ударности влияет место ударения в слове. Глаголы с безударным суффиксом *-ну-* имеют высокие акустические показатели обнаруживают глаголы (*булькнуть, гавкнуть, хрустнуть, крикнуть, взвизгнуть*):

«Многолиналивилналимов...» — отлетело эхо от того берега, что-то булькнуло в воде, и не было больше ни вспышки (Ю. Коваль).

Интенсивность ударных слогов таких слов составляет 55–65 ДБ при средней интенсивности 50 ДБ, частота основного тона составляет от 230 до 250 Гц при средней частоте 200 Гц. Эти ударные слоги характеризуются большими углами падения по сравнению с формами несовершенного вида и более высокими интервалами ЧОТ.

Рассмотрим результаты эксперимента слов третьей группы. Интенсивность и показатели частоты основного тона чуть выше средних показателей. К этой группе относятся глаголы с ударным суффиксом *-ну-* (*громыхнуть, ругнуть, критикнуть*). В этом случае глаголы осложнены показателями длительности, и сам ударный суффикс дает значение разовости, в семантике (корневой части) слова не заключено значение неожиданности и мгновенности. *Впереди громынуло, поднялся столб пламени, впечатление было, что разорвалось судно (Л. И. Брежнев)*.

В русском языке также встречаются глагольные формы с суффиксом *-ану-*, образованные от глаголов совершенного вида и обозначают однократный способ действия, мгновенного, интенсивного, неожиданного характера с оттенком иро-

³ Заиконникова 2006, 156.

ничности. В эту группу попадают такие глаголы со значением звука и речи, как *долбануть, шугануть, сказануть, стрекануть, шикануть, щелкануть, хлестануть, тряхануть, рубануть*: *Про отпуск же кто-то сказанул, и душа отнялась* (О. Павлов).

Экспериментально-фонетическое исследование показало, что слова четвертой группы также имеют высокие акцентные показатели. Эти глаголы обладают конститутивными признаками мгновенности и не имеют пары по виду с суффиксом -ну-: глаголы *грянуть, хлынуть*. Значение мгновенности и разовости заключено в семантике слов, так как у них нет видового соответствия со значением многократности.

Рассмотри эти слова в контексте:

1. Дождь грянул песню (Д. Рубина).
2. Дождь хлынул ночью в канун предсказанного Степановной дня (Е. Парнов).

Эти глаголы проявляют наиболее высокие акцентные показатели, так как они семантически нагружены. Кроме основного значения (*грянуть* — «разразиться, неожиданно начаться»; *хлынуть* — «начать литься с силой, с потоком»), у них присутствует дополнительная сема мгновенности и неожиданности, которая и дает глаголам высокие акцентные показатели. Интенсивность ударных слогов составляет свыше 60 ДБ при средней интенсивности 50 ДБ, частота основного тона составляет от 250 до 270 Гц при средней частоте 200 Гц. Эти ударные слоги характеризуются большими углами падения и высокими интервалами ЧОТ.

Итак, акцентное выделение глаголов и глагольных форм со значением говорения и звучания тесно связано с временным параметром, согласуется с семантикой мгновенности, разовости, неожиданности. Данное экспериментально-фонетическое исследование является перспективным для совершенствования русской фонетики.

ЛИТЕРАТУРА

Заиконникова Т. П. 2006: К вопросу о природе и статусе форм типа «прыг» в русском языке // III Международные Бодуэновские чтения / И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания. Казань. Т. 1., 155–157.

Зубкова Л. Г. 1991: Словесное ударение в характерологическом, конститутивном и парадигматическом аспектах // Вопросы языкознания.

Прокопович Е. Н. 1969: Стилистика частей речи (глагольные словоформы). М.

MORPHOLOGICAL AND SEMANTIC MOTIVATION OF ACCENTOGENIC PROPERTIES OF VERBS AND VERB FORMS OF SPEAKING AND SOUNDING

N. V. Pichugina

This article is devoted to Russian verbs accentuation. The analysis of accentogenic properties of verbs and verb forms of speaking and sounding is done with regard to the degree of acoustic factors explicitness. .

Key words: accent, accentuation, stress, prominence, verb.

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

© 2011

Н. А. Хуббитдинова

БАШКИРСКИЙ ЭПИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И МАРИЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ: К ОСОБЕННОСТЯМ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАРОДНОГО ЭПОСА

В статье Н. А. Хуббитдиновой «Башкирский эпический сюжет в русской литературе и марийском фольклоре: к особенностям интерпретации народного эпоса» рассматриваются особенности эволюции народного эпоса в свете изучения проблемы трехсторонних литературно-фольклорных взаимосвязей и взаимообогащений народных культур на примере башкирско-русско-марийских связей.

Ключевые слова: башкирский эпос, башкирская повесть, марийская легенда, русская литература, литературная интерпретация, литературно-фольклорные взаимосвязи.

Каждый жанр как предмет эстетики является неповторимым феноменом искусства слова. Существуют определенные эстетические критерии литературной обработки сюжетов устно-поэтического творчества, которые обусловлены жанровым своеобразием фольклорного произведения. Отсюда со всей очевидностью вытекает необходимость как можно полнее разобраться в сути самого первоисточника. В нашем случае речь идет о башкирском народном эпосе «Кузыйкурпес и Маян-хылу», на основе которого Тимофеем Беляевым (1786–1846) была создана литературная ее версия «Куз-Курпяч, башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведены на российский в долинах гор Рифейских, 1809 года» (Казань, 1812).

В эпосе, как известно, художественно отображены исторические события из жизни рода, их обычаи, традиции, предрассудки и суеверия, поэтически выражены смелость и удаль батыров — народных героев, воспета девственная красота и неповторимость природы родного края. Героическое начало в эпосе переплетается с народной мудростью, моралью, красноречивым языком, богатым внутренним миром и философичностью ума.

По мнению ученых, эпос начал складываться в период разложения родоплеменного строя, в нем отражались мировоззрения людей их верования и познания¹. А некоторые «образцы развитого эпоса непосредственно вырастают из архаического эпоса, как из первоначального ядра, путем постепенной трансфор-

---

Хуббитдинова Нэркэс Ахметовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: narkas08@mail.ru

¹ Мэргэн 1961, 28.

мации, обработки произведений архаической эпикки»². В последнем исторические события переплетаются с мифологической фантастикой. Хотя обычно эпический герой изображается непомерно сильным физически, все же в достижении некой цели ему помогают положительные мифические персонажи.

Эпос как плод народного творчества, раз возникнув, не застывает на месте. Он привлекает своей жизнеутверждающей силой, гибкостью, актуальностью во все времена. В этом процессе приоритетная роль принадлежит народным сэсэнам — творчески одаренным личностям, обладающим импровизаторским даром, ярким и пронизательным умом, глубоким духовным богатством, тонкой наблюдательностью. Одни из них слагали песни и кубаиры³, в которых воспевали героическое прошлое народа. Другие же, творчески обработав и обновив древние эпические памятники, исполняли и популяризировали их среди народа, не давая им исчезнуть.

Таким же путем популяризовалось известное эпическое произведение «Кузыйкурпес и Маянхылыу», варианты которого были широко распространены среди башкир, татар, алтайцев, казахов. Если в устном варианте эпос получил широкое распространение благодаря активной творческой деятельности певцов-импровизаторов — сэсэнов и самого народа, то в более поздние времена свой вклад в увековечение эпического памятника вносили писатели. Они подвергали фольклорный сюжет литературной интерпретации, художественно обогащали, вкладывали в них определенные идейно-эстетические цели и задачи и т. д.

В этом плане огромный интерес представляет творчество неизвестного в русском литературном кругу доморожденного писателя-делитанта, «грамотея» Т. Беляева, крепостного крестьянина крупного помещика в Оренбургской губернии Н. И. Тимашева, под влиянием и руководством которого подверг литературной обработке популярный среди тюркских народов эпос «Кузыйкурпес и Маянхылыу». Опубликованная в последствии книга «Куз-Курпяч, башкирская повесть...» также приобрела широкую известность теперь уже среди читающей русской аудитории, о чем свидетельствует тот факт, что этим сюжетом заинтересовался А. С. Пушкин. Можно предположить, что поэт был знаком с печатным изданием эпоса-«башкирской повести». Потому что, как утверждает М. Г. Рахимкулов, «...едва ли Пушкин-лицеист, отличавшийся большой любознательностью и необычайной широтой литературных интересов, мог оставить без внимания эпическое произведение из жизни малоизвестного народа»⁴. Это, по-видимому, произошло во время поездки А. С. Пушкина по Южному Уралу и Оренбуржью осенью 1833 года в целях сбора фактического материала для своей знаменитой «Истории Пугачева». Во время путешествия поэт мог услышать известный эпос и попросить записать для него краткое изложение сюжета. Текст эпоса с пометками на полях хранится в фондах библиотеки Пушкинского Дома. Следует отметить, что в XIX в. усиливается интерес передовой русской интеллигенции, исследователей, писателей к инациональному фольклору, башкирскому в частности. После «башкирской повести» простого крестьянина — тимашевского дворового «по-

² Мелетинский 1986, 24.

³ Кубаир — лиро-эпический жанр башкирского фольклора, семисложное поэтическое произведение.

⁴ Пушкин 1989, 438.

эта» Т. Беляева, позже В. И. Даль заинтересовался другим эпическим памятником башкир — «Заятуляк и Хыу-хылыу», перевел его на русский язык и с некоторыми дополнениями в 1843 г. издал под названием «Башкирская русалка» в журнале «Москвитянин» (№ 1. С. 97–119). Ранее революционер-демократ П. М. Кудряшев, возглавляющий в 20-х гг. в Оренбурге тайное революционное общество, в разные годы в литературных изданиях («Сыны Отечества», «Вестник Европы») издавал этнографические материалы и литературные сочинения на башкирскую тематику («Предрассудки и суеверия башкирцев», «Абдряш, баширская повесть», поэма «Абдрахман», цикл песен об участии башкир в Отечественной войне и т. д.). В целом, как видим, интерес русских писателей к эпическому наследию башкирского народа был огромен. Печатные издания фольклорных произведений во многом способствовали их сохранности и широкой популяризации.

Усиление общественно-политических, экономических взаимосвязей между народами приводило к взаимообогащению духовных ценностей. Если изначально древний эпос сохранился в памяти одного этноса, традиционно передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение, затем его отдельные версии распространились и среди соседних родственных народов (в частности тюркских), то второе свое рождение и увековечение он получил в инациональной литературе, порождая тем самым русско-башкирские литературно-фольклорные взаимосвязи в данном случае. Однако жизнеутверждающая сила эпоса этим не ограничивается. Пережив сложное литературно-художественное перерождение, он, преобразовавшись, обновившись в идейно-эстетическом плане согласно творческой индивидуальности автора и современной эпохи, вновь становится достоянием народа, но также иной этнической принадлежности.

Другими словами, русско-башкирские литературно-фольклорные взаимосвязи породили почву для зарождения этих связей с другими народами Урало-Волжского региона. Сюжет повести Т. Беляева «Куз-Курпяч» полностью или частично отразился в марийской легенде о Зеиле (Сылу), пережив своеобразную национальную интерпретацию. В основе легенды также лежит сюжет о несчастной любви двух влюбленных, хотя у Беляева финал счастливый. Однако присутствие в легенде схожих образов «чудища» Мяскай и Дью-пяри позволяют предполагать, что марийский памятник создан на основе «Куз-Курпяча, башкирской повести» Беляева. Следует сказать, что в вариантах версий известного башкирского народного эпоса эти мифические персонажи отсутствуют, они являются плодом индивидуального творчества Беляева. Также под Мяскаем в марийской легенде выступает не женщина-ворожея, колдунья, как мы наблюдаем в беляевской версии, а медведь, так как «марийские сказители из-за прямого восприятия слова <...> Мяскай превратился в медведя. Это произошло, по-видимому, потому что Мяскай — по-марийски Медведище (маска — медведь, маскай — уменьшительно-ласкательное от этого слова)»⁵.

Следовательно, мы стали свидетелями трехсторонних литературно-фольклорных — башкирско-русско-марийских — взаимосвязей, взаимообогащений, когда народный эпос, претерпев литературную обработку, авторскую интерпретацию, вновь возвращается народу, став его, причем совершенно другого этноса, эпиче-

⁵ Васин 1983, 218

ским преданием. Это еще раз подтверждает тезис о гибкости и устойчивости эпоса, о его жизнеутверждающей силе, значимости и актуальности во все времена для многих народов.

ЛИТЕРАТУРА

Васин К. К. 1983: Марийские версии тюркоязычных эпосов «Алпамыш», «Баян-слу» и «Козы-Корпеш» // Взаимовлияние и взаимообогащение культур народов СССР / З. Г. Абдуллин (ред.). Казань, 214–219.

Мэргэн К. 1961: Эпические памятники башкирского народа. Уфа.

Мелетинский Е. М. 1986: Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.

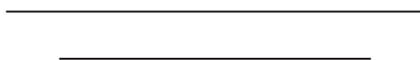
Пушкин А. С. 1989: История Пугачева: комментарий // Башкирия в русской литературе / М. Г. Рахимкулов (сост., авт. ком.). Т. 1. Уфа, 435–453.

BASHKIR EPIC PLOT IN RUSSIAN LITERATURE AND MARI FOLKLORE (PECULIARITIES OF FOLK EPOS INTERPRETATION)

N. A. Khubbitdinova

The article deals with peculiarities of folk epos evolution in the context of trilateral literature and folklore relations, and mutual enrichment of ethnic cultures. An example of this type of the process is provided by Bashkir, Russian, and Mari interrelations.

Key words: Bashkir epos, Bashkir narrative, Mari legend, Russian literature, literary interpretation, literature and folklore interconnection.

© 2011

А. И. Фатхутдинова, Э. Ф. Сафина

ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОР В ЭТНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИНАЦИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ (ПО ДАННЫМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН)

Современный Башкортостан – республика с динамичными этнонациональными процессами, среди которых заметное место занимают этноязыковые процессы. Исторические факторы развития региона предопределили формирование и взаимодействие на его территории представителей трех языковых групп – финской, тюркской и славянской. Проведенные этносоциологические исследования выявили высокий уровень этнического самосознания и значимую роль языкового фактора в его формировании и функционировании, особенно в процессе этнической социализации молодого поколения. Несмотря на это, было установлено, что в городах русский язык все больше используется во внутрисемейном общении башкир и татар, особенно среди детей. Следовательно, этноязыковая социализация подрастающего поколения в городах происходит в основном на русском языке.

Ключевые слова: этноязыковые процессы, социализация, родной язык, языковая компетенция, языковые ориентации, этническая идентичность, этноинтегрирующая функция языка.

Современный Башкортостан — республика с динамичными этнонациональными процессами, среди которых заметное место занимают этноязыковые процессы. Исторические факторы развития региона предопределили формирование и взаимодействие на его территории представителей трех языковых групп — финской, тюркской и славянской. В Башкортостане, население которого по переписи 2002 г. состоит из башкир (29,9 %), татар (24,1 %), русских (36,3 %), чувашей (2,7 %), марийцев (2,7 %) и др.¹, наиболее отчетливо выделяются процессы развития и взаимодействия языков данных этносов на фоне таких общемировых процессов, как глобализация и этническое возрождение.

В свою очередь, в век глобализации и урбанизации возникает проблема сохранения родного языка. Однако необходимо отметить, что среди ученых нет единого, однозначного мнения относительно понятия «родной язык». Одни полагают, что родным следует считать язык матери, другие — язык, на котором человек думает. Существует также мнение, что родным следует считать тот язык, «который считает родным сам опрошиваемый, или тот, которым опрошиваемый лучше владеет или чаще употребляет»². Согласно мнению других, родной язык — тот, на котором человек научился говорить. Данное утверждение в целом согласуется со

Фатхутдинова Айгуль Ильясовна — аспирантка, младший научный сотрудник отдела этнополитологии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН. E-mail: aygul_kamila@mail.ru

Сафина Элина Фаилевна — аспирантка Башкирского государственного университета. E-mail: sunny_elianna@mail.ru

¹ Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав населения Республики Башкортостан 2006, 18.

² Арутюнян 1973, 271.

статистическим критерием «материнского» языка, так как социализация ребенка в семье осуществляется в основном матерью³. Общепринятым считается мнение, согласно которому понятие «родной язык» определяется этнической принадлежностью, культурной общностью и психологическим складом. Следовательно, «родной язык», являясь этнопсихологическим признаком, оказывается зависимым от целого ряда признаков. В этом случае сложно выделить один-единственный признак, который бы определил данное понятие. Скорее всего, это должен определить каждый человек для себя сам.

Итоги этносоциологических опросов показывают, что абсолютное количество башкир (86,0 %) считают родным башкирский язык, 11,1 % – татарский, и лишь 2,5 % — русский⁴. Среди татар доля признавших родным язык своей национальности немного выше — 90,1 %, хотя следует заметить, что доля лиц, отметивших в качестве родного русский, по сравнению с башкирами 3,5 раза больше. Однако среди татар доля тех, которые считают башкирский язык родным, составляет очень незначительную часть — всего лишь 1,9 %. Данные этносоциологических исследований позволяют утверждать, что в таких случаях единого критерия при выборе родного языка не существует. Предпочтение может отдаваться как языку матери, так и языку отца. Вероятно, это зависит от многих факторов психологического плана. Но важно одно — на языковую социализацию весьма заметное влияние оказывает общение детей со своими близкими родственниками.

Таблица 1

ПРИЗНАНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА У БАШКИР И ТАТАР*

Языки	Башкиры	Татары
Башкирский	86,0 %	1,9 %
Русский	2,5 %	7,5 %
Татарский	11,1 %	90,1 %

* Таблица составлена по данным опроса 2002 г.

Интересным фактом является признание родным языка, не совпадающего с базовым языком своего этноса, в данном случае русского языка. К примеру, 2,5 % башкир и 7,5 % татар в качестве родного признали русский язык, тем самым подтверждая тезис о приобщении нерусских народов к русскому языку. При этом татары более подвержены языковой ассимиляции, нежели башкиры, так как у представителей татарской национальности этот показатель выше на 5 % (см. табл. 1).

Этот показатель в какой-то степени отвечает на вопрос о языковой ориентации опрошенного населения Башкортостана. Установлено, что выбор родного языка детерминирован реальной речевой деятельностью и языковой компетентностью. В свою очередь, как отмечают в своих исследованиях ряд ученых, языковая компетентность взаимосвязана с языковой ориентацией⁵.

³ Галлямов 1996, 111.

⁴ Этносоциологический опрос в Республике Башкортостан по исследовательскому проекту «Межнациональные отношения в Республике Башкортостан» 2002.

⁵ Исхакова 2001, 39.

Из всех опрошенных башкир 79,4 % сообщили о свободном владении языком своей национальности, но в то же время 14,3 % респондентов признали, что они говорят на башкирском языке с некоторыми затруднениями или с большим трудом.

Таблица 2

УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ БАШКИРСКИМ ЯЗЫКОМ (%)*

Варианты ответов	Башкиры	Татары
Думаю	17,8	5,8
Свободно говорю	61,6	18,2
Говорю с затруднениями	10,2	15,7
Говорю с большим трудом	4,1	9,0
Совсем не говорю	6,3	51,3

* Таблица составлена по данным опроса 2002 г.

А вот респонденты-башкиры, которые совсем не говорят на языке своей национальности, составили более 6 % опрошенных, тогда как доля башкир, не говорящих на русском языке, оказалось всего лишь 0,6 % (см. табл. 2). Доля свободно владеющих русским языком среди башкир составляла 80,3 %, а среди татар — 85,4 %, что также коррелирует с данными переписи населения 2002 г.⁶

Среди респондентов татарской национальности почти половина опрошенных отметили, что они в той или иной степени владеют башкирским языком. А почти четверть татар признали, что владеют башкирским языком также хорошо, как своим родным.

Таблица 3

УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ ТАТАРСКИМ ЯЗЫКОМ (%)*

Варианты ответов	Башкиры	Татары
Думаю	5,7	20,6
Свободно говорю	32,4	60,8
Говорю с затруднениями	24,4	12,3
Говорю с большим трудом	6,7	3,1
Совсем не говорю	30,8	3,2

* Таблица составлена по данным опроса 2002 г.

Среди башкир доля лиц, не владеющих и не разговаривающих на татарском языке, составила немногим менее одной трети (30,8 %). Итоги этносоциологического опроса выявили, что 81,4 % татар свободно владеют языком своей национальности, а 15,4 % уверены, что они в той или иной степени могут изъясняться на родном для них языке. Лишь для небольшой части (3,2 %) татар язык своей национальности остается недоступным и незнакомым (см. табл. 3).

⁶ Этносоциологический опрос в Республике Башкортостан по исследовательскому проекту «Межнациональные отношения в Республике Башкортостан» 2002.

Таблица 4

УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ (%)*

Варианты ответов	Башкиры	Татары
Думаю	16,2	17,4
Свободно говорю	64,1	68,0
Говорю с затруднениями	16,8	11,9
Говорю с большим трудом	2,2	2,4
Совсем не говорю	0,6	0,2

* Таблица составлена по данным опроса 2002 г.

Как выяснилось в ходе опроса, значительная часть башкир (16,2 %) и татар (17,4 %) сообщила, что думают на русском языке, а 64,1 % башкир и 68,0 % татар указали свободное владение им (см. табл. 4). Всего лишь менее 1 % как башкир, так и татар, как показали итоги исследования, совсем не говорят на русском языке. Таким образом, абсолютное большинство респондентов башкирской и татарской национальности в той или иной мере владеют русским языком.

Преимущество родного языка состоит в том, что он изучается первым⁷. Подчеркивая значение фактора порядка изучения языков, У. Вайнрайх пишет: «Быть изученным первым — настолько большое преимущество, что язык, который усваивается первым, т. е. “родной язык”, уже по самому определению обычно считается доминирующим»⁸.

Таблица 5

ПЕРВЫЙ ЯЗЫК РЕСПОНДЕНТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ НАЦИОНАЛЬНОСТИ
(В % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ)*

Языки	Башкиры	Татары
Башкирский	75,2	1,5
Русский	10,8	17,2
Татарский	14,0	80,4

* Таблица составлена по данным опроса 2002 г.

Этносоциологическое исследование показало, что 86,0 % башкир в качестве родного признают язык своей национальности. Для 75,2 % респондентов башкирский стал первым языком, на котором они начали разговаривать. Для определенной части башкир (14,0 %) первым языком стал татарский, а для каждого десяти из ста им был русский. 80,4 % татар признали в качестве первого (материнского) языка, на котором они научились говорить, язык своей национальности; это превышает отмеченный показатель среди башкир на 5 %. Значительную часть татар (17,2 %) можно отнести к русскоязычному населению, поскольку для них первым языком стал русский. И лишь для 1,5 % татар таковым является башкирский язык (см. табл. 5). При этом незначительная часть (5–6 %) городских башкир и татар в детстве общалась на смешанном башкирско-русском, татарско-русском или же

⁷ Майоров 1998, 83.

⁸ Вайнрайх 1979, 133.

национально-русском языке⁹. Осознание своей этнической принадлежности — одно из самых очевидных проявлений этнического самосознания. По данным ученых, занимавшихся проблемами этнической идентификации, у детей из смешанных семей выраженность этнического самосознания ниже, чем у их сверстников из мононациональных семей¹⁰.

Данные опроса подтверждают, что в городах русский язык все более активно вторгается в повседневную жизнь башкирских и татарских семей. Это особенно ярко выражено у детей. Следовательно, этноязыковая социализация подрастающего поколения происходит в основном на русском языке.

Необходимо отметить, что в Башкортостане наблюдается обратно-пропорциональная зависимость между употребляемостью русского языка в зависимости от возраста. Чем меньше возраст, тем шире используется русский язык в повседневной жизни. В разговорах со старшим поколением (бабушками по линии матери и по линии отца) русский язык звучит чрезвычайно редко: среди башкир, соответственно, 3,5 % и 4,8 %, а среди татар — 9,4 % и 9,2 %. Каждый десятый башкир и без малого каждый пятый татарин назвали первым языком, на котором они начали разговаривать, русский язык, что соответствует третьему месту в ранговой иерархии из 10 позиций. Четвертое и пятое места в ней заняли, соответственно, 12,7 % башкир, которые общаются с матерью на русском языке, и 14 % башкир, общающихся на нем с отцом. Среди татар удельный вес общения на русском языке с матерью и отцом составил, соответственно, 19,4 % и 20,3 %. Вне семьи употребление русского языка заметно возрастает, достигая у башкир 27,6 % в общении с близким другом и 40,3 % с коллегами. Среди татар русский язык употребляется еще чаще. С близким другом разговаривают по-русски 41,9 %, с коллегами — 55,2 % татар¹¹.

Таким образом, результаты этносоциологического исследования, проведенного в Республике Башкортостан в 2002 г., подтверждают тезис о более высоком уровне владения русским языком нерусскими народами, нежели об их владении своим родным, что наглядно проиллюстрировано на примере башкир и татар. При этом большая часть опрошенных (и башкиры, и татары, и русские) склонна идентифицировать родной язык со своей национальной принадлежностью. Почти столько же информантов главным критерием при определении родного языка сочли язык родителей и близких родственников. Лишь незначительная часть опрошенных признала родным язык раннего детства, то есть язык, на котором впервые начала говорить.

Указанное исследование выявило высокий уровень этнического самосознания и значимую роль языкового фактора в его формировании и функционировании, особенно в процессе этнической социализации молодого поколения. В свою очередь, этническая идентичность влияет на формирование отношения к родному языку, к другим этническим ценностям. С понижением значимости языка происходит компенсирующее усиление этноинтегрирующей функции других компонентов этнического самосознания¹².

⁹ Сафин 2000, 64.

¹⁰ Титова 1999, 60.

¹¹ Губогло 2003, 171.

¹² Исхакова, Зинурова, Мусина 2002, 53.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнян Ю. В. (ред.)* 1973: Социальное и национальное: опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.
- Вайнрайх У.* 1979: Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев.
- Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав населения Республики Башкортостан. 2006. Уфа.
- Галлямов Р. Р.* 1996: Многонациональный город: этносоциологические очерки. Уфа.
- Губогло М. Н.* 2003: Русский язык и толерантность. М.
- Исхакова З. А.* 2001: Двужычие в городах Татарстана (1880–90-е годы). Казань.
- Исхакова З. А., Зинурова Р. И., Мусина Р. Н.* 2002: Современная этноязыковая ситуация в Республике Татарстан. Казань.
- Майоров А. П.* 1998: Социальный билингвизм и языковое пространство. Уфа.
- Сафин Ф. Г.* 2000: Этноязыковые процессы в Башкортостане в XX столетии. М.
- Титова Т. А.* 1999: Этническое самосознание в национально-смешанных семьях. Казань.

LANGUAGE FACTOR IN YOUTH ETHNIC SOCIALIZATION
IN A MULTINATIONAL REGION
(BASED ON ETHNOSOCIOLOGICAL STUDY IN BASHKORTOSTAN)

A. I. Fatkhutdinova, E. F. Safina

Modern Bashkortostan is a republic with dynamic ethnic processes with prominent ethnolinguistic ones. The formation of three linguistic groups (Finnish, Turkic and Slavonic) and interaction of their representatives of on the territory of Bashkortostan was predetermined by historical factors of the region development. Ethnosociological study brought out a high level of ethnic consciousness and a significant role of the linguistic factor in its formation and functioning, especially in the process of ethnic socialization of the young generation. Nevertheless, it was established that the Russian language in cities is more and more actively used in Bashkir and Tatar families, especially among children. Thus, ethnolinguistic socialization of the rising generation in cities is largely taking place on the basis of the Russian language.

Key words: ethnolinguistic processes, socialization, mother tongue, linguistic competence, linguistic guidelines, ethnic identity, linguistic integrant factor.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

© 2011

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ УРБАНИЗАЦИИ» (Магнитогорск, 10–11 декабря 2010 г.)

10–11 декабря 2010 г., в юбилейный год 80-летия закладки первого здания Социалистического города Магнитогорска, в Магнитогорском государственном университете состоялась международная научная конференция «Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации», которая была организована историческим факультетом МаГУ, Уральской государственной архитектурно-художественной академией, Институтом Истории Сибирского отделения Российской Академии Наук и администрацией города Магнитогорска. В ее работе приняли участие около 50 ученых-историков и архитекторов из России, Белоруссии, Германии, Нидерландов.

На пленарном заседании с приветственным словом к участникам конференции обратились ректор МаГУ *В. П. Семенов* и представители администрации г. Магнитогорска. С ответным словом выступили президент Российской академии архитектуры и строительных наук *А. П. Кудрявцев* (Москва) и руководитель центра архитектуры современного движения при Уральской государственной архитектурно-художественной академии *Л. И. Токменинова* (Екатеринбург). В своих выступлениях они отметили важность мероприятия как для историков, так и для архитекторов, наметили перспективы дальнейшего двустороннего сотрудничества в области изучения истории г. Магнитогорска и памятника архитектуры на территории города — первого и второго кварталов Соцгорода.

Во второй день конференции работали две секции. Первая секция «Социокультурное пространство города и горожанин как субъект урбанистической цивилизации» (председатель *А. Г. Дорожкин*) объединила преимущественно историков. Доклады были посвящены проблеме изучения социалистического города как социокультурного явления, которое существовало не только в 1930-е гг. — эпоху непосредственной реализации модели соцгорода в СССР, но и в начале XX века, когда идея соцгорода популяризировалась в социально-ориентированных кругах европейских интеллектуалов, и вплоть до настоящего времени, когда современникам приходится решать проблемы культурного наследия.

Работу первой секции открыл доклад *В. И. Меньковского* (Минск) «Советский город 1930-х гг. как объект исследования англо-американской «ревизионистской» историографии». Докладчик обобщил основные результаты англо-американской ревизионистской историографии в области изучения советского города. Особое внимание в выступлении было уделено основным этапам развития историографии и их характерным особенностям. Особый интерес вызвал анализ монографии американского историка *Стива Коткина* «Magnetic mountain: Stalinism as civilization» («Гора Магнитная: Сталинизм как цивилизация»), которая до настоящего времени была лишь фрагментарно опубликована на русском языке.

Т. П. Хлынина (Ростов-на-Дону) в своем докладе «Жизнь никогда не стояла на месте и на удивление походила на уже прошедшую: Майкоп и майкопчане в летописи социалистического строительства» определила основные вехи развития Майкопа и отметила, что периодическая повторяемость и принципиальная неразрешимость социально-бытовых проблем горожан выводили их из

разряда сугубо социалистических, придавая этим проблемам онтологическую укоренённость в повседневной жизни общества.

В докладе *Е. Ю. Дубровской* (Петрозаводск) были проанализированы повседневные практики «нового человека» в пространстве «старого города» на примере Петрозаводска. Автор пришла к выводу о том, что губернскому центру Петрозаводску и его жителям потребовалось длительное время, чтобы перейти от обстановки «военного коммунизма» к мирной жизни и адаптироваться к условиям новой экономической политики, объявленной большевистским правительством в 1921 г.

В докладе *Г. А. Петаченко* (Минск) «Повседневные практики и модели поведения советского студенчества в годы НЭПа» проанализированы уровень материального благосостояния студенчества, жилищные условия, занятость, наличие у молодежи постоянного или временного заработка. Наибольший интерес вызвала проблема организации коммун как способа повышения уровня жизни студенчества.

Доклад *В. В. Введенского* (Новосибирск) «Проблема общественного питания в городах Западной Сибири в период первых пятилеток: к вопросу о формировании городского образа жизни» посвящен изучению формирования городского образа жизни и проблемы общественного питания. Автор отметил, что в период реализации «сталинского» форсированного варианта индустриальной модернизации вопрос о способах удовлетворения потребности городских жителей в питании встал наиболее остро. Сокращение времени, затрачиваемого на удовлетворение бытовых потребностей, должно было способствовать увеличению общественно полезной нагрузки на каждого отдельно взятого человека, а также освободить от «кухонного рабства» женщин и позволить им реализовать себя в иных, не связанных с ведением домашнего хозяйства сферах деятельности.

В докладе *Н. Н. Макаровой* (Магнитогорск) «Первый в СССР чисто советский город...»: Магнитогорск в условиях реализации идеи нового социалистического города (1929–1935)» отмечалось, что в указанный период в Магнитогорске не удалось реализовать новые градостроительные концепции. Новый социалистический город должен был отличаться композиционным единством и представлять собой архитектурный ансамбль. На деле Магнитогорск строился «рывками». Вместо города-сада в Магнитогорске начали формироваться два типа городской застройки. Первый — образцовый социалистический Магнитогорск с уютными жилыми кварталами, зелеными скверами и парками, продуманной сетью социальных объектов. Второй — стихийно созданный тип городской застройки с преимущественным сохранением деревенского образа жизни. Однако каждодневные заботы горожан в так называемых «шанхях» и соцгороде не слишком отличались друг от друга в первой половине 1930-х годов.

В докладе *В. И. Исаева* (Новосибирск) «Становление урбанистической культуры проведения свободного времени у городского населения Сибири в 1920-е — 1930-е гг.» рассмотрен процесс формирования городского образа жизни у населения Сибири в условиях форсированной индустриализации. В заключение автор отметил, что в целом структура использования свободного времени горожан Сибири постепенно изменялась в сторону приобретения характера и направленности, способствующих полноценному культурному отдыху и развитию личности. Все это свидетельствовало о формировании черт индустриально-урбанистического образа жизни.

Л. П. Спасова (Магнитогорск) в докладе «Иностранцы на Магнитострое на страницах газеты “Магнитогорский рабочий” в 1930–1933 гг.» отметила, что зарубежные специалисты, тысячами приезжавшие в СССР, являлись частью советского общества. Работая в Магнитогорске, иностранцы в силу своего статуса разделяли частично или полностью тяготы жизни местного населения. Руководство страны способствовало интеграции иностранцев в советское общество, создавая им условия для профессиональной деятельности, а также для их приобщения к общественной жизни. Газета «Магнитогорский рабочий» формировала вполне дружелюбный образ иностранного рабочего или специалиста: опытного единомышленника, способного преобразить производство, активиста в работе и в общественной деятельности.

В. Н. Кучер (Москва) в докладе «Создание символа индустриализации СССР. Об общем и особенном Магнитогорского инвестиционного проекта 1930-х годов» пришел к выводу о том, что Магнитогорский металлургический комбинат и город Магнитогорск — исторический успех советской власти, за который пришлось заплатить высокую цену. Именно поэтому необходимо максимально бережно и эффективно использовать исторические преимущества комбината и города:

«С точки зрения градостроительной и социальной практики, большевики задумали осуществить воображаемый ими “соцгород”. Получилось иное образование. Но оно принято и понято людьми. А это ценнее самых заманчивых планов и вымыслов».

В докладе *А. Г. Дорожкина* (Магнитогорск) «Августовский кризис 1933 г. на Магнитке: в отражении “Магнитогорского рабочего”» были проанализированы события, развернувшиеся во властных городских структурах в связи с партийной чисткой. Докладчик отметил, что, несмотря на тенденциозность материалов, особенно связанных с «саботажем приказа наркома» и критикой прежнего заводского руководства, проницательный читатель ведущей городской газеты мог убедиться в надуманности части обвинений, предьявленных смещенным администраторам, в первую очередь, начальнику строительства Н. Г. Мышкову. В докладе предложен детальный анализ реальных и ложных обвинений в адрес руководства города и комбината. По мнению автора, вполне могли соответствовать действительности обвинения многих «отцов города» в бюрократизме и формализме. Вместе с тем многие обвинения в адрес отстраненных руководителей носили политизированный характер и не выдерживали серьезной критики.

В докладе *М. Г. Мееровича* (Иркутск) «Принудительное комплектование населения соцгородов» проанализированы основные способы перемещения и закрепления трудовых контингентов с целью формирования кадров строителей и рабочих градообразующих предприятий индустриальных городов первых пятилеток. Были рассмотрены такие способы, как командирование на новостройки номенклатурных работников; добровольный приезд рабочих на новостройки; вольный найм с последующим «добровольно-принудительным» удержанием; «добровольно-вынужденные» миграции из старых городов в города-новостройки в ходе очистки существующих городов от нетрудоустроенного населения; «распределение»; «замещающее» перемещение, осуществляемое в «приказном порядке»; подневольное перемещение раскулачиваемых крестьян («спецпереселенцы», ссыльные); принудительное перемещение в осваиваемые районы лиц, выселяемых в ходе очистки приграничной зоны; перемещение заключенных (репрессированных) технических специалистов, а также в составе контингентов концентрационных (исправительно-трудовых) лагерей; удерживание досрочно освобожденных заключенных на «закрепленном поселении»; принуждение к смене образа жизни и характера трудовой деятельности — депортации с целью закрепления кочевых народов на земле; размещение беженцев и репатриантов.

В докладе *А. Н. Макарова* (Магнитогорск) «Страна должна знать своих героев»: ударники и стахановцы Магнитогорска в советском фоторепортаже 1930-х гг.» рассматривается механизм формирования образа «нового человека» индустриальной эпохи средствами советской фотожурналистики. Автор подчеркнул, что вопреки крайней болезненности процесса адаптации вчерашнего крестьянина к условиям производства советская фотопропаганда изображала Магнитострой как кузницу кадров, где «в заводском цеху у станка рождался» советский рабочий класс. Докладчиком были выделены приоритетные приемы создания данного образа. Среди них, например, обязательное указание на крестьянское происхождение «новоявленного героя» фоторепортажа и непрерывная фиксация материального достатка и благополучия ударников и стахановцев.

В докладе *Н. В. Черновой* (Магнитогорск) «Ударничество и стахановское движение в Магнитогорской артели “Уралшвей” (1933–1939 гг.)» рассмотрен процесс внедрения стахановских методов работы на одном из предприятий потребительской кооперации города Магнитогорска. В докладе была продемонстрирована специфика ударничества и стахановского движения на предприятиях не первоочередного значения, показана размытость понятия «срыв стахановского движения», изучена система стимулирования рабочих к ударным темпам работы.

В докладе *Л. Е. Добрейциной* (Екатеринбург) «Уральский индустриальный соцгород: противоречия образа и проблемы дальнейшего развития» соцгород рассмотрен как явление советской культуры, отражающий в себе широкий спектр достижений, проблем и противоречий этой культуры. Автор отметила, что соцгород возник на основе идей западных архитекторов, но очень быстро превратился в советский вариант организации жилого пространства и жизни в целом. Автору сообщается, что соцгорода будут продолжать существовать еще какое-то время, балансируя на грани советского и современного стилей жизни. Они либо придут в упадок, либо будут модернизированы и перестроены в современные спальные районы.

В докладе *А. В. Чурикова* (Магнитогорск) «Эвакуация тяжелой промышленности и моногорода Челябинской области в 1941–1945 гг.» отмечено, что в недрах советской мобилизационной модели экономического развития сложились специфические механизмы модернизации и урбанизации. Одним из элементов урбанизации, несомненно, была эвакуация тяжелой промышленности. Цель перемещения производительных резервов заключалась не только в спасении промышленных мощностей прифронтовых районов, но также в усилении экономического потенциала тыловых регионов.

В докладе *М. Н. Потемкиной* (Магнитогорск) «Продовольственная проблема и стратегии выживания населения в условиях военного тыла (на примере Магнитогорска)» отмечено, что уровень жизни значительной части населения Магнитогорска в годы Второй мировой войны был выше, чем в сельской местности и некоторых других уральских городах. Но высокая интенсивность труда и, зачастую, отсутствие собственного огородного хозяйства приводили к тому, что большинство горожан постоянно испытывало чувство голода. Особенности продовольственного положения и стратегий выживания в Магнитогорске в военный период определялись, по словам автора, двумя факторами: расположением в зоне глубокого тыла и промышленным потенциалом города.

В докладе *О. Ю. Стародубовой* (Магнитогорск) «Магнитогорский драматический театр им. А. С. Пушкина в годы Великой Отечественной войны» рассмотрены репертуар и деятельность театра в военные годы. Автор проанализировала военно-шефскую работу, изучила перечень материально-бытовых проблем театра и его сотрудников. Несомненно, что работа театра в годы Великой Отечественной войны содействовала мобилизации населения на борьбу с фашистской агрессией. Благодаря возможности массового охвата населения страны театр, наряду с художественной литературой и кинематографом, стал средством пропаганды и воспитания патриотизма и ненависти к врагу.

Продолжил данную тематику доклад *Е. Р. Евдокимовой* (Магнитогорск) «Рабочая молодежь Магнитогорска в годы Великой Отечественной войны», в котором оценивается вклад молодежи Магнитогорска в дело Победы.

Проблемы повседневности в послевоенный период на материалах Магнитогорска рассмотрены в докладе *Н. С. Фроловой* (Магнитогорск) «Магнитогорск послевоенный: повседневные практики». Отмечена значительная роль в формировании «нового человека» сферы досуга: кино, театр, массовых праздников, митингов и демонстраций. Автор опирается на методологию, предложенную А. Щютцом и Ф. Броделем, и приходит к выводу о том, что досуговая сфера отражала состояние послевоенного общества.

В докладе *А. И. Тymoшенко* (Новосибирск) «Особенности социокультурного развития новых индустриальных городов Сибири в 1950–1980-е гг.» показано, что в условиях активного строительства новых индустриальных городов в Сибири происходило столь же активное социокультурное освоение заселяемых территорий. В социокультурных процессах в целом отразился модернизационный переход сибирского социума от традиционного образа жизни, связанного с преимущественно аграрно-промышленным производством, к урбанистическо-индустриальному.

В докладе *А. А. Фокина* (Челябинск) «Руины коммунизма: советский город как зеркало “светлого будущего”» отмечено, что социалистический город в исторических исследованиях выступает как один из отличительных элементов «советской цивилизации», нечто специфическое и уникальное. Власть, творческая интеллигенция и рядовые граждане воспринимали создание новых форм общежития как неотъемлемую часть перехода к «светлому будущему». Отрицая утопические представления прошлого, советские проекты периода «оттепели» принципиально не выходили за их рамки.

История любительского кино в Магнитогорске 1960 — середины 1980-х гг. рассмотрена в докладе *Е. М. Буряк* (Магнитогорск) «Днем — инженеры и рабочие, вечером — режиссеры и операторы: история любительского кино в Магнитогорске», который был посвящен основным вехам становления и развития киноискусства в Магнитогорске.

В докладе *А. А. Долголюка* (Новосибирск) «Проблемы обеспечения трудовыми ресурсами городов Среднего Приангарья в 1955–2007 гг.» основное внимание сосредоточилось на процессе формирования трудового потенциала Братско-Усть-Илимского топливно-промышленного комплекса. Отмечено, что долгое время новые производственные коллективы формировались, прежде всего,

за счет мигрантов через организованные формы комплектования. При отсутствии у значительной части новичков необходимых профессий и производственного опыта основной формой обеспечения предприятий и строек квалифицированными кадрами стала их подготовка непосредственно на производстве. С большими трудностями решалась задача повышения стабильности трудовых коллективов. Основным препятствием для неё являлась жилищная проблема. С приходом рыночной экономики и последовавшим за этим спадом производства в городах Среднего Приангарья столкнулись с безработицей. Также впервые здесь возник избыток трудовых ресурсов, следствием чего стало большое сокращение населения. Его полностью не остановило и последовавшее в начале 2000-х гг. оживление экономической жизни и некоторое увеличение спроса на трудовые ресурсы.

Вторая секция «Соцгород в зеркале градостроительных моделей и архитектурных решений» (председатель *Л. И. Токменинова*, Екатеринбург) объединила архитекторов и историков архитектуры, в сферу интересов которых входит изучение социалистических городов.

В докладе *Л. Н. Смирнова* (Екатеринбург) «Роль архитекторов Уралгипромеца в сооружении первых конструктивистских зданий в соцгороде Магнитогорска» рассмотрены участие и вклад Уралгипромеца в создание соцгорода Магнитогорска. Докладчик подчеркнул, что ленинградские и сибирские архитекторы привнесли в архитектурную практику строительного отдела Уралгипромеца новые творческие идеи, отражающие проектную и строительную практику раннего этапа советского промышленного зодчества.

Доклад *С. И. Гавриловой* (Екатеринбург) «Воплощение концепции соцгорода на примере УАЗа в г. Каменске-Уральском» продемонстрировал эволюцию архитектурной градостроительной концепции в период 1930–1970-х годов. Автор пришла к выводу, что, к великому разочарованию старшего поколения горожан, для которых творческие, научные, спортивные коллективы были неотъемлемой частью их жизни, идея соцгорода примерно с середины 1970-х годов оказалась под угрозой исчезновения.

В докладе «Иностранные архитекторы на строительстве Магнитогорска: европейские идеи и советская реальность» *Е. В. Коньшева* (Челябинск) подробно рассмотрена роль иностранных архитекторов в создании социалистического города Магнитогорска. Автор уделила внимание не только поискам архитекторами наиболее приемлемой формы жилищного строительства в Магнитогорске, но также оговорила уровень заработной платы зарубежных специалистов и образ жизни иностранцев в городе-новостройке.

И. В. Невзгодин (Нидерланды) в докладе «Магнитогорск и Новокузнецк: архитектурно-градостроительные поиски концепции соцгорода» констатировал, что проектирование и строительство Магнитогорска и Новокузнецка является одной из самых любопытных страниц в истории советского градостроительства. Мировой архитектурной общественности до сих пор хорошо известно название уральского города — Магнитогорск. Такое внимание Магнитогорску обеспечили новаторская книга Н. А. Милютина «Соцгород. Проблема строительства социалистических городов» и участие в проектировании и строительстве Магнитогорска видных западных архитекторов, представлявших тогдашние течения европейской архитектурной мысли.

В докладе *Э. Писториус* (Германия) «О работе Эрнста Мая в Совестком Союзе (1930–1934)» речь шла об одном из наиболее известных немецких архитекторов, чье наследие сохранилось в Советском Союзе. Эрнст Май принимал непосредственное участие в создании города Магнитогорска. В докладе были рассмотрены теоретические взгляды Мая в области градостроительства, включая идею ленточных городов и вопроса озеленения городской среды.

В докладе *А. А. Добрыниной* (Екатеринбург) «Актуальные архитектурно-градостроительные проблемы развития малых уральских городов в 1930–1950-е гг.» были проанализированы ключевые проблемы градостроительства применительно к малым городам Урала. По мнению автора, соцгорода являются уникальными памятниками советской архитектуры, особенно важно их значение для малых промышленных городов Среднего Урала. Они во многом определяют градостроительную структуру, организацию пространства и архитектуру большинства городов. Концепция соцгорода, ориентированная на социализм, в современных политических условиях отчасти потеряла свою социальную актуальность. Состояние многих соцгородов требует привлечения внимания администра-

ций городов, архитекторов и историков архитектуры к сохранению уникальной застройки периода индустриализации, и ее адаптации к современным требованиям.

И. Н. Чирков и *О. С. Уренев* (Екатеринбург) в докладе «Отражение социально-демократических идей в архитектуре общественных зданий соцгорода Уралмаш» показали, что анализ архитектурно-градостроительных и функционально-планировочных особенностей общественных зданий соцгорода имеет важное значение в условиях современного социального расслоения общества. Авторами проводилась мысль о необходимости возрождения социально-демократических идей 1930-х годов.

В. С. Федосихин, *Е. К. Казанева* и *Д. Д. Хисматуллина* (Магнитогорск) в докладе «Городская программа по сохранению архитектурного наследия “Социалистический Магнитогорск”» отметили, что сохранение социалистического наследия в городской среде Магнитогорска всё более осознаётся как одна из важнейших архитектурных проблем, стоящих перед постсоциалистическим обществом. Среди городов, построенных в годы социализма, Магнитогорск наиболее полно отражал социалистическую культуру того времени. Поэтому задачей историков, архитекторов и власти является сохранение этого памятника истории и архитектуры.

Итоги конференции были подведены на круглом столе, где были заслушаны выступления *Н. С. Фроловой* (Магнитогорск), *А. П. Кудрявцева* (Москва), *М. Г. Мееровича* (Иркутск), *В. И. Исаева* (Новосибирск). Перед представителями ректората вуза и городской администрации была озвучена идея о превращении конференции в периодическую. Итогом работы конференции стала подготовка резолюции. Организаторы конференции отметили высокую историческую и культурную ценность опыта проектирования и строительства первого в мире социалистического города и уникальный опыт лучших представителей архитектурного градостроительного искусства России и мира, стремившихся при зарождении Магнитогорска воплотить в своих проектах самые передовые идеи расселения, организации среды жизнедеятельности, социальной инфраструктуры, санитарно-гигиенические и другие социальноориентированные градостроительные методы и технологии. Большинство заложенных идей сохраняют актуальность и сегодня.

Участники конференции отметили, что, к сожалению, сегодня градостроительный ансамбль первого квартала Социалистического города Магнитогорска не имеет никакого охранного статуса, хотя у него есть все признаки объекта, заслуживающего включения в список всемирного наследия ЮНЕСКО, и считают необходимым, чтобы руководство города, области и страны провели необходимые мероприятия по представлению этого памятника истории и культуры в соответствующие структуры ЮНЕСКО. В качестве первого шага градостроительному ансамблю Соцгорода Магнитогорска должен быть присвоен статус «достопримечательного места».

Н. Н. Макарова,
доцент кафедры истории России
Магнитогорского государственного университета

ПАМЯТИ ИРИНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ПЕТРОВОЙ
(28.10.1927–18.12.2010)

*Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, —
Одна есть Смерть, другая — Суд людской.*

Ф.И. Тютчев

В декабре 2010 года ушла из жизни Ирина Владимировна Петрова, чьё имя стало легендой филологического факультета МГПИ-МаГУ. Те, кому посчастливилось у неё учиться, сочиняли о ней песни, посвящали ей стихи, преклонялись перед её лекторским талантом, восхищались её образованностью, силой характера, обаянием. Впервые я услышала о ней в глухом посёлке Брединского района Челябинской области, куда меня направили на работу после окончания историко-филологического факультета ЧГПИ. Там я столкнулась с выпускницей Магнитогорского пединститута, которая восторженно рассказывала «о Еве и Петровой», своих кумирах студенческих лет. Толстой, Достоевский, Некрасов, Чехов вперемешку с героями их произведений и их репликами, монологами, именами их жён и детей, кличкой лошади Вронского, окраской курочки протопопы Аввакума были пульсирующим фоном воспоминаний моей коллеги. Но главными действующими лицами всех её историй были они — доцент кафедры литературы, Ева Лазаревна Лозовская (одновременно декан факультета) и Ирина Владимировна Петрова. Экзамены, продолжавшиеся до глубокой ночи, страдания пойманных со шпаргалками студентов, не принятые из-за

нетворческого исполнения конспекты, слёзы из-за «троек» по литературе, колкие замечания по поводу жалких попыток осудить Анну Каренину или оправдать Раскольникова — всё им прощалось, ничто, оказывается, не мешало студентам обожать этих женщин. Уже тогда я составила себе портрет Ирины Владимировны, недоступной, гордой, требовательной, той, что, «дыша духами и туманами», могла бы встретиться на моём пути, и я бы явно разочаровала её своими скудными литературными познаниями. С преподавателями по русской литературе в институтские годы мне явно не повезло, и не без оснований в своих снах я с треском проваливалась на экзамене именно у И. В. Петровой.

Встретилась я нею спустя четыре года: после окончания аспирантуры приказом Министерства высшего образования СССР меня направили в Магнитогорск. Работали мы на разных кафедрах, учебная нагрузка, как и у всех преподавателей, у меня была большая, и всё же я ухитрилась побывать на нескольких лекциях Ирины Владимировны. Я была потрясена. Я завидовала студентам! Нет,

её невозможно было копировать, перенимать манеру её преподавания. Любой, кто попытался бы это сделать, был бы смешон. Как принято говорить сейчас, у неё была харизма. За каждой её фразой ощущалась бездонная глубина знаний и, что считаю особенно важным, — нравственная определённости. Я слышала многих лекторов, в том числе блестящих знатоков своего предмета, но такой власти над аудиторией, такой ауры, такой силы духовного воздействия на слушателей не ощущала никогда раньше. Ирина Владимировна была элегантна, сдержанна. Художественный мир Салтыкова-Щедрина, погружённый в его эпоху, вдруг открылся мне по-новому, не казённо, а талантливо и по-человечески понятно. Честно говоря, до встречи с И.В. Петровой я не очень-то любила Салтыкова-Щедрина, но вечером после лекции взялась его перечитывать.

Позднее я наблюдала, как Ирина Владимировна работает с дипломниками. К ней стремились попасть очень многие, но она любила работать с талантливыми студентами, и их дипломные работы, безупречно выполненные, всегда были интересными, глубокими, оригинальными. На ум приходят имена тех, кому посчастливилось пройти научную школу Петровой, — безвременно ушедшего поэта Григория Газизуллина; доктора педагогических наук, нынешнего декана филологического факультета Любви Дмитриевны Пономарёвой; известного дизайнера Василия Циттеля; доктора филологических наук, профессора кафедры русской классической литературы Алексея Владимировича Петрова и многих других (их более шестидесяти). Ирина Владимировна щедро одаряла своими идеями учеников и не жалела о том, что могла использовать эти идеи в собственных ненаписанных книгах.

С Ириной Владимировной нас связывали общефакультетские мероприятия (Пушкинский вечер, Тютчевский вечер, Толстовские юбилейные чтения) и некоторые издательские проекты (4 выпуска Пушкинского альманаха, 6 выпусков сборника молодых исследователей «Благословенны первые шаги...»). Рядом с нею всегда хотелось делать всё по-настоящему хорошо. Последние 20 лет её жизни мы поддерживали достаточно близкие отношения. Меня всегда поражали ясность её ума, хорошая память, живой интерес к политическим событиям в нашей стране и за рубежом, широкая начитанность. Работая над словарём крылатых выражений русского языка, в поисках авторов того или иного оборота я нередко обращалась к ней и почти всегда получала исчерпывающий ответ. В крайнем случае, она говорила: «Нет, это не Гоголь», «Совсем не похоже на Достоевского», «Ну, уж, конечно, не Тютчев». С огромным мужеством и завидным достоинством переносила она выпавшие на её долю физические страдания — две тяжелейшие операции и болезнь сердца, — оставаясь при этом обаятельной женщиной, гостеприимной хозяйкой, остроумной собеседницей, неприязненным критиком для начинающих и зрелых поэтов. О своей жизни она говорила скупой, личных тем избегала. Но какими яркими, неординарными персонажами представляли передо мной в наших беседах внук Ф.И. Тютчева К.В. Пигарёв; писатели Л. Леонов и И. Эренбург; известные литературоведы Б.Я. Бухштаб и С.А. Макашин; поэты П. Антокольский и С. Щипачёв, особенно — К.И. Чуковский! Взаимоотношения Ирины Владимировны с этими людьми, переписка с ними могли бы стать темой отдельной публикации.

В письме от 26 января 1964 г. Г.Я. Бухштаб, высоко ценивший исследовательский дар И.В. Петровой, спрашивал: «Напишите мне, откуда Вы взялись: если Вы не учились или не проходили аспирантуру в Москве, Ленинграде <...> — тем выше надо оценить Ваше чутьё, Вашу восприимчивость». Отвечу на этот вопрос скупыми чертами биографии Ирины Владимировны, записанной мною с её слов в 2001 году, за четыре года ухода её на пенсию из-за резко ухудшившегося зрения.

Она родилась в городе Орле. Отец её был офицером, и война застала семью на Дальнем Востоке в небольшом приграничном посёлке, где жили жёны и дети командирского состава. От враждебно настроенных соседей посёлок отделяла неширокая речка, служившая естественной границей. И военные, и послевоенные годы Ирина Владимировна вспоминала как очень голодные. После войны мать с детьми (отца с ними уже не было) перебралась в Казань. Здесь Ирина поступила в Казанский пединститут. Время учёбы совпало с тяжёлой болезнью матери. В 18 лет Ирине Владимировне пришлось взять на себя все хлопоты по уходу за уже не встававшей с постели матерью и по воспитанию младших сестры и брата. Работа, учёба, бессонные ночи у постели умирающего близкого человека, похороны — всё это подорвало здоровье Ирины Владимировны, и она надолго слегла в больницу. Тем не менее, в 1949 году она с отличием закончила филологический факультет и была рекомендована в аспирантуру Казанского государственного педагогического института, где с 1949 по 1952 гг.

обучалась при кафедре русской литературы под руководством профессора И.Г. Пехтелева. По окончании аспирантуры с 1952 по 1955 гг. Ирина Владимировна работала старшим преподавателем кафедры русского языка и литературы в Ирбитском государственном учительском институте и там же в 1954–1955 учебном году заведовала кафедрой.

В Магнитогорский педагогический институт (МГПИ) Ирина Владимировна приехала в 1955 г., где отработала 50 лет. Сначала она занимала должность старшего преподавателя кафедры литературы. В 1963 г. в Московском областном институте имени Н.К. Крупской успешно прошла защита её кандидатской диссертации «Творчество Ф.И.Тютчева 1850–1870-х гг.». Работа молодой исследовательницы не осталась незамеченной: по существу, она открывала новый этап в изучении творчества Ф.И.Тютчева. С этого момента в далёкий Магнитогорск на имя дотоле никому не известной преподавательницы начинают приходить письма от крупных специалистов-тютчеведов, от писателей и поэтов, которым была близка поэзия Тютчева. Ирине Владимировне предлагают место научного сотрудника в Институте мировой литературы. Директор Тютчевского музея приглашает её к сотрудничеству. Однако Ирина Владимировна уже не мыслила себя без студентов. Она считала, что её место — в рабочей Магнитке. И её карьера складывалась в полном соответствии с избранной педагогической деятельностью. В 1965 г. она была избрана доц. кафедры литературы МГПИ, а в 1975 — доцентом той же кафедры, переименованной в кафедру русской и зарубежной литературы. С 1977 по 1980 гг. Ирина Владимировна находилась в командировке в Польской Народной Республике, где преподавала в высшей педагогической школе города Слупска, руководила 28 магистерскими работами. За высокие успехи в обучении польских магистров она была награждена премией высшей школы города Слупска и грамотой Министерства науки, техники и образования Польской Народной Республики. По возвращении из Польши Ирина Владимировна продолжила работу в МГПИ в качестве доцента кафедры русской и зарубежной литературы. В 1993 г. её избрали на должность профессора той же кафедры, которая в 1995 г. была переименована в кафедру русской классической литературы. Читала курсы русской литературы XVIII в., XIX в., русской литературы Серебряного века; вела спецкурсы и спецсеминары, посвящённые поэзии Ф.И. Тютчева, русской литературной критике XIX столетия, творчеству Ф.М. Достоевского и др.

Отношения с коллегами у Ирины Владимировны не всегда складывались гладко. Она бывала резкой в своих оценках, в своих суждениях. На неё нередко обижались, но... «К ней и пылинки не пристала / От глупых сплетен, злых речей». Прошло не так уж много времени после её смерти, и вряд ли кто-нибудь станет оспаривать её преподавательский и исследовательский талант, широкую образованность и беззаветную преданность своему делу. О научных её интересах свидетельствуют не только тютчевские работы, но и статьи (а их больше 40) «Некрасов вчера и сегодня», «Перечитывая П. Антокольского», «Поэзия И. Эренбурга», «Бесстрашие духа (“Пир во время чумы” А.С. Пушкина)», наброски, посвящённые проблемам перевода русской классики на польский язык. При жизни И.В. Петрова была награждена нагрудными знаками «Отличник народного просвещения РСФСР», «Почётный работник высшего профессионального образования РФ», «Заслуженный работник высшей школы РФ», медалью «Ветеран труда», Почётной грамотой администрации Челябинской области; её имя внесено в «Книгу Почета» МГПИ.

Незадолго до своей смерти Ирина Владимировна передала мне целый пакет адресованных ей писем, принадлежащих известным отечественным учёным, писателям и поэтам. Большая часть этих писем ранее не публиковалась. Вниманию читателей журнала, помимо записи беседы с И.Г. Эренбургом, предлагаются письма литературоведов Б.Я. Бухштаба и С.А. Макашина.

И. Г. Эренбург о Ф. И. Тютчеве

(замечания, высказанные в беседе с И.В. Петровой 8 февраля 1962 г.)

Тютчева люблю. Как поэт он сделал многое. Он сумел раскрепостить русский язык. Современники не могли понять и оценить ритмических открытий и новизны тютчевских стихотворений. Так, Тургенев, например, «исправлял» Тютчева. Собственно, завоеваниями Тютчева в области формы живёт вся современная русская поэзия. Совершенно удивительны, необычны ритмически его «Последняя любовь», «Silentium». «Последняя любовь» — вообще одно из лучших тютчевских стихотворений. Правда, последние строчки как-то не совсем «звучат»: я пережил время своеобразной

инфляции всех этих слов на -ость (*вечность, бесконечность, безнадежность*). Но в этом стихотворении есть образы, которые встретишь, пожалуй, только у Тютчева (*нежней мы любим и суеверней*). Так современник Тютчева едва ли мог сказать. Нам же это близко и понятно. Вообще каждая эпоха имеет свои слова. Возьмите когда-то весьма привычные *глад, град, хлад*; сейчас они воспринимаются как архаизмы. И это во всём. Рафаэль, например, был великолепнейшим художником, но человек, пытающийся в наши дни писать «как Рафаэль», будет лишь смешным эпигоном. Точно так же копирующий гениальную болтовню Онегина жалок. Если же говорить о содержании тютчевской поэзии, об очень больших, глубоких вопросах, затронутых им, — и в этом плане о тютчевских традициях, — то у нас есть попытки (особенно в творчестве молодых) определить своё отношение к миру, бытию и т. д. Но всё это не очень зрело, во многом ещё наивно, существует, так сказать, в зачаточной форме.

Тютчев один из всех шагнул за грань своей эпохи: то, что почувствовал, понял, о чём сказал Тютчев, станет близким людям XX столетия. Так, гениальное «Silentium», утверждающее бессилие слова, мучительную невозможность самораскрытия, самовыражения («мысль изреченная есть ложь»), было чуждо современникам поэта и чрезвычайно близко многим художникам XX века. Его современники (кроме Некрасова) во многом были эпигонами (характерный пример — поэзия Фета). Тютчев **и значительнее, и современнее** (для нас). В мире происходили в эпоху Тютчева колоссальные явления, и у Тютчева чрезвычайно живо ощущение истории, её движения. Если говорить о его политических стихах, то в большинстве своём они наивны, хотя среди них есть удивительно интересные. В «Цицероне» меня поражает совершенно гениальная, современно звучащая фраза: «Я поздно встал — и на дороге / Застигнут ночью Рима был!» Очень много правды и в известном стихотворении «Эти бедные селенья». К пережитому нашим народом и страной за последние десятилетия вполне применимы тютчевские строчки: «Край родной долготерпенья, / Край ты русского народа».

Возвращаясь к вопросу о традициях:

Тютчевская линия явственно ощущается в поэзии Случевского, Мандельштама, Анны Ахматовой, Н. Заболоцкого, меньше — Блока. Блок — очень большое, сложное явление. Там и цыганщина Ап. Григорьева, и целый ряд других отзвуков, отголосков, и что-то тютчевское, конечно. Но это только одна из граней блоковской поэзии. Вообще, у Тютчева нет блоковской истеричности. Он очень мужественный поэт.

Космическая тема в творчестве Тютчева меня никогда не привлекала, а вот «денисьевский цикл» очень люблю. Вообще, расцвет его творчества падает на 30–50-е годы. Всё написанное в последние годы слабее. Чрезвычайно слабы французские стихи. Это лишь грамотно зарифмованные, в языковом отношении неинтересные произведения.

При упоминании собеседником имён Пушкина и Баратынского:

Пушкинское, конечно, есть и в Тютчеве, да иначе и быть не может. Пушкинское живёт во всей литературе XIX века. Есть определённая близость поэзии Баратынского и тютчевской поэзии, но в целом они несоизмеримы: Баратынский и уже, и мельче Тютчева.

Письмо Б. Я. Бухштаба И. В. Петровой

(Ленинград, 26 января 1964 г.)

Дорогая Ирина Владимировна!

Большое спасибо за статью, которую я прочёл с интересом и удовольствием, — и за милое письмо. Что до первой Вашей статьи, — я полюбостудовал прочесть её в Публичной библиотеке и не разделяю Вашего слишком скромного мнения о ней; я был бы рад иметь её у себя, если бы у Вас сохранился ненужный Вам экземпляр.

Ваши работы заинтересовали меня чуткостью к поэзии, литературоведческой одарённостью и той научной культурой, которую обычно даёт настоящая научная школа. Напишите мне, откуда Вы взяли: если Вы не учились или не проходили аспирантуру в Москве, Ленинграде или Саратове, — тем выше надо оценить Ваше чутьё, Вашу восприимчивость.

Напишите, пожалуйста, чем Вы намерены заниматься дальше. Вы задаёте мне аналогичный вопрос. О Тютчеве я давно ничего не писал, кроме маленькой статьи, смонтированной из большой и напечатанной в декабрьском номере журнала «Советская литература», выходящего на четырёх иностранных языках. Последнее время занимался Некрасовым, Лесковым. Много приходилось заниматься текстологией и библиографией (я работаю в Библиотечном институте). Сейчас готовлю новое собрание сочинений Козьмы Пруткова. Вузовская работа и разная текучка (рецензирование, оппонирование и т. п.) оставляют мало возможностей работать «для души» человеку с немолодыми уже силами.

От души желаю Вам счастья в творческой работе и во всём остальном, где это возможно.

Б. Бухштаб

Письмо Б. Я. Бухштаба И. В. Петровой

(Ленинград, 18 февраля 1964 г.)

Большое Вам спасибо, Ирина Владимировна, за милое письмо, очень интересное, и (заранее) за Вашу «заявочную» статью о Тютчеве. Рад, что его поэзией наши с Вами общие исследовательские интересы не ограничиваются. Что до моих статей о Некрасове и Лескове, — они, в основном, перечислены в библиографическом указателе «Истории русской литературы XIX века» (изд. Академии наук, 1962). Надеюсь, что он есть в библиотеках Магнитогорска, если Вам не удалось приобрести в собственность. За последние же четыре года, не отражённые в этом указателе, я напечатал о Некрасове статьи в 3-м «Некрасовском сборнике» и в сборнике «Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта» (1963, там же статья К. В. Пигарёва о текстах Тютчева). Главка о раннем Некрасове есть в моей вступительной статье к сборнику «Поэты 40–50-х годов» в «Малой серии» «Библиотеки поэта» (1962). О Лескове я за эти годы ничего не печатал, но в ближайшем номере «Русской литературы» публикую статью об источниках «Левши».

Всегда буду рад получить от Вас весточку и никогда не «сочту за труд», как говорили в старину, писать Вам.

Желаю Вам счастья во всём, — в том числе, конечно, здоровья и творчества.

Письмо Б. Я. Бухштаба И. В. Петровой

(Ленинград, 1 июля 1967 г.)

Многоуважаемая Ирина Владимировна!

Большое спасибо за статьи. Вообще я не любитель работ, в которых два писательских имени связаны союзом «и» или «о», но Ваша статья о Заболоцком и Тютчеве (её следует назвать так, а не наоборот) хороша и характеристикой Заболоцкого, и тем, что показывает близость Заболоцкого к Тютчеву в тоне, лексике, проблематике, и самим Вашим тоном, спокойным, небанальным. Поздний Заболоцкий подстраивает свою лиру под строй «учительной» лирики XIX века, под тютчевскую линию, так что тема Вашей работы законна. Сходство Бунина с Тютчевым более формально; поэтому статья о Тютчеве и Бунине менее интересна и убедительна.

Вы спрашиваете о моём здоровье. Мне особенно не на что жаловаться, кроме зрения, которое всё ухудшается, сокращая мои рабочие возможности. Пока, однако, не сдаюсь.

С одним из участников присланного Вами издания В. Б. Катаевым я недавно познакомился на конференции в Борисоглебске. Познакомимся ли мы с Вами лично когда-нибудь в каком-нибудь пункте земного шара?

С приветом Бухштаб (подпись)

Письмо Б. Я. Бухштаба И. В. Петровой

(Ленинград, 8 октября 1971 г.)

Дорогая Ирина Владимировна!

Большое спасибо за присланную статью. Я люблю читать Ваши работы. Мне нравится их эмоциональность, их нестандартность, то, что это вместе и литературоведческие, и литературно-критические работы. В этой статье меня заинтересовало Ваше замечание о «тревожном пристрастии к свету», о «лёгком, замедленном движении» в тютчевском «сладостном покое», выявление тех стихотворений, которые относятся к русской природе и др.

Желаю Вам такого же, как доселе, творческого горения.

С приветом Б. Бухштаб

P.S. Обратите внимание на мой новый адрес (на конверте).

Письмо Б. Я. Бухштаба И. В. Петровой

(Ленинград, 1 марта 1971 г.)

Дорогая Ирина Владимировна!

Рад за Вас, что Вы всё же выкарабкались или вырвались в Москву, и за себя, что наконец увижусь с Вами. Ближе к удобному для Вас сроку приезда в Ленинград позвоните мне (телефон 44–16–31), и мы сговоримся о дате. Март или апрель мне одинаково удобны. Сразу сообщу, как ко мне доехать. Если Вы поедете прямо с вокзала и на такси будет большая очередь, поезжайте в метро до Финляндского вокзала, а оттуда на автобусе №262 или на трамвае №23 до остановки, которую называют Светлана, Светлановская площадь или проспект Шверника. Выйдя, Вы переходите проспект Энгельса и идёте немножко назад к площади мимо пожарной части, за которой справа виден наш дом. Вы проходите проулочком мимо почты, входите через подворотню во двор, первая лестница налево — моя. Я живу на пятом этаже. Вот Вам подробная инструкция.

Не знаю, переслали ли Вам моё письмо из Магнитогорска; поэтому повторю свой совет не откладывать решение вопроса об Иваново-Франковске, если только это решение не связывается с ещё не прояснившимися обстоятельствами. Вы писали, что не хотите стеснять Теплинского. Но стеснять может только отсутствие решения, а не наличие его, которое, конечно, не связывает заведующего кафедрой в выборе между согласившимися кандидатами. Сколько я понимаю, Теплинский хочет предоставить это место Вам, а что он оговаривается, что за начальство не ручается, — так ведь пути начальства неисповедимы, у него может быть свой кандидат и т. п. Листок же по учёту кадров нужен, разумеется, отделу кадров, а не Теплинскому. Во всяком случае, напишите мне, пожалуйста, как сейчас обстоит дело. Да, адрес Теплинского. Вот он: 284000, Иваново-Франковск, Первомайская, 3, кв. 4.

Рад был повидать Кирилла Васильевича и не нашёл, чтобы он так сильно изменился.

Итак, надеюсь, до скорого свидания.

Ваш Б. Бухштаб.

Открытое письмо Б. Я. Бухштаба И. В. Петровой

(Ленинград, 6 апреля 1974 г.)

Дорогая Ирина Владимировна!

Итак, будем считать, что наша столь долгожданная встреча состоится 24-го сего апреля. Если что-нибудь помешает, — известим друг друга. Я, конечно, уже писал Вам, что у меня изменился номер телефона: теперь — 44–15–31. Встаю я рано, так что можно приехать прямо с поезда.

За решение вопроса о Вашем приезде обещаю больше не волноваться.

Ваш Б. Бухштаб.

Письмо С. А. Макашина И. В. Петровой

(Москва, 25 марта 1981 г.)

Многоуважаемая Ирина Владимировна!

Месяца полтора тому назад я послал Вам письмо, в котором официально поставил Вас в известность о том, что Ваша статья «Мир, общество, человек в тютчевской лирике» принята редакцией «Литературного наследства» и будет напечатана в нашем «тютчевском томе». В этой связи я просил Вас воздержаться от публикации Вашей статьи, целиком или в отрывках, в каких-либо других изданиях. Кроме того, я просил Вас сообщить нам, имеются ли у Вас какие-либо вставки или изменения к тексту статьи, давно уже представленной Вами К.В. Пигарёву (как Вы знаете, он серьёзно болен и вынужден был отойти от работы).

С нашей стороны никаких просьб по тексту статьи нет. Она нам очень нравится.

Прошу Вас обо всём этом вторично (написать), так как не получил ответа на своё первое письмо, быть может, оно не дошло до Вас.

С уважением
Соредактор К.В. Пигарёва
по «тютчевскому тому»,
член редколлегии «Лит. наследства»,
д-р филологич. наук С. Макашин

Отрывок из письма С. А. Макашина И. В. Петровой

(Москва, 24 ноября 1981 г.)

Многоуважаемая Ирина Владимировна!

Вчера получил Вашу статью и тотчас же прочитал. Впечатление — отличное. Статья Ваша и раньше мне нравилась. Произведённая Вами доработка улучшила (а не ухудшила, как нередко бывает) Вашу работу. Главный её положительный клад(?) — глубокое проникновение в «душу» тютчевской поэзии, такой её анализ, который не сушит и не анатомирует поэтическое... Одним словом, Вы поражаете чистотой своего непосредственного выражения любви к поэту.

Письмо С. А. Макашина И. В. Петровой

(Москва, 3 мая 1982 г.)

Многоуважаемая Ирина Владимировна!

Простите, что по обстоятельствам с таким опозданием отвечаю на Ваше письмо. И сам был болен, и больна моя жена. Надеюсь, что у Вас всё обошлось благополучно и что Вы уже дома. Очень надеюсь.

«Тютчевский том» подвигается, но очень медленно. Появляются новые материалы, которые нельзя не ввести. Возникает и необходимость в некоторых новых статьях и комментариях. А вот хороших специалистов мало и почти все они больны. Всё же, однако, к намеченному сроку (начало 1983 г.) рукопись тома, я полагаю, будет готова к утверждению и к сдаче в Издательство.

А теперь обращаюсь к Вам со следующим новым предложением. В декабре в нашем ИМЛИ состоится советско-итальянский симпозиум по Тютчеву. И мы просим Вас принять в нём участие и сделать, на материале Вашей статьи, доклад (минут на 30–35). Другой основной доклад сделает, о публицистике Тютчева, о публицистике Тютчева, проф. С. С. Дмитриев. Затем будет один или два доклада итальянцев и ряд наших и их сообщений, в том числе и о «тютчевском томе» «Литнаследства». Вызов Ваш в Москву и пребывание здесь на время симпозиума — за счёт ИМЛИ. Надеюсь, что ничто не помешает Вам дать согласие на это предложение. И если состояние Вашего здоровья позволит Вам — прошу сейчас же подтвердить Ваше согласие.

Всего Вам доброго.

С уважением С. Макашин.

Письмо С. А. Макашина И. В. Петровой
(Москва, 11 октября 1983 г.)

Дорогая Ирина Владимировна!

Только что возвратился из Ялты, нашёл среди накопившихся писем Ваше письмо и спешу первой ответить Вам.

По-видимому, это моё письмо не дошло до Вас, так как я помню, что отвечал Вам на заданные мне вопросы. Боюсь, однако, что письмо было писано от руки и его копии у меня нет. Выясню это, когда буду через 1½ недели в редакции (я ещё в отпуске). И если копия есть, pošлю Вам.

Вы разочарованы чем-то в нашем очном знакомстве. Собственно, я, кажется, понимаю, чем именно. Это Вы раскрыли в той части письма, которое посвящено Чуковскому и присущему ему живому интересу к живым людям. Да, это драгоценная черта, и я не могу не признать, что она у меня бывает часто заслонена почти постоянным рабочим цейтнотом и общей напряжённостью московской жизни. Но внимание к людям я ценю и стремлюсь не забывать о нём. У Вас возникло даже ощущение, что наше личное знакомство как бы не состоялось. Если хотите знать откровенно, то так же и моё ощущение. Но я-то знаю, отчего это произошло. Если бы мы встретились у меня дома, как я на это надеялся, то, вероятно, всё было бы по-другому. Но это могло бы быть в другое время, а не тогда, в дни тяжёлого и опасного обострения болезни моей жены, когда я весь был подчинён и мыслями, и настроением тому, что происходит дома. Жена и сейчас больна, хотя Ялта оказала на неё благоприятное воздействие, и ей лучше.

Но, по-видимому, главное, что огорчило Вас в нашем разговоре, — это некоторые мои суждения о Корнее Ивановиче. Очень возможно, что я был неосторожен, прямолинеен в оценке некоторых сторон его характера. И всё же Вы, по-видимому, неверно восприняли моё понимание блестящего дарования и сложного характера Корнея Ивановича. Чтобы ясно изложить мой взгляд на него, следовало бы написать много, для чего нет времени. И в моей жизни часы и дни, общения с К. И. — принадлежат к светлым пятнам. Но я привык смотреть на людей не с одного боку, поскольку нет людей линейных; они все объёмны. Мои замечания о случаях «непринципиальности» К. И. всегда сопровождаются, в моём сознании, убеждением, что они сами-то К. И., вероятно, не осознавались за таковую. И это потому, что он был по преимуществу художественной натурой, а не человеком, всегда сверяющим своё поведение с мировоззрением. Для выдающихся деятелей **вальяжное?** общественное мнение, такое невольное, неосознанное двоегласие — недостаток конкретной личности. Для художественных натур — это почти что норма и за (кон)? Во всяком случае на моём общем вполне? положительном отношении к К. И. эти мои фразочки не отразились. Да и отношения у нас были добрые. Они омрачались на время лишь дважды. Первый раз, когда я напечатал в «Лит. наследстве» заметку покойного С. П. Шестерика о неизвестном произведении Некрасова **«Как я велик»?** (в ней излагалась, но одна(ко) ж вторая, другая точка зрения, чем у К. И.). И второй раз, когда я не принял (не мог принять по совокупности объективных обстоятельств) предложение «Огонька» написать рецензию на книгу К. И. «Некрасов», которую ставлю очень высоко. Потом всё сгладилось.

—
С «тютчевским томом» (там Голос с Вашей статьёй) всё в порядке. Он медленно подвигается к заключительному этапу сдачи рукописи в набор. Но всё это мною предстоит сделать, хотя «го(н) им и возла!».

Всего Вам доброго.

Ваш С. Макашин.

Москва 11/X 83

P.S. Боюсь, что Вы и половины написанного не разберёте. Такой ужасный почерк. А на *машинке писать так и не научился*.

Приписка на полях: Очень хорошо, что книга воспоминаний о К. И., и Ваш вклад в неё появится новым изданием.

Письмо С. А. Макашина И. В. Петровой

(Москва, 10 февраля 1984 г.)

Дорогая Ирина Владимировна!

Действительно, не везёт нашей с Вами встрече в Москве. Надеюсь, однако, что рука Ваша придёт в нормальное состояние и Вы сможете приехать к нам.

Благодарю Вас за разрешение поступить по моему усмотрению с теми страницами Вашей статьи, на которых возникают некоторые сопоставления между Тютчевым и другими поэтами. Мне думается, что я понял, что Вы хотели сказать здесь. Но вот беда, Ваш материал невольно обнажает один из существенных недостатков нашего тома — отсутствие в нём статьи «Тютчев и русская поэзия (литература)». Такая статья предполагалась и была заказана Д. Д. Благому. Но он нас подвёл, статью не написал.

Ещё раз желаю Вам скорейшего выздоровления и приезда в Москву.

С глубоким уважением

Ваш С. Макашин.

Письмо С. А. Макашина И. В. Петровой

(Москва, 15 мая 1989 г.)

Дорогая Ирина Владимировна!

Только что получил Ваше письмо, как всегда, грустное. Прежде всего, желаю Вам по возможности быть мужественной во всех перипетиях и непредсказуемостях жизни — категории, в мироздании, суровой и даже жестокой. Я и сам держусь этого направления и молю судьбу, чтобы и применительно к моей тяжело страдающей жене, и ко мне самому оправдалась бы строка Ахматовой (кажется, её): «И мужество нас не покинет».

Не писал я Вам долго потому, что на меня сверх всяких и многих дел свалилась необходимость срочно разработать план нового тома «Литературного наследства», посвящённого русской зарубежной литературе, т.е. литературе первой волны русской эмиграции. Это моя старая «заявка», над которой я работал и во время своих поездок в Париж и встреч с очень малым уже кругом эмигрантов первой волны. Сам я занимаюсь этим томом уже не смогу, но разработать план должен был, да и не столько сейчас для нашей редакции, сколько по просьбе Отдела культуры ЦК (хотя я не член партии). От него зависит, быть или не быть этому «белогвардейскому» тому включённым в перспективный план «Литературного наследства». Работа оказалась очень сложной и прямо-таки измотала меня. А тут ещё 100-летие со дня смерти Щедрина. Уклониться мне от участия в ознаменовании этой даты было невозможно. Пришлось написать статью для «Литературной газеты» и мемуарный очерк «Изучая Щедрина» для «Вопросов литературы» (для № 5-го). Поэтому пришлось последние два месяца отказаться от всех других дел и жить в суровой рабочей «схиме».

Спасибо Вам за отзыв о моей статье. Получить его мне от Вас было очень приятно.

Вы пишете о желательности отдыха для меня. Его не будет, и это по двум и даже по трём причинам. Во-первых, состояние здоровья Таисии Михайловны (отчасти и моё) таково, что уезжать куда-либо от московских врачей нельзя. Во-вторых, и ехать некуда — мы ездили прошлые годы за границу, в Ялту и по Волге. Всё это теперь отпало по состоянию здоровья. А, во-вторых и в-третьих, я как-то натренировал себя работой без всяких пауз, что так и не научился отдыхать. И в Ялте, а отчасти и в Париже я работал. Но старость стала нагонять меня всё быстрее и быстрее, и с этим ничего не поделаешь. Я очень огорчён чудовищными задержками с высылкой Вам гонорара издательством «Наука», а также авторского экземпляра тома. Сейчас звонил в бухгалтерию: дали слово перевести Вам деньги в самые ближайшие дни, но почтовым переводом, а не перечислением на сберкнижку (что-то им показалось неясным в сообщённых Вами данных о Сберкассе). Авторские экземпляры «тютчевского тома» также задержались в издательстве. Будут получены нами на следующей неделе. Бюрократия царствует всюду. Когда выйдет моя книга — «Последние годы Салтыкова-Щедрина», — она будет выслана Вам (обещали выпустить к 100-летию, а выпустят в середине лета или в начале осени).

Завтра увижусь в Союзе писателей с Урновым и ещё раз поговорю с ним о Вашей статье.

Всего Вам доброго, не хандрите.

Ваш С. Макашин.

P.S. «Литературная газета» и «Вопросы литературы» ищут автора для рецензии по «тютчевскому тому». Не знаю, найдут ли.

2-я книга «тютчевского тома» давно уже прошла этап сверки, но выпуск в свет что-то задерживается. Обещают — в который раз — скоро», но влиять на издательство мы не можем.

P.P.S. Куда-то заложил Ваше письмо, в котором Вы сообщаете о переименовании улицы, на которой Вы живёте. Новое название я забыл и адресую письмо по старому названию. Думаю, что дойдёт.

ЛИТЕРАТУРА

Петров А. В. 2009: Пани Ирэна Петрова // Магнитогорский металл. 13 января.

Петрова И. В. 1973: Анненский и Тютчев // Искусство слова: сб. ст. к 80-летию Д. Д. Благого. М., 277–278.

Петрова И. В. 1988: Мир, общество, человек в лирике Тютчева // Литературное наследство. Т. 97. Фёдор Иванович Тютчев. Кн. I. М., 13–70.

Петрова И. В. 1995: «Исследователи не имеют права на фальшивую ноту...» (Письмо Н. Г. Антокольского о Тютчеве) // ПИФК. 2. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 246–260.

Петрова И. В. 2002: Бесстрашие духа («Пир во время чумы» А. С. Пушкина) // Пушкин: альманах / С. Г. Шулежкова (ред.). Вып. 3. Магнитогорск, 184–204.

Подгорский А. В. 2002. «Живи, да будет лик твой тих...» // Магнитогорский рабочий. 23 октября.

Фасхутдинов Р. М. 2003: Постигая Тютчева // Магнитогорский рабочий. 31 октября.

Шулежкова С. Г. (отв. ред.) 2007: Петрова Ирина Владимировна. Люди, дела, традиции: энциклопедия МаГУ (1932–2007). Магнитогорск.

*С. Г. Шулежкова,
доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и истории языка
Магнитогорского государственного университета*

ПАМЯТИ ЮЛИИ КОНСТАНТИНОВНЫ КОЛОСОВСКОЙ (1920–2002)

Ю. К. Колосовская родилась 7 августа 1920 г. в городе Наро-Фоминске в семье военнослужащего. В 1934 г. семья переехала в Москву. С тех пор Юлия Константиновна до конца своих дней оставалась преданной своему любимому городу. В 1938 г. она окончила школу и поступила в ИФЛИ на исторический факультет. Свою научную деятельность Ю. К. Колосовская начала под руководством известного ученого Николая Александровича Машкина, и это не могло не повлиять на становление Юлии Константиновны как историка.

Когда в 1941 г. ИФЛИ был слит с МГУ, Юлия Константиновна стала студенткой кафедры древней истории истфака университета, где работал В. Н. Дьяков. По окончании МГУ она более пяти лет проработала политредактором (цензором) в Московском областном и городском управлении по делам литературы и издательства. И только в 1949 г. Юлия Константиновна Колосовская поступила в аспирантуру МГПИ им. В. И. Ленина. Ее научным руководителем стал заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков профессор В. Н. Дьяков, который оценивал Юлию Константиновну как одного из талантливейших и перспективных молодых ученых. Под руководством этого выдающегося ученого Ю. К. Колосовская написала и успешно защитила в 1953 г. кандидатскую диссертацию «Дакия в период кризиса III в. н. э.». Эта диссертация стала не просто научным прорывом, но и заложила фундамент исследованиям римских провинций Подунавья на последующие десятилетия.

В том же 1953 г. Ю. К. Колосовская была принята на работу в Институт истории АН СССР младшим научным сотрудником в сектор истории древнего мира. Сразу же Юлия Константиновна была направлена редактором в журнал «Вестник Древней Истории», где начала работу должности редактора отдела критики и библиографии. Сотрудничество с этим журналом продолжалось до конца ее дней. В 1955 г. Ю. К. Колосовская была назначена редактором отдела докладов и сообщений, в 1958 г. — редактором отдела истории древнего Рима. С 1963 г. она уже состояла в должности ответственного секретаря Вестника Древней Истории. В 1976 г. Юлия Константиновна была назначена заместителем главного редактора Вестника Древней Истории, а с 1989 г. и до последних своих дней являлась членом редакционного совета.

Юлия Константиновна Колосовская была человеком, преданным своему делу. Коллеги отмечают ее отзывчивость и трудолюбие. Она не считала часов, потраченных на редактирование, организационную работу или переписку с авторами в процессе редактирования¹.

И, несмотря на такую загруженность в Вестнике древней истории, Ю. К. Колосовская вела активнейшую научную работу, продолжая разработку той проблематики, начало которой было намечено еще в аспирантские годы, — изучение истории римских провинций Подунавья.

Прежде всего хотелось бы подчеркнуть многоплановость Ю. К. Колосовской в исследовании римских провинций. Следует выделить следующие основные направления: 1) социальная структура общества провинций, которое стало определяющим в ее трудах, сузившись до изучения рабства и рабовладения в провинциях; 2) этнический состав населения провинций, который наиболее интересовал Ю. К. Колосовскую, поскольку напрямую затрагивал еще одну проблему — 3) особенности землевладения в провинциях; 4) завоевание провинций Римом; 5) романизация и падение римского владычества; 6) провинциальный город, его идеология и религиозная жизнь; 7) Рим и варвары.

---

¹ б/а. 2002. Юлия Константиновна Колосовская: Некролог // ВДИ. 2, 241–243.

По итогам своих исследований в кандидатской диссертации Ю. К. Колосовская опубликовала две статьи: «К истории падения римского господства в Дакии»² и «О романизации Дакии»³. В них отмечалось, что приток римского населения на постоянное жительство в Дакию было одним из решающих фактором романизации этой провинции, — эпоха романизации в период римского господства в Дакии была важным этапом в формировании румынского народа.

С 60-х гг. прошлого века Ю. К. Колосовская начала исследование другой римской провинции Подунавья — Паннонии. Участие в раскопках городов Подунавья, работа с археологическим материалом привели к публикации ряда научных статей, посвященных различным аспектам истории этого региона периода римского владычества.

Так, в работе о ветеранском землевладении⁴ Ю. К. Колосовская отмечает, что в период раннего принципата более широкое распространение, чем создание ветеранских колоний, приобретает наделение ветеранов земель в приграничных муниципиях, в том числе в Дакии, на Рейне и Дунае. В жизни близлежащих городов ветераны, за редким исключением, активного участия не принимали. Они, видимо, продолжали воспринимать себя как часть армии. Ветераны сохраняли корпоративную солидарность, создавая ветеранские коллегии.

Пока в легионах было много потомков италийских переселенцев из внутренних провинций Империи, широко распространено было возвращение таких ветеранов после службы домой, где они приобретали на денежный пенсион земельный участок или становились хозяевами ремесленной мастерской либо торговой лавки. В I в. н. э. ветераны и их семьи не имели тесных связей с местным населением провинции, поскольку женитьба на женщине peregrinского права определяла статус будущих детей.

Ю. К. Колосовская указывала, что ветеранское землевладение, особенно, в провинциях соответствовало основным чертам античной формы собственности на землю. Но во 2-й половине III в. легионное ветеранство все более превращается в сельское население, отрываясь от городской жизни.

В статье, посвященной вопросу о роли италийских отпущенников в романизации Паннонии⁵, Ю. К. Колосовская отмечает, что италийские отпущенники самым действенным образом содействовали социальной романизации провинции и экономическому освоению их богатств. Именно Ю. К. Колосовская способствовала утверждению этой точки зрения в современной науке, как и многих других, являющихся до сих пор ведущими в отечественной науке.

Творческому влиянию Ю. К. Колосовской наша наука обязана разработкой проблем завоевания регионов Подунавья Римом и их романизации. Дакия, полагает Юлия Константиновна, явилась последним и экономически необходимым приобретением Римской империи⁶. Золотоносные рудники сразу же стали подконтрольными исключительно императору. В период правления Адриана надзор осуществлялся путем системы двойного контроля всадниками. Время, когда рудники были переданы под контроль сразу двух прокураторов, не совсем ясно. Известно, что в период правления Каракаллы один из прокураторов поставил в Ампеле алтарь за здоровье, победу и безопасность императрицы Юлии Домны. Безусловно, влияние римских институтов и римской культуры на жизнь завоеванных провинций было очень велико. Однако, считает Ю. К. Колосовская, судить о степени культурного влияния Рима в той или иной провинции можно только на основании дифференцированного рассмотрения материала применительно к различным слоям ее населения, причем необходимо понимать, что за латинскими именами и названиями скрываются местные традиции⁷.

Именно Ю. К. Колосовская способствовала утверждению в исторической науке того факта, что Дакия была оставлена римлянами не сразу, а постепенно, начиная со времени Гордиана III.⁸ И сами причины оставления Дакии кроются не только в тяжелом военном положении империи на Дунае, но и в опасном географическом положении провинции: ее границы, далеко выдвинутые на

² Колосовская 1955а.

³ Колосовская 1957.

⁴ Колосовская 1963, 96–115.

⁵ Колосовская 1971, 55–70.

⁶ Колосовская 1987, 87–99.

⁷ Колосовская 1957, 81–101.

⁸ Колосовская 1955, 61–84.

север, были с трех сторон доступны для вторжения варварских племен. Эти племена в большинстве своем были этнически близки дакам и вследствие этого оказывали немалую поддержку внутренним мятежам. По мнению ученого, именно этот фактор способствовал успеху варварских вторжений.

Ю. К. Колосовскую интересовали разнообразные вопросы провинциальной жизни. Так, она рассматривает римский торговый капитал в Норике рубежа веков⁹, где отмечает, что в сфере экономики и торговли интересы всадников и сенаторов совпадали. Предпринимательская деятельность не была преимущественно занятием всадников, к ней обращались и представители сенаторского сословия. До сих пор нет ни одного серьезного исследования в отечественной науке, посвященного этой проблематике.

Кроме того, Ю. К. Колосовская была знакома с зарубежной историографией. Результатом стали рецензии на монографии А. Мочи¹⁰, А. Альфельди¹¹, Э. Томас¹² и др.¹³, а также ряда исследований отечественных ученых¹⁴, к которым она относилась с особым вниманием.

Итогом многолетних работ на археологических раскопках в Румынии и Венгрии, изучения новых эпиграфических данных¹⁵, анализа зарубежной историографии стало монографическое исследование Ю. К. Колосовской «Паннония в I–III вв.»¹⁶. В 1973 г. Юлия Константиновна защищает ее в качестве докторской диссертации. Книга получила высокую оценку в России¹⁷ (тогда СССР) и за рубежом. Монография и в настоящее время не утратила своей актуальности и поражает масштабностью изучения римской провинции Паннония.

Ю. К. Колосовская выдвинула ряд основополагающих выводов. В частности, она отмечает, что Паннония развивалась иным путем, а судьба паннонского города отличается от истории города в восточных провинциях Римской империи. В Паннонии не существовало тех исторических условий, которые могли бы определить ее развитие в таком направлении, в каком оно протекало в Малой Азии и Африке. Паннония была заселена кельто-иллирийскими племенами, и к моменту завоевания римляне были наиболее осведомлены об ее южных областях, где в основном и обитали эти племена.

Ю. К. Колосовская в своем труде затрагивает многие вопросы, касающиеся развития Паннонии до и после римского завоевания. Она пишет, что те племена Паннонии, которые дальше продвинулись в своем развитии и подверглись некоторому воздействию греко-римской цивилизации, оказались более расположенными признать римское владычество. Колебания знати в своих симпатиях Риму, соперничество крупных племен друг с другом, общая разобщенность сил варварского мира способствовали завоеванию Римом областей Среднего Дуная. Когда в I в. до н.э. римляне проникли в области Паннонии, ни один из союзов племен не был достаточно сильным, чтобы противостоять Риму. Неоднородность этнической и общественной структуры Паннонии сказывалась в римский период в постепенной социальной и культурной романизации отдельных племен и областей. И тем не менее, пережитки родоплеменной организации у паннонских народов не были ликвидированы полностью. Социальная структура племенных общин Паннонии была далеко не однородной, и ее не всегда можно уподобить общепринятой общинной организации, считает Ю. К. Колосовская. После завоевания этого региона Римом на территории Паннонии стали действовать римские законы, но именно особенности социальной структуры паннонских племен ограничивало взаимодействие римских институтов и, напротив, содействовало известной консервации старых доримских общественных отношений. Завоевание Паннонии является, по мнению Ю. К. Колосовской, важнейшей частью внешней политики Рима, поскольку открыло выход к Среднему Дунаю¹⁸. В результате присоединения к Империи Норика, покорения ретийско-винделикских племен, завоевания Паннонии

⁹ Колосовская 1974б, 44–55.

¹⁰ Колосовская 1965, 173–180; 1970а, 183–188; 1974, 201.

¹¹ Колосовская 1967, 185–192.

¹² Колосовская 1966а, 113–118.

¹³ Колосовская 1968, 199–208; 1969а, 194–198; 1973а, 221–223.

¹⁴ Колосовская 1957б, 176–182; 1959, 160–170.

¹⁵ Колосовская 1978, 165–183.

¹⁶ Колосовская 1973в.

¹⁷ Мурыгина 1975, 244–248.

¹⁸ Колосовская 1961, 60–83.

и Мезии вся северная граница империи была продвинута до Дуная, ставшего римской границей на всем своем протяжении.

Касаясь в своей монографии вопроса о сопротивлении паннонских племен римскому владычеству, Юлия Константиновна приходит к выводу, что причины поражения восстания коренились именно в уровне общественного развития панноно-далматских племен, которые были не в состоянии противостоять мощной военной и государственной организации Рима.

Особо Ю. К. Колосовская отделяет вопросы развития городского строя и структуры земельной собственности. И хотя ранее эти вопросы были затронуты в многочисленных публикациях, тем не менее Юлия Константиновна сумела полностью раскрыть особенности и выделить характерные черты городского строя. Она подчеркивает, что развитие муниципального землевладения в Паннонии было непосредственно связано с поселением ветеранов. И хотя муниципальное землевладение I–III вв. было определяющим для структуры земельной собственности в провинции, его развитие не было однозначным и прямолинейным и зависело от внутренних и внешних условий в самой провинции и от общей политики императорской власти в отношении городов. А города возникали на юге и западе провинции на основе преобразования лагерных поселений ветеранов паннонских легионов. Собрав все имеющиеся на тот момент источники, Ю. К. Колосовская с сожалением вынуждена была констатировать, что невозможно определить ни состав населения прилегающих к городам сел, ни их внутреннюю организацию. Несомненно, считает она, что эти сельские общины, находясь вдали от городов и военных лагерей, должны были сохранять черты доримского периода развития.

Отдельной главой рассматриваются аспекты развития рабства, в том числе этнический состав рабов и их градация. Автор приходит к заключению, что именно развитие городов способствовало распространению рабства и что рабство как форма эксплуатации должно было найти применение в провинции уже вследствие самого акта завоевания, в результате чего Паннония оказалась в рабовладельческой системе и стала частью этой системы. Она приходит к выводу, что в этой провинции рабство пронизывало все сферы жизни. Вся совокупность свидетельств о рабах и отпущенниках из Паннонии убеждает, считает автор, в том, что мы имеем дело с римским провинциальным рабовладельческим обществом, развитие которого следовало общим закономерностям римского мира, но которое в то же время имело свою специфику, в частности, здесь не нашел своего отражения и проявления кризис рабства как института в III в. н. э.

Вопросам социальной структуры римского общества¹⁹ и развития рабства Юлия Константиновна в своих исследованиях отводила особое место²⁰, акцентируя внимание на значимости ветеранских поселений и коллегий в провинциях. Собранный материал лег в основу главы «Рабство в Дунайских провинциях» в коллективной монографии, созданной вместе с такими известными исследователями, как Е. М. Штаерман, В. М. Смирин, Н. Н. Белова²¹.

Рассматривая материал трех провинций: Далмации, Норика и Дакии, Ю. К. Колосовская приходит к выводу, что представления о динамике рабства на Дунае и его специфике существенны для понимания характера римского провинциального рабовладельческого общества. Однако она отмечает также, что надписи, хотя и дают нам массовый материал, но оставляют в стороне многие вопросы, важные для суждения о производственной стороне рабства. Некоторые конкретные особенности развития рабства в провинциях, обусловленные характером их колонизации, спецификой экономической жизни в каждой из них, воздействием местной этнической среды, в значительной степени зависели от той большой роли, которую играли императорские рабы и отпущенники в социальной и культурной романизации провинций и в распространении самой системы римского рабства. Так, рабство в Далмации отличалось некоторой спецификой, неся на себе отпечаток влияния Италии, а сам институт рабства получил не одинаковое распространение в отдельных областях провинции. Эволюция рабства в Далмации, по мнению Ю. К. Колосовской, привела к тому, что меняется метод использования труда рабов, которых стали реже отпускать на волю, но чаще — предоставлять пекулий. Мирное присоединение Норика к империи, близость к Италии, итальянская колонизация способствовали социальной и культурной романизации провинции и распространению самого института рабства. В этой провинции труд рабов постепенно охватывает все отрасли ее экономики,

¹⁹ Колосовская 1969б, 122–129.

²⁰ Колосовская 1962, 186–198.

²¹ Штаерман 1977.

в том числе и чисто специфическое для Норика звероловство. Особое влияние на характер рабства в этом регионе оказал и тот факт, что институт рабства был известен кельто-иллирийскому населению провинции. В Дакии, замечает Ю. К. Колосовская, мы не наблюдаем такой роли отпущенников в экономике провинции, как в Далмации и в первый период истории Норика. При этом о распространении рабского труда в хозяйствах дакийских крестьян нет никаких сведений, однако некоторые данные позволяют предполагать, что рабство могло быть распространено и местной, сельской дакийской среде. Надписи, имевшиеся в распоряжении Юлии Константиновны, позволили ей сделать вывод о том, что до кризиса III в. рабовладельческое общество этой провинции еще находилось в состоянии расцвета. Ю. К. Колосовская отмечает также особое положение императорских рабов и отпущенников в Далмации, Норике и Дакии. Она приходит к заключению, что рабы и отпущенники императоров были ответственны за многие финансовые и административные ведомства в городах, а нередко и по всей провинции, что приближало их к положению высших сословий городов — декурионов и августалов. И, в сущности, многообразную жизнь провинциальных городов невозможно представить без непосредственного участия императорских рабов и отпущенников. Это социальный слой, правовое и материальное положение которого столь не похоже на все, что последующие века прочно связали с представлениями о рабстве.

Вопросу развития города как центра общественной, культурной и религиозной жизни Юлия Константиновна Колосовская посвятила несколько своих исследований. Отдельная глава в монографии «Паннония I–III вв.» затрагивает вопросы социальной и культурной романизации и значении городов в этой связи. Автор считает, что, несмотря на то, что гражданская община в Паннонии возникает вначале на основе италийской колонизации и по образцу италийских колоний, в дальнейшем урбанизации провинции происходит главным образом на основе римского муниципия. Подробно останавливаясь на внутренней организации римского провинциального города, Юлия Константиновна отмечает, что преимущественно италийская колонизация юго-западных и южных городов имела своим следствием, что общественная муниципальная, культовая деятельность здесь оказалась в руках переселенцев из Италии, в числе которых были во множестве ветераны и италийские отпущенники. Отмечая существование, деятельности и типы коллегий, Ю. К. Колосовская пишет о существовании в Паннонии Великой коллегии императорских лавров и изображений, которая имеет древние италийские корни. Вообще, замечает она, прославление императора в Паннонии выражалось в самых различных формах. Объяснение этому лежит, считает Юлия Константиновна, не только в том, что это была пограничная область Империи, где находилось большое количество войск и императорских служащих, но и в том, что в провинции постоянно возникали слои населения, обязанные своим возвышением римской власти.

Интересный факт, на котором останавливается автор, что муниципальные и жреческие должности в коллегиях с общественным культовым содержанием нередко занимали представители одних и тех же богатых семейств, продвигающихся от одной магистратуры к другой, более высокой.

Особый интерес для Юлии Константиновны представляла религиозная жизнь городов, в частности городов Паннонии. Так, особо отмечено в монографии распространение культа Сильвана, а также культа синкретического божества, именуемого Дунайским всадником. Распространение последнего культа характерно для территорий Паннонии, Дакии и Верхней Мезии.

Ю. К. Колосовская приходит к заключению, что религиозная жизнь римского провинциального города в III в. н. э. представляется не только многообразной, но даже в некоторых моментах противоречивой. С одной стороны, происходит возрождение местных верований, которые были связаны преимущественно с сельскими слоями населения, указывает на желание отрешиться от поддерживаемых императорским правительством богов. С другой стороны, не только общественно-политическая, но и религиозная жизнь оказывается под контролем императорской власти, что отчетливо проступает в религиозной политике Северов. Особо автор касается вопроса о проникновении и распространении христианства. Проанализировав данные, Юлия Константиновна приходит к выводу, что христианство распространялось в провинции из южных городов, а самые ранние свидетельства о существовании христианских общин в городах Паннонии можно отнести к IV в. н. э.

Вопросу идеологии Ю. К. Колосовская коснется в своих трудах не раз. Так, в статье «Из истории идеологии позднеримского общества Паннонии»²² она также отмечает, что процесс христи-

²² Колосовская 1988а, 29–41.

анизации провинции продолжался и после крушения римской власти. Те народы, которые заняли Паннонии с уходом римских войск и римской администрации — гепиды и лангобарды, — узнали христианство в его арианской форме.

История позднеантичных городов была той темой, которая, что называется, красной нитью проходит сквозь все исследования Ю.К. Колосовской. Изучая “Commemoratorium” Евгриппия²³ в качестве источника, Юлия Константиновна рассматривает различные аспекты развития городов Норика, в том числе и взаимоотношения римлян и местного населения, в частности ругиев. Она приходит к выводу, что условия существования ряда провинциальных городов Норика всецело зависели от варваров, вследствие чего возрастало значение города как места убежища для сельского населения. Все это, по ее мнению, позволяет сближать позднеантичный город с городом ранне-средневековым. Кстати, Ю.К. Колосовская не раз обращалась к уникальным и редким источникам. Так, историю Паннонии она попыталась рассмотреть сквозь призму агиографического источника «Мученическое страдание четырех святых венценосцев»²⁴.

В статье «О структуре провинциальных городов на Дунае» Юлия Константиновна не только рассматривает социальную и этническую составляющую города этого региона, она представляет картину жизни на примере жизни и карьеры конкретных исторических лиц из разных слоев, в частности Квинта Марция Турбона, который был единственным представителем всаднического сословия, которому после смерти была декретирована сенатом статуя в Риме²⁵.

Итогом многолетних исследований по данной теме стало участие в коллективной двухтомной монографии «Культура древнего Рима»²⁶, в которой Ю.К. Колосовская написала раздел «Римский провинциальный город, его идеология и культура». Кроме того, Юлия Константиновна выступила в качестве члена редколлегии монографии.

В своей работе Ю.К. Колосовская отмечает, что римский провинциальный город, его культура и идеология возникали и развивались в различных областях римского мира не одновременно. Это было обусловлено тем, считает автор, когда именно так или иная провинция вошла в состав римского государства и на каком уровне общественного развития находилось ее население накануне римского завоевания. Ю.К. Колосовская приходит к основополагающему выводу, что все многообразие культурно-идеологической жизни римского провинциального общества, о котором позволяют судить памятники I–III вв., связано не только с самим процессом развития римского рабовладельческого общества, но и с многоэтничным составом населения империи, различные области которой отличали свои культурно-исторические традиции. В то же время идеология и культура римского провинциального города оставались идеологией и культурой всей Римской империи. Однако в период поздней империи римский город как община граждан начинает, по сути дела, распадаться на отдельные религиозные секты и братства, этнические группы, возникавшие на основе религиозных или хозяйственных связей. Именно религиозная жизнь занимает большое место в общественной жизни горожан, начиная с III в. н. э. Императорский культ, который был единственной связующей политической идеей Римской империи, постепенно теряет свое значение. Ему на смену приходит христианство, ставшее благодаря эдиктам императора Константина государственной религией. И уже вместе с христианством, считает Ю.К. Колосовская, варварский мир пограничных регионов ознакомился с культурой римского провинциального общества и римского провинциального города.

Большое место в истории провинциальных городов Римской империи занимали женщины, полагает Юлия Константиновна. Этот вывод исходит из того факта, что женщины сыграли немалую роль в становлении римского общества и римского образа жизни: римские гражданки принимали деятельное участие в жизни гражданских общин, образующихся на территории Паннонии²⁷. Именно римские женщины внесли особый вклад в культуру и уровень нравственности в городах. Но в то же время паннонские женщины, жрицы культа Солнца, сохраняя местные традиции и религиозные верования, способствовали восприятию культуры Паннонии римлянами.

²³ Колосовская 1977а, 44–53.

²⁴ Колосовская 1990, 45–61.

²⁵ Колосовская 1988б, 85–93.

²⁶ Колосовская 1985.

²⁷ Колосовская 1995, 142–155.

Вопроса власти Ю. К. Колосовская коснулась в своем докладе на конференции Института Всеобщей Истории РАН²⁸. Она отметила, что царская власть была первой формой власти древности и именно о ней писали древние. Борьба за царскую власть могла разобщать племена, но если царская власть принимала законные и наследственные формы, то это означало некую стабильность и мир.

Исследованию этнической принадлежности, области расселения и этимологии племени агафирсов Юлия Константиновна посвятила ряд публикаций²⁹. Она приходит к выводу, что господство этого племени в карпатских землях держалось до прихода на Дунай бастарнов и до возвышения даков. Враждебные отношения между собой пришлые племена способствовали сохранению влияния агафирсов в Карпато-Днестровском бассейне, но к I в. н. э. агафирсы утратили господствующее положение в этом регионе.

Загравивая в своих работах вопросы этнического состава населения Дунайских провинций, Ю. К. Колосовская подробно изучала эпиграфические данные. Одна из ее работ посвящена фракийскому населению в Паннонии³⁰, где она отмечает, что упоминания о лицах фракийского происхождения именно в надписях Паннонии появляются начиная со II в., когда с завоеванием Дакии установились многосторонние контакты Паннонии с восточнобалканскими областями империи и зоной Нижнего Дуная. Именно с этого времени, полагает исследователь, прослеживается влияние Фракии в области культуры. Эпиграфические данные показывают, что фракийское влияние было незначительным и исходило главным образом от тех воинских соединений, которые были сформированы из фракийцев и которые стояли в Паннонии во II–III вв. В это отношении картина, наблюдаемая в Паннонии, была сходна с тем, что отличало другие западные области империи, сам город Рим и Италию, где фракийцы в подавляющем большинстве случаев также были военными, а какая-то часть — рабами. Ю. К. Колосовская отмечает, что в Паннонии неместные племена образовывали собственные коллегии и ассоциации, сохраняя приверженность своему местному божеству. Тем не менее, и это характерно для всей римской армии, среди фракийцев, служивших в легионах, был широко распространен культ Митры и культы римских богов. Во многом благодаря римским легионам в провинции стали проникать традиционные римские культы, впрочем, как и местные культы, становились почитаемы среди военных, осевших на данной территории. Юлия Константиновна как раз и отмечает, что в религиозной сфере очевидны взаимовлияния и взаимопроникновения римских культов и культов, которые были отличительными для той или иной римской провинции и были привнесены на Дунай колонистами или военными из других областей империи. Так, уже в I в. н. э. в Паннонию проникает культ Исиды, египетской богини, и получает достаточно широкое распространение в провинциях и городах «янтарного пути»³¹. Проникнув из Италии, культ богини Исиды был распространен среди итальянских колонистов Паннонии, среди которых имелось множество отпущенников, колонизировавших ее юго-западные города. Самые ранние свидетельства о почитании Исиды в Паннонии происходят из Саварии с конца I в. н. э. Именно в Саварии, которая до разделения Паннонии при Траяне была столицей провинции, был обнаружено существование Исеума, священного храмового округа Исиды и самого святилища. В коллегии богини Исиды находились рабы частных лиц с правом римского гражданства, а также peregrinского статуса, входили рабы, находящиеся в собственности всей колонии Саварии, отпущенники, а также лица, судя по именам, паннонского происхождения. Господа и их рабы могли состоять в одной курии, а человек peregrinского статуса мог занимать жреческие должности. Во второй половине II в. н. э. культ Исиды, занявший прочное место в римском пантеоне, получивший признание в различных социальных слоях, оказывается связанным с почитанием императора. Ю. К. Колосовская отмечает, что Паннонская надпись времени Коммода и рельефы святилища Исиды свидетельствуют, что официальная идеология Римской империи, находившая свое наиболее яркое выражение в императорском культе, накладывала ощутимый отпечаток на самые различные формы религиозной жизни в провинции³². На территории Империи общественно-политическая деятельность во всех ее аспектах была связана с прославлением императора и упрочением существующего режима. Пропаганда императорского культа носила

²⁸ Колосовская 1997б, 48–60.

²⁹ Колосовская 1982, 47–69.

³⁰ Колосовская 1989, 31–36

³¹ Колосовская 1977б, 74–77.

³² Колосовская 1966б, 99–107.

государственный характер и самым действенным образом влияла на общественные политические взгляды. В колониях и муниципиях дунайских провинций была организована самая древняя из италийских коллегий, почитавших императора — *collegiums iuvenum*. Ю. К. Колосовская, изучив историографию этого вопроса, эпиграфические данные и свидетельства античных авторов, привлекая памятники изобразительного искусства, в частности рельеф времен Траяна, приходит к выводу, что основным в деятельности этой коллегии являлось воспитание молодого поколения граждан городов в духе преданности императорской власти. Подобные коллегии были широко распространены в городах Паннонии и могли объединять значительное число молодежи. Ю. К. Колосовская отмечает также существование Коллегии, заботившейся о почитании императорских лавров и сохранении изображений императора и членов его семьи. По примеру старых коллегий италийского происхождения возникали другие подобные объединения, почитавшие божественную судьбу, надежды и победы императора. Деятельность таких коллегий заключалась обычно в установлении статуй императорам и членам их семей, в сохранении в надлежащем порядке императорских изображений, совершении в их честь жертвоприношений, в праздновании торжественных и памятных дат всей династии, когда все коллегии со своими знаменами проходили по улицам города. В Дакии и Паннонии существовала *collegiums victorianozum*, члены которой обязаны были не только почитать богиню Победу и торжественно прославлять военные победы императора, но и постоянно выражать уверенность в этих победах, что являлось, вероятно, свидетельством благонадежности коллегии. Руководили коллегиями в основном богатые провинциалы местного происхождения. Вершиной карьеры для них являлось занятие должности жреца алтаря богини Ромы или алтаря Августа. Для тех слоев провинциального общества, которые своим возвышением были обязаны императорской власти, их обязанности в коллегии не всегда были тягостными и фальшивыми. Наоборот, эти обязанности имели для них реальное значение: участие в коллегиях утверждало их общественное положение как среди римских граждан, теперь уже потомков колонистов, так и среди своих соплеменников, до эдикта Каракаллы в значительной массе остававшихся на паломническом праве. Именно поэтому, считает Юлия Константиновна, деятельность коллегий императорского культа оказывалась на Дунае активной и разнообразной и, кроме коллегий обязательных и давно учрежденных государством, здесь встречались объединения, возникавшие по инициативе частных лиц.

Ю. К. Колосовской был сделан огромный вклад в изучение дунайских провинций. Личное участие в археологических раскопках позволило пополнить мировую науку новыми сведениями о развитии общества Дунайских провинций и его структуре и взаимоотношениях с соседями. Кроме того, именно ею были определены основные направления отечественной науки в вопросах изучения взаимоотношений Рима и варваров. Именно она акцентировала внимание на четком разграничении античными авторами на эллинов и варваров. Хотя, как заметила сама Юлия Константиновна, у Гомера подобного противопоставления еще нет. В одной из своих статей она пишет, что генеты вместе с пафлагонцами, ликийцами, мезийцами и пеонами могут быть отнесены к гиперборейцам³³. Венеты — генеты получили свое наименование от имени родителя, Аполлона-Генетора. Она заключает, что сами гиперборейцы понимались древними авторами как люди, живущие на севере, т. е. в районе Рипейских гор (Урал), Карпат или Альп. Но являлись ли эти венеты, отождествленные Ю. К. Колосовской с генетами, т. е. с троянцами, праславянами? Тщательно анализируя сведения античных авторов, а также филологические аспекты этнонимов и топонимов, она приходит к выводу, что венеты были одним из значительных племен Пафлагонии, а затем некоторые из их городов вошли во владение тиранов Гераклеи Понтийской. Это были родственные племена, к которым Страбон применил характерное для этого деление на филы. Античные авторы порой сами путали этническую принадлежность венетов. Северная Франция, Бельгия, Голландия, Германия обнаруживают сходство с топонимикой Северной Италии в отношении венетов. Ю. К. Колосовская утверждает, что это были племена, пользовавшиеся одним или несколькими дочерними языками индогерманского происхождения, сходными с языком венетов Северной Италии. Распространение имени венетов на территории Центральной и Северной Европы, а также на южном побережье Понта свидетельствует о длительном проживании этого народа и там, и там. Так, в Италии была известна община *Venetulani*, в Галлии во времена Цезаря существовала область, занятая племенем венетов — *Venetia*, главный город Бретани назывался *Venetae*, озеро, лежащее в центре Европы — Боденское — именована-

³³ Колосовская 1997а, 104–113.

лось Venetus lacus и т. д. Тем не менее, несмотря на столь яркие примеры, хотелось бы отметить, что выводы эти достаточно поспешны. В частности, последние исследования признают существование по крайней мере двух племен, носящих одно и то же имя, так, как их называли античные авторы. Но вопрос об их происхождении еще не решен окончательно.

Ю. К. Колосовская была тонким знатоком конкретного материала источников. Трактовка Ю. К. Колосовской отношений в Паннонии и Дакии, а также особенности взаимоотношений Рима и племен на Дунае стало классическим примером исторического исследования. Ее отличает последовательность взглядов, осторожность в интерпретациях и крайняя осмотрительность в выводах. Прежде чем сформировать общую картину конкретной проблематики, Ю. К. Колосовская всегда тщательно и скрупулезно исследует малые частицы. Так, формирование концепции о взаимоотношениях племен на Дунае было начато с исследования отдельных аспектов каждого конкретного региона, постепенно перерастая в ведущую проблему, ставшую основополагающей в исследованиях Ю. К. Колосовской. В результате вопрос о взаимоотношениях Рима и варварских племен³⁴ на Дунае лег в основу монографии, ставшую последним трудом этого видного ученого³⁵.

До сих пор проблема взаимоотношений Рима и варваров является одной из ведущих проблем древней истории. В своем докладе на Международном симпозиуме в Чехословакии³⁶ Ю. К. Колосовская отметила, что отношения римского мира и варварского начали складываться еще в период Республики, когда завоеванные римлянами царства и народы в качестве римских провинций вошли в сферу господства и влияния Рима. Такие понятия, как «дружба» между царями и Римским народом, отправка детей и заложников в Рим для получения образования, предоставление царю или вождю римского гражданства были средством влияния и удержания во власти Рима того или иного племени и народа, инструментами римской внешней политики. Именно торговля являлась тем основополагающим фактором, который определял взаимоотношения Рима и варварских племен³⁷.

Одним из действенных институтов взаимоотношений стал институт гостеприимства, который развился из института римской общины, став одним из правовых институтов *ius gentium*. Вместе с «дружбой» гостеприимство явилось основой для внешней политики Рима, в том числе и в отношении варварских племен, внутри которых отношения как раз и строились на основе гостеприимства³⁸.

Юлия Константиновна отмечает, что изначально агрессивная политика Рима была направлена не только на захват территорий. Стремясь обеспечить безопасность дунайских провинций, римляне не только возводили укрепления на лимесе, но и проводили политику натравливания одних племен на другие и создания зависимых от Рима государств. В то же время особую роль во взаимоотношениях провинции и варварских племен, а соответственно, и Рима играла торговля на дунайской границе. К III в. н. э., считает Юлия Константиновна, стало ясно, что Римская империя более не может вести агрессивную политику в отношении своих соседей. Изменилось соотношение сил варварского и римского мира, изменилось и развитие варварских племен. Кроме того, на историческую арену выступили новые народы, и Римская империя все более вынуждена была не только считаться с существованием своих разноплеменных соседей, но и порой отступать под и давлением. Ю. К. Колосовская считает, что взаимоотношения Империи с варварским миром на Дунае составляют едва ли не всю внешнеполитическую историю ее последних столетий. Она приходит также к выводу, что ошибочным было считать, что в период кризиса и узурпаций власти середины III в. дунайские войска оставались неизменной опорой центральной императорской власти. Напротив, считает она, этот комплекс провинций был далеко не надежен, а войска и гражданское население этих провинций преследовали свои собственные политические цели. И хотя достигнутая усилиями иллирийских императоров реставрация Империи объясняется в историографии особыми моральными качествами иллирийцев, Юлия Константиновна уверена, что причины этому следует видеть в аграрной и социальной структуре населения дунайских провинций, где сохранялись значительные массы крестьянского населения, способствовавшего экономической устойчивости и жизнеспособ-

³⁴ Колосовская 1980б, 180–192; 1996, 146–166.

³⁵ Колосовская 2000.

³⁶ Колосовская 1980а, 224–229.

³⁷ Колосовская 1997в, 100–106.

³⁸ Колосовская 1(4), 1999, 86–98.

ности этих провинций в войнах III–IV вв. Смещение старого романизованного населения происходило посредством браков, хотя правительство пыталось этому противодействовать. Это население выступало в отношении готам и гуннам, занявшим Паннонию в нач. V в. н. э., в известной мере преемником и носителем античных культурных традиций и производственных навыков. В то же время сами римские формы политической и военной организации были разрушены теми же варварами.

Монография «Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н. э.»³⁹ стала завершением исследований Ю. К. Колосовской. Фактически в нее легли все накопленные за предыдущие годы наработки и выводы. Книга охватывает историю племен и народов на Дунайском лимесе в указанный период и ход формирования социально-экономической структуры римских провинций, возникших в результате взаимодействия Рима и мира племен на территориях, примыкавших к Дунаю. Автор приходит к выводу, что отношения Империи с варварским миром охватывали все сферы жизни этого мира. В племенном мире постоянно происходило движение в виде военных конфликтов, дипломатических соглашений, торговых и культурных контактов. Основное противоречие Ю. К. Колосовская усматривала в том, что между торговлей и войной существовала прямая связь. Но в то же время главным и основным условием для развития торговли было наличие мира на границах Империи. Римляне использовали этот фактор, используя торговлю как средство поработить страну. Лимес, являясь зоной военных конфликтов, одновременно был центром торговли между Римом и варварским миром. Торговля на границе происходила постоянно, и только со временем менялся ее характер и объем. Даже в эпоху Поздней империи рынки и места для торговли на лимесе оставались главной потребностью для мира и римского, и племенного. И порой именно варварским миром определялась политика и ситуация в Римской империи, ведь наместники, преследуя свои собственные политические цели, часто оказывались неверны императорской власти⁴⁰. Ю. К. Колосовская, завершая свою монографию, написала, что проблема «Рим и варвары» является настолько всеобъемлющей, что для ее раскрытия и полного понимания требуются усилия многих ученых. Эти слова могут быть восприняты как своеобразное напутствие молодым исследователям.

Наряду с углубленной исследовательской работой Юлия Константиновна активно участвовала в создании коллективных трудов. Помимо уже рассмотренной главы из монографии «Рабство в западных провинциях Римской империи», она написала главы для 1-го тома истории Венгрии, разделы по истории Карпато-дунайских земель в период римских завоеваний для 1-го тома «Истории Молдавской ССР», ряд параграфов для 1-го тома Истории Европы. Также следует упомянуть ее вклад в создание 1-го тома истории Всемирной литературы и Истории Румынии.

Особое значение для нашей страны и науки было участие и выступление Ю. К. Колосовской в многочисленных симпозиумах и конференциях, начиная с 1958 года — в Венгрии, Румынии (1968 г.), Югославии (1974 г.), Австрии (1980 г.), Чехословакии (1982 г.). Не оставляла она без внимания конференции отечественных антиковедов. Ряд работ Юлии Константиновны переведены и изданы за рубежом. Она по праву считается одним из ведущих специалистов по истории римских провинций и народов Подунавья.

Как исследователь Ю. К. Колосовская была вдумчивым и требовательным к себе работником. Ее трудолюбие и скромность отмечают все, кто знал Юлию Константиновну. Интересы ее научной деятельности были разносторонними и многогранными. Ю. К. Константиновна обладала широким кругозором, умением работать с источниками и анализировать их. И. Л. Маяк отметила, что про таких исследователей, как Ю. К. Колосовская, и говорят: честный ученый. По натуре Ю. К. Колосовская была оптимистом, и этот оптимистический настрой, надежду в успех дела, уверенность в своих творческих силах стремилась передать всем, с кем встречалась. Она верила, что ни время, ни политические указания не властны над настоящими историческими исследованиями.

³⁹ Колосовская 2000.

⁴⁰ Колосовская 1988в, 20–37.

Основные печатные работы Ю. К. Колосовской

1. Колосовская Ю. К. 1955: К истории падения римского господства в Дакии // ВДИ. 3, 61–84.
2. Колосовская Ю. К. 1955: А. М. Ременников, Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке, «Причерноморье в античную эпоху» [Рецензия] // ВДИ. 4, 72–77
3. Колосовская Ю. К. 1957: К вопросу о романизации Дакии // ВДИ. 1, 81–101.
4. Колосовская Ю. К. 1959: О. В. Кудрявцев, Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории: [Рецензия] // ВДИ. 1, 160–170.
5. Колосовская Ю. К. 1961: Завоевание Паннонии Римом // ВДИ. 1, 60–83
6. Колосовская Ю. К. 1962: Рабство в Дунайских провинциях Римской империи (обзор новейших памятников) // ВДИ. 3, 186–198.
7. Колосовская Ю. К. 1963: Ветеранское землевладение в Паннонии // ВДИ. 4, 96–115.
8. Колосовская Ю. К. 1965: Mócsy, Pannonia, RE, Supplbd. IX, 1962. [Рецензия] // ВДИ. 3, 173–180
9. Колосовская Ю. К. 1966: Edit V. Thomas, Römische Villen in Pannonien. Budapest, 1964. [Рецензия] // ВДИ. 1, 113–116.
10. Колосовская Ю. К. 1966: Коллегии императорского культа в дунайских провинциях (по надписям Норика, Дакии и Паннонии) // Культура античного мира: сб. М., 99–107.
11. Колосовская Ю. К. 1967: Géza Alföldi, Bevölkerung und Gesellschaft der römischen Provinz Dalmatien. Budapest, 1965. [Рецензия] // ВДИ. 1, 185–192.
12. Колосовская Ю. К. 1968: Les Empereurs Romains d'Espagne. P., 1965. [Рецензия] // ВДИ. 3, 199–208.
13. Колосовская Ю. К. 1969: D. Tudor, Sucidava. Une cite daco-romaine et byzantine en Dacie. Bruxelles — Verchem, 1965. [Рецензия] // ВДИ. 1, 194–198.
14. Колосовская Ю. К. 1969: К вопросу о социальной структуре римского общества в I–III вв. // ВДИ. 4, 122–129.
15. Колосовская Ю. К. 1970: A. Mócsy, Gesellschaft und Romanisation in der römischen Provinz Moesia Superior. Budapest, 1970. [Рецензия] // ВДИ. 4, 183–188.
16. Колосовская Ю. К. 1970: «Вестник древней истории» и развитие советской историографической науки в древнем мире // Институт Всеобщей Истории. Бюллетень научной информации. Вып. 1. М., 55–70.
17. Колосовская Ю. К. 1971: Роль италийских отпущенников в романизации Паннонии // ВДИ. 2, 57–70.
18. Колосовская Ю. К., Маринович Л. П. 1971: Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. // ВДИ. 4, 241–244
19. Колосовская Ю. К. 1972: Древности римской Паннонии в Москве // ВДИ. 4, 189–194.
20. Колосовская Ю. К. 1973: Claustra Alpium Iuliarum I. Fontes, Ljubljana, 1971. [Рецензия] // ВДИ. 2, 166–167.
21. Колосовская Ю. К. 1973: L. Balla, T. P. Buocz, Z. Kadar, A. Mócsy, T. Szenléleky, Die römischen Steindenkmäler von Savaria. Budapest, 1971. [Рецензия] // ВДИ. 1, 221–223.
22. Колосовская Ю. К. 1973: Паннония в I–III вв.: моногр. М.
23. Колосовская Ю. К. 1974: L. Barkoczi — A. Mócsy, Die römischen Inschriften Ungarns (RIU, I), Budapest, 1972. [Рецензия] // ВДИ. 3, 201–202.
24. Колосовская Ю. К. 1974: Римский торговый капитал в Норике в I в. до н.э. — I в. н.э. // ВДИ. 4, 44–55.
25. Колосовская Ю. К. 1977: Commemoratium Евгриппия как источник по истории позднеантичного города // ВДИ. 1, 44–53.
26. Колосовская Ю. К. 1977: Коллегия почитателей Иисуса из Паннонии // История и культура античного мира. М., 74–77.
27. Колосовская Ю. К., Штаерман Е. М. и др. 1977: Рабство в западных провинциях Римской империи I–III вв. / Е. М. Штаерман, В. М. Смирин, Н. Н. Белова, Ю. К. Колосовская. М., 1977.

28. Колосовская Ю. К. 1978: Новые публикации эпитафических памятников по истории дунайских провинции // ВДИ. 4, 165–183.
29. Колосовская Ю. К. 1980: Международный симпозиум в Чехословакии по проблеме «Римляне и варвары в Среднем Подунавье» // ВДИ. 4, 224–229.
30. Колосовская Ю. К. 1980: Проблема «Рим и варвары» в советской историографии античности последних десятилетий // ВДИ. 3, 180–192.
31. Колосовская Ю. К. 1982: Агафирсы и их место в истории племен Юго-Восточной Европы // ВДИ. 4, 47–69.
32. Колосовская Ю. К. (соавт.) 1983: История Всемирной Литературы. Т. 1. М.
33. Колосовская Ю. К. 1984: К вопросу об агафирсах // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 181–193.
34. Колосовская Ю. К. 1985: Позднеримский город на Дунае и варвары // From Late Antiquity to early Byzantium. Praha, 117–121.
35. Колосовская Ю. К. (соавт.) 1985: Культура древнего Рима: в 2 т. / Е. С. Голубцова (ред.). М.
36. Колосовская Ю. К. 1986: О фракийском населении в Паннии / Проблемы античной культуры: сб. М., 31–36.
37. Колосовская Ю. К. 1987: Муниципализация рудничного округа Дакия // ВДИ. 4, 87–99.
38. Колосовская Ю. К. 1988: Из истории идеологии позднеримского общества Паннии // Культурная и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения / Л. С. Чиколин (ред.). М., 29–41.
39. Колосовская Ю. К. 1988: О структуре провинциальных городов на Дунае / Античность и средневековье Европы: межвуз. сб. Вып.4. / И. Л. Маяк (ред.). Пермь, 85–93.
40. Колосовская Ю. К. 1988: Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии // ВДИ. 4. 20–37.
41. Колосовская Ю. К. (соавт.) 1988: История Европы. Т. 1. / Е. С. Голубцова (ред.). М.
42. Колосовская Ю. К. (соавт.) 1988: История Молдавской ССР с древнейших времен и до наших дней. Т. 1. Кишинев.
43. Колосовская Ю. К. 1990: Агиографический источник по истории Паннии // ВДИ. 4, 45–61
44. Колосовская Ю. К. (пер. и коммент.) 1992: Мученичество четырех святых венценосных, написанное Порфирием; Мученичество святого Квирина, епископа Сискии в Паннии; Мученичество святого Флориана // ВДИ. 2, 229.
45. Колосовская Ю. К. 1993: Римский наместник в агиографических легендах / Социальная структура и социальная психология античного мира: доклады конференции. М., 120–130.
46. Колосовская Ю. К. 1995: Образ римской женщины в Паннии / Женщина в античном мире: сб.ст. / Л. П. Маринович (отв.ред.). М., 142–155.
47. Колосовская Ю. К. 1996: Некоторые вопросы истории взаимоотношений Римской империи с варварским миром // ВДИ. 2, 146–166.
48. Колосовская Ю. К. 1997: Народ венетов в свидетельствах древних // Античный мир. Византия. К 70-летию проф. В. И. Кадеева: сб. Харьков, 104–113.
49. Колосовская Ю. К. 1997: О царской власти в варварских обществах // Власть, человек и общество в античном мире. М., 48–60.
50. Колосовская Ю. К. 1997: Правовые основы торговли римлян с варварами // Торговля и торговцы в античном мире: сб. М., 100–106.
51. Колосовская Ю. К. 1998: О структуре провинциального города на Дунае // Античность и средневековье Европы. Вып.4. Пермь, 85–93.
52. Колосовская Ю. К. 1998: Христианские общины позднеримского города на Дунае // Человек и общество в античном мире. М., 224–266.
53. Колосовская Ю. К. 1999: Гостеприимство в системе *ius gentium* древнего Рима // *Ius Antiquum*. 1, 81–98.
54. Колосовская Ю. К. 2000: Рим и мир племен на Дунае: моногр. М..

Публикации о Ю. К. Колосовской и ее трудах:

1. *Мурьгина Н. Ф.* 1975: Колосовская Ю. К. Паннония в I–III вв. М., 1973 // Советская археология. 3, 244–248
2. *Ременников А. М.* 1978: Е. М. Штаерман, В. М. Смирин, Н. Н. Белова, Ю. К. Колосовская, Рабство в западных провинциях Римской империи в I–III вв., М., 1977. [Рецензия] // ВДИ. 2, 198–203.
3. К 70-летию Юлии Константиновны Колосовской // ВДИ. 4, 192
4. Юлия Константиновна Колосовская. Некролог // ВДИ. 2, 241–243.

*Ю. В. Куликова,
кандидат исторических наук,
ст. преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков МПГУ*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия. Москва
АОУП	— Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск
АРТ	— Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад; Душанбе
БИ	— Боспорские исследования. Керчь; Симферополь
БС	— Боспорский сборник. Москва
БФ	— Боспорский феномен. Санкт-Петербург
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва
ГАПК	— Государственный архив Пермского края
ГАСО	— Государственный архив Свердловской области
ДБ	— Древности Боспора. Москва
ДГ СССР	— Древнейшие государства на территории СССР. Москва
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
МАИКЦА	— Международная ассоциация изучения культур Центральной Азии
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таври. Симферополь
МАПП	— Материалы з археології Північного Причорномор'я. Одеса
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МКТ	— Материальная культура Таджикистана. Душанбе
МТЭ	— Материалы Тохаристанской экспедиции. Ташкент; Елец
НС	— Нумизматический сборник. Москва
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАИБ	— Очерки археологии и истории Боспора. Москва
ОГАЧО	— Объединённый Государственный архив Челябинской области
ПермГАНИ	— Пермский государственный архив новейшей истории
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск; Москва; Новосибирск
ПСЗРИ	— Полное собрание законов Российской Империи
ПСТБИ	— Православный Свято-Тихоновский Богословский институт
ПСТГУ	— Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный университет
РА	— Российская археология. Москва
СА	— Советская археология. Москва
САИ	— Свод археологических источников. Москва
САР	— Словарь Академии Российской. В 6 т. Санкт-Петербург
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград; Санкт-Петербург
Тр. СУ	— Труды Среднеазиатского государственного Университета. Ташкент.
ЦГАООРБ	— Центральный Государственный архив общественных организаций Республики Башкортостан
ЦГИА РБ	— Центральный Государственный исторический архив республики Башкортостан
ЦДООСО	— Центр документации общественных организаций Свердловской области
AAnt	— American Antiquity
AJPh	— American Journal of philology. Baltimor.
САН	— Cambridge ancient history. Cambridge
САН	— Cambridge Anthropological Journal
СQ	— Classical quarterly. Oxford
JRS	— Journal of Roman Studies. London
МААР	— Memoirs of the American Academy in Rome. Rome
MDAFA	— Memoires de la Delegation archeologique française en Afghanistan. P.
RIC	— The Roman Imperial Coinage. London

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ. АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ

<i>Каретникова В. А.</i> (Ярославль) — <i>Nomines novi</i> : проблема доступа к консулату в I в. до н.э.	3
<i>Телин А. Е.</i> (Ярославль) — <i>Cura ludorum</i> римских эдилов.....	10
<i>Данилов Е. С.</i> (Ярославль) — «Бык Юлиана» как символ <i>securitas publica</i>	23
<i>Домина Ю. В.</i> (Ростов-на-Дону) — Социальная функция классического античного театра: диалектика ритуального очищения и гражданского воспитания.....	31

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Строкин В. Л.</i> (Темрюк) — Афинский след в монетном деле Феодосии.....	37
---	----

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

<i>Тихонов Р. В.</i> (Елец) — Местные типы керамики Бактрии эллинистического времени.....	53
---	----

МЕЗОАМЕРИКА

<i>Демичева И. Ю.</i> (Москва) — Типология и классификация терракотовых статуэток майя I тыс. н.э.	62
---	----

ПЛЕМЕННОЙ МИР

<i>Безруков А. В.</i> (Магнитогорск) — Роль монеты в межплеменной торговле народов Волго-Камья.....	77
---	----

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Соловьев В. С., Павлова С. В.</i> (Елец) — Археологические данные к истории арабского завоевания Тохаристана	85
---	----

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Шаповалов В. А.</i> (Белгород) — К проблеме изучения пореформенной эволюции помещного землевладения и стратификации помещного дворянства	91
<i>Светлова Л. В.</i> (Екатеринбург) — Судьба казённой промышленности пореформенного Урала в трудах дореволюционных отечественных исследователей: историографический анализ	100
<i>Макаров А. Н.</i> (Магнитогорск) — Индустриализация и формирование «нового» человека в изображении фото- и кинохроники 1930-х гг. (по материалам Магнитогорска)	113

- Сергеев В. П.* (Москва) — Открытое почитание святынь в Уфимской епархии в условиях репрессий 1930-х годов 126
- Габушин К. Н.* (Екатеринбург) — «Красный бандитизм» на Урале 135

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

- Егоров А. И.* (Дзержинск) — Проблема статуса объединенной Германии в 1990-е гг. . 143

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Петров А. В.* (Магнитогорск) — Мифополитические формулы в манифестах и одах 1741–1742 гг. («мифология власти» в политической и литературной культурах в России XVIII века) 152
- Абрамзон Т. Е.* (Магнитогорск) — Об одном ломоносовском стихе 161
- Пузанкова С. Н.* (Магнитогорск) — Экфрастический опыт М. В. Ломоносова («Надпись на спуск корабля, имянуемаго Святаго Александра Невского, 1749 года») ... 169
- Иванова Е. Р., Ващенко И. В.* (Орск) — Модернизация жанра новеллы в немецкой литературе XIX века 175
- Жаткин Д. Н., Яшина Т. А.* (Пенза) — Поэзия Томаса Мура в переводах А. А. Курсинского и В. Я. Брюсова 181
- Жаткин Д. Н., Рябова А. А.* (Пенза) — «Сказание о старом мореходе» С. Т. Кольриджа в переводческих интерпретациях Ф. Б. Миллера, Н. Л. Пушкарева, А. А. Коринфского и Н. С. Гумилева (сопоставительный анализ) 194
- Севастьянова В. С.* (Магнитогорск) — Не-бытие в русской поэзии 1920-х гг. 218
- Склизкова Т. А.* (Владимир) — Идиллические представления и их роль в английском модернистском романе (на материале романа Э. М. Форстера «Говардс Энд») 228
- Снегирев И. А.* (Владимир) — Формирование метафизического стиля в поэзии И. Бродского: «Большая элегия Джону Донну» 233
- Таянова Т. А.* (Магнитогорск) — Специфика литературы религиозной направленности 238

ЛИНГВИСТИКА

- Абросимова Л. С.* (Ростов-на-Дону) — Рефлексия когнитивности в экспрессивном словообразовании 247
- Карпова И. А.* (Москва) — Метафорические модели как средство анализа образной и ценностной сторон концепта «позитивное мышление» 255
- Книженикова З. О.* (Москва) — Гендерная стереотипизация личности в языке и культуре 261
- Куракина Е. Б.* (Москва) — Колебание места ударения в постфиксальных глаголах прошедшего времени мужского рода единственного числа в речи современных молодых москвичей 267
- Пичугина Н. В.* (Москва) — Морфолого-семантическая мотивированность акцентогенных свойств глаголов и глагольных форм со значением говорения и звучания . 273

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

- Хуббитдинова Н. А.* (Уфа) — Башкирский эпический сюжет в русской литературе и марийском фольклоре: к особенностям интерпретации народного эпоса..... 278
- Фатхутдинова А. И., Сафина Э. Ф.* (Уфа) — Языковой фактор в этнической социализации молодежи в полинациональном регионе (по данным этносоциологических исследований в Республике Башкортостан)..... 282

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Макарова Н. Н.* (Магнитогорск) — Международная научная конференция «Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации» (Магнитогорск, 10–11 декабря 2010 г.)..... 288
- Шулежкова С. Г.* (Магнитогорск) — Памяти Ирины Владимировны Петровой (1927–2010)..... 294
- Куликова Ю. В.* (Москва) — Памяти Юлии Константиновны Колосовской (1920–2002)..... 304

CONTENTS

HISTORY

ANCIENT HISTORY AND MIDDLE AGES. ARCHAEOLOGY

ANCIENT GREECE AND ROME

- Karetnikova V. A.* (Yaroslavl) — Homines Novi: Access to Consulship in the 1st Century BC 3
- Telin A. Ye.* (Yaroslavl) — Cura ludorum of Roman Aedils..... 10
- Danilov Ye. S.* (Yaroslavl) — The “Taurus of Julian” as a Symbol of Securitas Publica..... 23
- Domina Yu. V.* (Rostov-on-Don) — Social Function of Ancient Theatre: Dialectics of Ritual Catharsis and Social Upbringing..... 31

BLACK SEA REGION

- Strokin V. L.* (Temryuk) — Athenian Trace in Theodosian Coinage..... 37

ANCIENT ORIENT

- Tikhonov R. V.* (Eletz) — Local types of the Bactrian Ceramics of the Hellenic Period 53

MESOAMERICA

- Demicheva I. Yu.* (Moscow) — Typological Classification of Maya Terracotta Statuettes of the First Millennium AD..... 62

PREHISTORY

- Bezrukov A. V.* (Magnitogorsk) — Coins in Intertribal Trade of the Volga-Kama Region 77

THE MIDDLE AGES

- Solovjev V.S., Pavlova S. V.* (Yeletz) — Archeological Data and History of Arab Conquest of Tocharistan 85

HISTORY OF RUSSIA

- Shapovalov V.A.* (Belgorod) — Postreform Evolution of Land Owning and Landed Classes Stratification 91
- Svetlova L. V.* (Yekaterinburg) — Destiny of the after-reform Ural state industry illustrated in pre-revolutionary works of the national researchers: historiographical analysis 100
- Makarov A. N.* (Magnitogorsk) — Industrialization and New Man Moulding in Pictorial Reviews and Newsreels of the 1930-s (based on Magnitogorsk materials) 113
- Sergeev V.P.* (Moscow) — Open Worship of Sacred Objects in Ufa Eparchy during Repressions of the 1930s 126
- Gabushin K. N.* (Yekaterinburg) — “Red Banditry” in Ural 135

NEW HISTORY

- Yegorov A. I.* (Dzerzhinsk) — United Germany Status in the 1990s 143

PHILOLOGY

HISTORY OF LITERATURE

- Petrov A. V.* (Magnitogorsk) — Mythological and Political Formulae in Manifestoes and Odes of 1741–1742 (“mythology of the power” in political and literary cultures in Russia of the 18th century) 152
- Abramzon T. E.* (Magnitogorsk) — On a Verse by Lomonosov 161
- Puzankova S. N.* (Magnitogorsk) — Ecphrasis Experience of M. V. Lomonosov (Inscription Dedicated to Launching a Boat) 169
- Ivanova Ye. R., Vyatschenko I. V.* (Orsk) — Novella Modernization in German Literature of the 19th c. 175
- Zhatkin D. N., Yashina T. A.* (Penza) — The Poetry of Thomas Moore Translated by A. A. Kursinsky and V. Y. Bryusov 181
- Zhatkin D. N., Ryabova A. A.* (Penza) — S. T. Coleridge’s “The Rime of the Ancient Mariner” in the Interpretation of F. B. Miller, N. L. Pushkarev, A. A. Korinsky and N. S. Gumilev (comparative analysis) 194
- Sevastyanova V. S.* (Magnitogorsk) — Non-being in Russian Poetry of the 1920s 218
- Sklyzkova T. A.* (Vladimir) — Idyllic Notions in the English Modernistic Novel (Based on E. M. Forster’s “Howards End”) 228

<i>Snegiryov I. A.</i> (Vladimir) — Metaphysical Style Development in J. Brodsky's Poetry ("The Great Elegy for John Donne")	233
<i>Tayanova T. A.</i> (Magnitogorsk) — Specific Character of Religion-based Literature	238

LINGUISTICS

<i>Abrosimova L. S.</i> (Rostov-on-Don) — Cognitivity and Expressive Word-Formation.....	247
<i>Karpova I. A.</i> (Moscow) — Metaphoric Models as a Means for Analyzing Image and Value Aspects of the Concept "Positive Thinking"	255
<i>Knizhnikova Z. O.</i> (Moscow) — Gender Stereotyping in Language and Culture	261
<i>Kurakina E. B.</i> (Moscow) — Accent Shifting in Postfixed Verbs (Past Tense, Singular, Masculine) in the Speech of Contemporary Young Muscovites	267
<i>Pichugina N. V.</i> (Moscow) — Morphological and Semantic Motivation of Accentogenic Properties of Verbs and Verb Forms of Speaking and Sounding	273

CULTURE

ETHNOLOGY

<i>Khubbitdinova N. A.</i> (Ufa) — Bashkir Epic Plot in Russian Literature and Mari Folklore (peculiarities of folk epos interpretation)	278
<i>Fatkhutdinova A. I., Safina E. F.</i> (Ufa) — Language Factor in Youth Ethnic Socialization in a Multinational Region (based on ethnosociological study in Bashkortostan)	282

SCIENTIFIC EVENTS

<i>Makarova N. N.</i> (Magnitogorsk) — International Conference "Socialistic city and Social-cultural Aspects of Urbanization" (Magnitogorsk, 10–11 December 2010).....	288
<i>Shylezhkova S. G.</i> (Magnitogorsk) In Memory of Irina Vladimirovna Petrova (1927–2010).....	294
<i>Kulikova Yu. V.</i> (Moscow) — In Memory of Julia Konstantinovna Kolosovskaya (1920–2002).....	304

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по новым правилам:

Рукописи представляются в 1 экземпляре, а также в электронной форме на CD или другом носителе; текст должен быть напечатан в формате WORD (doc), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode. Когда статья присылается по почте, необходимо отправлять ее простой (не заказной) бандеролью.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии — 1 авт. л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме (один абзац и список ключевых слов — не более десяти), а также почтовый и электронные адреса авторов в том виде, в каком они должны быть указаны в публикации.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим (п., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис.2; 1972б, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.

Библиография

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л. К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L. - N.Y.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М. И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК. 63, 106-108.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97-145.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи):

Грантовский Э. А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье / Б. А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95/ A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлекцией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

1. Рукопись (общим объемом до I а.л.) представляется в 1-м экземпляре, набранном на компьютере с соответствующим шрифтом (Times New Roman Cyr., 14-й кегль) и распечатанном на принтере (класса 1-9-100 и выше) на белой бумаге с одной стороны листа. К тексту прилагается диск. Текст должен занимать 29-30 строк на странице (поля стандартные). Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.
2. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из основного текста, примечаний, списка подрисуночных подписей, резюме, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторах. Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.
3. Начало статьи оформляется по образцу: автор(ы), название города (для зарубежных авторов также страны), название статьи строчными буквами. Например:

А. А. Хохлов (Самара)

Палеоантропологические материалы финала поздней бронзы лесостепного Поволжья

4. Ссылки на оригинальные работы древних авторов, рукописи, памятники письменности, библейские тексты приводятся в скобках в тексте и в примечания не включаются.
5. В тексте следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журналах РАН. Список сокращений обязателен.
6. К статье помимо списка сокращений необходимо приложить русский текст резюме объемом не более 1 страницы машинописного текста. Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо наиболее специфические термины, географические названия и имена давать или в переводе, или с пояснением. Автор может приложить и свой вариант английского текста резюме в целом.
7. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором.
8. Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес редакции: 455038, Магнитогорск, пр. Ленина, д. 114, ауд. 510
<http://science.masu.ru/pifk/>, pifk.science74.ru
e-mail: history@masu.ru; c_hist@masu.ru
Тел. (3519) 34-38-49

Проблемы истории, филологии, культуры. № 1(31). 2011

Сдано в набор 2.02.2011. Подписано в печать 15.03.2011.
Формат 70x100^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,4. Уч.-изд. л. 25,6.
Бумага тип. №2. Тираж 500 экз. Заказ № ??.

Свидетельство о регистрации ПИ № 0250 от 25.07.2006 г.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Издательство: ООО «Аналитик». 455025, г. Магнитогорск, ул. Правды, 79.
Типография МГПК.